АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL of ANCIENT HISTORY

1 (167)

Январь — Февраль — Март

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1984

Редакционная коллегия:

Главный редактор чл.-корр. АН СССР *З. В. Удальцова*,
чл.-корр. АН СССР *Г. М. Бонгард-Левин*, д. филолог. н. *М. Л. Гаспаров*,
д. и. н. *Е. С. Голубцова*, д. и. н. *М. А. Дандамаев*, акад. АН АрмССР
С. Т. Еремян, д. и. н. *Ю. К. Колосовская* (зам. главного редактора),
акад. АН ГрузССР *Г. А. Меликишвили*, д. и. н. *В. И. Кузищин*,
д. и. н. *А. И. Павловская* (ответственный секретарь),
к. и. н. *О. И. Савостьянова*, д. и. н. *Е. М. Штаерман*

Заведующая редакцией *И. К. Малькова*

Адрес редакции: 117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, комн. 237
Институт всеобщей истории АН СССР. Тел. 126-94-37

© Издательство «Наука»,
«Вестник древней истории», 1984 г.

З. В. Удальцова

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ IV— ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ VII В.

Становление византийской культуры происходило в обстановке глубоко противоречивой идейной жизни ранней Византии (IV — первой половины VII в.). Это было время складывания всей идеологии византийского общества, оформления системы христианского миросозерцания, утверждавшегося в острой борьбе с философскими, естественнонаучными и эстетическими воззрениями античного мира. На авансцене идейной жизни той поры мы видим страстную полемику языческих философов и христианских богословов, яростные столкновения прославленных риторов и фанатичных монахов. Христианство энергично ведет наступление, но язычество еще не сдает окончательно своих позиций, а порою одерживает временные победы.

Первые столетия существования византийского государства можно рассматривать как важный этап мировоззренческого переворота, когда формировались не только основные тенденции мышления византийского общества, но и складывалась его образная и методическая специфика, опирающаяся на традиции языческого эллинизма и обретшего официальный статус христианства.

Христианство противопоставило свой богословско-философский синтез последнему великому философскому синтезу античности — неоплатонизму, универсальной мировоззренческой структуре, подводившей итог многовекового эллинско-римского идейного развития, охватившей все области общественной жизни и духовного творчества.

В ранней Византии, как мы знаем, новый яркий расцвет переживает спиритуалистическая философия неоплатонизма. Появляется целая плеяда блистательных философов-неоплатоников — Прокл Диадох, Плотин, Псевдо-Дионисий Ареопагит. В неоплатонизме, который непосредственно примыкает и сосуществует с собственно ранневизантийской философской мыслью, слиты воедино строгая философская система, сконструированная по всем правилам античной диалектики, религия, имевшая своих аскетов и чудотворцев и даже воителей за веру (Юлиан Отступник), свой образ жизни, по строгости установлений не уступавший монашеству. Однако элитарный характер неоплатонизма, требовавшего от своих приверженцев глубокой и чрезвычайно сложной философской подготовки, рафинированного мышления, в силу этих причин был обречен на угасание, ибо был недоступен массам [1]. «Человеку с исключительно теоретическими интересами неоплатонизм мог обещать все — от холодных и ясных восторгов

[1] *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977, с. 104—110, 141—142 и др.; История Византии. Т. I. М., 1967, с. 395—398; *Zeller E.* Die Philosophie der Griechen. T. III. B., 1923; *Koch H.* Pseudo Dionysius Areopagita in seinen Beziehungen zum Neuplatonismus und Misterienwesen. Meinz, 1900; *Tatakis B.* La philosophie byzantine. P., 1949.

аналитической мысли до удовлетворения запросов оккультного свойства; но того, кому жизнь важнее, чем мышление о жизни, неоплатоническая мудрость удовлетворить не могла» [2]. В плотиновском понимании гармонии, человеческой жизни как театрального действа, принципиальном утверждении комизма мировых катастроф, в усмотрении Проклом высшего смысла бытия в «гомерическом хохоте богов» отразились не только аристократическая замкнутость неоплатонизма, но и его историческая обреченность, обозначился конец величественного философствования, вневременной абсолютизации мировой гармонии. «В гимнах Прокла, завершителя языческого идеализма, доведшего неоплатоническое учение до предела всеохватывающей систематичности, тончайшей детальности и виртуозной аналитической рассудочности, звучит гордое одиночество мудреца, не понятого и не желающего быть понятым толпой» [3].

Формирование христианства как философско-религиозной системы было, как известно, сложным и длительным процессом. Христианство синтезировало, впитало в себя многие философские и религиозные учения той эпохи. Христианская догматика складывалась под сильным воздействием не только ближневосточных религиозных учений, иудаизма, манихейства, но и неоплатонизма, восходящего к философии Платона, перипатетиков.

Мистический и теистический характер философской системы неоплатоников, их эстетические воззрения перекликались с христианским аскетизмом, открывали путь к сближению этих учений. Догмат о троичности божества, один из центральных догматов христианского вероучения,— это по существу переосмысленная триада неоплатоников [4]. Однако христианство, несмотря на наличие общих с манихейством и неоплатонизмом черт, принципиально отлично и от манихейского дуализма, и от неоплатоновского монизма. Само христианство являлось не только синкретическим религиозным учением, но и синтетической философско-религиозной системой, важным компонентом которой были античные философские учения [5]. Это, может быть, объясняет в какой-то мере и то, что христианство не только боролось против античной культуры, но и использовало ее в своих интересах. На смену ригористической непримиримости раннего христианства, отрицавшего все, на чем стояло клеймо язычества, постепенно приходит известный компромисс между античным и христианским миросозерцанием. В самом неоплатонизме в борьбе двух течений — радикального, враждебного христианству, и более умеренного — постепенно берут верх сторонники компромисса с христианским богословием. Происходит как бы двуединый процесс отталкивания, обособления и одновременно сближения, слияния неоплатонической философии и христианского богословия. Он завершается, как мы знаем, поглощением неоплатонизма христианством [6].

---

[2] *Аверинцев.* Ук. соч., с. 84 сл.; *Лосев А. Ф.* Критические замечания к диалогу «Тимей» — В кн.: Платон. Соч. в 3-х т. М., 1971, т. III, ч. 1; *Аверинцев.* Ук. соч., с. 88 сл.

[3] *Майоров Г. Г.* Формирование средневековой философии. М., 1979, с. 143—146.

[4] *Хвостова К. В.* Неоплатоническая философия IV—VI вв.— В кн.: История Византии, I, с. 395—408; *Rosan L. J.* The Philosophy of Proclus. N. Y., 1949.

[5] *Alföldi A.* Studien zur Geschichte der Weltkrise des 3. Jahrhundert nach Christus. Darmstadt, 1967; Christianity and Classical Culture: A Study of Thought and Action from Augustus to Augustine. Oxf., 1957; *Беленький М. С.* О мифологии и философии Библии. М., 1977; *Hessen S.* Platonismus und Prophetismus. Die antike und die biblische Geistewelt in strukturvergleichender Betrachtung. München — Basel, 1955.

[6] *Крывелев И. А.* История религии. Т. I. М., 1975; *Кубланов М. М.* Возникновение христианства. Эпоха. Идеи. Искания. М., 1974; *Штаерман Е. М.* Кризис античной культуры. М., 1975; *Яковлев Е. Г.* Искусство и мировые религии. М., 1977; *Угринович Д. М.* Введение в теоретическое религиоведение. М., 1973; *Campenhausen H.* Die Frühzeit des Christentums. Tübingen, 1963; *Dempf A.* Geistgeschichte der frühchristlichen Kultur. Wien, 1960; *idem.* Christliche Philosophie. Der Mensch zwischen Gott und der Welt. Bonn, 1952; *Christ K.* Der Untergang antiken Welt. Darmstadt, 1970; *Schneider C.* Geistgeschichte des antiken Christentums. B. I—II. München, 1954; *Gilson E.* History of Christian Philosophy in the Middle Ages. L., 1972.

Борясь против язычества и его квинтэссенции — философии, христианство не могло только осудить и с порога отринуть «мудрость язычников». Для создания своей богословской системы, христианской философии, оно вынуждено было перенять понятийную систему платоновской традиции, осмыслить свое учение в терминах эллинистической философии. Собственно эта работа была начата еще до победы самого христианства в Александрийской школе, где Филон Александрийский пытался осуществить сочетание библейского образа бога с платоновской теорией идей [7]. Столь показательные для ранневизантийской мысли представления о боге-творце как боге демиурге через александрийскую школу восходят к понятийной образности платоновского «Тимея» [8].

Наиболее образованные и дальновидные христианские богословы поняли необходимость овладения всем арсеналом языческой культуры, использования ее совершенной формы при создании новых философских и эстетических концепций. В патристической литературе ранневизантийской эпохи, в трудах Василия Кесарийского, Григория Нисского и Григория Назианзина, в речах Иоанна Златоуста мы видим сочетание идей раннего христианства с неоплатонической философией, порой парадоксальное переплетение античных риторических форм с новым идейным содержанием [9].

Каппадокийские мыслители Василий Кесарийский, Григорий Нисский и Григорий Назианзин закладывают фундамент собственно византийской философии [10]. Их философские построения уходят глубокими корнями в древнюю историю эллинского мышления. В центре патристической философии находится понимание бытия как совершенства, что дает своеобразное оправдание космоса, а следовательно, мира и человека. У Григория Нисского эта концепция порой приближается к пантеизму.

В христианском понимании бытия как совершенства по сравнению с античной и, в частности, неоплатонической традицией появляются новые черты: распределение совершенства по жребию заменяется представлением о бытии как даре бога-творца, по своей воле создающего мир, человека из небытия, тем самым налагая на них печать «тварности», заключающейся в некотором изъяне в них бытия, а следовательно, и совершенства. Связь человеческого бытия, частного и несовершенного, с абсолютным бытием бога становится стержнем христианского теологизирования [11]. Однако на грекоязычном Востоке и латиноязычном Западе эта проблема приобретала различные акценты. В византийской философской мысли выпукло проступает тяга к онтологической интерпретации, порождающей менее острое переживание дуализма небесного и земного, блага и зла, чем в западной средневековой философии.

Различие прежде всего философской ориентации Востока и Запада в рамках одной мировоззренческой системы христианства совершенно определенно проявилось уже в процессе христологических споров, начавшихся в IV в. и неоднократно дававших рецидивы в течение всего средневековья. В этих чрезвычайно остро протекавших дискуссиях, имевших далеко идущие социальные и политические последствия, суть заключалась

---

[7] *Майоров.* Ук. соч. с. 47—54; *Wolfson H.* Philo. V. 1—2. Cambr. Mass., 1947; *Bréhier E.* Les idées philosophiques et religieuses de Philon d'Alexandrie. P., 1950; *Daniélou J.* Philon d'Alexandrie. P., 1958; *Бычков В. В.* Эстетика Филона Александрийского.— ВДИ, 1975, № 3.

[8] *Bréhier E.* Histoire de la philosophie. T. I. P., 1926, p. 499—500.

[9] *Майоров.* Ук. соч., с. 147—163; *Ivanka E.* Hellenisches und Christliches in frühbyzantinischen Geistesleben. Vienna, 1948; *Gilson E.* History of Christian Philosophy in the Middle Ages. L., 1972; *Campenhausen H.* I padri graeci. Brescia, 1967.

[10] О Григории Назианзине см.: *Plagnieux J.* Saint Gregoire de Nazianz théologien. P., 1951; *Ruether R.* Gregory of Nazianzus, Rhetor and Philosopher. Oxf., 1969 и др. О Григории Нисском см.: *Daniélou J.* Platonisme et théologie mystique. P., 1953; *Völker W.* Gregor von Nissa als Mystiker. Wiesbaden, 1955.

[11] *Impellizzeri S.* La litteratura bizantina da Constantino agli iconoclasti. Bari, 1965.

не только в выработке и систематизации единой христианской догматики. Философским содержанием их была антропологическая проблема. В теологизированной форме ставился вопрос о смысле и пределе человеческого существования и человеческих возможностей. В этих спорах выразилась идейная борьба между антропологическим максимализмом, растворявшим человеческую природу в божественной и антропологическим минимализмом, низводящим человека до крайних ступеней самоуничижения. По существу речь шла об онтологическом статусе второго лица троицы — Христа, воплощенного Логоса. В борьбе с арианством несторианством, монофиситством, монофелитством выработалось ставшее ортодоксальным определение единосущности первого и второго лица троицы, «неслиянности» и «нераздельности» двух естеств Христа. Этим было закреплено представление о человеческой сущности, которая, вступая глубинным образом в единение с божественной сущностью, при этом остается сама собой. Такое определение примиряло обе крайности богословско-философского антропологизма, хотя не снимало их внутреннего противоречия[12].

Запад, приняв горячее участие в церковной борьбе в стремлении укрепить позиции римского престола, остался практически равнодушным к философской сущности христологических споров. На Западе идейная борьба развернулась в связи с трактовкой свободы воли. Пелагианство, отстаивавшее независимость человеческой воли от божественного предопределения, свободный выбор человеком своего пути и плодотворность его усилий по восхождению к совершенству, несколько героизировавшее антропологический идеал в духе античной этики, встретило самое суровое осуждение со стороны Аврелия Августина, отводившего определяющую роль в спасении человека божественной благодати и христианской церкви[13].

Однако в конце ранневизантийского периода в связи с эволюцией общественных отношений и началом упадка образованности перед философией встали новые задачи. Спекулятивная диалектика Григория Нисского и каппадокийцев сменяется энциклопедическим кодифицированием наук под главенством теологии, формализировавшимися логическими изысканиями в сочинениях Леонтия Византийского (VI в.), метод которого был распространен в VIII в. на всю сферу изложения и философского толкования христианского вероучения Иоанном Дамаскином.

В переходную эпоху гибели рабовладельческого и становления феодального общества коренные сдвиги происходят во всех сферах духовной культуры Византии. Рождается новая эстетика, новая система духовных и нравственных ценностей, более соответствующие складу мышления и эмоциональным запросам средневекового человека[14]. Патристическая литература, библейская космография, литургическая поэзия, монашеская повесть, всемирная хроника, христианская агиография, пронизанные религиозным миросозерцанием, мало-помалу овладевают умами византийского общества и приходят на смену античной литературе.

Меняется и сам человек той эпохи, его видение мира, его отношение к вселенной, природе, обществу. Создается новый по сравнению с античностью «образ мира», воплощенный в особую знаковую систему символов. На смену античному представлению о героической личности, античному пониманию мира как мира смеющихся богов и бесстрашно идущих на смерть героев, где высшее благо — ничего не бояться и ни на что не надеяться, приходит мир страждущего, униженного, раздираемого противоречиями, маленького, греховного человека. Он бесконечно унижен и слаб, но он бесконечно велик, ибо безгранично верит в свое спасение в иной

---

[12] *Майоров.* Ук. соч., с. 163—180.

[13] Там же, с. 186 *сл.*

[14] *Бычков В. В.* Эстетика поздней античности. М., 1981 (библиография — с. 315—323); *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Т. I—VI. М., 1963—1980.

жизни и в своей ослепительной надежде сохраняет высокое человеческое достоинство [15].

Если классическое античное представление о человеке было статуарно-замкнутым, целостно-пластичным, то христианство с небывалой интенсивностью выявляет мучительное раздвоение внутри человеческой личности. Меняется и представление человека о космосе, о времени и пространстве, о ходе истории: на смену замкнутым историческим циклам античных писателей приходит телеологическое, обусловленное волей бога, библейское видение поступательного движения истории ранневизантийских историков и хронистов [16]. Усиливается дидактический, «учительский» элемент во всех сферах культуры; слово и книга, знак и символ, пронизанные религиозными мотивами, занимают большое место в жизни человека ранневизантийской эпохи. Расшифровать этот язык, понять глубину его символики, прочесть скрытые официальными стереотипами мысли и представления византийского человека, его этические и эстетические взгляды, проникнуть в его сознание — это означает раскрыть человеческое содержание в византийской культуре, увидеть человека Византии в его социально-культурной обусловленности [17].

Вся духовная жизнь общества отличается драматической напряженностью; во всех сферах знания, в литературе, искусстве наблюдается удивительное смешение языческих и христианских идей, образов, представлений, колоритное соединение языческой мифологии с христианской мистикой. Эпоха становления новой, средневековой культуры рождает талантливых, порою отмеченных печатью гениальности мыслителей, писателей, поэтов (Псевдо-Дионисий Ареопагит, Григорий Назианзин, Роман Сладкопевец и другие). Индивидуальность художника еще не растворилась в церковно-догматическом мышлении. Интимная биографичность, глубочайший самоанализ, смятенность душевных переживаний характерны для некоторых поэтических произведений того времени. Так, психологизм и душевная открытость поэзии Григория Назианзина или гимнов Синесия перекликаются со знаменитой на Западе «Исповедью» Августина [18].

В церковной историографии ранней Византии — в трудах Евсевия Памфила, Сократа, Созомена, Феодорита Киррского, Евагрия создается христианская, основанная на Библии концепция всемирной истории. Выдвигается на первый план апология христианства и православной церкви. Изменяются представления об историческом времени и пространстве. На смену античным концепциям исторического развития приходит теория линейного времени, отсчет которого ведется от сотворения мира и до бесконечности. Замкнутость и гордая исключительность Римской империи, презиравшей варваров, заменяется открытостью христианской ойкумены, включавшей все народы, принявшие христианство [19].

---

[15] *Аверинцев.* Ук. соч., с. 57—83.

[16] *Удальцова З. В.* Церковные историки ранней Византии.— ВВ, 43, 1982, с. 9—11.

[17] *Аверинцев.* Ук. соч., с. 109—210; *он же.* Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью.— В кн.: Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976, с. 17—64.

[18] Об Аврелии Августине см. *Косминский Е. А.* Исторические воззрения Августина.— В кн.: *Косминский Е. А.* Историография средних веков. М., 1963, с. 20—21; *Майоров.* Ук. соч. с. 186—340; *Deane H. A.* The Political and Social Ideas of St. Augustine. N. Y., L.: Colombia univ. press. 1963; *Markus K.* Saeculum: History and Society in the Theology of St. Augustine. Cambr., 1970; *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972, с. 101 сл.

[19] *Удальцова.* Ук. соч., с. 3—21 (там же литература вопроса); *Beck H.-G.* Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1977; *idem.* Das byzantinische Jahrtausend. München, 1977, S. 257—312; *idem.* Ideen und Realitäten in Byzanz. München, 1972, S. 69—81; *Winkelmann F.* Die Kirchengeschichtswerke im oströmischen Reich. Byzantinoslavica (далее — BS), 1976, XXXVII, S. 1—10, 172—190; *Брагинская Н. В.* Эон в «Похвальном слове Константину» Евсевия Кесарийского.— В кн.: Античность и Византия. М., 1975, с. 286—293.

От ранней Византии сохранились поразительные по своей наивной экзальтации и непреклонной преданности религиозной идее сочинения церковных писателей-еретиков — арианина Филосторгия, монофиситов Иоанна Эфесского, Захария Ритора, Бархадбешаббы, с необычайной страстностью отстаивавших свои еретические воззрения. Эти труды, пронизанные богословской полемикой, с огромной искренностью, правдивостью и художественной силой отражают лихорадочный темп жизни той эпохи, полной социальных, политических и религиозных катаклизмов, особенно в восточных провинциях империи [20].

В Византии V — первой половины VII в. общественная мысль находится в постоянном движении. В империи бушуют тринитарные и христологические споры, идет непримиримая борьба господствующей церкви с ересями, звучат грозные обличительные проповеди Иоанна Златоуста (V в.). В духовной жизни общества наблюдается удивительное смешение языческих и христианских идей, мыслей, образов, представлений, колоритное соединение языческой мифологии с христианской мистикой (например в эпической поэзии Нонна Панополитанского) [21].

В формирующейся христианской идеологии в этот период можно наметить две струи: аристократическую, связанную с господствующей церковью, и плебейско-народную, выросшую из ересей и корнями уходящую в толщу религиозно-этических представлений народных масс и широких слоев беднейшего монашества.

Первое течение — аристократическое — опиралось на светскую и церковную элиту, образованные слои византийского общества. Православная церковь, господствующие классы империи, императорский двор, константинопольская аристократия и образованное высшее духовенство все энергичнее выступают за использование всего лучшего, что было дано человечеству античной культурой. Христианские богословы, писатели, проповедники все чаще и чаще заимствуют из сокровищницы греко-римской цивилизации импонирующую простоту и пластичность философской прозы, филигранные методы неоплатонической диалектики, логику Аристотеля, практический психологизм и искристое красноречие античной риторики. Постепенно происходит своего рода подспудная реабилитация классического образования и античной литературы, в школах наряду с Библией изучают Гомера. В ранневизантийский период христианская ученая литература достигает высокой степени утонченности, соединяя изысканное изящество формы с глубоким спиритуализмом содержания. Византийская богословско-патристическая литература оказала огромное влияние на формирование богословско-философских концепций в Западной Европе раннего средневековья [22].

Иные этические и эстетические идеалы в это же время были выдвинуты представителями плебейского народного течения в христианской идеологии. Питаемые народной средой, рождаются новая монашеская повесть и хроника, церковная поэзия, агиография. Это направление вольно или невольно все больше приближает христианскую литературу к народу и отрывает ее от ученой античности. В художественное творчество все силь-

[20] *Удальцова З. В.* Филосторгий — представитель еретической церковной историографии.— ВВ, 44, 1983; *Bidez J.* Philostorgius. Kirchengeschichte. B., 1982, S. 364—393; *Дьяконов А. П.* Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1908; *Zacharias Rhetor.* Die sogenannte Kirchengeschichte. Ed. Ahrens K., Krüger G. Lipsiae, 1899; *Winkelmann.* Die Kirchengeschichtswerke..., S. 182 ff., *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории СССР. М.— Л., 1941; *она же.* Культура сирийцев в средние века. М., 1979, с. 226 сл.; о Бархадбешаббе см. *Пигулевская Н. В.* История Нисибийской академии.— Палестинский сборник, 1967, вып. 17(80), с. 20—109 и др.

[21] *Аверинцев.* Поэтика ранневизантийской литературы, с. 133—144; *он же.* Поэзия Нонна Панополитанского как заключительная фаза эволюции античного эпоса.— В кн.: Памятники книжного эпоса: стиль и типологические особенности. М., 1978, с. 212—229.

[22] *Momigliano A.* Essays in Ancient and Modern Historiography. Oxf., 1977, ch. 8. Pagan and christian Historiography in the Fourth Century A. D., p. 107—126.

нее проникают стихийный темперамент, народная цельность и наивность восприятия мира, искренность и эмоциональность, приподнятость нравственных оценок, неожиданное соединение мистицизма с жизненностью бытового колорита, набожной легенды с деловитым практицизмом. Монашеская идеология нашла отражение в таких сборниках житий, как «Лавсаик» Палладия и «Луг духовный» Иоанна Моска [23].

Сильная народная струя проникает в литургическую поэзию, где рождается новая метрика и ломаются античные нормы стихосложения, где торжествуют новые эстетические идеалы, пронизанные народным духом. В Византии VI в. появляется такой гениальный поэт, гимнограф и музыкант, как Роман Сладкопевец. Церковная поэзия Романа Сладкопевца оказала огромное влияние на всю византийскую гимнографию последующего времени [24].

Интенсивно развивается в первые столетия существования Византийской империи и политическая мысль. Такая типологическая особенность общественного строя Византии, как сохранение централизованного государства, определила характер развития политической мысли и политических теорий в империи [25]. Политическая теория Византии той эпохи представляет собой целостную концепцию, сложившуюся в неразрывной связи с социально-политическими отношениями в империи, традициями общественной жизни вошедших в ее состав областей. Оригинальность этой концепции, ее специфика определяется синтезом трех ее основных компонентов — антично-эллинистических традиций, римской государственности и христианства. Антично-эллинистическая политическая мысль передала в наследство Византии, хотя и в трансформированном виде, идею гражданской общины как политического сообщества граждан, участие граждан во всех сферах общественной жизни сообразно с «общественной пользой», неприятие деспотии восточного типа. Римская политическая традиция была более авторитарной, для нее были характерны четкие представления о неделимости верховной власти в сочетании с большой ролью права-закона. Поэтому в римской политической теории проблема законности впервые получила четкую юридическую основу в отличие от традиций и морально-этических категорий эллинистической эпохи.

Со времени правления императора Константина в политической идеологии возобладало признание примата идеи государства над обществом, государственных интересов над личными. Император считался неограниченным правителем, но тем не менее не «собственником» империи. Победа римской государственной традиции дала византийцам основание рассматривать себя, свою государственность и политические институты как преемников Рима, а не Востока и даже не эллинистических монархий. В ранней Византии постепенно кристаллизуется одна из фундаментальных идей средневековой идеологии — идея союза христианской церкви и «христианской империи» (Imperium Christianum). Необходимым условием этого союза для теоретиков христианства была правоверность христианской церкви, правоверие императора. Со времени императора Константина христианская концепция императорской власти постепенно сливается с римской государственной теорией. Именно в ранней Византии были заложены теоретические основы господствовавшей долгое время в империи политической теории симфонии, гармоничных отношений между православной

---

[23] *Полякова С. В.* Византийские легенды как литературное явление.— В кн.: Византийские легенды, Л., 1972, с. 245—273.

[24] *Аверинцев.* Поэтика ранневизантийской литературы, с. 210—236 (литература — с. 286—287); *он же.* На перекрестке литературных традиций (Византийская литература: истоки и творческие принципы).— Вопросы литературы, 1973, № 2, с. 150—183.

[25] *Удальцова З. В.* Византия и Западная Европа.— В кн.: Византийские очерки. М., 1977, с. 46—52.

церковью и христианским императором. С Византийской империей теперь связывается идея ее христианской, провиденциальной избранности [26].

Концепция римского универсализма и римской исключительности отныне модифицируется в теорию христианского ойкуменизма. В тесной связи с позитивной оценкой христианства, «христианской империи» и ее главы, правоверного императора, находится и политическая теория об избранном «народе божием» — христианах, которая приходит на смену теории об избранности иудейского народа и античному противопоставлению римлян варварам. Динамика дальнейшего развития, как известно, шла в сторону окончательной победы идеологии автократической императорской власти и союза «христианской» империи с православной церковью.

Христианская церковь в Византии обосновала теорию божественного происхождения императорской власти, дав религиозную санкцию неограниченной христианской монархии. В теоретическом оформлении учения об автократии важную роль сыграло унаследованное от Поздней Римской империи обожествление личности императора, а также философско-политические концепции абсолютной власти. Культ императора — правителя всей православной ойкумены — и культ державы ромеев — защитницы и покровительницы христианских народов, проповедь исключительности византийской государственности, родившись еще в ранней Византии, достигнет своего апогея в последующие века [27].

Острейшая социально-политическая и идеологическая борьба в Византии IV — первой половины VII в. как в зеркале отразилась в сочинениях византийских историков как светского, так и церковного направления. Историческая литература этого периода чрезвычайно богата. Ранняя Византия оставила потомкам труды целой плеяды прославленных светских историков: Аммиана Марцеллина, Евнапия, Олимпиодора, Зосима, Приска Панийского, Прокопия Кесарийского, Агафия Миринейского, Менандра Протиктора и Феофилакта Симокатты. Среди них по своему таланту, силе ума, творческому горению, яркому темпераменту и широте взглядов бесспорно возвышаются двое — Аммиан Марцеллин и Прокопий, за ними следуют Агафий и Феофилакт Симокатта [28].

Аммиан Марцеллин — последний римский и первый ранневизантийский историк, суровый солдат, грек-язычник, воспевавший историю Римской империи. Он патриот и поклонник идеалов древнего Рима, всей душой ненавидит тиранию современных ему императоров; историк бескомпромиссен в своих суждениях, беспощадно разоблачает растленных правителей римского государства, погрязшую в роскоши и пороках римскую знать, распущенный и легко возбудимый римский плебс. Он самобытный, высокоодаренный художник, создавший галерею живых и ярких портретов действующих лиц мировой драмы.

Прокопий в своих произведениях рисует историческое полотно грандиозных масштабов, перед читателем как на движущейся сцене проходят Северная Африка и Италия, Испания и Балканы, Иран и отдаленные страны Юго-Восточной Азии. Прокопий, стоявший на высокой ступени общественной лестницы, видел мир сквозь призму острейших социально-политических конфликтов, он мыслил масштабами политического деятеля, видел столкновения государств и народов, правителей империи и варварских королей, ему были известны самые мрачные придворные тайны, скрытые от глаз непосвященных [29]. Он познал и суровые испытания дальних

---

[26] *Удальцова.* Церковные историки..., с. 8—9.

[27] *Ahrweiler H.* L'idéologie politique de l'Empire byzantin. P., 1975.

[28] *Удальцова З. В.* Мировоззрение Аммиана Марцеллина.— ВВ, 28, 1968; *она же.* Идейно-политическая борьба в ранней Византии. М., 1974, с. 3—82 (там же см. литературу об Аммиане).

[29] *Она же.* Мировоззрение Прокопия Кесарийского.— ВВ, 31, 1971, с. 8—22; *она же.* Идейно-политическая борьба..., с. 145—196 (там же библиография, с. 329—338).

походов, и роскошь придворной жизни, сладость милостей сильных мира сего и горечь опалы. В сочинениях Прокопия, особенно в его «Тайной истории», окружающий мир предстает нестабильным, хаотичным, изменчивым, потрясаемым жестокими катастрофами. Резко критическое отношение к живой современности и несколько рассудочное восхваление канонизированного прошлого, уже угасшего величия Рима — вот идеи, которые роднят Аммиана Марцеллина и Прокопия, отделенных друг от друга почти двумя столетиями. Как Аммиан, так и Прокопий в какой-то степени отражают идейные симпатии и антипатии сенаторской аристократии, первый — старого Рима на берегах Тибра, второй — нового Рима на берегах Босфора.

Прокопий — апостол идей старой сенаторской, порою еще языческой аристократии, в своих разящих инвективах против правительства Юстиниана не только продолжает традиции Аммиана, но и чем-то близок к громовым проповедям идейного вождя воинствующего христианства — Августина Гиппонского, обрушивавшего проклятия на головы владык Рима. И тот, и другой достигают огромной обличительной силы и высокого эмоционального накала в критике правящей верхушки империи. Прокопий — честолюбец, государственный деятель — презирает народ и превозносит аристократию. Печать избранности для Прокопия всегда связана с аристократизмом происхождения, знатностью по крови, древностью рода. Как в жизни, так и в творчестве Прокопий активнее, энергичнее, злее, чем утонченный, поэтичный, нравственно более чистый Агафий. Агафий был идеологом византийской интеллигенции, духовной элиты Константинополя [30]. Если Прокопия более всего привлекают государственная деятельность, мечта о власти, то Агафий превыше всего ставит труд ученого, историка, мастера-творца, труд писателя, художника, архитектора, строителя. Он ценит душевный покой и грустит, когда что-либо мешает его творчеству. По мнению Агафия, императорский двор, обстановка лести, окружающая престолы царей, отнюдь не способствует занятию науками и ученым надлежит искать покоя и уединения. Агафий в истории больше поэт, чем историк, Прокопий — больше политик, чем писатель [31].

В вопросах этики, морали, нравственности Агафий значительно мягче, добрее и оптимистичнее своего прославленного предшественника Прокопия. В отличие от последнего Агафий видит в человеческой природе не только одни дурные черты, но и хорошие ее проявления — доброту, милосердие, честность, мужество, благородство. Агафий прямодушен и искренен в своих этических оценках. Могучий, но скептический ум Прокопия бичует пороки человека. Мудрый, спокойный Агафий скорее скорбит о них. Агафий в сфере человеческих отношений прославляет возвышенную любовь, целомудрие, радости законного брака. Прокопий же спускается в самые бездны человеческой души, показывает низменные пороки: разврат, прелюбодеяния, ревность, корысть, зависть, моральное растление своих героев. Нравственные нормы у Прокопия уже утратили свою сдерживающую силу.

Политический и интеллектуальный горизонт Прокопия значительно шире, чем у его младших современников, Агафия и Феофилакта. В его трудах присутствуют историческая перспектива, глубокий политический и социальный анализ событий, исторических ситуаций, лиц. В сочинениях Прокопия всегда на авансцене — политик, а на втором плане — моралист. Он ищет в истории не ее пепел, а ее огонь. Морализирование и поучение совсем чужды скептическому уму и желчному темпераменту Прокопия. Философско-этические взгляды Прокопия проникнуты глубоким песси-

---

[30] *Удальцова.* Идейно-политическая борьба..., с. 197—237; там же см. литературу об Агафии.

[31] *Удальцова З. В.* Историко-философские воззрения светских авторов ранней Византии.— В кн.: Византийские очерки. М., 1982, с. 3—22; *Hunger H.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. B. I—II. München, 1978.

мизмом. Философский эклектизм — дань переходной эпохе — доминирует в мировоззрении Прокопия. Его мировоззрение сумрачно, сурово, проникнуто глубоким скептицизмом. Прокопий — фаталист, он верит в безусловную и грозную силу рока, божества; оно слепо, капризно, действует по неведомому произволу, и намерения его не могут быть разгаданы людьми.

Если сравнить мировоззрение Прокопия и его продолжателя Агафия, то Прокопий более склонен к агностицизму, а более мягкий и оптимистичный Агафий — к философскому рационализму. Идеал государственного и политического правления для Прокопия — это монархия, ограниченная волей сената, выразителя и защитника интересов высшей римской аристократии. Идеальный же образ правителя для Агафия — это мудрец, философ на троне, заботящийся о всеобщем благе. Государство должно управляться достойными людьми, мудрецами. Классической моделью наилучшего государственного устройства, как признает Агафий, служит государство Платона, где «философия и царство объединяются в одно целое». Политический идеал Феофилакта близок к концепции Агафия.

Последний из плеяды выдающихся светских историков VI — первой половины VII в., Феофилакт Симокатта, хотя и сохранил многие родственные Прокопию и Агафию черты, но уже несколько дальше продвинулся по пути эволюции ранневизантийской историографии — от античности к средневековью. Синтез античных традиций с новыми явлениями в историографии у Феофилакта Симокатты протекал более интенсивно и принес реальные результаты. И хотя античные приемы и методы создания исторических сочинений, эрудиция, почерпнутая у классических авторов, античные реминисценции и цветистая риторика в духе античных образцов составляют основу произведения Симокатты, все же влияние новой эпохи, и прежде всего христианства, чувствуется у него сильнее, чем у Прокопия и Агафия [32].

Как писатель-художник Прокопий, бесспорно, много выше всех других историков того времени. Его рассказ динамичен, красочен, повествование течет свободно, раскованно, связь событий не хронологическая, а логическая. Прокопий как бы владеет временем, свободно меняет время и место действия, вводит в изложение вставные новеллы, экскурсы. Палитра изобразительных средств у Прокопия, как и у Аммиана Марцеллина, очень богата. Здесь мы встречаем и трагедийные сцены, и героику, и гиперболизацию, и ядовитую насмешку, гротеск. Ядовитый, проницательный, изощренный ум Прокопия тонко подмечал пороки людей и давал им яркие, броские характеристики. Прокопий очень любит портрет. Причем портреты у Прокопия в отличие от Аммиана Марцеллина не носят характера эпитафий или панегириков, они органически вплетены в ткань повествования, слиты с ним. Прокопий — личность бесспорно сильная, но раздираемая глубочайшими душевными конфликтами. В нем постоянно борются всепоглощающие страсти. И под маской холодного царедворца живет великий честолюбец, обуреваемый жаждой власти. Он не склонен к рефлексии и утонченной бездеятельности. Прокопий — всегда дело, порыв, борьба. Он не прощает обид и беспощаден к врагам. Обличая лицемерие, он сам лицемер.

В таланте художественного изображения и в силе творческой мысли Феофилакт уступает своим знаменитым предшественникам. Феофилакт прежде всего историк-эрудит, не художник, а ритор, у которого риторика преобладает над жизненно правдивым освещением исторических событий. Личная авторская позиция, столь сильно звучащая у Прокопия и даже

[32] *Удальцова З. В.* К вопросу о мировоззрении византийского историка VII в. Феофилакта Симокатты. — ЗРВИ, XI, 1968, с. 29—45; *она же.* Идейно-политическая борьба..., с. 275—294 (там же см. литературу о Симокатте); *Tinnefeld F. H.* Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie von Procop bis Nikitas Choniates. München, 1971.

Агафия, у него зачастую заменяется риторическими рассуждениями, античными реминисценциями, общими местами (топосами), взятыми из классической литературы. Мировоззрение Феофилакта окрашено в тона легитимистской лояльности и преданности сильной и законной императорской власти. В отличие от Аммиана Марцеллина, Прокопия и даже Агафия Феофилакту Симокатте совершенно чужда критика законной правящей династии [33].

В произведениях ранневизантийских историков светского направления как бы слились, смешались воедино элементы античной и новой, нарождающейся средневековой культуры. Мировоззрение этих авторов еще носит на себе родимые пятна идеологии рабовладельческого мира. Это находит свое выражение в прославлении величия Рима и римской миродержавной исключительности, в своего рода «консервативной политической оппозиции» и во вполне определенной социальной позиции писателей. Вместе с тем в трудах ранневизантийских историков уже появляются новые тенденции, сказывающиеся от века к веку со все большей силой и очевидностью. Это прежде всего проникновение в миросозерцание этих авторов христианского вероучения, отчасти христианской этики и морали [34], в изменении отношения к варварским народам, которое становится все более примирительным и компромиссным. Эти новые черты видения мира можно обнаружить и в напряженных поисках некоторых византийских историков разрешения мучительных философских вопросов о соотношении божества, человека и природы, о месте человеческой личности в истории вселенной [35].

Серьезные изменения в идеологической жизни ранней Византии породили новые жанры византийской историографии, в том числе появление жанра всемирных хроник. В ранневизантийской хронографии причудливо соединились христианская историко-философская концепция всемирной истории с античными реминисценциями, языческими мифами и легендами [36]. Византийские хронисты, особенно Иоанн Малала, испытали воздействие великих историков античности — Геродота, Фукидида, Тита Ливия — и корифеев античной литературы — Эсхила, Эврипида, Вергилия. Но они уже отказались от основных принципов античной историографии в частности теории цикличности, и заимствовали у церковных историков линейное время. Изложение хроник строится на строгом хронологическом принципе, им свойствен компилятивный характер, личное мнение хрониста заменяется мозаикой мнений многих авторов [37]. Утеря авторской позиции писателя приводит к снижению оригинальности и современности произведения. Если сравнить даже самого талантливого хрониста, Иоанна Малалу, со светскими историками — Аммианом, Прокопием и Агафием, бросается в глаза исчезновение индивидуальных черт сочинения, затемнение авторской личности. В хрониках упрощается язык и стиль, хронисты много черпают из народной культуры, особенно восточных провинций (Иоанн Антиохийский, Иоанн Епифанийский, Иешу Стилит и др.)[38].

---

[33] *Cameron Av. Al.* Christianity and Tradition in the Historiography of the Later Roman Empire.— Classical Quarterly, N. Y., 1964, 14.

[34] *Удальцова.* Историко-философские воззрения..., с. 17—20.

[35] *Beck H.-G.* Geschichte der byzantinische Volksliteratur. München, 1971; *idem.* Das literarische Schaffen der Byzantiner. Wien, 1974; *Hunger H.* On the Imitation (mimesis) of Antiquity in Byzantine Literatur.— DOP, 1969, p. 15—38.

[36] *Удальцова З. В.* Мировоззрение хрониста Иоанна Малалы.— ВВ, 32, 1971, с. 3—23; *она же.* Хроника Иоанна Малалы в Киевской Руси. — Археографический ежегодник, 1966, с. 47—58; *Mango C.* Byzantium: The Empire of New Rome. L., 1980, p. 189 f.; *Jeffreys E. M.* The Attitudes of Byzantine Chroniclers towards Ancient History.— Byzantion, 1979, 49, p. 199—238.

[37] *Чичуров И. С.* К проблеме авторского самосознания византийских историков IV—IX вв.— В кн.: Античность и Византия, М., 1975, с. 203—217; *он же.* Византийские исторические сочинения: «Хронография Феофана» и «Бреварий» Никифора. М., 1980.

[38] *Чекалова А. А.* Иешу Стилит или Прокопий? — ВВ, 42, 1981.

Хронология у них выдвигается на первый план (Пасхальная Хроника) [39]. В дальнейшем эти характерные признаки хронографии как жанра еще усиливаются и находят полное развитие в летописании средневековой Византии [40].

Византийская риторика той эпохи, игравшая роль современной публицистики (речи и проповеди для народа), также являлась ареной острых идейных и религиозных битв. В Константинополе при императорском дворе процветал жанр похвальных речей и панегириков в честь василевсов, их семей по случаю торжественных праздников или побед над врагами. Даже при христианских правоверных императорах эти речи были облечены в античные одежды, риторы изощрялись в классическом ораторском искусстве, их энкомии (похвальные слова) блистали метафорами и образами языческой мифологии и литературы [41]. Языческие риторы Фемистий, Гимерий, Либаний потрясали слушателей отточенностью классического стиля, необычайной эрудицией, знанием всех тайн ораторского искусства. Самым талантливым из них, бесспорно, был антиохийский ритор Либаний (IV в.), в блистательных речах которого как бы воскресает красочная и напряженная жизнь столицы Востока — Антиохии. Идеолог муниципальной знати, приверженец языческой религии предков, Либаний грустит по уходящему, милому его сердцу прошлому римского государства. Он сознает, и говорит об этом в своих речах и письмах, что любимые его кумиры будут скоро окончательно повержены и победа достанется новой христианской монархии и православной церкви [42]. Другой талантливый ритор и выдающийся мыслитель, Синесий Киренский (V в.), своей жизнью оправдал правильность пессимистических предсказаний Либания. Воспитанный в традициях античной культуры, Синесий на склоне лет, однако, разочаровался в языческой религии, перешел в христианство и стал епископом Птолемаиды в Северной Африке [43]. Открытую и непримиримую борьбу с язычеством и античной культурой вели в ту эпоху христианские церковные проповедники. Среди них блистал ораторским талантом, неукротимым темпераментом и поразительной силой воздействия на народные массы Иоанн Златоуст, сурово обличавший пороки языческой знати и растленность языческой морали и этики [44].

Сложные процессы борьбы старой рабовладельческой и нарождающейся новой средневековой идеологии происходили и в таких областях знания и культуры, как право и юриспруденция, дипломатическое и военное искусство. Влияние новых общественных отношений властно проникало даже в такой бастион римской правовой науки, как кодификация права и юридическое образование. В эпоху грандиозных законодательных реформ

---

[39] *Beaucamp J., Bondoux K., Lafort J., Ruan M.-Fr., Sorlin S.* Temps et Histoire. I. Le prologue de la Chronique pascale.— Travaux et Mémoires, 7, 1979, p. 223—301.

[40] *Досталова Р.* Византийская хронография (Характер и формы).— ВВ, 43, 1982, с. 22—34.

[41] *Hunger H.* The Classical Tradition in Byzantine Literature: the Importance of Rhetoric.— In: Byzantium and the Classical Tradition, p. 35—47; Византийская литература. М., 1974; *Фрайберг Л. А.* Античное литературное наследие в византийскую эпоху.— В кн.: Античность и Византия. М., 1975, с. 5—31.

[42] О Либании см.: *Petit P.* Les étudiants de Libanius. Un professeur de faculté et ses élèves au Bas-Empire. P., 1957; *idem.* Libanius et la vie municipale à l'Antioche au IV siècle après J.-C. P., 1956; *Norman A. F.* Libanius Autobiography (Text, translation, commentary). Oxf., 1965.

[43] О Синесии см.: *Левченко М. В.* Синесий в Константинополе и его речь «О царстве».— Уч. зап. ЛГУ, № 130, вып. 18; *Синезий Киренский.* О царстве. Пер. и предисл. М. В. Левченко.— ВВ, VI, 1953, с. 327—357; *Valdenberg V.* La philosophie byzantine aux IV—V sc.— Byz., IV, 1929, p. 239 suiv.; *Lacombrade C.* C. Sinésios de Cyrène, Hellen et Chrétien. P., 1951; *Nicolosis S.* Il de prondentia di Sinesia di Cirene. Paclova, 1959.

[44] Об Иоанне Златоусте см. *Курбатов Г. Л.* Классовая сущность учения Иоанна Златоуста.— Ежегодник музея истории религии и атеизма, II, 1958, с. 90—106; *Veosta St.* Johannes Chrisostomus, Staatsphilosoph und Geschichtstheologe. Graz, Wien, Köln, 1960.

Юстиниана в законодательстве ощущались новые веяния. Была юридически признана теория естественного права, согласно которой от природы все люди равны и рабство, основанное на подчинении чуждому господству, противоречит человеческой природе. Оценить в полной мере значение этого признания можно только вспомнив, что даже величайшие философы древности Платон и Аристотель считали деление общества на свободных и рабов присущим самой человеческой природе. Византийское право той эпохи выработало немало новых частно-правовых норм, в известной мере опиравшихся на обычное право этнически пестрого населения империи, что обеспечило ему в будущем большую жизнеспособность. Прогрессивные реформы были проведены в сфере семейного права, улучшено правовое положение женщины. Юридическая санкция принципа частной собственности, регулирование торгово-ростовщических операций, прав наследования, семейного права и других институтов римско-византийского законодательства оказали бесспорное влияние на развитие юридической мысли в Западной и Восточной Европе и породили рецепции Юстинианова права в буржуазном обществе [45].

Ранний период в истории византийской дипломатии характеризуется прежде всего значительным накоплением эмпирических знаний. Активная внешняя политика империи помогала византийским дипломатам знакомиться с дипломатическими системами крупнейших государств Востока, с приемами дипломатического дела варваров, в частности гуннов, и варварских королевств Запада. С другой стороны, это был период теоретического осмысления и юридического оформления сложной и разветвленной дипломатической системы Византии, впитавшей в себя лучшие достижения дипломатии Поздней Римской империи и эллинистического Востока. Высокий уровень классической образованности, многовековый опыт греко-римской дипломатии, строгая централизация посольского дела и всего административного управления ведомства внешних сношений послужили прочной основой дипломатической системы Византии. Византийская империя обладала штатом блестяще образованных дипломатов, знавших языки многих соседних стран, и могла выдвинуть на высшие дипломатические посты таких талантливых дипломатов, как Приск Панийский, Петр Патрикий, Нонос и многие другие. По счастью, византийские дипломаты зачастую были одновременно писателями, учеными, историками и оставили в своих мемуарах впечатляющую картину развития дипломатии и посольского дела в ранней Византии [46].

Не меньший интерес для истории византийской культуры имеет эволюция военного дела и военного искусства. Военное искусство Византия унаследовала от Поздней Римской империи. Поэтому немудрено, что в военных трактатах этого времени еще много заимствовано от классиков античной военной мысли: Асклепиодота, Элиана, Арриана и особенно Оносандра и Вегеция. Вместе с тем в это время наблюдается значительный подъем и даже расцвет военного искусства, теоретическое осмысление и развитие стратегии и тактики предшествующего времени [47].

Военные трактаты VI — первой половины VII в. отразили своего рода качественный скачок в развитии военного искусства в Византии. Это про-

---

[45] *Удальцова З. В.* Законодательные реформы Юстиниана.— ВВ, 26, 1965, с. 3—45; 27, 1967, с. 3—37; *она же.* Положение рабов в Византии в VI в. (Преимущественно по данным законодательства Юстиниана).— ВВ, 24, 1964, с. 3—34; *Липшиц Е. Э.* Право и суд в Византии в IV—VIII вв. Л., 1976 (библиография — с. 208—213); *она же.* Законодательство и юриспруденция в Византии в IX—XI вв. Л., 1981; История Византии, I, с. 246—266 (библиография — с. 499).

[46] *Удальцова З. В.* Дипломатия ранней Византии. ВИ, 1983, № 12, с. 99—113.

[47] *Кучма В. В.* Византийские военные трактаты IV—X веков как источники по истории военного искусства Византийской империи.— В сб.: Античная древность и средние века, Свердловск, 1966, № 4, с. 31, 56; *Dain A.* Les strategistes byzantins.— Traveaux et Memoires, 1967; *Кучма В. В.* «Стратегикос» Онасандра и «Стратегикон» Маврикия. Опыт сравнительной характеристики.— ВВ, 43, 1982, с. 35—53.

явилось в создании новых теоретических положений, в выработке и уточнении военной доктрины, в систематизации и обобщении практического опыта. В этих трактатах, особенно в «Стратегиконе» Псевдо-Маврикия (VII в.), кристаллизуется византийская военная доктрина, приспособленная к новым условиям времени, острие которой направлено на борьбу с варварскими народами. Описание Псевдо-Маврикием военной тактики новых врагов империи — восточных кочевых народов, обладавших великолепной конницей, таких, как авары и тюрки, а также варварских племен славян, скифов, франков, лангобардов — имело большое практическое значение. Образ идеального полководца, нарисованный Псевдо-Маврикием, отражает политическую теорию высшей военной власти, созданную тогда в Византии [48].

Античные традиции еще господствуют в естественных науках, где сохраняются античная космогония и космография, высокий уровень научного познания мира, классическая образованность. Особое внимание в Византии уделялось тем отраслям знаний, которые были связаны с практикой, прежде всего с медициной, сельским хозяйством, ремеслом, военным и строительным делом. И здесь в Византии той эпохи была проведена огромная работа не только по усвоению всех научных достижений поздней античности, но и по систематизации и комментированию трудов древних авторов. Работа по разысканию, переписке и экзегезе (толкованию) памятников древности способствовала их сохранению и передаче достижений античности будущим поколениям. Однако вклад византийских ученых того времени в развитие научной мысли не ограничивался только этим. В ранней Византии происходил процесс постепенного переосмысления и совершенствования позитивных научных знаний, накопленных античностью. Это помогло византийским ученым существенно продвинуться в математике, механике, астрономии, навигации, строительном и военном деле и многих других отраслях науки. Но исходными позициями в развитии естественнонаучных знаний, разумеется, оставались античные традиции [49].

Однако развитие научной мысли в Византии шло не только по восходящей линии, здесь наблюдались зигзаги, отступления, приводившие порой даже к забвению достижений античности и эмпирических знаний предшествующих веков. Так, например, развитие географических представлений о вселенной, мире, земле происходило в обстановке острейшей идейной борьбы. Для христианской церкви вопрос о мироздании, строении вселенной был важнейшим концептуальным, мировоззренческим вопросом. Это было именно то поле битвы, где христианские богословы и философы стремились дать решительный бой античным космогоническим и космографическим теориям. Поэтому немудрено, что в космографии, географии и природоведении той эпохи наблюдается глубокая двойственность. С одной стороны, как мы знаем, развитие мореплавания и торговли, дипломатии и миссионерской деятельности стимулировало заморские путешествия, изучение далеких неведомых стран, их природы, экзотической флоры и фауны, столь удивлявших европейцев. Все это приводило к огромному накоплению в ранней Византии эмпирических знаний по географии, нави-

---

[48] *Удальцова З. В.* Стратегикон Псевдо-Маврикия о борьбе двух миров — римско-византийского и варварского.— В кн.: *Удальцова.* Идейно-политическая борьба..., с. 295—318; *Aussaresses F.* L'armée byzantine à la fin du VIe siècle d'après le Stratégicon de l'empereur Maurice. Bordeaux, 1909; *Zasterová B.* Les avares et les slaves dans la Tactique de Maurice. Praha, 1971; *Удальцова З. В.* Еще раз о Стратегиконе Псевдо-Маврикия.— Средние века, 23, 1969, с. 61—77.

[49] *Sarton G.* Introduction to the History of Science. V. I. Baltimore, 1927; *Haussig H.-W.* Kulturgeschichte von Byzanz. Stuttgart, 1959, S. 168—169, 267; Византийская наука и просвещение в IV—VII вв.— В кн.: История Византии, I, с. 379—394; *Vogel K.* Byzantine Science.— In: The Cambridge Medieval History. V. IV. The Byzantine Empire. Part II. Government, Church and Civilisation. Ed. Hussey J. M. Cambr., 1967; *Hunger.* Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. B. II.

гационному делу, ботанике, зоологии, картографированию [50]. Но, с другой стороны, библейская концепция мироздания начала проникать в византийскую географическую науку. В таких сферах знания, как космография, география, космогония, происходили сложное взаимодействие и взаимное отрицание античных и христианских теорий.

Географическая теория, специфическая для раннего средневековья, была разработана христианскими богословами-апологетами и отцами церкви в рамках библейской экзегезы. Географические концепции теологов лишь в минимальной степени представляли собою синтез эмпирического знания. Они являлись, прежде всего, результатом истолкования положений Библии (в первую очередь — «Шестоднева»), но и использования в какой-то мере античного географического наследия. Большая или меньшая роль каждого из этих двух источников в творчестве того или иного экзегета определяла теоретическую сущность его концепции.

В IV — VI вв. оформились две основные школы христианской географической мысли. Первая, «антиохийская», отличалась догматическим подходом к истолкованию священного писания и крайне негативным отношением к античной географии. Основные космогонические принципы этой школы состояли в признании того, что земля — плоская и над ней распростерто куполообразное твердое небо; существования двух небес, между которыми заключены небесные воды; единого океана, окружающего сушу со всех сторон. Эти идеи высказывались и разрабатывались в произведениях Диодора Тарсского, Феодора Мопсуэстийского, Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина и нашли полное выражение в «Гексамероне» Севериана из Габалы. Последователем и наиболее талантливым популяризатором положений «антиохийской школы» был Косьма Индикоплевст. Принципы «антиохийцев» завоевали себе господствующее положение в средневековой географии и сыграли в ее развитии крайне реакционную роль, ибо заменили созданную античными классиками модель мироздания (неполную, не вполне точную, но научную по существу) фантастической картиной мироустройства, не имеющей ничего общего с наукой [51].

Другое направление в развитии географической мысли той эпохи можно назвать «каппадокийско-александрийским». Его приверженцами были великие каппадокийцы, прежде всего Василий Великий и Григорий Нисский, александрийский ритор Иоанн Филопон, константинопольский поэт Георгий Писида. Для этих мыслителей характерно уважительное отношение к языческому наследию, активное использование идей античных философов и географов. Главные отличительные черты этой школы — признание шарообразности земли, сферичности небес, окружающих землю со всех сторон, стремление решать географические проблемы исходя скорее из их внутреннего содержания, чем из библейских построений. При всем том, что и представители этой школы оставались христианскими экзегетами, и их концепции во многих аспектах были ограничены влиянием богословской традиции, именно они являлись выразителями прогрессивного в условиях раннего средневековья течения в географии. Его прогрессивность — не в самостоятельных теоретических достижениях, а в сохранении для будущего ряда важнейших идей античной науки [52].

[50] О развитии географических знаний см. *Kretschmer K.* Die physische Erdkunde im christlichen Mittelalter. Versuch einer quellenmässigen Darstellung ihrer historischen Entwicklung. Wien u. Olmütz, 1889; *Robbins F.* The Hexaemeral Literature. A Study of the Greek and Latin Commentaries on Genesis. Chicago, 1912; *Kimble G. H. T.* Geography in the Middle Ages. L., 1938.

[51] *Wolska W.* La Topographie chrétienne de Cosmas Indicopleustes. Théologie et Science au VIe siècle. P., 1962; *Удальцова З. В.* Страничка из истории византийской культуры. Косьма Индикоплевст и его «Христианская топография».— ВДИ, 1977, № 1, с. 206—212.

[52] *Lemerle P.* Le premier humanisme byzantin. Notes et remarques sur enseignement et culture à Byzance des origines au X-e siècle. P., 1971, p. 24—25, 51—52; *Hunger.* Die hochsprachliche Literatur der Byzantiner, II, S. 225, 227; *Mango.* Byzantium..., p. 128.

В ранней Византии одновременно продолжают развиваться унаследованные от античности жанры географической литературы. Характерной чертой подобного рода произведений — итинериариев, периплов, индексов географических названий — для ранневизантийской эпохи была их утилитарность и энциклопедизм. Христианство оказало на развитие этого вида литературы лишь формальное и сугубо поверхностное влияние. Что же касается собственно космогонической и географической теории, то борьба античных и христианских концепций здесь в целом завершилась победой христианства. В последующие века господствующей стала «антиохийская» концепция мироздания; в сфере конкретной географии в основном продолжалось развитие античных тем и жанров, включенных в христианскую культуру. Географическая мысль ранней Византии смогла впитать в себя значительную часть опыта античной науки и передать ее последующим поколениям [53].

Отличительной особенностью системы образования в ранней Византии было сохранение еще в значительных масштабах античных традиций. Византия унаследовала от греко-римского мира классическое образование, в основу которого было положено изучение семи свободных искусств. Программы обучения как в высшей, так и в начальной школе, выработанные в предшествующие столетия, еще не подверглись коренной ломке. В IV — первой половине VII в. в Византийской империи, как мы знаем, существовали и даже процветали высшие школы. В крупнейших городах византийского государства они сохраняли выдающееся значение центров классической науки, просвещения, культуры. Сохранили свою былую славу школы философии и естественных наук в Александрии и Антиохии, ораторского искусства — в Кесарии, Газе, Никомидии, Кизике, Никее и Анкире. Центром античной философии оставались Афины. Философские школы сохранялись в Пергаме, Эфесе, Сардах. В VI в. приобрел большую популярность Константинопольский университет с кафедрами греческой и латинской грамматики, риторики, философии и права. В связи с кодификацией римского права и расцветом юриспруденции при Юстиниане окрепли старые центры юридического образования, подобно Бериту, и возникли новые в Константинополе. Поражает многочисленность научных центров и высших школ в Византийской империи, широкий ареал их распространения. При этом бросается в глаза, что большинство их концентрируется в это время в восточных провинциях империи и в Малой Азии. Исключение составляли лишь Афины и Константинополь [54].

Православная церковь, разумеется, не могла оставить вне своего влияния образование и воспитание молодежи. Она начала активную борьбу за приспособление классической системы обучения к своим религиозным интересам, стремясь воздействовать главным образом на нравственное воспитание юношества в духе христианской религии. Православному духовенству в это время еще не удалось создать свои церковные школы, но оно использовало для распространения христианского вероучения, этики и морали светские языческие школы. Основным религиозным догматам детей обучали в семьях, на богослужении и посредством проповедей священников. Однако постепенно начали возникать монастырские школы, куда отдавали детей с самого раннего возраста. Иоанн Эфесский, сам полу-

---

[53] *Petit.* Libanius...; *Downey G.* The Christian School of Palestine: A Chapter in Literary History.— Harvard Library Bulletin, v. XII, 1958, № 3, p. 301; *Buckler.* Op. cit., p. 213; *Lemerle.* Le premier humanisme byzantin..., p. 51; *Mango.* Byzantium..., p. 128.

[54] *Schulz F.* History of Roman Legal Science. Oxf., 1946; *Fuchs F.* Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. B., 1926; *Collinet P.* Histoire de l'Ecole de droit de Beyrouth. Etudes historiques sur le droit de Justinien. T. II. P., 1925; *Buckler G.* Byzantine Education.— Byzantium. An Introduction to East Roman Civilisation. Ed. Baynes N. H., Moss H. St. L. P. Oxf., 1948, p. 207; *Marrou H.-J.* Histoire de l'éducation dans l'Antiquité. P., 1966; *Lemerle.* Le premier humanisme byzantin..., p. 43, 44, 57—60; *Bréhier L.* Notes sur l'histoire de l'enseignement supérieur à Constantinople.— Byz., III, 1926—1927, p. 85—87.

чивший образование в монофиситском монастыре, нарисовал картину царившего в этих монастырях фанатизма. Невежественные монахи прививали своим ученикам не знания, хотя бы даже священного писания, а фанатическую экзальтацию, суровый аскетизм, полное повиновение церковным иерархам.

Вместе с тем христианству необходима была систематизация философских знаний, создание образованного и сведущего в теологии духовенства. Поэтому в рассматриваемый период возникают богословские высшие школы — в Александрии, Антиохии, Эфесе, Нисибии, которые иногда именовались богословскими академиями. Они были тесно связаны с православными патриархами Востока. В богословских академиях наряду с изучением теологии большое внимание уделялось преподаванию светских наук. В этих академиях велись острые богословские дискуссии, тесно связанные с формированием христианской догматики, с христологическими спорами того времени. Иными словами, классическое образование в Византии все более и более подвергается воздействию христианства и становится ареной борьбы античных традиций и христианской идеологии [55].

В IV — первой половине VII в. коренные изменения происходят в сфере изобразительного искусства и эстетических воззрений византийского общества. В это время складываются основные принципы византийской эстетики, своими корнями уходящей в античность, но подвергшейся сильному воздействию христианства. Византийская эстетика развивалась на основе всей духовной культуры Византии, пронизывая и связывая воедино все ее ветви, эстетически окрашивая различные сферы духовной жизни общества. Она во многом опиралась на античные воззрения о сути прекрасного, однако синтезировала и переосмысливала их в духе христианской идеологии. Отличительной чертой византийской эстетики был ее глубокий спиритуализм [56].

В ранневизантийской эстетике несколько сглаживается ригоризм, присущий воззрениям христианских апологетов. Однако она все же отдает предпочтение духу перед телом. Вместе с тем она пытается снять дуализм небесного и земного, божественного и человеческого, духа и плоти. Не отрицая телесной красоты, византийские мыслители красоту души, добродетель, нравственное совершенство ставят много выше. Большое значение для кристаллизации византийского эстетического сознания имело раннехристианское осмысление мира как прекрасного творения божественного художника. Именно поэтому красота естественная ценилась выше, чем красота, созданная руками человека, как бы «вторичная» по своему происхождению.

Определяющим принципом античной эстетики, как известно, был принцип гармонии. Василий Кесарийский отверг античные представления о гармоничном устройстве космоса, о мерном вращении небесных сфер, издающих вечную музыку, как не соответствующие космологии, изложенной в Библии. Вместе с тем каппадокийцами, в особенности Григорием Нисским, была сделана попытка использовать античную теорию гармонии, красоты для обоснования христианской теологии, которая получила дальнейшее развитие в византийской эстетике. Гармоническая устроенность мира рассматривалась как доказательство его божественного происхожде-

---

[55] О церковных школах см. *Дьяконов А. П.* Типы высшей богословской школы в древней церкви III—IV вв. СПб., 1913; *Vogel.* Byzantine Science, p. 264, 300; *Hunger.* Die hochsprachliche Literatur der Byzantiner, II, S. 226, 231; *Downey G.* The Christian Schools of Palestine: A Chapter in Literary History.— Harvard Library Bulletin, v. XII, 1958, № 3, p. 299—319.

[56] *Бычков В. В.* Византийская эстетика. М., 1977; *он же.* Эстетические взгляды Климента Александрийского.— ВДИ, 1977, № 3; *он же.* Античные традиции в эстетике раннего Августина.— В кн.: Традиция и история культуры. М., 1978; *он же.* Corpus Areopagiticum как один из философско-эстетических источников восточного христианского искусства. Тбилиси, 1977; *Mathew G.* Byzantine Aesthetics. L., 1963.

ния. Основываясь на пифагорейско-платоновских воззрениях, Григорий Нисский усваивает порой и их пантеистическое звучание [57].

В сочинениях каппадокийцев, Псевдо-Ареопагита, Максима Исповедника разрабатывается столь важная для средневекового сознания система образов, знаков, аллегорий. Искусство должно было служить разгадке тайного смысла, заложенного создателем в свое творение. Образ представлялся обладающим онтологическим бытием, откуда вытекала его узнаваемость даже для непосвященного, он должен жить в человеческой душе. При всей символичности и закодированности глубинного смысла произведение византийского искусства должно было быть понятным, пластически и ритмически выразительным, вызывающим у человека соответствующий эмоциональный отклик, побуждающим его к целостному восприятию мира, настраивающим на созвучие макрокосма и микрокосма. Новые эстетические принципы находили выражение в формирующейся христианской литургии, приобретавшей в Византии особенно пышные и торжественные формы, синтезирующей многие виды искусства.

Византийское искусство генетически восходило к эллинистическому и восточнохристианскому художественному творчеству [58]. В ранний период в византийском искусстве как бы слились воедино рафинированная пластичность и трепетная чувственность позднеантичного импрессионизма с наивной, порой грубоватой экспрессивностью народного искусства Востока. Эллинизм долгое время оставался главным, хотя и не единственным, источником, откуда византийские мастера черпали изящество форм, правильность пропорций, чарующую прозрачность колористической гаммы, техническое совершенство своих произведений [59]. Но эллинизм, естественно, не мог в полной мере противостоять мощному потоку восточных влияний, нахлынувших в Византию в первые столетия ее существования. В это время ощущается значительное воздействие на византийское искусство египетских, сирийских, малоазийских, иранских художественных традиций [60].

В IV—V вв. в искусстве Византии были еще сильны позднеантичные традиции. Если классическое античное искусство отличалось умиротворенным монизмом, если оно не знало борьбы духа и тела, а его эстетический идеал воплощал гармоническое единство телесной и духовной красоты, то уже в позднеантичном художественном творчестве намечается трагический конфликт духа и плоти. Монистическая гармония сменяется столкновением противоположных начал, «дух как бы стремится сбросить оковы телесной оболочки». Это противоборство духовного и плотского элементов привело к сочетанию в позднеантичном искусстве языческой чувственности с огромной духовной напряженностью [61].

---

[57] *Salvatore A.* Tradizione e originalità negli epigrammi di Gregorio Nazianzeno. Napoli, 1960; *Daniélou J.* Le symbole de caverne chez Grégoire de Nysse.— Jahrbuch für Antike und Christentum, B. I, 1964.

[58] *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. М., 1947; *он же.* Византийское и древнерусское искусство. М., 1978; *Полевой В. М.* Искусство Греции. Средние века. М., 1973; *Банк А. В.* Прикладное искусство Византии IX—XII вв., М., 1978; *Лихачева В. Д.* Искусство Византии IV—XV вв. Л., 1981.

[59] *Wessel K.* Die Kultur von Byzanz. Frankfurt am Main, 1970; *Haussig H. W.* A History of Byzantine Civilisation. L., 1971; *Guillou A.* La civilisation byzantine. P., 1974.

[60] Вклад культуры народов Востока в формирование и развитие византийской цивилизации по-разному оценивается в византиноведческой науке. Теория «восточных влияний» имеет как своих горячих адептов (*Айналов Д. В.* Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900; *Vryonis Sp.* The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Berkeley and Los Angeles, 1971, p. 70, 85, 194; *Haussig.* A History of Byzantine Civilisation, p. 168—174, 332—343), так и противников (*Lemerle.* Le premier humanisme byzantin..., p. 22—37).

[61] *Удальцова З. В.* Из истории византийской культуры раннего средневековья.— В кн.: Европа в средние века: экономика, политика, культура. Сб. ст. к 80-летию академика С. Д. Сказкина. М., 1972, с. 260—276; *Бычков.* Византийская эстетика, с. 5 сл.; Античность и Византия. Сб. ст. под ред. Л. А. Фрейберг. М., 1975; *Алпатов М. В.*

Эстетика византийского общества на первых порах впитала из эстетических идеалов поздней античности взволнованную одухотворенность и философский спиритуализм, подобно тому как сама восточнохристианская религия восприняла элементы мистики из неоплатонической философии. В дальнейшем византийское искусство преодолело конфликт духа и тела, его сменила спокойная созерцательность, призванная увести человека от бурь земной жизни в сверхчувственный мир чистого духа. Это «умиротворение» происходит в результате признания примата духовного начала над телесным, победы духа над плотью. Основной эстетической задачей византийского искусства отныне становится стремление художника воплотить в художественном образе трансцендентную идею. Это было закономерным следствием глубокого изменения всех общественных отношений, всей идеологии Византийской империи: сенсуалистическая эстетика античности не отвечала уже запросам господствующего класса и православной церкви Византии и была постепенно вытеснена спиритуалистическими идеалами средневековья. Эллинистический языческий антропоморфизм отныне был наполнен совсем иным идейным содержанием: искусство прониклось философскими представлениями христианской религии, а эстетика византийских мастеров оказалась органически связана с религиозным миросозерцанием [62].

В VI—VII вв. византийские художники сумели не только впитать эти многообразные влияния, но и, преодолев их, создать свой собственный стиль в искусстве. С этого времени Константинополь превращается в прославленный художественный центр средневекового мира, в «палладиум наук и искусств». За ним следуют Равенна, Рим, Никея, Фессалоники, также ставшие средоточием византийского художественного стиля.

Расцвет византийского искусства раннего периода связан с укреплением могущества империи при Юстиниане. В Константинополе в это время воздвигаются великолепные дворцы и храмы. Непревзойденным шедевром византийского зодчества стал построенный в 30-х гг. VI в. храм св. Софии. Впервые в нем была воплощена идея грандиозного центрического храма, увенчанного куполом. Блеск разноцветных мраморов, мерцание золота мозаик и драгоценной утвари, сияние множества лампад создавали иллюзию беспредельности пространства собора, превращали его в подобие микрокосма, символически приближали к образу вселенной. Недаром он всегда оставался главной святыней Византии.

В ту эпоху создаются и другие шедевры архитектуры — церковь св. Ирины в Константинополе, церковь св. Виталия в Равенне и храм св. Дмитрия в Салониках. Церковь св. Виталия в Равенне поражает изысканностью и элегантностью архитектурных форм. Особую славу этому храму принесли его изумительные мозаики, не только церковного, но и светского характера, в частности изображения императора Юстиниана и императрицы Феодоры и их свиты. Лица Юстиниана и Феодоры наделены портретными чертами, цветовая гамма мозаик отличается полнокровной яркостью, теплотой и свежестью [63].

В живописи VI—VII вв. кристаллизуется специфически византийский образ, очищенный от инородных влияний. В основе его лежит опыт мастеров Запада и Востока, пришедших независимо друг от друга к созданию

Проблемы изучения византийской живописи.— В кн.: Этюды по истории древнерусского искусства. М., 1967, с. 26—41; *Удальцова.* Идейно-политическая борьба..., с. 3—5, 319—328.

[62] *Удальцова З. В.* Некоторые нерешенные проблемы истории византийской культуры — ВВ, 41, 1980, с. 46—67.

[63] *Лазарев.* История византийской живописи, I, с. 11—62; *Лихачева.* Искусство Византии IV—XV вв., с. 12—86; История Византии, I, с. 435—467; *Grabar A.* La peinture byzantine. Génève, 1953.

нового искусства, соответствующего спиритуалистическим идеалам средневекового общества. В этом искусстве уже намечаются отдельные направления и школы. В искусстве Константинополя той эпохи сохраняется преемственность классической культуры, благородство нерастраченных эллинистических традиций, преображенное и трансформированное спиритуалистической одухотворенностью. Для столичной школы характерны великолепное качество исполнения, утонченный артистизм, живописность и красочное разнообразие, трепетность и переливчатость колористической гаммы. Одним из самых совершенных творений столичных мастеров были мозаики в куполе церкви Успения в Никее. Нежные, полные чувственной прелести и вместе с тем душевной чистоты лица ангелов, изображенных на этих мозаиках, созданы под явным влиянием позднеантичного искусства. Вместе с тем это был опыт перевоплощения античной телесной красоты в спиритуалистический образ, который должен был воплотить византийскую художественную мечту в одухотворении чувственной плоти [64].

Другие направления в искусстве ранней Византии, воплотившиеся в мозаиках Равенны, Синая, Фессалоник, Кипра, Паренцо, знаменуют отказ византийских мастеров от античных реминисценций. Образы становятся более аскетическими, не только чувственному, но и эмоциональному моменту в таком искусстве уже нет места, зато духовность достигает необычайной силы. Византийское искусство в дальнейшем все более приобретает вневременной и внепространственный характер, абстрактный золотой фон, столь любимый византийскими мастерами, заменяет реальное трехмерное пространство, выполняя важную эстетическую функцию: он призван как бы отгородить отвлеченное изображение того или иного явления от живой действительности окружающего мира. Торжественный монументализм все чаще соединяется с усложненной символикой. Победа обобщенно-спиритуалистического принципа в эстетике приводит к растворению многообразия реального мира в символах, художник стремится освободиться от излишних докучливых деталей, не раскрывающих, по его мнению, основной идеи произведения. Отвлеченные архитектурные ансамбли, фантастические пейзажи фона делаются все более абстрактными и зачастую заменяются золотыми или пурпурными плоскостями. В живописи и архитектуре начинает господствовать строгая рассудочная симметрия, спокойная торжественная уравновешенность линий и движений человеческих фигур на фресках и мозаиках храмов. В искусстве господствует пышная декоративность. Творчество художника приобретает отныне безликий характер, оно сковано традицией и церковным авторитетом, а порывы индивидуальных творческих исканий мастера все больше подчиняются нивелирующему действию канона.

Глубокий спиритуализм эстетических воззрений византийского аристократического общества не увел, однако, искусство Византии окончательно в мир голой абстракции. В отличие от мусульманского Востока, где примат духовного начала над плотским привел к господству в изобразительном искусстве геометризма и орнаментальных форм, вытеснивших изображение человека, в искусстве Византии человек остался в центре художественного творчества. Человеческая фигура выступала в византийской живописи носителем основных художественных идей.

Церковное богослужение превратилось в Византии в своего рода пышную мистерию. В полумраке сводов византийских храмов сумеречно сияло множество свечей и лампад, озарявших таинственными отблесками золото мозаик, темные лики икон, многоцветные мраморные колоннады, великолепную драгоценную утварь. Все это должно было по замыслу

---

[64] *Mango C.* Architettura bizantina. Milano, 1978; *Weitzmann K.* Age of Spirituality. Late Antique and Early Christian Art, Third to Seventh Century. N. Y., 1979.

церкви затмить в душе человека эмоциональную приподнятость античной трагедии, здоровое веселье мимов, суетные волнения цирковых ристаний и даровать ему отраду в тусклой повседневности реальной жизни. И поскольку эти надежды редко сбывались и простые радости бытия часто брали в народе верх над проповедью аскетизма, постольку церковь стремилась с особой настойчивостью использовать для идейного воздействия на широкие массы магическую силу искусства [65].

Светское художественное творчество в ранней Византии еще живет полнокровной жизнью. Оно находит яркое воплощение в пышных и элегантных дворцах императоров и знати, в величии и красоте общественных зданий. Константинопольские дворцы в это время, по свидетельству литературных источников, были щедро декорированы фресковыми росписями, мозаиками, скульптурой, первоклассными произведениями прикладного искусства. На стенах императорского дворца в Константинополе были изображены репрезентативные сцены побед императоров, особенно Юстиниана, над варварскими народами. Прекрасными произведениями скульптуры был украшен и столичный ипподром. Замечательными дворцами и шедеврами светского искусства славились Антиохия, Александрия, Афины и другие города империи [66].

Шедевром светской живописи раннего периода были мозаики полов Большого дворца в Константинополе. С поразительной реалистической, полнокровной чувственностью, заимствованной из позднеантичного искусства, на них были изображены буколические сцены сельской жизни и труда, ристаний в цирке и укрощения коней, сцены охоты на диких зверей [67].

Высокого уровня совершенства достигло в ранней Византии прикладное искусство малых форм. В первые века существования империи в прикладном искусстве четко прослеживаются две струи: аристократическая и народная. Аристократическое прикладное искусство было рассчитано на рафинированные вкусы императорского двора, столичной знати и высшего духовенства: это изумительной красоты ювелирные украшения из золота и драгоценных камней, диптихи и ларцы из слоновой кости, отделанные резьбой и инкрустациями, утонченные изделия из цветного стекла — сосуды, бусы, светильники, пряжки, расшитые причудливыми рисунками шелковые ткани. Из неиссякаемого родника народного творчества черпали свои навыки и высочайшую технику мастера, создававшие эти произведения рафинированного искусства. Но рядом жило и прикладное искусство, прямо рассчитанное на широкие народные массы: разнообразные керамические изделия, более грубые украшения, сосуды из стекла, дешевые ткани. Христианская церковь покровительствовала в первую очередь, разумеется, искусным мастерам, изготовлявшим драгоценную церковную утварь — паникадила, великолепные чеканные сосуды из золота и серебра, украшенную вышивкой одежду церковных иерархов. В этих произведениях прикладного искусства уже широко использовались христианские сюжеты и благочестивые символы и эмблемы. Одновременно церковь поддерживала и простых ремесленников, изготовлявших украшения для скромных храмов и монастырей. Все чаще при храмах и монастырях создавались свои ремесленные мастерские.

Однако в прикладном искусстве Византии в меньшей мере, чем в архитектуре и живописи, определилась ведущая линия развития византийского искусства, отражающая становление средневекового миросозерцания. Живучесть античных традиций здесь проявлялась как в образах, так

---

[65] *Лазарев.* История византийской живописи, I, с. 50 сл.

[66] *Удальцова З. В.* Своеобразие общественного развития Византийской империи. Место Византии во всемирной истории.— В кн.: История Византии, III, с. 333 сл.

[67] The Great Palace of the Byzantine Emperors Second Report. Ed. by D. Talbot-Rice. Edinburg, 1958.

и в средствах художественного выражения. Особенно отчетливо это видно на памятниках, созданных в крупных византийских центрах, и наиболее ярко — в искусстве столичных мастеров. Вместе с тем и в искусство Византии проникали и постепенно ассимилировались художественные вкусы народов Востока, различных провинций, не столь приверженных античной традиции и в большей мере воспринявших новые образцы и художественные формы. Здесь сыграло свою роль, хотя и в несравнимо меньшей степени, чем в Западной Европе, и воздействие варварского мира [68].

Музыка занимала особое место в византийской цивилизации. Своеобразное сочетание авторитарности и демократизма, столь характерное для общественного строя ранней Византии, не могло не сказаться и на характере музыкальной культуры, которая представляла сложное и многоликое явление духовной жизни эпохи. Музыкальную культуру Византии V—VII вв. отличало становление христианской литургии, развитие новых жанров вокального искусства, придание музыке особого гражданского статуса, включение ее в систему репрезентации государственной власти. Особый колорит имела музыка городских улиц, театральных и цирковых представлений и народных празднеств, богатейшая песенно-музыкальная практика многих народов, населявших империю. Каждый из этих видов музыки имел свой собственный эстетический и социальный смысл и в то же время, взаимодействуя, они сливались в единое и неповторимое целое. Христианство очень рано оценило особые возможности музыки как искусства универсального и в то же время обладающего силой массового и индивидуального психологического воздействия, и включило ее в свой культовый ритуал. Именно культовой музыке суждено было занять доминирующее положение в средневековой Византии [69].

В жизни широких народных масс по-прежнему огромную роль играли массовые зрелища. Правда, античный театр начинает клониться к упадку — античные трагедии и комедии все чаще заменяются выступлениями мимов, жонглеров, танцовщиков, гимнастов, укротителей диких зверей. Место театра занимает цирк (ипподром) с его конными ристаниями, пользующимися огромной популярностью. Именно цирк становится центром социальных битв, местом столкновения спортивных и политических страстей. Христианская церковь предавала анафеме светские языческие зрелища, стремилась заменить их церковными праздниками, требовала, чтобы христиане шли на литургию, а не в цирк. Однако усилия церкви еще не имели большого успеха. Лишь к концу изучаемого периода массовые зрелища и народные организации (димы) приходят в упадок и в социальной психологии народных масс происходит решительный поворот в пользу образа жизни, насаждаемого христианской церковью [70].

В повседневной жизни византийцев довольно долго сохранялись унаследованные от поздней античности традиции и обряды, особенно те, которые сопровождали человека в наиболее важные моменты его жизни (рождение ребенка, вступление в брак, похороны). Вместе с тем наряду с продолжавшими жить языческими традициями быт и нравы византийцев постепенно приобретают новые черты. Новые особенности быта людей той эпохи проявились в постепенной (хотя и не всегда глубокой) христианизации общества, в укреплении семьи и одновременном падении интереса к общественным делам, в тенденции уйти в частную жизнь. С этим свя-

---

[68] *Банк.* Прикладное искусство Византии...; *она же.* Искусство Византии в собрании Государственного Эрмитажа. Л., 1960; *она же.* Искусство Византии в собраниях СССР (Каталог выставки). Т. I—III. М., 1977.

[69] *Герцман Е. В., С. Е. Монахова.* Об актуальных проблемах изучения ладовых особенностей византийской музыки.— ВВ, 41, 1980, с. 234—248.

[70] *Vogt A.* Etudes sur le théâtre byzantin.— Byz., 1931, 6, p. 639—640; *Guilland R.* Etudes sur l'Hippodrome de Byzance. VI. Les spectacles de l'Hippodrome.—BS, XXVII, 1966; *Cameron A.* Porphyrius the Charioteer. Oxf., 1974.

заны такие новые явления быта, как распространение закрытой одежды, более закрытого для посторонних жилища, перемещение торговли с рынка (агоры) в портики улиц [71].

Итак, пришло время подвести итоги. В ранней Византии, как мы видели, интенсивно формировались основные особенности византийской культуры, окончательно сложившиеся в последующий период. Прежде всего к ним следует отнести «открытость» византийской культуры многообразным культурным влияниям, получаемым как извне, от соседних стран и народов, так и впитываемыми изнутри из культуры полиэтничного населения империи. Но постепенно уже в ранний период эти влияния абсорбировались и затем синтезировались главной ведущей греко-римской культурой. Греко-римская в своей основе, византийская культура в процессе становления и развития значительно обогатилась элементами культуры народов Востока, что придало ей неповторимый колорит, который так отличает ее от культуры Западной Европы. Окончательной победе именно греко-римской культуры над многообразными, в том числе и сильными восточными влияниями, способствовало сохранение в Византии в значительных масштабах античного культурного наследия. И здесь, как в сфере взаимодействия восточных и западных влияний, на наш взгляд, произошел органический синтез позднеантичных элементов с нарождающейся культурой средневекового общества. Если на Западе, как известно, замечательные произведения античности были преданы забвению и для их возрождения к новой жизни потребовались столетия, то в Византии античное культурное наследие по существу никогда не переставало существовать, хотя и подвергалось глубокому переосмыслению. В ранней Византии, как мы видим, традиции поздней античности еще сохраняли свою жизнеспособность и активно воздействовали на все сферы культуры и идеологии. В отличие от Западной Европы, почти целиком утратившей в раннее средневековье сокровища античной культуры, в Византии традиции греко-римской цивилизации никогда не умирали, а упадок образованности ощущался в значительно меньшей степени, чем на Западе. Средневековая христианская Византия как бы хочет, но не может сбросить с себя наследие античной культуры и все вновь и вновь обращается к этому источнику знания.

Многие особенности византийской культуры были порождены существенными различиями между восточной православной и западной католической церквами. Различия эти сказывались в своеобразии философско-богословских воззрений православных теологов и философов Востока, в догматике, литургике, обрядности православной церкви, в системе христианских и эстетических ценностей ранней Византии. В Византии IV — первой половины VII в. при возрастании влияния христианства все еще жила полнокровной жизнью светская культура и образованность, связанная, с одной стороны, с византийской аристократией и светской интеллигенцией крупных городских центров империи, а с другой, черпавшая могучие импульсы из народной культуры. Борьба светской и церковной культур особенно характерна для первого периода истории Византии. В истории византийской культуры первые века существования Византийской империи были временем острой идеологической борьбы, столкновения противоречивых тенденций, сложных идейных коллизий, но и временем плодотворных исканий, интенсивного духовного творчества, позитивного развития науки и искусства. Это были века, когда в муках борьбы старого с новым рождалась культура будущего средневекового общества.

---

[71] *Рудаков А. П.* Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917; *Talbot Rice T.* The Everyday Life in Byzantium. L., 1967; *Balsdon J. P. V. D.* Life and Leisure in Ancient Rome. N. Y.— L., 1969.

FUNDAMENTAL TENDENCIES IN THE EVOLUTION OF BYZANTINE CULTURE FROM THE FOURTH TO THE MIDDLE OF THE SEVENTH CENTURY

Z. V. Udal'tsova

Byzantine culture began taking shape at a time of profound idealogical conflict. In the period under review the basically Graeco-Roman culture of Byzantium was strongly influenced by the culture of the East. By the middle of the 7th century an organic synthesis of these two elements had taken place, preparing the way for the rise of a new, mediaeval Byzantine culture. While the influence of Christianity was growing, secular culture and schooling continued to flourish. The conflict between secular and ecclesiastical culture was especially sharp in this early period of Byzantine history, of which the clash of opposed ideas and tendencies was a characteristic feature. This was none the less an epoch of fruitful studies, spiritual creativity and substantial growth in the spheres of science and art. In the pangs of struggle between old and new the culture of the future mediaeval society was being born.

Г. А. Меликишвили

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТРОЯ РАННЕКЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА ГРУЗИНСКИХ ГОРЦЕВ

В советской науке большое внимание уделяется изучению закономерностей перехода от доклассового общества к классовому. Основополагающей в марксистской науке работой по этой проблеме, как известно, является исследование Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», 100-летие публикации которого исполняется в 1984 г.

При изучении названной проблемы важное место отводится *раннеклассовым обществам* древности, средневековья и даже Нового времени, которые дают немаловажный материал для освещения марксистской концепции общественного развития. С этой точки зрения представляет определенный интерес изучение раннеклассовых обществ горцев Кавказа, в частности Грузии. Правда, горцы Грузии с очень ранних времен испытывали влияние находившихся в низменной части Грузии политических образований и в продолжение многих столетий и даже тысячелетий жили в тесном контакте с ними, но население гор при этом сохраняло определенную автономность в общегрузинской политической жизни. Поэтому оно может быть рассмотрено в качестве отдельного общества или обществ и вопрос о характере их социально-экономического строя может рассматриваться отдельно, тем более что данные общества и по этому признаку сильно отличаются от существовавших в низменной Грузии политических образований.

По вопросу о социально-экономическом строе грузинских горцев высказывались разные мнения. Такой выдающийся исследователь второй половины прошлого столетия, как М. Ковалевский, материалами которого (среди них и относящимися к горцам Грузии), как известно, широко пользовался Ф. Энгельс в своей вышеназванной работе [1], считал, что основу общественной жизни кавказских, в том числе и грузинских, горцев составляли патриархально-родовые отношения [2]. Этот взгляд долгое время господствовал в грузинской этнографической литературе. В многочисленных очерках о грузинских горцах, принадлежащих С. Макалатиа, мы на каждом шагу встречаемся с определением их социально-экономического строя как «родового». Хевсуры, например, по его мнению, «в прошлом не ушли дальше общинного строя, и их экономическая жизнь основывалась на общинном землевладении» [3]. По его словам, Верхняя Сванети, Тушети, Хевсурети до конца XIX в. смогли сохранить общинную свободу, а Хеви, Мтиулети, Пшави и Горную Рачу феодалы смогли подчинить себе лишь

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 60 сл., 63, 130, 134, 139 сл.
[2] Ср. сб.: Народы Кавказа. Т. I. М., 1960, с. 96.
[3] *Макалатиа С.* Хевсурети. Тбилиси, 1935 (на груз. яз.), с. 53.

частично, что повлекло за собой вместе с распадом общинного строя постепенное исчезновение родовых башенных домов [4]. Им же отмечено, что развитие общественной жизни в Мтиулети и Пшави также укладывается в рамки общинного строя [5]. Поскольку общественное развитие в Хевсурети, Сванети, считает он, не пошло дальше родового строя, его изучение может пролить свет на древнейшие формы родового строя в Грузии [6]. К периоду господства в нашей науке тезиса о рабовладельческом характере *всех* древнейших классовых обществ относится утверждение о том, что «в историческом прошлом грузинские горские племена прошли и через стадию рабовладельческого строя» [7]. Наконец, в последнее время при определении социально-экономического строя кавказских горцев все чаще используется термин «горский феодализм», который отождествляется с раннефеодальной стадией развития [8] или же считается «протофеодальным» [9]. В то же время появляются утверждения, что грузинские горцы, в частности сваны, прошли через все те стадии развития, через которые прошло население низменности, включая и развитой феодализм [10].

Преобладающая часть наших материалов о кавказских, в том числе и грузинских, горцах относится к эпохе позднего средневековья и XIX в. Если судить по этим материалам, следует категорически исключить утверждение, будто грузинские горцы в эту эпоху жили в условиях родового (resp. первобытнообщинного) строя. Об этом говорят в первую очередь совершенно не соответствующие этому строю отношения собственности. Правда, мы часто встречаемся с положением, когда тот или иной населенный пункт (село) «однороден», т. е. населен людьми одного «рода» (фамилии), но этот «род» ничего общего не имеет с «родом» эпохи первобытнообщинного строя, для которого были характерны общая (коллективная) собственность, коллективное производство и общее распределение — потребление. Все это в интересующую нас эпоху может быть зафиксировано лишь в пределах так называемой «большой семьи», представлявшей обыкновенно неразделенную семью из трех следующих друг за другом поколений. У горцев безраздельно господствует в это время индивидуальное, подворно-участковое владение больших или малых семей основными средствами производства, в том числе пахотной землей. А большесемейную собственность никак нельзя отождествить с общинной и рассматривать ее как форму коллективной собственности. Наоборот, она является формой обособленной собственности, которая может быть как персональной, так и групповой. Дворовое хозяйство может охватывать как одну элементарную семью, так и несколько таких семей («большая семья»). Несмотря на некоторое внешнее сходство с первобытной общиной (коммуной), «большая семья» («семейная община») принципиально отличается от нее. Если первая является отдельным социальным организмом («обществом»), вторая представляет лишь ее ячейку. Коллективная собственность «семейной общины» — обособленная собственность. «Семейная община», так же как и тесно связанная с ней патронимия, не являются пережитком первобытнообщинного строя [11].

---

[4] *Он же.* Военные и оборонительные сооружения в горной Грузии. Тбилиси, 1945 (на груз. яз.), с. 17.

[5] *Он же.* Мтиулети. Тбилиси, 1930 (на груз. яз.), с. 77; *он же.* Пшави. Тбилиси, 1934 (на груз. яз.), с. 19.

[6] *Он же.* История развития общественных форм. Тбилиси, 1926 (на груз. яз.), с. 79.

[7] Сб. Народы Кавказа. Т. II. М., 1962, с. 315.

[8] *Анчабадзе З., Робакидзе А.* К вопросу о характере кавказского горского феодализма (на груз. яз.).— Иберийско-кавказское языкознание, XVIII, 1973, с. 113, 123.

[9] См. *Меликишвили Г. А.* К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских классовых обществ.— История СССР, 1975, № 6, с. 52; *Робакидзе А. И.* Некоторые черты горского феодализма на Кавказе.— СЭ, 1978, № 2, с. 24.

[10] *Гасвиани Г.* Из истории горцев Западной Грузии. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).

[11] См. *Семенов Ю. И.* Первобытная коммуна и соседская крестьянская община.— В кн.: Становление классов и государства. М., 1976, с. 39—45.

Таким образом, среди грузинских горцев мы не встречаем основного признака родового строя — коллективной собственности (если не признать таковой семейную, агнатическую собственность «больших семей»), без чего трудно говорить о «первобытности» и «родовом» характере того или иного общества. Земля, как правило, в этих обществах является частной собственностью.

Из специально составленного для горцев свода законов грузинского царя Георгия V Блистательного (XIV в.) «Дзеглис дадеба» мы узнаем, что горцы могли иметь собственность не только в рамках «большой семьи», но и персональную, индивидуальную. Закон в этом случае регулирует взаимоотношения между отцом и сыном и между братьями (§ 16, 17) [12]. И в горной полосе Грузии, аналогично с Северным Кавказом, приобретение пахотной земли часто было связано с превращением негодной для этих целей земли в пахотную путем специальной расчистки ее от камней или от леса (груз. *ахос агеба*, запмочное землевладение). Расчистка эта требовала огромных усилий, и приобретенный в результате этого участок земли, естественно, превращался в объект индивидуальной, частной собственности. Это налицо, например, было в Хеви — пахотная земля здесь представляла частную собственность, а сенокосы и пастбища находились в распоряжении общины [13].

Часто статус общинной собственности распространялся и на леса — лес считался общенародной собственностью [14]. Пахотная земля и у тушин была частной собственностью [15], однако, поскольку основной отраслью хозяйства здесь являлось скотоводство, главным объектом собственности был скот. В научной литературе неоднократно встречается при этом указание, что пастбища у них составляли общую коллективную собственность [16]. Аналогичное положение мы встречаем у кочевых народов, у которых, на наш взгляд, без должных оснований постулировалось наличие «феодальной собственности на пастбища», пастбища здесь принадлежали всему «обществу», в то время как все остальное было собственностью отдельных семей [17]. Пастбища представляли общую собственность и у других горцев, например у хевсуров [18]. В Пшави пастбища и леса также находились в общей собственности, а пахотная земля была в распоряжении отдельных семей [19], хотя община, видимо, в той или иной мере осуществляла над ней право верховной собственности — об этом может свидетельствовать как наблюдаемое в разных местах обязательство продавать землю лишь внутри общины, так и практика периодического передела земли. Правда, некоторые исследователи отрицают существование в древности этой засвидетельственной в XIX в. практики [20], но, возможно, как считают другие, и раньше имели место такие переделы, направленные против углубления неравенства и несправедливости внутри общины: во всяком случае, население этих горных областей в XIX в. именно с этой целью требовало подобных переделов земли и в некоторых местах добилось их осуществления [21]. Доставшаяся в результате подоб-

---

[12] Памятники грузинского права. Т. I. Изд. И. С. Долидзе. Тбилиси, 1963 (на груз. яз.), с. 409 сл.

[13] См. очерки А. Казбеги о жизни населения Хеви в кн.: *Итонишвили В.* Семейный быт мохевцев. Тбилиси, 1970 (на груз. яз.), с. 42; ср. там же, с 50.

[14] Это засвидетельствовано, например, у абхазов; см. Народы Кавказа, II, с. 401.

[15] *Ковалевский М.* Закон и обычай на Кавказе. Т. II. М., 1890, с. 108.

[16] *Хаханов А.* Тушины.— Этнографическое обозрение, 1889, с. 7, 8; *Макалатиа С.* Тушети. Тбилиси, 1933 (на груз. яз.), с. 44.

[17] *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, с. 54, 56; ср. с. 111, 113, 160 сл.

[18] *Гурко-Кряжин В. А.* Хевсуры. М., 1928, с. 18.

[19] *Ковалевский.* Ук. соч., II, с. 83—84, 108.

[20] Там же, с. 84.

[21] См. *Мачабели С. М.* Экономический быт государственных крестьян Тионетского уезда Тифлисской губернии.— Материалы для изучения экономического быта госу-

ного передела земля не могла быть продана и передана в аренду, нельзя было ее оставить и необработанной. Но все эти ограничения, видимо, являлись результатом движений, стремившихся к уравнению и устанавливавших подобную регламентацию [22].

Такие ограничения в сфере собственности мы не встречаем в более раннее время, например, в Сванети, откуда до нас дошли освещающие этот вопрос документы. Пахотная земля и здесь не была в общем пользовании. В общей, сельской и общинной, собственности находились пастбища, сенокосы и некоторые леса. Землевладелец имел полное право на продажу земли, хотя и он был обязан в первую очередь предложить покупку своим родственникам и членам своей общины [23]. Преимущественное право приобретения земли умершего при отсутствии прямых наследников членами того же рода существовало, по всей видимости, и среди горцев Восточной Грузии [24]. Установление у грузинских племен с ранних времен дворовой (индивидуальной или большесемейной) собственности подчеркивалось уже М. Ковалевским и связывалось им с распространением здесь «заимочного землевладения» (*ахос агеба*) [25], при этом говорилось о наличии среди горцев Восточной Грузии общей, сельской собственности на пастбища и леса [26]. Это обстоятельство отмечалось и многими другими исследователями [27]. Конечно, домашний скот везде находился в собственности малых или больших семей.

Отдельно следует отметить наличие земель общинных святилищ, так называемых *хати* или *джвари*, представлявших одну из наиболее широко распространенных у грузинских горцев форм общинной собственности. В засвидетельствованную документально и этнографическими материалами эпоху это явление не было особенно масштабным в отношениях собственности и вообще в социально-экономических процессах (хотя в Хевсурети, например, подобные святилища были крупными владельцами земельного фонда, владели лучшей частью общинных земель [28], охватывающей примерно треть всех обрабатываемых земель, в некоторых же селениях даже половину их) [29]. Однако концентрация многих сторон жизни вокруг этих святилищ и повсеместное распространение института хати (джвари) и землевладения святилищ у грузинских горцев важны для воссоздания древних форм социальных отношений среди горских (и, возможно, вообще грузинских) племен. Все это, видимо, указывает на «храмовый» характер древнегрузинской общины, на сосредоточение в древности общинной собственности, производства и распределения, управления общиной, вообще всей материальной и духовной жизни общины вокруг этих общинных святилищ.

И в поздний, воссоздаваемый нашими материалами период олицетворением единства сельской общины (села) или нескольких сел (хеви) в первую очередь является именно наличие общинного культа, что можно рассматривать как пережиток культового характера общины [30].

дарственных крестьян Закавказского края. Т. V. Тифлис, 1887, с. 373—375; *Макалатиа*. Пшави, с. 32—33.

[22] Там же, с. 34.

[23] *Нижарадзе Б.* Историко-этнографические труды. Т. I. Тбилиси, 1962 (на груз яз.), с. 114 сл.; *Ковалевский*. Ук. соч., II, с. 55.

[24] См. данные «Дзеглис дадеба»: *Путкарадзе Я.* К истории права грузинских горцев. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.), с. 83.

[25] Этот термин, возможно, находится в родстве с засвидетельствованным в значении «пахать» вейнахским словом «аха»; см. Ингушско-чеченско-русский словарь. Грозный, 1962, с. 20; Русско-чеченско-ингушский словарь. Грозный, 1966, с. 399.

[26] *Ковалевский*. Ук. соч., I, с. 60—61; II, с. 84, 107, 162, 206, 269 сл.

[27] См., например, в отношении Сванети: *Харадзе Р.*, *Робакидзе А.* Сванское село в прошлом. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.), с. 23, 77; *Тевдорадзе*. Пять лет в Пшав-Хевсурети. II. Тбилиси, 1939 (на груз. яз.), с. 44, 76.

[28] *Макалатиа*. Хевсурети, с. 54; Народы Кавказа, II, с. 313 сл.

[29] *Гурко-Кряжин*. Ук. соч., с. 39.

[30] Ср. *Хизанишвили* (*Урбнели*) *Н.* Этнографические сочинения.— Материалы по этнографии Грузии. II. Тбилиси, 1940 (на груз. яз.), с. 19.

Члены общины считались рабами, слугами (*мона*, *кма*) общинного святилища — хати. Для обслуживания хати выделялся определенный участок земли, доход от которого целиком шел на нужды культа, в частности для устройства культовых празднеств [31]. Святилище хати, кроме земли, могло иметь строение и инвентарь, предназначенные для культовой общественной трапезы и также составлявшие общинную собственность. Вся эта собственность находилась в распоряжении выборных должностных лиц общины (*хевисбери*, *деканози*, *хуцеси*, *шулта* и др.). Члены общины — «слуги», «рабы» этих хати, называвшиеся *могандзурами*, коллективно обрабатывали земли святилища. Такая общинная совместная работа, известная под названием *сахато нади* или *сатемо нади*, обыкновенно оканчивалась общей трапезой [32]. В каждом хевсурском селении существовал земельный участок, считавшийся собственностью хати, который обрабатывали выбранные сроком на один-три года *дастуры*. Полученный на этом участке ячмень хранился в зернохранилищах хати и использовался для варки пива — обязательного напитка на общинных культовых празднествах (*хатоба*) [33]. Описанное явление наблюдается у всех восточногрузинских горцев, хотя в Тушети оно не имело такого распространения, как в Пшави и Хевсурети. В Тушети пахотная земля подобных святилищ имела небольшие размеры — 1—2 дгиури (один дгиури примерно равен 0,5 десятины). Ее поочередно обрабатывали слуги святилища хати. Каждый год их состав определялся путем жребия, в котором участвовали все мужчины старше 18 лет. Тот, кому выпадал жребий, назывался *мнате*; он и занимался обработкой земли святилища с помощью односельчан. Зерно, полученное с этого участка, целиком шло на приготовление пива для общественной трапезы [34]. Сходный обычай существовал в Мтиулети. И здесь были общинные земли, которые поочередно обрабатывались 4—5 жителями села сообща, они и собирали с них урожай, а взамен давали селу *сабегро* — водку и скот для устройства общинной трапезы. Наряду с этой категорией земли здесь были также земли святилища хати, которые поочередно использовались общинниками. Семья, пользовавшаяся ими, предоставляла для общественной трапезы *кулух* (вино и скот) [35].

Институт хати (джвари) особенно тщательно был изучен В. В. Бардавелидзе [36]. Хотя известно, что в позднюю эпоху хевисбери и другие члены персонала хати в основном занимались культовыми делами, однако имеется материал, свидетельствующий о том, что раньше они заведовали общинными делами вообще, что подтверждает мысль о теократическом характере древнегрузинских (в частности горских) общин. В поздний период общинная собственность (кроме отмеченной выше общей собственности на пастбища, сенокосы и леса) в основном сузилась до участков, специально отведенных для обслуживания нужд общинного святилища, и в связи с этим главы общины постепенно стали обслуживающим хати персоналом, служителями святилища.

Аналогичную картину следует предполагать также и у горцев Западной Грузии, в частности у сванов. В селении Кала, например, имелись церковные земли на имя св. Квирикэ — 15 дгиури. Наряду с этой пахотной землей святилище располагало также лесом. Земли святилища делили между собой и обрабатывали жители села. Обрабатывающий землю был обязан на праздник св. Квирикэ прийти с определенным количеством

---

[31] *Ковалевский*. Ук. соч., I, с. 285 сл.

[32] Там же, II, с. 108 сл.

[33] *Камараули А.* Хевсурети. Тбилиси, 1932 (на груз. яз.), с. 56—57.

[34] *Джалабадзе Г.* Земледелие в Тушети.— В кн.: К этнографическому изучению Тушети. Тбилиси, 1967 (на груз. яз.), с. 12—13.

[35] *Харадзе Р., Робакидзе А.* Мтиульское село в прошлом. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.), с. 50—52.

[36] См. его статью в сб.: Народы Кавказа, II, с. 313—315.

водки. Церковные участки имелись здесь и в других селениях [37]. Если учесть то обстоятельство, что в Сванети языческие верования и традиции подверглись основательной христианизации, следует полагать, что и церковные земли здесь пришли на смену земельным владениям языческих святилищ.

Итак, в горной Грузии существовали элементы общинной собственности — общая собственность на пастбища, сенокосы (в Сванети — на неорошаемые сенокосы) [38], леса, на земли общинных святилищ, но основные средства производства (преобладающая часть пахотной земли, домашний скот) являлись объектом обособленной собственности. Правда, существовала еще собственность «больших семей», где отмечалось коллективное производство и потребление, однако ее нельзя рассматривать в качестве формы коллективной собственности, как об этом уже говорилось выше. В грузинской этнографической литературе существует два разных подхода, два разных взгляда на сущность засвидетельствованного среди горцев института «большой семьи». Одни исследователи в «большой семье» (resp. в «семейной общине») видят пережиток возникшей в условиях распада первобытнообщинного строя древней семейной общины [39], другие исследователи отрицают это для засвидетельствованных в позднее время (XIX—XX вв.) среди горцев «больших семей» [40].

Конечно, вовсе не исключено, что даже в поздних большесемейных образованиях в системе управления, семейном культе и других верованиях, в идеологических представлениях с древнейших времен сохранились традиции реального родового строя, но в социально-экономическом отношении они, как уже было сказано, не имеют ничего общего с родовым (первобытнообщинным) строем, они являются органически характерными для классового общества ячейками и основываются не на коллективной, а на обособленной собственности. Сама «большая семья», как правило, создается на базе малой семьи путем ее разрастания, так же как затем она постоянно делится, распадается на малые семьи. Несмотря на внешнее сходство «большой семьи» с первобытной коммуной между ними имеется существенная, принципиальная разница. Коллективная собственность в «семейной общине» олицетворяет отношения не в социальном организме («обществе») вообще, а в его маленькой ячейке. Эти отношения не являются в данном случае базисом, фундаментом социального организма, коллективная собственность семейной общины, как было уже отмечено,— это обособленная собственность, «большую семью» нельзя вообще считать пережитком первобытнообщинного строя, это характерное для классового общества явление [41].

Таким образом, материалы позднего средневековья и XIX—XX вв. свидетельствуют о том, что по своей природе общины горцев Грузии — не родовые, а имеющие характерную для классового общества структуру образования. Но одновременно мы не можем не обратить внимания на ряд специфических обстоятельств и, в частности, на структуру горских поселений, которые часто состоят из близкородственных семей и фамилий и в то же время сохраняют характерные для общины (в том числе и для древней родовой общины) институты: запрещение браков между членами одной фамилии, кровную месть, систему взаимопомощи, принцип родства при наследовании имущества, общинные культы и празднества, институт народного собрания и выборность управляющих общиной лиц и т. д. Во

---

[37] *Харадзе, Робакидзе.* Сванское село в прошлом, с. 78; *Джалабадзе.* Ук. соч., с. 5.

[38] *Харадзе, Робакидзе.* Сванское село в прошлом, с. 78.

[39] *Они же.* Мтиульское село в прошлом, с. 32—35, 73; *Итонишвили.* Семейный быт мохевцев, с. 3, 14.

[40] *Чкония И. В.* О природе большой семьи.— VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва, август 1964. Тбилиси. 1964.

[41] *Семенов.* Ук. соч., с. 44—45.

всем этом мы вполне можем видеть сохранение, конечно в трансформированном виде, древних традиций, пережитков древнейшего быта, но они не меняют природу самой общины, и она нам закономерно представляется как сельская община, соответствующий классовому обществу социальный организм. При этом следует отметить также факт объединения в некоторых общинах населения нескольких селений и даже существование объединений таких общин (чаще всего известных под наименованием хеви) с аналогичными мелкой общине функциями.

Почти везде на уровне селения, объединения сел — общины или объединения общин — хеви мы встречаемся с институтом народного собрания, народных сходов, который ограничивал власть общинных старшин. В Сванети, например, засвидетельствовано существование всеобъемлющего союза общин (*эртобил сванетис хеви* — «хеви (дословно ущелье) всей Сванети»), который в дальнейшем сузился и охватывал лишь восточную часть Верхней Сванети (Балзсемо Сванети — «Вольная Сванети»). Это объединение имело свое народное собрание (*хевоб*), созывающееся периодически — раз в три года. На собрании было обязательным присутствие представителя (скорее всего, главы — *кора махвши*) семейной общины. На сходе обсуждались вопросы взаимоотношений и прерогатив входящих в объединение общин, семейно-правовые нормы, вопросы созыва общих ополчений и т. д. Здесь же принималась присяга на верность народу и решениям народного собрания, которые должны были выполняться беспрекословно. Союз имел свой совет старейшин, который избирался общим собранием и состав которого обновлялся через каждые три года [42]. В Сванети каждое «общество» (*абуасд*) в качестве высшего органа имело свое собрание (*лузор*) или сход (*лухор*), который возглавлял *махвши* (глава дома). На собрании присутствовали все мужчины старше 20 лет [43].

Собрания общины, объединяющей население многих сел, встречаются и в других местах [44]. Большое объединение общин засвидетельствовано среди тушин [45]. Пшави делилось на 12 общин. Во главе каждой из них стоял хевисбери, главой же всех хевисбери был *тавхевисбери*. В военном походе он предводительствовал народным ополчением, неся впереди него знамя главного Лашарского святилища и крест. Вопросы мира и войны решались на объединенном сходе всех 12 общин, который проходил под предводительством тавхевисбери. На сход приглашались хевисбери общин и почетные старцы отдельных родов (фамилий) [46].

В горных районах Восточной Грузии (Пшави, Хевсурети и др.) в XIX в. известен целый ряд крупных или мелких общинных объединений. В центре каждого крупного объединения находилось общинное святилище. Во главе общин стояли хевисбери или хуцеси, которые одновременно были главными жрецами святилищ. Хевисбери следил за соблюдением порядка в общине, собирал в случае необходимости военное ополчение и возглавлял его, заведовал имуществом святилища — его землями, скотом и другим имуществом, выполнял все главные ритуалы, руководил общинными культовыми празднествами. Кроме хевисбери существовал ряд других общинных должностей (*дастури, деканози, шулта, хуцеси*; у сванов — *меломе* — «знаменосец» и т. д.) [47]. В некоторых местах (например в Тушети) эти должности становились наследственной привилегией [48].

У грузинских горцев широко было распространено запрещение браков не только между членами одного рода, но и между членами родственных,

---

[42] Народы Кавказа, II, с. 312.
[43] *Нижарадзе.* Историко-этнографические труды, I, с. 85, 92.
[44] *Харадзе, Робакидзе.* Мтиульское село в прошлом, с. 48.
[45] *Ковалевский.* Ук. соч., II, с. 123.
[46] *Макалатиа.* Пшави, с. 19.
[47] *Эриашвили Ж.* Древнейшие социально-религиозные институты в горных районах Грузии. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.).
[48] Народы Кавказа, II, с. 313 сл.; *Ковалевский.* Ук. соч., I, с. 117 сл.; II, с. 70—71.

происходящих из одного корня родов (фамилий) [49]. Также следует отметить, что члены малой или большой семьи, иногда члены всего рода не только с отцовской стороны, но и со стороны матери были обязаны мстить за своего сородича, погибшего от руки члена другого рода [50].

Имущество у сванов при отсутствии прямых наследников переходило к родственникам и членам рода умершего [51]. Оно могло быть продано чужому лишь в том случае, если родственники отказывались его приобрести. Эти последние, следовательно, пользовались правом первоочередного приобретения имущества сородича [52]. Подобное право родственников на имущество сородича было распространено и среди горцев Восточной Грузии — один из юридических документов XVIII в. направлен против данного обычая, запрещая занятие участка умершего без наследника даже его братом, живущим отдельно [53].

В сельских общинах грузинских горцев засвидетельствованы разные виды взаимопомощи. В Хеви, например, известен обычай *очхар*: народ по доброй воле жертвует хлеб, овцу, сено обедневшему общиннику, который об этом особо просит [54]. Также и тушины попавшему в беду в результате несчастного случая устраивали очхар и помогали чем могли. Очхар известен и при строительстве дома — если строящий дом член общества был не в состоянии сам справиться с этим делом, ему помогали доставкой стройматериалов, деньгами, продовольствием и т. д. [55]. В Пшави существовал очхар как помощь понесшему какой-нибудь урон овцеводу. «Хозяин очхара» приготавливал водку и приглашал к себе соседей, которые приходили к нему, благославляли его дом и семью и там же объявляли о своей помощи, даря ему в знак этого хлеб или овцу [56]. В Сванети, среди горцев Западной Грузии, также засвидетельствованы различные формы взаимопомощи (при строительстве дома стройматериалами и рабочей силой и т. д.). Обязанностью общины была также забота о содержании безродных и одиноких стариков, немощных и нищих [57].

Таким образом, грузинские горцы до поздних времен сохранили общину и характерные для системы общинного управления порядки, многие злободневные вопросы решались на основании утвердившихся в народе обычаев, а важные вопросы общественных отношений подлежали решению глав общины и сведущих людей [58]. Но все это не выходит за рамки явлений, характерных для сельской общины раннеклассового общества, и квалификация их как проявлений «родового строя», конечно, невозможна.

Несмотря на это, все означенные факты заслуживают внимания в первую очередь с точки зрения изучения генезиса соответствующих явлений,— многие из них, следует полагать, берут начало в древнейших, именно характерных для родового строя архаических традициях (кровная месть, взаимопомощь, общинный культ и рассмотрение общинников как «рабов (слуг) святилища», система гражданского управления и организация службы культа и др.). С другой стороны, до самого позднего времени такого рода факты среди грузинских горцев были до того живучи, жизнеспособны и многочисленны, что нельзя не учитывать их и при рассмотрении социально-экономического строя этих народов. Коллективистские традиции — эти пережиточные трансформированные формы родового строя — находят свое выражение не только в отдельных сторонах жизни (быт, культ и др.), но также и в том, что выразителем суверенитета

---

[49] *Ковалевский.* Ук. соч., I, с. 17; II, с. 6.
[50] Там же, I, с. 20; II, с. 116.
[51] Там же, II, с. 55.
[52] Там же, с. 58.
[53] *Путкарадзе.* Ук. соч., с. 83 и др.
[54] *Макалатиа С.* Хеви. Тбилиси, 1934 (на груз. яз.), с. 109.
[55] *Он же.* Тушети, с. 101, 138.
[56] *Он же.* Пшави, с. 44.
[57] *Нижарадзе.* Историко-этнографические труды, I, с. 116.
[58] *Харадзе, Робакидзе.* Сванское село в прошлом, с. 71.

здесь часто выступает сам народ — община, село или хеви, а не стоящие во главе их местные, общинные старейшины или должностные лица крупных грузинских политических образований, назначаемые порой властителями этих образований. Материал, свидетельствующий об этом, можно в довольно большом количестве обнаружить даже в письменных источниках.

В первую очередь в связи с этим следует указать на сванские документы позднего средневековья [59]. Обращает на себя внимание тот факт, что многие документы составлены от имени «объединенного хеви» (ущелья) или «всесванского хеви». Так, например, в одном документе, относящемся к XIV—XV вв., «хеви всей Сванети между Ушгули и Лалвери» обязывается совместно реагировать на разные нарушения со стороны отдельных общин [60]. В другом документе (XV—XVI вв.) «объединенное сванское хеви между Атквери и Бела» грозит проклятием злоумышленникам — тем, кто обворует со взломом церковь, захватит в плен кого-либо и продаст в Осетию, кто обидит священника и т. д. [61]. Следует отметить, что, судя по этим документам, ответственность за проступок, совершенный членом общины, например за взлом церкви, в том случае если тот не выплатит соответствующей компенсации, будет нести «его страна», «его ущелье (хеви)», т. е. община [62]. Аналогичные документы имеются и из горного региона Восточной Грузии. Например, известный документ «Ганчинеба бариса да мтиурта адгилта» (сборник законов для равнинных и горных местностей), составленный во второй половине XVIII в. Леваном и Вахтангом (Алмасханом) Багратиони для населения бывшего Арагвского эриставства, устанавливает коллективную ответственность села (т. е. сельской общины) за поимку злоумышленника [63]. В «Дзеглис дадеба» (XIV в.) сказано, что если царского служащего (ганмгебели) убьет «страна, село, хеви или отдельное лицо», наказывается село [64]. Следует отметить также, что если в одних случаях, согласно древним надписям из Сванети, строителями здешних церквей выступают отдельные знатные лица, то в других случаях их строит «все хеви» (т. е. община) [65]. В некоторых надписях, отмечающих факт строительства или украшения церкви стенной росписью и т. п., говорится, что это было сделано для населения всего хеви (общины) [66].

Можно привести аналогичные примеры из материалов, относящихся к горной полосе Восточной Грузии. В грамоте царя Баграта V (1360 — 1395 гг.), например, сказано: предоставлен храм «вам, гергетийцам (речь идет об известном средневековом храме в Гергети вблизи совр. Казбеги.— *Г. М.*) — слугам и детям Святой Троицы» [67]. Некоторые документы такого рода относятся к XIX в. Например, царскому наместнику на Кавказе Цицианову посылают письмо «мтиулы, во всей их совокупности» [68], царевич Александр обращается с письмом к тагаурцам вообще — «к старейшинам тагаурцев и народу тагаурской общины» [69]. В 1732 г. грузинский царь Вахтанг выдает документ «всем мохевцам (мохевцам во всей их совокупности)» [70]. Кроме того, имеются записи, где, например, говорится:

[59] См. *Ингороква П.* Исторические памятники Сванетии. Т. II. Тбилиси, 1941 (на груз. яз.).

[60] Там же, с. 5 (№ 1); см. также *Хаханашвили А.* Грузинские рукописные евангелия.— МИА, вып. X, с. 28.

[61] *Ингороква.* Ук. соч., с. 37—38 (№ 29); ср. *Габлиани Егн.* Старый и Новый Сванети. Тбилиси, 1925 (на груз. яз.), с. 44—45.

[62] *Бердзнишвили М.* Сванские документы как источник социальной истории Сванети XIV—XV вв.— В сб.: Грузинское источниковедение. II. Тбилиси, 1968 (на груз. яз.), с. 112.

[63] *Путкарадзе.* Ук. соч., с. 83.

[64] Памятники грузинского права, I, с. 403.

[65] *Бердзнишвили.* Ук. соч., с. 127.

[66] *Силогава В.* Фресковые ктиторские надписи в Верхней Сванети.— В кн.: Сванети. Т. I. Тбилиси, 1977 (на груз. яз.), с. 53.

[67] *Макалатиа.* Хеви, с. 228.

[68] *Он же.* Мтиулети, с. 37.

[69] *Он же.* Хеви, с. 54.

[70] Там же, с. 45.

«(Боже), помилуй село Мехиси» или «Помилуй строителей твоих — ущелье (хеви) Тхарети» [71].

При характеристике социально-экономического строя грузинских горцев в первую очередь следует указать на факт слабой дифференциации этих «обществ» как в экономическом, так и социальном и правовом отношениях. Правда, в этих обществах имеются богатые и бедные, сильные и слабые, но различия между ними не столь уж глубоки и вместе с тем община постоянно и энергично стремится к сглаживанию этих различий, противится возвышению, обогащению одних, превращению их в господ и угнетателей, других же — в подчиненных и угнетаемых.

Выше мы уже говорили о некоторых формах взаимопомощи, существовавших в горских общинах. В частности, речь шла о характерном для горцев Восточной Грузии обычае очхар. Следует указать на этот факт также и в качестве подтверждения существования в общине категории обедневших ее членов. В то же время отмеченные выше факты совместного функционирования всей общины в экономической или общественно-политической сфере, «демократическая» система ее управления и т. д. являются признаками слабой дифференциации этих обществ. Следует отметить, что в Хевсурети вообще не было термина, обозначающего знатность того или иного члена общины, и хевсуры гордились тем, что никогда не были слугами (крепостными) кого-либо [72]. Вообще в Пшави и Хевсурети, так же как и в Тушети, и в XIX в., в момент присоединения к России, не существовало класса лишенных гражданской свободы и юридически неполноправных людей [73]. В этом отношении восточногрузинские горские общины выглядят еще более «демократичными», чем сванские и северокавказские горские общества.

По вопросу о социально-экономической дифференциации горских обществ особенно обильный материал содержат документы XIX в. В 1875 — 1876 гг. Сванети охватило волнение, поводом для которого послужила начатая правительством в «Вольной Сванети» опись земель, в чем население усмотрело подготовку обложения земли податью. Был созван народный сход «Верхнего хеви» (т. е. «Вольной Сванети») в с. Кала. Посланные к губернатору сванские послы заявили, что они никогда не платили подати, они бедны, но и в случае, если бы были богаты, не согласились бы платить подать, так как не привыкли к этому, что в прошлом они претерпели много бед из-за того, что не хотели быть крепостными кого-либо, остались вольными людьми и ныне желают быть таковыми [74]. Царскому наместнику на Кавказе Воронцову сваны также заявили, что у них не было до сих пор господ, старейшиной же являлся избираемый «обществом» *махвши*; многие, правда, старались подчинить их, но сделать это никому не удалось [75]. В одном из крупных селений «Вольной Сванети», Ушгули, придерживались правила, что ни один князь (*тавади*) или дворянин (*азнаури*) не мог верхом въехать в село — на расстоянии трех верст он должен был оставить коня и пешком войти в село [76]. В горной Сванети были отдельные выдвинувшиеся роды (фамилии), но им не удалось окончательно оторваться от общины и образовать особый социальный слой [77]. И даже в те промежутки времени, когда здесь засвидетельствовано присутствие азнауров, отчетливо видно, что остальной народ сохранял полноправие при рассмотрении и решении относящихся ко всей общине (хеви) вопросов, социальное неравенство не носило правового (юридически оформленного) характера [78]. Таким выдвинувшимся лицам община противостоит

[71] *Макалатиа.* Мтиулети, с. 153 сл.
[72] *Гурко-Кряжин.* Ук. соч., с. 35.
[73] *Ковалевский.* Ук. соч., I, с. 276.
[74] *Нижарадзе.* Историко-этнографические труды, II, с. 182.
[75] Там же, с. 205.
[76] Там же, с. 74.
[77] *Бердзнишвили.* Ук. соч., с. 108.
[78] Там же, с. 129.

как единое целое. В одном из документов, например, речь идет о том, что азнаур Джапаридзе и «мы, три общины (*теми*)» поссорились: община требует возвращения захваченных Джапаридзе земель или компенсации (выплаты стоимости) и предупреждает его, что в случае невыполнения этих требований может пролиться кровь [79].

В актах переписи XIX в. в Тушети, Пшави и Хевсурети не упоминается ни одного азнаура. Почти нет их в Мтиулети, а в Хеви по спискам, составленным в 1886 г., они имелись лишь в Казбеги [80].

Известно, как энергично противилась восточногрузинская горская община возвышению своих членов, отделению их от общины (это явление здесь было известно под названием *габудакеба*). Община не особенно противилась присвоению общинных земель или другого общинного имущества (например строений), когда это исходило от неимущих членов общины и касалось сравнительно небольшого участка земли или другого имущества, но с большой непримиримостью реагировала, когда это исходило от уже достаточно усилившихся родов и имело целью создание таким путем для себя прерогатив в общине (т. е. происходило отмеченное выше *габудакеба*). Община не позволяла таким лицам присваивать и передавать по наследству общинный земельный участок или, например, строение, предназначенное для общинных культовых празднеств [81].

В XIX в., когда даже в Хевсурети сильно углубилась экономическая дифференциация населения и богатые путем покупки или аренды овладевали земельными участками своих обедневших родичей, обедневшая часть крестьянства потребовала восстановления общинной системы землевладения и учреждения практики периодических переделов земли. Но этому воспротивилась зажиточная часть населения. Согласно постановлению Ахиельской общины, принятому 25 августа 1855 г., пахотная земля и сенокосы должны быть поровну поделены между крестьянскими дворами. Пастбища и леса были в общей собственности села, так же как и оставшиеся без наследников участки. Из всех трех видов пахотной земли (*карис пирис*, *барис*, *мтис*, т. е. приусадебной, находящейся на равнине и в горах) каждый дым получал равные участки. Даже проданные земли должны были возвращаться общине для перераспределения. Этот передел совершался на срок 18 лет и после этого должен был быть произведен заново. Однако движение за передел земли в Хевсурети в то время потерпело неудачу [82].

В то же время ожесточенная борьба между обедневшей и зажиточной частями населения разгорелась и в Пшави. Неимущие или малоимущие требовали упразднения частной собственности и запрещения купли-продажи земли. Они прекратили даже выплату податей казне, по их словам, до тех пор, пока у них не будет восстановлено общинное землевладение и земля не будет поровну распределена между дымами. Правительство вынуждено было пойти на уступку и объявило о периодическом переделе земли. С 1870 г. он частично был проведен: по жребию земля была поровну разделена между отдельными дымами и было установлено, что такой передел будет проводиться через каждые 20 лет [83].

Социально-экономическая дифференциация населения Тушети быстро продвинулась вперед в XIX в., после присоединения к России. Здесь возникла группа крупных собственников, которые владели тысячами овец. И земли были присвоены сильными и состоятельными семьями. У большинства же остались небольшие участки, появились также семьи, совершенно лишенные земли. В 1880 г., когда проводилось размежевание земельных участков, малоземельные и безземельные тушины потребовали

---

[79] Там же.
[80] *Харадзе, Робакидзе.* Мтиульское село в прошлом, с. 19.
[81] Там же, с. 54—56.
[82] *Макалатиа.* Хевсурети, с. 54—56.
[83] *Он же.* Пшави, с. 32—33.

упразднения частной собственности на землю и восстановления древнего общинного землевладения. Была выбрана комиссия, которая должна была заняться распределением земли между отдельными дымами. Однако против этого стала возражать зажиточная часть населения, и означенная комиссия не смогла осуществить задуманное мероприятие. Лишь в отдельных селениях в результате ожесточенной борьбы удалось частично осуществить эту реформу, и земли были поделены между дымами [84]. В связи с этим следует отметить, что, по мнению некоторых исследователей, подобное стремление к переделам — новое явление, возникшее на основании углубления в XIX в. социально-экономической дифференциации и появления резкого экономического неравенства, по мнению же других,— это древнее явление [85].

Материалы из восточной и западной частей горных областей Грузии дают яркие примеры того, как народ (община) расправлялся с людьми, стремившимися к возвышению над общиной и приобретению над ней господства. Об этом дошли до нас предания как от восточногрузинских горцев [86], так и из горной части Западной Грузии, в частности из «Вольной Сванети». Мы имеем в виду многочисленные предания о том, как жестоко расправился народ с членами азнаурских фамилий — Геловани, Чарквиани, Кипиани и др., которые пытались наложить ярмо крепостной зависимости на свободных общинников. В XVIII в. произошло свержение господства рода Чарквиани в Ушгули, в Латале же Чарквиани были истреблены и их владения распределены между общинниками уже в XIX в.[87] По преданию, когда некий Гиви Гулбани укрыл у себя азнаура Гела Девдариани, попытавшегося подчинить себе ипарцев и после поражения бежавшего от них, «общество» (т. е. община) посадило его (Гулбани) на кол [88]. Из другого предания известно о поголовном истреблении общинниками рода Джапаридзе в Местиа [89].

Факт слабой социально-экономической дифференциации горского населения Грузии отчетливо подтверждается проводившейся во второй половине XIX в. крестьянской реформой [90]. Правда, в Восточной Сванети к этому времени довольно в большом числе известны люди, называвшие себя азнаурами, но при этом ни о какой крепостной зависимости от них населения речь не шла. В Хеви в этот период произошло возвышение рода Казбеги, в Мтиулети как будто члены рода Надибадзе считались азнаурами, но вообще ни здесь, ни в других горных регионах Восточной Грузии (например, в Пшави, Хевсурети, Тушети) слоя дворянства не было, и при переписях он не зафиксирован [91]. Следовательно, здесь не было и крепостной зависимости, и класса лишенных гражданских прав людей, и, по словам М. Ковалевского, крестьянской реформе нечего было здесь делать — некого было освобождать [92]. Картли-Кахетинское дворянство же, которое в феодальную эпоху не раз пыталось подчинить себе горцев, не преуспело в этом своем стремлении и не смогло его осуществить. В XIX в. оно не могло представить каких-либо доказательств, подтверждающих факт его господства над горцами, и русское правительство признало последних свободными от крепостной зависимости.

---

[84] *Мачабели.* Экономический быт..., с. 372, 386—389, 394—395; см. *Макалатиа.* Тушети, с. 44—45.

[85] Ср. *Ковалевский.* Ук. соч., II, с. 84; *Антелава И. Г.* Государственные крестьяне Грузии в XIX веке. Т. I. Тбилиси, 1969, с. 152 сл.

[86] См. *Макалатиа.* Хеви, с. 43. Одно из преданий дошло до нас и в стихах; см. *Шанидзе А.* Народная поэзия. I. Хевсурская поэзия. Тбилиси, 1931 (на груз. яз.), с. 337—342.

[87] *Гасвиани.* Ук. соч., с. 212—221; *Харадзе, Робакидзе.* Сванское село в прошлом, с. 109—110.

[88] *Нижарадзе.* Историко-этнографические труды, I, с. 86.

[89] *Ковалевский.* Ук. соч., II, с. 13.

[90] См. *Гасвиани.* Ук. соч., с. 330 сл.

[91] *Харадзе, Робакидзе.* Мтиульское село в прошлом, с. 18—20.

[92] *Ковалевский.* Ук. соч., I, с. 276.

Столь слабая социально-экономическая дифференциация горского населения имела свои довольно глубокие причины. Это были прежде всего ограниченность экономической базы этих регионов и наличие специфических условий, препятствовавших здесь развитию производительных сил. В большей или меньшей степени эти факторы действовали во всех высокогорных регионах Грузии. Недостаточность пахотной земли, а также порой и сенокосных и пастбищных площадей, суровый климат при условии примитивных сельскохозяйственных орудий делали невозможным расширенное воспроизводство, не способствовали повышению производительности труда, поэтому получение регулярного прибавочного продукта было чрезвычайно трудным. Все это объективно препятствовало процессу углубления дифференциации и отношений эксплуатации — «господства и подчинения» — внутри общества, стало непреодолимой стеной на его пути.

Хевсуры занимались земледелием и скотоводством, но ввиду природных условий (холодный климат, недостаток пахотной земли и леса) эти отрасли хозяйства не были достаточно развиты и не могли удовлетворить потребности здешнего, впрочем довольно малочисленного, населения. Земля в Хевсурети в значительной степени непригодна для ведения земледельческого хозяйства — почва, каменистая и бесплодная, требует большого количества удобрений. Ограничены здесь возможности и для развития скотоводства: хотя летние пастбища имелись в изобилии, но количество скота хевсуры не увеличивали, так как зима здесь долгая и для содержания в течение 7—8 месяцев в хлеве скота требуется большое количество корма. Бездорожье и соседство с вражески настроенным населением были дополнительным препятствием для отгона овец на зимние пастбища, поэтому в Хевсурети и мелкий рогатый скот зимой оставался на месте, и овцеводство также не было широко развито [93].

В Пшави пахотной земли тоже мало и значительная часть ее бесплодна, а примерно треть вообще непригодна для ведения хозяйства [94]. Пахотной земли мало также и в Горной Тушети. Большая часть земли камениста или покрыта лесом [95]. Правда, среди тушин было распространено преимущественно овцеводство и они уже в феодальную эпоху широко пользовались зимними пастбищами на равнине, в Кахети. Этого нельзя сказать о других горцах Восточной Грузии. Вообще фонд зимних пастбищ в Грузии довольно ограничен. Как и хевсуры, мохевцы тоже, например, мало пользовались ими и довольствовались развитием овцеводства на местной кормовой базе, поэтому здесь количество овец было лимитировано наличием местных кормов. Вследствие этого население отдавало предпочтение разведению крупного рогатого скота.

В литературе XIX в. неоднократно подчеркивается бедность населения Хеви. Мохевцы, как и другие горцы, страдали от малоземелья. Для того чтобы сделать участок пригодным для обработки, требовалась весьма трудоемкая работа по очистке его от камней. Не было леса; поля представляли или оголенные от дождей откосы гор, или же пространства, покрытые сплошь камнями от разрушающихся скал. Естественно, что годная для обработки земля не могла обеспечить зерном население данного региона [96]. «Заимочное земледелие» — освобождение земли от камней или леса и превращение ее в годные для обработки поля, как было уже отмечено выше, требовало затраты огромного труда, и такие участки превращались в объект индивидуальной (семейной, дворовой) собственности.

[93] *Макалатиа.* Хевсурети, с. 53, 56, 59, 63; *Гурко-Кряжин.* Ук. соч., с. 36; *Камараули.* Хевсурети, с. 9; *Ковалевский.* Ук. соч., I, с. 96; II, с. 107.

[94] *Макалатиа.* Пшави, с. 33; *Тевдорадзе.* Пять лет в Пшав-Хевсурети, II, с. 88. По данным 1857 г. урожай хлеба в Тушино-Пшаво-Хевсуретском округе был самый низкий (сам-третий) даже для отличавшейся вообще низкой урожайностью Тифлисской губернии; см. *Антелава.* Ук. соч., с. 371.

[95] *Макалатиа.* Тушети, с. 45; *Джалабадзе.* Ук. соч., с. 12.

[96] *Итонишвили.* Ук. соч., с. 36—42.

В литературе также часто подчеркивалась скудность Сванети в отношении ресурсов питания и трудности ввоза туда продуктов извне из-за бездорожья [97]. Вахушти Багратиони, описывая Сванети, подчеркивает ее еще меньший объем урожая и малое количество домашнего скота даже по сравнению с Двалети (Осетией) [98]. Это являлось причиной того, что уже в феодальную эпоху сваны в массовом порядке шли на сезонные заработки в другие районы Грузии и Кавказа. Их можно было видеть во многих местах — в Кабарде и Осетии, Кахети, Месхети, Гурии, Картли, Раче, Самегрело, Абхазии [99].

Часто горцы пытались компенсировать скудность жизненных ресурсов набегами на соседей с целью захвата их имущества, скота и т. д. Правда, у грузинских горцев это затруднялось тем, что на равнине они имели дело с хорошо организованной государственностью, преодоление сопротивления которой не было легким делом, но, несмотря на это, подобные набеги, особенно в раннюю эпоху, все же, видимо, имели систематический характер. Летописец царя Лаша-Гиорги (XIII в.), например, описывая картину благоденствия Грузии в эпоху царицы Тамар, замечает: «Овсы, мтиулы, кивчаги и сваны уже не прибегали к разбою. И было богатым это царство, в котором слуги (*кмани*) азнауров одевались подобно своим господам» [100]. Одним из следствий этих набегов было, вероятно, появление в грузинских исторических и других источниках ряда унизительных эпитетов по отношению к горцам. «Мокцевай Картлисай» (историческая хроника «Обращение (в христианство) Картли») называет горцев той эпохи (IV в.), насильно обращаемых в христианство св. Нино с помощью картлийских властей, «звероподобными» людьми [101]. Подобные эпитеты по отношению к горцам часто употребляет автор XVIII в. Вахушти Багратиони в своем знаменитом «Описании Царства Грузинского». В отношении населения бассейна р. Арагви и Базалети сказано: «Люди воинственные и ведущие разбой, не боящиеся бога» [102], в адрес жителей Ксанского ущелья: «воры, похитители, разбойники, бесстыдные» [103], о сванах же говорится: «разбойники, пираты, жестокие, невежы, безнравственные» [104].

Одним из основных путей образования верхнего слоя раннеклассового общества является выделение выполняющих организаторские функции людей, постепенно захватывающих экономические и политические привилегии и превращающихся из «слуг народа» в его господ и повелителей. Этот путь образования классов и господства одних людей над другими, как известно, детально охарактеризован Ф. Энгельсом в его классическом произведении «Анти-Дюринг» [105].

Несомненно, подобный процесс происходил и у грузинских горцев, однако здесь он имел свою специфику, так как путь к образованию самостоятельной государственности для горцев был закрыт. Горные регионы Грузии издавна входили в состав возникших на равнине крупных политических образований, и процесс классообразования благодаря постоянному их взаимодействию не мог иметь в горских обществах вполне самостоятельного, автономного характера.

Даже постоянные военные столкновения между соседними «обществами» здесь не оказывали существенного влияния на социально-экономическую дифференциацию, поскольку масштабы и роль таких столкнове-

[97] *Ковалевский.* Ук. соч., II, с. 43; *Анисимов С.* Сванетия, с. 75.

[98] *Вахушти.* Описание царства Грузинского (География Грузии). Под ред. Т. Ломоури и Н. Бердзенишвили. Тбилиси, 1941 (на груз. яз.), с. 173.

[99] *Джалабадзе.* Ук. соч., с. 27.

[100] Картлис Цховреба. Изд. С. Г. Каухчишвили. I. Тбилиси, 1955 (на груз. яз.), с. 369.

[101] Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Т. I (V—X вв.). Тбилиси, 1964 (на груз. яз.), с. 89.

[102] *Вахушти.* Ук. соч., с. 65.

[103] Там же, с. 69.

[104] Там же, с. 173.

[105] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 183 сл.

ний были сильно ограничены ввиду функционирования означенных обществ в рамках грузинской феодальной государственности. Нападения на соседей и подчинение их, наложение на них дани имели место, но все же носили эпизодический характер. В направлении формирования привилегированного слоя среди горцев более существенное значение имела служба у властителей грузинских феодальных царств и княжеств, поскольку она открывала путь к экономическому и политическому возвышению. В некоторых регионах (например в Западной Грузии — в Сванети) это явление приняло большой размах, в других (например в Восточной Грузии) — оно не было столь масштабным.

Правда, существовал институт глав (старейшин), осуществлявших функции руководства общественной, хозяйственной, военной и религиозной деятельностью в общине. В Хевсурети, например, можно сказать, правили хевисбери согласно общинным обычаям [106]. Однако в поздний период у этих глав общин фактически сохранились лишь функции, связанные с выполнением культовых обрядов, управлением общинным святилищем и его землями. В то же время служители культа старались присвоить земли святилища — лучший земельный фонд общины: в Хевсурети, как об этом уже говорилось выше, общинные святилища были крупными владетелями земельного фонда [107]. Вообще этнографические материалы названного периода фиксируют наличие в Хевсурети теократической верхушки. Высшая власть находилась в руках жрецов хати и хевисбери, хуцеси. Власть хевисбери в крупных общинах была пожизненной, бессрочной. В Мтиулети также пожизненно ставили деканозов, выполнявших сходные функции в общине, и должность которых нередко превращалась здесь в наследственную привилегию [108].

Хевисбери наблюдал за соблюдением должного порядка в общине, заведовал имуществом общинного святилища, ее землей и скотом, осуществлял контроль за выполнением общинниками сельскохозяйственных работ и в то же время как главный жрец исполнял все главные ритуалы. В верхушку общины (*джвариони*) входили и другие должностные лица, служилый и низший персонал в хозяйстве хати [109]. Поскольку исполнение функций хевисбери, хуцеси, деканозов приносило выгоду, лица, исполнявшие их, в позднюю эпоху старались сделать свои должности наследственными [110].

Хевисбери и других местных должностных лиц мы встречаем во всех горных регионах Восточной Грузии. Согласно «Дзеглис дадеба», хевисбери являлся центральной фигурой в Мтиулети и Хеви [111]. В Мтиулети существовал также институт деканозов. В позднее время они заведовали только лишь культовыми делами. И раньше, по сравнению с хевисбери, они в основном осуществляли свою деятельность в этой сфере жизни [112], хотя в их ведении порой находились также и семейные и общественные отношения [113]. Экономически хевисбери и деканозы составляли группу состоятельных людей, они, в частности, присваивали и значительную часть захваченной в результате набегов на соседей добычи [114].

В общине всеобщим почетом пользовались, кроме вышеназванных, также и лица, имевшие какие-либо особые заслуги перед общиной, например, отличившиеся в борьбе с врагами воины и т. д. В Хевсурети их называли *карги кма*. Однако общине нередко приходилось вести борьбу с людьми, требующими за свои заслуги особых привилегий и добиваю-

---

[106] *Макалатиа*. Хевсурети, с. 28.
[107] Там же, с. 54; ср. с. 247.
[108] *Макалатиа*. Мтиулети, с. 150.
[109] См. *Бардавелидзе В. В.*— В кн.: Народы Кавказа, II, с. 313—315.
[110] *Гурко-Кряжин*. Ук. соч., с. 40.
[111] Памятники грузинского права, I, с. 401—421.
[112] *Хаханов*. Тушины, с. 8—9.
[113] *Макалатиа*. Мтиулети, с. 150.
[114] *Он же*. Тушети, с. 92—93.

щимися прерогатив по отношению к другим членам общины [115]. Все же среди горцев, по крайней мере Восточной Грузии, если исключить спорадически встречавшиеся в поздний период явления, когда здесь появлялись те или иные азнауры, несмотря на наличие между общинниками определенного экономического и социального неравенства, развитие не пошло столь далеко, чтобы мог образоваться резко отделенный от рядовых общинников верхний слой, юридически оформивший свое превосходство над ними. Правда, к этому стремились властители грузинских феодальных царств и княжеств. В этом аспекте весьма характерны некоторые постановления составленного для горцев правового документа «Дзеглис дадеба». Как выясняется из этого документа, горцами управляли поставленные царем должностные лица — эристави и его помощник гамгебели, но здесь же зафиксировано также существование местных глав — хевисбери, к узаконению прерогатив которых и стремилась царская власть. «Дзеглис дадеба» устанавливает целый ряд привилегий для хевисбери и его близких. За убийство хевисбери назначается «плата за его кровь» — 6000 тетри (§ 6) и вместе с тем говорится, что если убьют кого-нибудь из членов его семьи («не разделенных» с ним) — отца, дядю, брата, племянника, совершивший это злодеяние должен выплатить также 6000 тетри (§ 7). Более низкая компенсация устанавливается для живущего отдельно от него родича и вообще для человека его рода — 3000 тетри (№ 9). Для сравнения следует указать, что за убийство *heровани*,— как полагают, рядовых (по мнению других — выдвинувшихся) общинников — взимается «плата крови» в размере всего 1200 тетри (§ 11). В этом же документе в другом месте хевисбери приравнены к азнаурам — оскорбление (*уарзангоба*) их обоих наказывается «платой» в 150 тетри, в то время как heровани — всего лишь 30 тетри (§ 31).

Особенно характерным, специфичным для социально-экономического строя грузинских горцев является именно их взаимодействие с развитой грузинской феодальной государственностью. При формировании господствующего верхнего слоя у грузинских горцев решающая роль принадлежала именно этим взаимоотношениям. Когда соседним феодалам не удавалось силой подчинить горцев и наложить на них ярмо феодальной зависимости, они старались опереться именно на выдвинувшихся среди горцев лиц, присваивали им звание азнаура и предоставляли другие привилегии, пытаясь с их помощью подчинить себе свободолюбивых горцев. В дошедших до нас документах правителей Картли и Кахети (Картлийского и Кахетинского, или Картлийско-Кахетинского царства) можно найти немало примеров предоставления тем или иным горцам различных привилегий. Горцы вообще, как в Восточной, так и в Западной Грузии, занимали почетное место во внутри- и внешнеполитических планах грузинских царств и княжеств. Недифференцированная или слабо дифференцированная в социальном отношении масса свободных горцев представляла внушительную силу для борьбы, с одной стороны, с иноземными завоевателями и, с другой, при противоборстве царей с феодалами-сепаратистами. Свободные в правовом отношении, стоявшие вне крепостной зависимости горцы являлись опорой центральной власти и играли приблизительно такую же роль, какую при других обстоятельствах играл лично свободный, еще не вовлеченный в феодальную зависимость слой непосредственных производителей. Все это предопределяло политику центральной власти по отношению к ним. В свою очередь горцы были глубоко заинтересованы в экономических отношениях с населением равнины. Тушины, например, были заинтересованы в зимних пастбищах, которые они получали в Кахети взамен за обязательство выставлять военное ополчение и платить определенную подать [116]. Царская

[115] *Харадзе, Робакидзе.* Сванское село в прошлом, с. 110.
[116] *Макалатиа.* Тушети, с. 21, 30; ср. *он же.* Пшави, с. 9.

власть часто призывала свободных горцев на борьбу против строптивых феодалов, особенно тех, которые стремились к подчинению самих горцев. Центральной власти горцы могли оказать больше содействия, будучи свободными, нежели превращенными в крепостных крестьян того или иного феодала. Такая расстановка сил помогла горцам защитить свою свободу и избежать превращения в крепостных крестьян. Особенно успешно это удалось населению Тушети, Хевсурети и Балземи («Вольной») Сванети. В других регионах — в Нижней Сванети, Хеви, Мтиулети, Пшави и Горной Раче — феодалам частично удалось добиться осуществления своих целей и в той или иной степени подчинить себе их население [117].

Центральная власть выплачивала жалованье лицам местного происхождения, назначенным ею на разные должности в горных местностях (*нацвали*, *упали* и т. д.) [118], или же в вознаграждение за службу освобождала их от выполнения различных повинностей. Жалованье выплачивалось иногда всей общине и ее главам [119]. Хевсуры в награду за военную службу (каждый дым выставлял по одному воину, они должны были защищать также горные переходы) получали от царей различные льготы и подарки [120].

По сравнению с горцами Восточной Грузии еще более тесные связи с грузинскими феодальными политическими образованиями имели горцы Западной Грузии — сваны. Эти связи были столь интенсивными, что оказали сильное влияние на процесс социально-экономической дифференциации, углубили ее и в значительной мере предопределили изменение внутренней социальной структуры здешних горцев. Сванские объединения, насколько нам известно из античных источников, играли довольно активную роль в политической жизни Северной Колхиды уже в античную эпоху; по сообщению Страбона (XI, 2, 19), сваны были наиболее могущественными и первенствовали среди племен, живших вблизи Диоскурии. Ранневизантийские материалы, в частности относящиеся к VI в., также свидетельствуют об активной роли сванов если не во всегрузинском, то по крайней мере в западногрузинском масштабе. Весьма существенную роль сыграли сваны, безусловно, при сложении единой грузинской феодальной монархии и в период ее существования. Ополчения сванов часто добивались значительных успехов. Известно, что восстание 1091 г. против царицы Тамар было организовано в основном их силами. В XIV в., когда произошло восстание против царя Георгия Блистательного, сваны овладели городом Кутаиси и предали его огню [121]. Известно, какое высокое место занимали «сванские эриставы» (Вардан и др.) в феодальной иерархии высших сановников единой грузинской монархии. Именно в такой обстановке сперва в рамках Абхазского царства, а затем объединенного грузинского государства должен был возникнуть слой сванов, которые приобрели звание азнауров и добились также определенного материального превосходства. Они и появились в качестве властелинов в Сванети и старались, подобно азнаурам областей, подчинить себе остальное население. В дальнейшем, когда в XVII в. произошел распад единого грузинского царства и были разорваны связи даже с Имеретинским царством, в Балземи Сванети, как уже говорилось, часть азнауров была истреблена, часть же изгнана; у оставшихся, видимо, кроме звания азнаура фактически никаких привилегий не осталось. Этим объясняются сомнения в принадлежности таких азнауров к дворянству у русских должностных лиц позже, в XIX в.

---

[117] *Он же.* Военные и оборонительные сооружения в горной Грузии, с. 17.
[118] *Он же.* Хеви, с. 46.
[119] См. там же, с. 54; *Макалатиа.* Мтиулети, с. 79.
[120] *Гурко-Кряжин.* Ук. соч., с. 33.
[121] *Габлиани Е.* Старая и новая Сванети. Тбилиси, 1925 (на груз. яз.), с. 50.

Характерно, что по сохранившимся как у западных, так и у восточных горцев преданиям почти все сильные, занявшие главенствующее положение в общине роды пришли из других краев или возвышены властелинами существовавших в низменности царств или княжеств [122]. Интересно, что горцы составили часть высшего слоя этих феодальных образований,— судя по грузинским княжеским и азнаурским фамилиям, очень многие из них происходят из горцев, возвышенных за верную службу [123].

Однако процесс социально-экономической дифференциации и вообще возникновения отношений господства и подчинения и эксплуатации происходил и иным путем. Мы имеем в виду постоянные военные столкновения между общинами, захват в результате этого добычи и пленных, превращаемых порой в рабов (домашнюю челядь), подчинение и наложение дани победившими общинами на более слабые общины, превращение их в своих данников и т. д. Наиболее ярким примером возникновения таких отношений является подчинение и эксплуатация в течение продолжительного времени союзом дагестанских горских общин во главе с Чари, переселившихся в Кахети, местного грузинского населения Саингило. Вплоть до 1915 г. между этими дагестанскими общинами и населением Саингило существовала определенная зависимость, называемая *кешкел*. Существовали «господствующие крестьяне» — дагестанцы и «крепостные крестьяне» — подчиненное население Саингило, платившее им подати и выполнявшее различные обязательства. Оно отдавало определенному дагестанскому селу известное количество ячменя, пшеницы, проса, риса, шелка. Все это дагестанцы той общины делили между собой. Бывало и так, что те или иные дагестанцы знали, кто именно в таком-то селении является их «крепостным» и обязан выплачивать лично им кешкел в определенном количестве [124]. Перед нами как будто явно крепостнические отношения, но они не были юридически оформлены и представляли собой скорее данничество, а не выплату феодальной ренты.

У горцев Грузии, конечно, подобного рода явления имели место и в других регионах. Происходила борьба между общинами, влекущая за собой покорение одной общины другой и наложение на нее дани. Именно постоянные набеги соседей, межобщинная борьба и т. п. обусловили широкое распространение у горцев башенных сооружений, имевших в основном оборонительные функции [125]. Разбойничьи набеги способствовали углублению социально-экономической дифференциации среди горцев, ибо, как правило, инициаторами и руководителями этих набегов были более состоятельные и сильные роды и большая часть захваченной при этих набегах добычи также доставалась им [126], укрепляя еще более их экономическое превосходство над другими членами общины.

Иногда подчинение одной общины другой являлось результатом не завоевания, а вхождения более слабой общины под «покровительство» более сильной, «добровольного» подчинения одной общины другой. Это хорошо видно, в частности, по материалам, дошедшим из Сванети (как этнографическим, так и письменным, документальным). По особому соглашению сильные общины обязывались защищать слабых, если последние станут объектами притеснения со стороны других общин, а слабые общины за это становились *мебегре* (данниками) сильных — брали на себя определенные обязательства по отношению к ним, как, например, общины Цвирми, Ипари, Кала, Адиши и Мужали по отношению к более

[122] *Бердзнишвили.* Ук. соч., с. 108 сл.

[123] *Бердзнишвили Н.* Вопросы истории Грузии. VII. Тбилиси, 1974 (на груз. яз.), с. 83—84.

[124] См. *Эдили Э.* Саингило. Тбилиси, 1947 (на груз. яз.), с. 38—40, 60, 67—69, 71—73.

[125] *Робакидзе А., Калдани А.* Некоторые вопросы башенной культуры грузинских горцев (на груз. яз.).— Мацне. Серия истории, археологии, этнографии и искусства, 1978, № 1, с. 42—54.

[126] *Макалатиа.* Тушети, с. 92—93.

сильной Мулахской общине [127]. Раньше, как сообщает Б. Нижарадзе, занимавшийся этнографией Сванети, село Махаши Лашхетского «общества» было обязано платить дань Ушгули — на каждый праздник св. Марии оно доставляло определенное количество вина [128]. Когда в Сванети появились представители привилегированного сословия, азнауры, часты были случаи вхождения персонально той или иной семьи (или дыма) под их покровительство. Оно именовалось *тавис датвла*. По дошедшим до нас документам более слабые члены общины (хеви) пользовались покровительством той или иной церкви (resp. святого) или отдельного лица (азнаура). Взамен они обязывались быть *глехи* означенного лица, святого или церкви, т. е. крепостными, а все их имущество считалось принадлежащим покровителю. Покровитель же обязывался защищать их от разного рода притеснений. В то же время из документов ясно видно, что пользовавшиеся покровительством все же оставались полноправными в общинных делах и означенное неравенство еще не носило юридического характера [129].

В исследовании форм зависимости обращает на себя внимание также засвидетельствованный в Верхней Сванети термин *корсмерде* (находящийся в доме). В качестве корсмерде у зажиточной семьи, нуждавшейся в дополнительной рабочей силе, состояли те или иные лица (или семья: муж, жена с детьми), находившиеся в материально стесненном положении; пребывание их было временным, но могло продолжаться довольно долго, до 10 лет. Если человек жил в семье в качестве корсмерде более трех лет, при уходе его одаривали коровой и быком, иногда же помогали обзавестись собственным домом и хозяйством [130]. Аналогичная категория неимущих и эксплуатируемых людей, видимо, существовала и среди восточногрузинских горцев. Так, в материалах проведенной в 1831 г. описи в Мтиули прослеживается своеобразная категория населения — в отношении отдельных лиц в описи сказано, что они с семьей живут в других семьях [131].

При рассмотрении форм эксплуатации нельзя не отметить и то, что, подобно другим кавказским горским общинам, среди грузинских горцев наблюдается факт использования выдвинувшимися лицами родо-общинных институтов, в частности столь характерной для этой системы практики взаимопомощи, для эксплуатации несостоятельных членов общины. Так, например, сванские *варги* (местное соответствие общегрузинскому азнаури), которые владели многочисленными и лучшими земельными участками, сделали обязательным участие членов общины в *нади* (коллективной взаимопомощи в работе) для обработки своих земель. Если же кто-нибудь отказывался от участия в нади, у его семьи брали быка и закалывали [132].

У грузинских горцев существовала еще одна категория эксплуатируемых людей, общественный статус которых был близок к статусу рабов. В результате военных набегов или связанных с кровной местью и т. п. нападений горцы захватывали пленных. Их освобождали с получением соответствующего выкупа. Но иногда по разным причинам пленные оставались у захвативших их и обыкновенно выполняли роль домашних рабов, домашней челяди. Была в практике также купля-продажа рабов. Иногда в дальние края продавали и соплеменников. Так, в одном сванском документе эпохи позднего средневековья проклинается тот, кто «продаст человека в Осетию» [133]. Хорошо известно, сколь острым стал вопрос освобождения такой домашней челяди в Сванети во второй половине XIX в. в связи с проведением здесь крестьянской реформы. В одном из заяв-

[127] Народы Кавказа, II, с. 313.
[128] *Нижарадзе.* Историко-этнографические труды, II, с. 92.
[129] *Бердзнишвили.* Ук. соч., с. 120—122.
[130] *Харадзе, Робакидзе.* Сванское село в прошлом, с. 97.
[131] *Они же.* Мтиульское село в прошлом, с. 20.
[132] *Они же.* Сванское село в прошлом, с. 109.
[133] *Габлиани.* Ук. соч., с. 44—45.

лений азнауров Балзземо Сванети говорится: «В Сванети, в отличие от прочих местностей Закавказья, у дворян не было крестьян, водворенных на помещичьей земле, а помещики имели дворовых людей, которые исполняли обязанности как домашней прислуги, так и полевых рабочих» [134]. Таких работников звали *моджалабе* (общегрузинский термин) или посвански *фамли*; ими могло владеть все село сообща [135]. Этот слой эксплуатируемых людей формировался путем покупки или пленения [136].

Весьма интересно само местное название этой домашней челяди (домашних рабов) — фамли. Обычно этот сванский термин переводится как «раб» [137]. В научной литературе указана близость его к латинскому familia и на этом основании отмечается, что он обозначает вводимую в семью извне рабочую силу [138]. Однако очевидно, что сванское фамли следует связывать со словом того же корня, обозначающим понятия «раб, слуга» (famulus, род. пад. famuli; ср. famula «рабыня, служанка»). Сваны заимствовали этот термин от римлян, видимо, очень рано, в эпоху их наиболее интенсивных контактов в начале нашей эры. Сванские объединения, как известно из античных источников, весьма тесно контактировали с римскими опорными пунктами (Диоскурия—Себастополис и др.) на приморской полосе Северной Колхиды. Несомненно, что данное слово было заимствовано от римлян именно в значении «раб, пленник»; заимствование было обусловлено широко распространенным здесь в это время пиратством, которым, по сообщению Страбона, занималось население Северной Колхиды [139]. О существовании подобных рабов-пленников свидетельствует и то обстоятельство, что под первым этажом сванских жилых и оборонительных башенных сооружений имелась специальная каменная камера — *дилеги* — для заточения пленников. Таковыми, кроме преступников, могли быть захваченные в результате военных столкновений пленные, которые содержались здесь в ожидании выкупа или до продажи. Так было и у других горцев Грузии [140].

Как было уже отмечено выше, нельзя отрицать наличие экономического, а в ряде случаев также и социального неравенства среди грузинских горцев. Были, с одной стороны, слабые, бедные, и, с другой,— богатые, сильные роды (семьи). В правовом же отношении неравенство, как говорилось выше, с трудом прокладывало себе путь. Исключение, видимо, составляла Сванети определенной эпохи, в которой в результате тесных контактов с крупными политическими образованиями (сначала Абхазским царством и единой грузинской феодальной монархией, затем — феодальными царствами и княжествами Западной Грузии) сложился привилегированный слой, члены которого в документах именуются порой азнаурами, порой же по местной номенклатуре варгами. Часто исследователи указывают на документ XV в., составленный от имени «Всесванского хеви» (всей сванской общины), где особенно ярко отражен факт подобной дифференциации, упоминаются «варги и крестьяне (глехи), старшие и младшие, высшие и низшие» для обозначения всей совокупности населения Сванети [141].

Многие происходящие из Сванети документы позднего средневековья посвящены спорам вокруг земельных участков между варгами и общиной.

---

[134] *Харадзе, Робакидзе.* Сванское село в прошлом, с. 96.

[135] Там же, с. 97, 99; Кавказский этнографический сборник. Тбилиси, 1968, с. 156.

[136] *Гасвиани.* Ук. соч., с. 345—349.

[137] *Нижарадзе И. И.* Русско-сванский словарь. Тифлис, 1910, с. 374.

[138] Со ссылкой на работу М. Косвена «Семейная община и патронимия» (М., 1963, с. 47, прим. 9); см. *Харадзе, Робакидзе.* Сванское село в прошлом, с. 97.

[139] См. *Меликишвили Г. А.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, с. 307—310.

[140] *Робакидзе А.*— В кн.: *Нижарадзе.* Историко-этнографические руды, II, с. 216.

[141] *Хаханашвили.* Сванские рукописные Евангелия, с. 28; *Ингороква.* Ук. соч., с. 5.

Имеются также документы о вступлении общинников под покровительство того или иного варга (азнаура). Однако здесь дело не дошло до установления между ними крепостной зависимости. Означенный круг привилегированных лиц (resp. семей, родов) до конца не обособился от общины, не смог обрести господство над ней, не смог сложиться в отдельный социальный слой [142]. С XV в., когда произошло ослабление существовавших на равнине феодальных политических образований, напротив, происходило истребление или изгнание привилегированных и стремящихся к господству родов, и могущество общины еще более укреплялось. Несмотря на это, люди, считавшие себя азнаурами, сохранились в Балземи Сванети вплоть до XIX в., и официальная статистика этого периода называет их здесь в довольно большом количестве (в селах Богреби и Цвирми Ипарской общины — 14, в Местии — 146, в Мулахи — 161), но, как об этом говорилось выше, они не имели крепостных крестьян (если не принимать в счет домашнюю челядь — *моджалабе* или *фамли*), и обязательства крестьян по отношению к ним носили скорее символический характер. Не совсем ясно, что являлось основой их привилегий — сила, имущество или звание, были ли эти символические обязательства феодальной повинностью или «системой регулярного разбоя», к которому прибегал сильный род по отношению к слабому. Следует отметить также то, что такие привилегированные роды пользовались часто двойным *цори* («плата за кровь» — компенсация за убийство).

Сказанное не будет полным, если не подчеркнуть, какую ожесточенную борьбу вели горские общины для защиты своей свободы от соседних феодалов, стремившихся к их закрепощению. Это закаляло свободолюбивых горцев в их борьбе за защиту общинной демократии и, таким образом, оказывало влияние на судьбу их социально-экономического устройства. Широко известны систематические попытки арагвских эриставов подчинить себе соседних горцев. Эта борьба отражена и в фольклоре здешних горцев. Феодальный род Дадешкелиани не раз пытался подчинить себе Вольную Сванети, но не смог покорить ни одно село [143]. Как уже говорилось, царская власть в этой борьбе часто занимала сторону горцев, поддерживала их, так как свободные горцы представляли для нее резерв военной силы, а также были опорой в ее борьбе против партикуляристских стремлений феодалов.

Одной из главных особенностей исторического развития грузинских горцев была тесная связь горных регионов с низменной частью страны. Процесс социально-экономического развития не проходил в них изолированно. Экономическая и главным образом социальная дифференциация общества, как об этом было сказано выше, преимущественно происходила в результате контактов и взаимодействия с феодальной Грузией. Условий для формирования господствующего сословия на местной почве здесь не существовало. С одной стороны, ограниченность экономической базы и, с другой, маломасштабность этих «обществ» и невозможность развития самостоятельной независимой политической организации предопределяли наличие весьма слабых импульсов для внутренней социально-экономической дифференциации. А вследствие прямых контактов с соседними феодальными образованиями происходил процесс включения отдельных горных регионов в рамки общегрузинских феодальных отношений. Так потеряли свободу Нижняя Сванети и Княжеская Сванети, Горная Рача и др. В Восточной же Грузии этот процесс выражался главным образом в установлении в горных местностях царской администрации, хотя во внутренний быт горцев эта администрация мало вмешивалась.

Вследствие этого раннеклассовые социально-экономические отношения грузинских горцев глубоко специфичны даже среди кавказских гор-

---

[142] *Бердзнишвили.* Ук. соч., с. 108, 132.
[143] *Нижарадзе.* Историко-этнографические труды, II, с. 87.

ских обществ. В отличие от многих из них, в которых возникновение и развитие феодальных отношений происходило в основном на местной почве, в горной Грузии преимущественно имел место процесс вовлечения этих раннеклассовых социальных образований в общегрузинские феодальные отношения. Вместе с тем успехи феодализации здесь часто чередовались с противоположным процессом — волнениями общинников, стирающими результаты феодализации (Сванети и др.). Поэтому не только политическую, но и социально-экономическую историю грузинских горцев нельзя рассматривать в отрыве от общегрузинской истории. Они являются ее органическими составными частями.

Вопрос о том, как следует типологически именовать эти общества грузинских горцев, главным образом связан с тем, как мы определим характер нарождавшегося в этих обществах верхнего слоя и тех тенденций, которые вели к дифференциации общества. Наиболее ощутимыми в этих обществах были, пожалуй, различия по экономическому и социальному положению между отдельными родами и общинами. Для широкого развития и функционирования индивидуальной, частной собственности малых семей здесь не существовало благоприятных условий. Об этом говорит хотя бы исключительная ограниченность торговли, обмена внутри этих обществ. Зависимость слабых родов от сильных представляла здесь наиболее яркое различие в сфере социально-экономических отношений (ср., например, Сванети и др.). Итак, если говорить о верхушке, высших слоях этих обществ, то в качестве таковых наиболее реальным будет признать именно эти «сильные роды».

Но каким образом происходило возвышение этих сильных родов? В первую очередь, конечно, это происходило путем выдвижения в сфере военной деятельности — в оборонительных или наступательных столкновениях с врагами — были ли это операции общинного или более крупного (проводимые грузинскими царствами и княжествами войны) масштаба. «Аристократия» грузинских горцев, так же как и дворянские фамилии горского происхождения в низменной Грузии, свое привилегированное положение приобрела, несомненно, в основном этим путем. Постепенно, конечно, эти привилегии перерастали также и в экономическое превосходство над другими.

При характеристике рассмотренных грузинских горских обществ следует обратить внимание также на их «тупиковый» характер в аспекте социально-экономического развития. Как об этом говорилось выше, ограниченность внутренней экономической базы делала невозможной внутреннюю имманентную эволюцию в сторону развитых форм феодализма («восточного» или «западного» типов).

Правда, в управлении общинными делами и внутриобщественной жизнью среди этих, главным образом восточногрузинских, горцев ведущими как будто были теократические круги — служители местных, все еще полуязыческих культов [144], но здесь мы имеем дело лишь с трансформацией древних традиций. У нас нет оснований предполагать чувствительное пополнение господствующей верхушки через слой этих служителей культа. Наоборот, отчетливо виден тот факт, что кадры самих служителей культа комплектовались в основном из среды наиболее состоятельных и сильных родов. Теократический же облик этих общин может свидетельствовать о первоначальном, «храмовом» характере грузинских горских общин и, возможно, древнегрузинской общины в целом. Вообще же дальнейшее укрепление привилегированного положения выдвинувшихся родов, члены которых выполняли «организаторские» функции в общине, конечно, следует учесть и принимать во внимание при осмысле-

---

[144] Уже Н. Хизанишвили отмечал, что «нынешняя хевсурская община» носит главным образом культовый характер (ук. соч., с. 19).

нии происходивших среди горцев процессов социально-экономического развития.

Следует еще раз подчеркнуть то обстоятельство, что традиции общинного быта в той или иной степени пронизывали почти все стороны материальной и духовной жизни этих обществ, служили консолидирующим началом в них. Это обстоятельство, безусловно, должно быть тщательно учтено при характеристике этих обществ, а также при определении их наименования («раннеклассовые общества общинной демократии»?).

Итак, рассмотренные нами горские общества — это раннеклассовые, имеющие ограниченную экономическую базу, лишенные динамичности в развитии, «тупиковые» общества, в которых непосредственные производители, как правило, не лишены в той или иной форме собственности на средства производства, владеют ими (собственность малой или большой семьи или же родовая, общинная собственность), сохраняют личную свободу; это общества, где очень сильны традиции родовой, общинной жизни во всех сферах деятельности, где дифференциация происходит в основном между целыми родами и общинами, возвышение же связано с организаторской или военной деятельностью. Следует отметить также присутствие в этих обществах в незначительном масштабе элементов и рабовладельческого уклада (эксплуатация пленных в качестве домашней челяди — моджалабе, фамли и др.).

Эти общества грузинских горцев, по нашему мнению, могут быть рассмотрены как специфический вариант (эту специфику создает особенно функционирование их в рамках грузинской феодальной государственности) раннеклассовых, имеющих ограниченную экономическую базу кавказских горских обществ [145]. Эти неразвивающиеся (resp. малоразвивающиеся) раннеклассовые общества, именуемые часто обществами «горского феодализма», так же как и общества «кочевого феодализма» или раннеклассовые общества тропической полосы, типологически могут рассматриваться как «дофеодальные», «протофеодальные». Все они характеризуются многими общими чертами: в первую очередь это ограниченность экономической базы, делающая чрезвычайно трудным и порой невозможным расширенное воспроизводство и получение регулярного прибавочного продукта и, следовательно, не способствующая углублению эксплуатации, возникновению и развитию «отношений господства и подчинения»; для этого типа раннеклассовых обществ характерным является наличие выполняющего в основном организаторские и военные функции верхнего слоя; в то же время в целом общество мало дифференцировано в социально-экономическом отношении: масса производителей сохраняет личную свободу и «гражданские права» (права полноправного члена общины), а также собственность на средства производства — в форме индивидуальной (обособленной) или общинной собственности; для этих обществ характерен также большой удельный вес общинно-родовых институтов (в трансформированном виде) при функционировании общественных отношений, в том числе и при формировании «отношений господства и подчинения» (например, использование институтов общинной взаимопомощи верхушкой горцев для эксплуатации общинников, а также использование ею военного потенциала общины для целей собственного возвышения и т. д.).

---

[145] Об этих обществах см. *Меликишвили Г. А.* К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских классовых обществ.— История СССР, 1975, № 6.

AN ATTEMPT TO CHARACTERISE THE SOCIO-ECONOMIC STRUCTURE OF EARLY CLASS SOCIETY AMONG THE GEORGIAN MOUNTAINEERS

G. A. Melikishvili

Using written and ethnographic materials of the late Middle Ages and the 19th and early 20th centuries, the author attempts to characterise social and economic organisation among the population of the mountain regions in Georgia (East Georgia: Hevsureti, Pshavi, Tusheti, Hevi, Mtiuleti; West Georgia: Svaneti). He studies the forms of individual (isolated) and community (collective) property; the role and functions of the community and communal institutions; socio-economic differentiation of the population and the ways in which a privileged layer arises among them; their relations with large-scale Georgian feudal formations and the influence these relations have on social and economic development in the mountain regions of Georgia; various forms of exploitation and categories of the exploited population. The author shows that in the mountain societies he has discussed we have to do with early class society with a limited economic base and a lack of dynamics in the evolutionary process — that is, «blind alley» societies. In them the immediate producers are not as a rule without some kind of property (the property of a small or large family, or clan or communal property) and they retain personal freedom (full-member rights in the community). These societies steadfastly preserve their communal democracy and (in altered form) communal and clan institutions; they have very strong traditions of communal life in all spheres of activity. Differentiation in these societies occurs mainly among clans and also communities, as individuals among them are promoted to administrative or military posts; the dependence of weak clans upon the strong is the most conspicuous differentiation here.

The Georgian mountain societies may be regarded as a specific variant (the specific aspect appears particularly in the way they continued to function inside the Georgian feudal state) of the early class societies in the Caucasian Mountains. As distinct from the latter societies — at least from many of them — where the rise and development of feudal relations and their own statehood resulted from internal evolution on their own ground, in Highland Georgia the early class social formations were for the most part taken over whole by the feudal states then forming throughout Georgia. The result was that in this area the progress of feudalisation was often frustrated by a wave of «communal revolutions».

Ю. Г. Виноградов

ДЕКРЕТ В ЧЕСТЬ АНТЕСТЕРИЯ И КРИЗИС ОЛЬВИЙСКОГО ПОЛИСА В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

Эллинистическая эпоха, в которую Ольвия вступает одновременно с другими государствами Средиземноморья и Причерноморья, не составила стабильного периода в истории этого полиса. Если в раннеэллинистическое время по многочисленным источникам прослеживается последний и наивысший расцвет всех сторон жизни догетской Ольвии [1], то примерно с середины III в. до н. э. она вступает в затяжную полосу кризиса и упадка, наложивших неизгладимый отпечаток на большинство сфер бытия полиса, его обитателей и их непосредственного окружения [2].

Исследуя этот исторический феномен, не стоит упускать из виду, что он не был узко-локальным явлением, но составной частью того всеобъемлющего процесса, который охватил в эту эпоху очень многие государства Балканского полуострова и Малой Азии и не минул полисов, расположенных по берегам Понта Евксинского, породив в их экономической, социальной и политической структуре весьма сходные между собой качественно новые явления [3]. Однако проявления кризиса в понтийских полисах далеко не одинаково отражены источниками. Лучше всего они документированы, пожалуй, для Истрии и Ольвии. Из первой происходят такие яркие документы, как декреты в честь Агафокла, сына Антифила, Аристагора, сына Апатурия, каллатийца Гефестиона, сына Матриса, и многие другие [4]; из второй — знаменитый Протогеновский декрет, к которому теперь добавляется ряд как недавно изданных, так и еще не опубликован-

---

[1] См. *Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О.* Каллиник, сын Евксена. Проблемы политической и социально-экономической истории Ольвии второй половины IV в. до н. э., I, II.— ВДИ, 1982, № 4; 1983, № 1.

[2] Говоря о кризисе Ольвии в рассматриваемую эпоху, я ничуть не склонен смешивать его с так называемым «кризисом полиса» IV в. до н. э., проблема которого в последнее время оживленно дискутируется. См. Hellenische Poleis. Krise-Wirkung-Wandlung. Bd. I—IV. B., 1974; *Глускина Л. М.* Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975; *Маринович Л. П.* Греческое наемничество IV в. до н. э. и кризис полиса. М., 1975; *Schuller W.* Griechische Geschichte. München — Wien, 1980, S. 140—146, 192—197 (в монографии очерчен основной круг вопросов и приведена новейшая западная и отчасти отечественная историография).

[3] См. *Шафранская Н. В.* К вопросу о кризисе Ольвии в III в. до н. э.— ВДИ, 1951, № 3, с. 9—20; *Kallistov D. P.* Die Poliskrise in den Städten der Nördlichen Schwarzmeerküste.— In: Hellenische Poleis, II, S. 551—586. Критику концепции Н. В. Шафранской и Д. П. Каллистова об отсутствии подлинного экономического кризиса Ольвии III в. см. *Vinogradov Ju. G.* Griechische Epigraphik und Geschichte des nördlichen Pontosgebietes.— In: Actes du VIIe Congrès international d'épigraphie grecque et latine. Bucureşti — Paris, 1979, S. 311, Anm. 114.

[4] ISM, I, 15, 54, 9; *Pippidi D. M.* Scythica minora. Bucureşti — Amsterdam, 1975, p. 31—55; Syll.^{3}, 708; *Pippidi D. M.*— In: Histria (1954), p. 488, № 2; ср. Bull. ép. 1956, 187.

ных эпиграфических источников [5]. Среди новонайденных ольвийских документов наиболее яркой иллюстрацией интересующего нас исторического феномена, бесспорно, может служить не изданный до сих пор декрет в честь Антестерия, подробному исследованию которого и будут посвящены следующие страницы [6].

В 1969 г. Ольвийской экспедицией ИА АН УССР (начальником был ныне покойный Л. М. Славин) при раскопках жилого дома № 14 на участке E_7, расположенном к юго-западу от агоры Ольвии, в сероглинистом слое засыпи на глубине 1,5 м наряду с прочими находками первой половины II в. до н. э. была найдена украшенная рельефами беломраморная стела с вырезанными на ней 55 строками греческой надписи (хранится в Ольвийском заповеднике, п. о. № О—69/373) [7]. Сама стела сохранилась практически целиком: правый край был слегка отбит еще в древности, причем были повреждены концы сткк. 9—19; тогда же плита треснула поперек чуть ниже середины (по сткк. 33—36) и в вертикальном направлении вверху, однако ни та, ни другая трещины фактически не повредили ни букв, ни изображения (рис. 1).

Вверху стела украшена фронтоном с акротерием и двумя антефиксами по бокам, левый из которых слегка поврежден, а правый — почти полностью сбит еще в древности. Карниз под фронтоном украшен изящно вырезанным лесбосским киматием: полосой ов, чередующихся с бутонами лотоса (рис. 2). В тимпане фронтона, украшенном вверху профилированной рамкой, тщательно вырезано погрудное изображение мужской фигуры в фас, одетой в гиматий, оставляющий открытой шею. На голове пышная прическа, локоны которой двумя длинными прядями ниспадают на плечи. За спиной фигуры с правой стороны вырезано изображение лиры (рис. 3). Этот атрибут, как и общая иконография образа, не оставляют сомнения, что перед нами главное божество Ольвии — Аполлон, представленный здесь, скорее всего, в ипостаси Кифареда [8].

Непосредственно под киматием карниза по оси фигуры Аполлона в квадратном углублении вырезано изображение круглого профилированного алтаря, украшенного посредине гирляндой из лавровых листьев. Изображения божеств во фронтонах стел и прежде встречались в Ольвии (НО 69), алтарики же, вырезанные под карнизом, для ольвийской пластики вовсе не типичны [9], зато находят прекрасные аналогии в нескольких западнопонтийских центрах. Так, на ряде стел с декретами и эпитафиями из Месембрии [10], Одессоса [11] и особенно Аполлонии [12] такие увенчанные (или гладкие) алтарики изображались над или под карнизом,

[5] IOSPE, I², 32, 76; НО 28 + 29 + 123 + IOSPE, I², 240; НО 72.

[6] Выражаю свою искреннюю признательность начальнику Ольвийской экспедиции ИА АН УССР С. Д. Крыжицкому за любезное разрешение опубликовать памятник, исследование которого заняло у автора более десяти лет. Особую благодарность я выражаю Фонду им. Александра фон Гумбольдта, стипендия которого дала мне возможность собрать в библиотеках нескольких институтов ФРГ новые материалы, необходимые для восстановления и комментирования надписи и обсудить ее различные аспекты с западногерманскими коллегами, которым я весьма благодарен. Особо признателен я П. Херрману (Гамбург) за дружескую помощь и многочисленные ценные консультации.

[7] См. *Славин Л. М.* Работы Ольвійської експедиції.— АИУ 1969 г. Киев, 1972, с. 161 сл., рис. 4. Рисунок не точно воспроизводит сохранившийся текст; на с. 161 ошибочно указан номер дома: вместо 14 — 12.

[8] В Ольвии найдена форма III в. до н. э. для изготовления терракот с изображением Аполлона Кифареда; см. Терракоты Северного Причерноморья. Ч. I—II.— САИ, Г 1—11. М., 1970, табл. 20, *1*, с. 11, 46, № 34. О культе Аполлона в Ольвии см. *Виноградов Ю. Г., Русяева А. С.* Культ Аполлона и календарь в Ольвии.— ИААСП (1980), с. 19—64 (с предшествующей литературой).

[9] Ср. голову Гелиоса в квадратном углублении декрета НО 24, который, однако, не имеет сверху фронтона, но лишь гладкий фриз.

[10] IGBR I², 308 sexies, duodecies, 341.

[11] IGBR I², 127 (римское время, внизу под эпитафией).

[12] IGBR I², 390, 395 bis, ter (два алтарика под фронтоном), 463 ter (под надписью над рельефом).

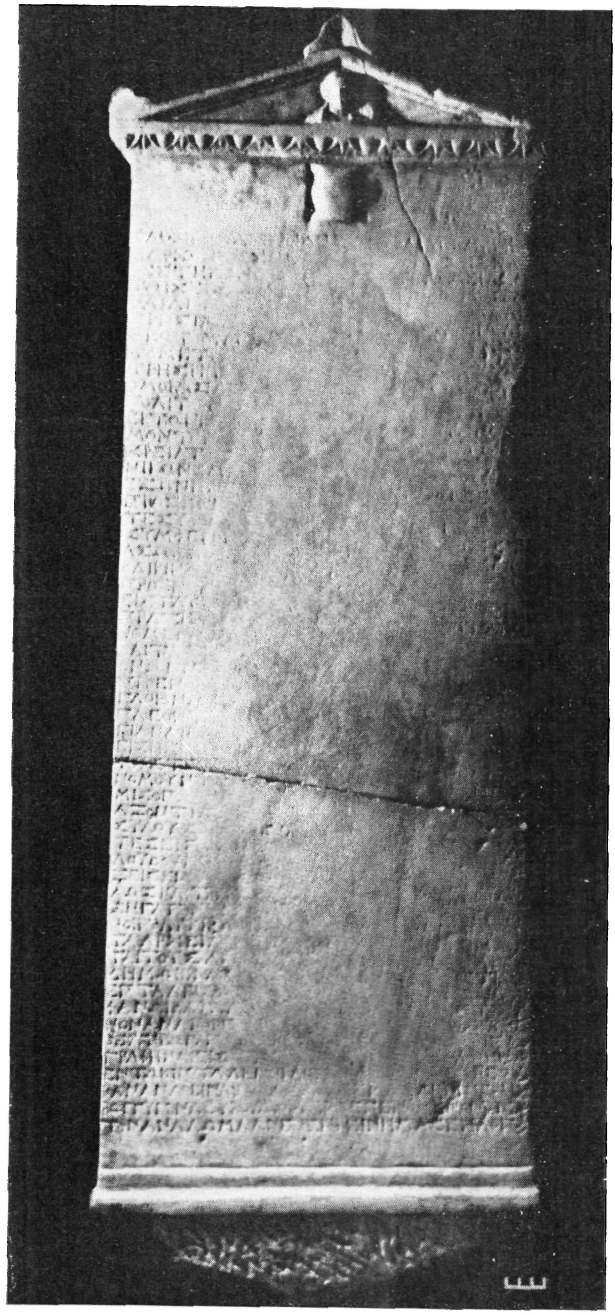


Рис. 1. Стела с ольвийским декретом в честь Антестерия

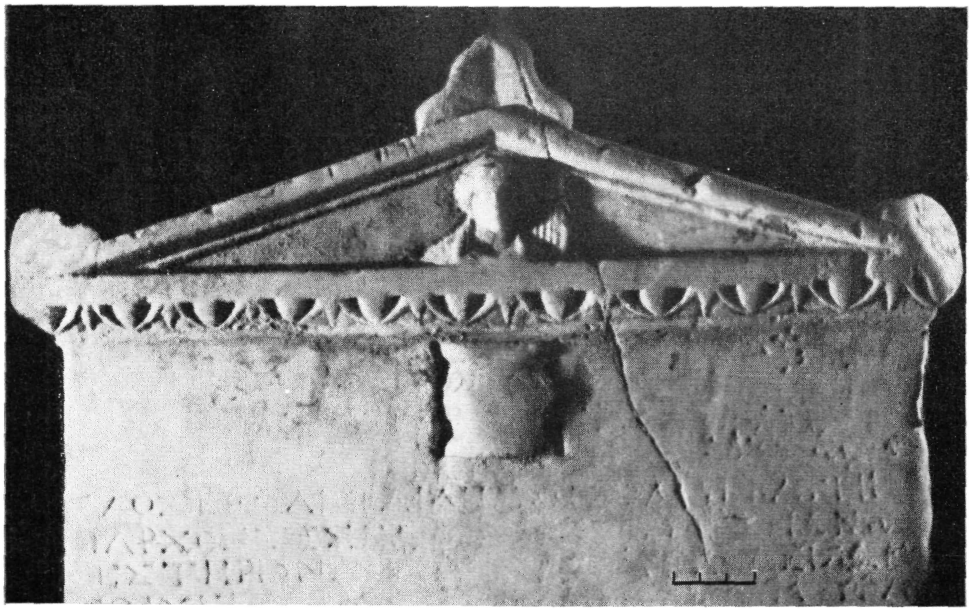


Рис. 2. Фронтон стелы

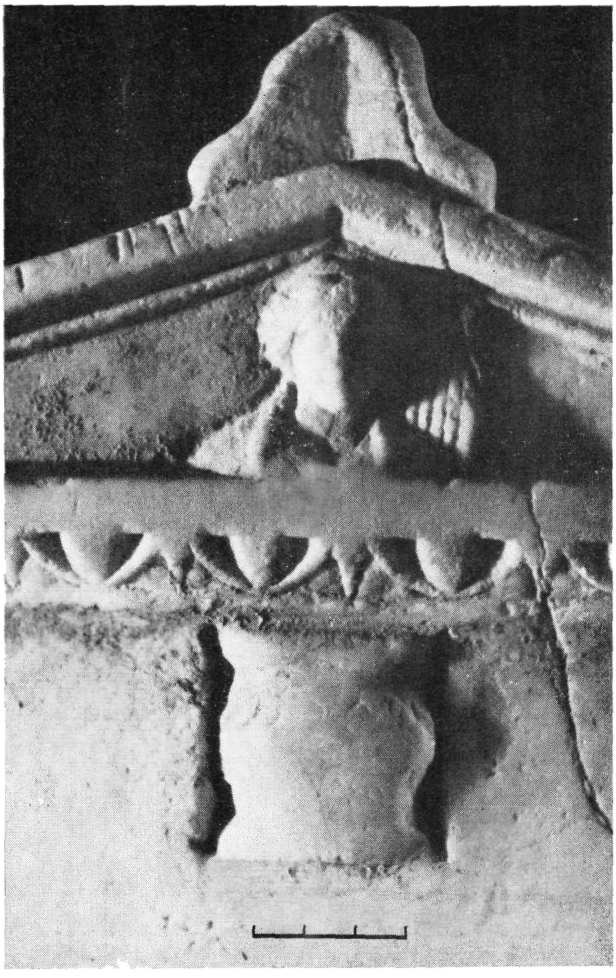


Рис. 3. Рельефы стелы с изображением Аполлона и алтаря

а иногда и под надписью. Наиболее близкой аналогией ольвийской стеле может служить надгробие из Месембрии IGBR I², 341, где во фронтоне помещена розетта, а под карнизом троекратно опоясанный гирляндой алтарь. Исходя из текста надписи, Л. Робер сделал по поводу месембрийского памятника интересное наблюдение: «Это пластическая передача выражения ὁ δῆμος ἐστεφάνωσε, подобно венку на стелах из Смирны» [13]. Указанные аналогии — прямое свидетельство связей Ольвии с полисами Западного Понта (прежде всего с сестринским городом Аполлонией), прослеживаемых для эллинистической эпохи по многим другим источникам и охватывавших, как видно, даже сферу деятельности мастеров мелкой пластики и резчиков надписей.

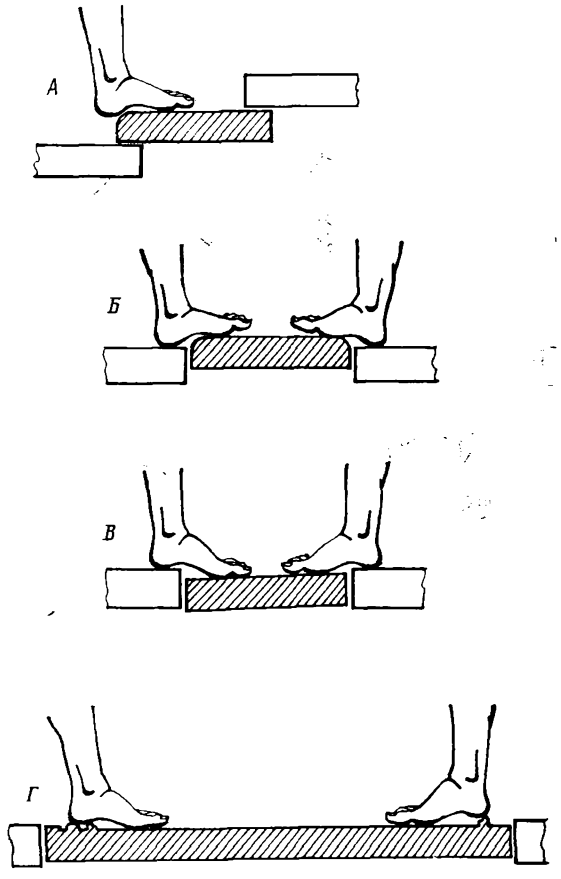


Рис. 4. Реконструкция вытирания стелы при монтировании в различные сооружения: *а* — как ступенька; *б* — как порог; *в*, *г* — в вымостке

Все свободное поле плиты, заметно расширяющейся книзу, занимает надпись. Заканчивается стела профилированным основанием и выступом для крепления в постаменте. Если лицевая, боковые и оборотная грани плиты тщательнейшим образом отполированы, то поверхность шипа обработана нарочито грубо — для лучшего крепления в базе. Размеры стелы (в см): высота от акротерия до шипа — 105,5, высота гладкого поля от киматия до нижней профилировки — 82, ширина под киматием — 34, ширина над нижним профилем — 36, толщина — 6—7; высота букв —0,7—0,9, *омикрона* и *теты* — 0,5—0,7.

При почти абсолютной сохранности самой стелы достоин сожаления тот факт, что вся середина ее гладкой части вытерта в результате длительного механического воздействия, скорее всего, ступавших на плиту ног. Вследствие этого образовалась неправильной формы овальная плешь, сохранившая от текста надписи относительно непотревоженными одну строку вверху и три внизу, а по краям столбцы, шириной слева в 5—10 букв, а справа и того меньше. При этом заметно, что с левого края стела вытиралась меньше, так что буквы образовавшегося столбца как бы обрываются, в то время как с правой стороны от многих наполовину или почти целиком стертых букв сохранились лишь жалкие следы.

Сразу же возникает немаловажный, как будет видно ниже, вопрос о том, куда стела была вторично вмонтирована так, что она приобрела после вытирания нынешний вид. Из нескольких возможных предположений следует отклонить два: плита не могла быть положена ни (а) как ступенька лестницы, ни (б) как порог, ибо в том и другом случае она оказалась бы

[13] *Robert L.*— RPh., 33, 1959, p. 220 suiv.

наиболее вытертой либо с одного края (ступенька) либо с двух (порог), где наиболее часто и твердо ступала нога (см. рис. 4, *а*, *б*). Кроме того укладке в лестницу мешали бы выступы стелы — фронтон и шип. Остается, на мой взгляд, лишь одно приемлемое решение — стела была положена в каменную вымостку площади, улицы или двора лицевой стороной кверху. По-видимому, она легла на достаточно мягкий грунт и слегка перекосилась глубже к левому краю, а кроме того была чуть сильнее утоплена в вымостку по сравнению с прилегающими к ней плитами, которые и предохранили края стелы от полного вытирания, причем с левого края больше, чем с правого. С коротких торцов надпись защитили выпуклости профилированных фронтона с карнизом и основания; в этой связи интересно, что крайние целиком сохранившиеся строки 1 и 53 находятся от этих выступов соответственно на равном расстоянии (рис. 4, *в*, *г*). Скорее всего, стела была вторично вмонтирована в замост двора какого-то здания, поскольку — как показывают раскопки — в это время даже центральная площадь Ольвии — агора [14], как и главная уличная магистраль [15], были замощены утрамбованными черепками, которые не смогли бы воспрепятствовать полному вытиранию стелы.

Прежде чем перейти к содержанию декрета, необходимо установить его датировку на основании палеографического анализа. Надпись вырезана очень аккуратно в лучших традициях раннеэллинистического шрифта. Буквы имеют ровные, соразмерные пропорции, заметно лишь весьма умеренное апицирование. Поперечина альфы не имеет никаких тенденций к прогибу; средняя горизонталь *эпсилона* чуть короче крайних; *тета* с точкой и *омикрон* лишь к концу надписи заметно сокращаются в габаритах строки; зато усики *каппы* сокращаются резко; крайние гасты *мю* достаточно широко расставлены; *ню* всегда отрывает правый уголок от основания строки, но, как правило, не выносит правую вертикаль за ее верхний габарит; *ро* — с довольно большим полукружием; *сигма* весьма иррегулярна: иногда ее крайние гасты отходят под равными, иногда под неравными углами, а порой они просто параллельны; окружность *фи* уже достаточно маленькая; усики *смеги* достаточно сильно стягивают окружность. В общем ничто, казалось бы, не мешало отнести шрифт надписи к первой половине III в. до н. э., если бы не форма *пи*, которое регулярно и достаточно заметно выдвигает перекладину за границу правой вертикали. Явление это прослеживается в ольвийской эпиграфике не ранее середины III в. [16] Поэтому наш документ следует отнести к третьей четверти III в. до н. э., причем по палеографии, тяготеющей еще к позднеклассической, ближе к середине этого столетия. Приводимые ниже соображения исторического порядка могут, как мне кажется, подтвердить предлагаемую датировку.

Первый взгляд на начальные строки надписи убеждает в том, что перед нами постановление Совета и народа ольвиополитов. Приведу его текст, согласно восстановлениям, обосновываемым в нижеследующем комментарии (рис. 5) [17].

---

[14] См. *Славин Л. М.* Раскопки западной части ольвийской агоры.— В кн.: Ольвия. Теменос и агора. М.— Л., 1964, с. 217 сл.

[15] См. *Фармаковський Б. В.* Розкопування Ольбії р. 1926. Одеса, 1929, с. 31, 72 (автором допущен ряд неточностей в датировании вымосток и слоев).

[16] См. *Виноградов Ю. Г.* О методике обработки греческих эпиграфических памятников (по ольвийским материалам).— В кн.: Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978, с. 56. Несмотря на несколько «манерный» шрифт, кажущийся более поздним, разбираемый в статье декрет НО 19 + 32 лет на 20 старше публикуемого здесь.

[17] Документ мной неоднократно упоминался или воспроизводился в эксцерптах: *Виноградов Ю. Г.* Эпиграфические открытия последних лет в Ольвии.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов (Тезисы докладов конференции). Ч. II. К., 1975, с. 90, 4; *он же*. О методике..., с. 53; *idem*. Griechische Epigraphik..., S. 310 f., 314; *idem*. Olbia. Geschichte einer altgriechischen Stadt am Schwarzen Meer. XENIA. Konstanzer althistorische Vorträge und Forschungen. Hf. 1. Konstanz, 1981, S. 31 ff., Abb. 8 (фото воспроизведено впервые); *Виноградов, Русяева*. Ук. соч., с. 40.

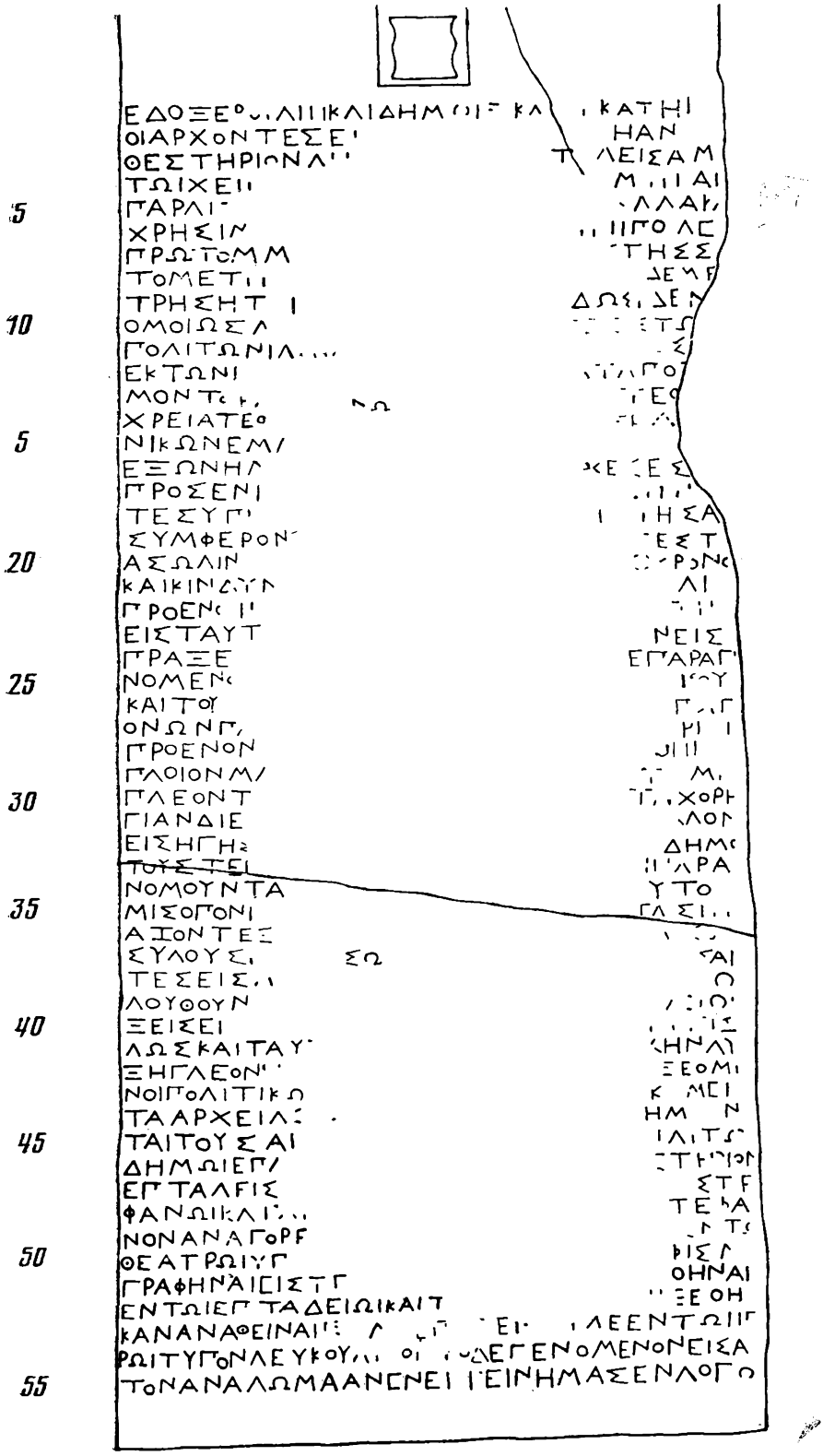


Рис. 5. Ольвийский декрет в честь Антестерия. Прорись

Ἔδοξε βουλῇ καὶ δήμωι ἐ[κ]λ[ιδ]εκάτηι,
οἱ ἄρχοντες εἶ[παν· vac. ἐπειδ]ὴ Ἀν—
θεστήριο⟨ς⟩ ΛΙΙ[————————ἐπ]ι[α]δείσα⟨ς⟩
τῶι χειρ[ισμῶι εὔνους ὢν τῶι δή]μ[ω]ι καὶ
παραίτ[ιος ἀεί τινος ἀγαθοῦ πο]λλὰ κα[ὶ]
χρήσιμ[α πράγματα ἐπετέλησε] τῆι πόλε[ι]·
πρῶτομ μ[ὲν χειροτονηθεὶς (?) ἐπὶ] τῆς σ[ι—]
τομετρί[ας ἐπεμελήθη (?), ὅπως κατὰ τά]δε με—
τρήσ⟨ε⟩τ[α]ι, [ὡς————————δι]δῶσι δ' ἐν[ὶ]
ὁμοίως ἄ[ν ἑτέρωι τῶν σιτομε]τρετῶ[ν] (?)
πολιτῶν ἰδ[ίαι καὶ κοινῆι·————]σ[ε]
ἐκ τῶν ἰ[δίων————————κ]ατὰ ποτ[α-]
μὸν ΤΟΚΛ....Ν· ὡ[ς δὲ————————]τέο[ς]
χρεία τε ο[ὐκ ὀλίγη (?)————Μι]ξε̣λ[λη—]
νικῶν ἐμ μ[ικρῶι χρόνωι, χρήματα ἔδωκεν (?),]
ἐξ ὧν ἡμ[εῖς δῶρα ἀποστείλαμεν?]ΟΣΕ.ΕΣ..
πρὸς ἐνί[ους————————————————]
τες ὑπὲ̣[ρ————————τὰ πάντα ἐ]π[ο]ίησα[ν]
συμφέροντ̣[α————————————]ἐστ[ί—]
ας ὠδ̣ίν[ων κακῶς διακεῖσθαι διά τ]ε̣ χρόνο[ν]
καὶ κινδύν̣[ους πόλλοὺς περιεστῶτας κ]α̣ὶ
προενόν[τας————————————]
8
εἰς ταῦτ[α τῶν.....ὀφειλόντω]ν (?) εἰσ[έ—]
πραξε[ν————————————]Ε παραγι—
νομενο[. εἰς τὴν πόλιν (?) ———]ΙΙΟΥ
καὶ του[———————— ἐξ ἐτῶν] πλε[ι-]
όνων πλ[οίων κακῶς διακειμένων (?) πε]ρί [τ]ε̣
προενόν[των————————ἐπιμελη]θ̣ῆν[αι]
πλοῖον μα̣[κρὸν κατασκευασμένος καὶ] τ[ὰ] μ[ὴ]
πλέοντ[α διωρθωμένος κατὰ τὰ πάν]τα̣ χορη—
γίαν διέ[θηκεν ἱκανήν.(?)·ἀγαθόν τε καὶ κ]α̣λὸν·
εἰσηγγης[άμενος————————τῶι] δήμω[ι]·
τούς τε π[ολίτας————————]παρα—
νομοῦντα[ς————————————]ύτο[υς]
—8
μισοπονη[ρ.....ὅτε οἱ πολῖ]τ̣α[ι] στ̣[ασι—]
άζοντες[———————————τὰ ἱερ]ὰ̣ [ἱ]ερ[ο—]
συλοῦσι....ΣΩ[.τήν τε πόλιν καταστή]σαν—
τες εἰς δ[ιαφορὰν————————μὴ ἀκ]ο—
λουθοῦν[τ.ς τοῖς νόμοις (?).....ἐφ' ἕτη π]λείω ἑ—
ξεὶς ἐκ [τῆς πόλεως (?)————————]ΙΣ.
λως καὶ ταῦ[τα· ἵνα οὖν καὶ ὁ δῆμος τὴν ἀ]ρχὴν αὖ—
ξῃ πλέον ἥ[ις (?) πρότερον οἱ τε νόμοι εὐδο]ξεόμε̣-
νοι πολιτικώ[τεροι ὦσιν πρὸς τὸ εὐδο]κ[ι]μεῖ[ν]
τὰ ἀρχεῖα̣[————————————ζ]ημ[ιῶ]ν—
ται τοὺς αἱ[τίους (?), δεδόχθαι βουλῆι] καὶ τῶ[ι]
δήμωι ἐπα̣[ινέσαι ἐπὶ τούτοις Ἀνθε]στ̣ήριον
ἐπταδείσ[αντα καὶ στεφανοῦν χρυσῶι] στε—
φάνωι κατὰ ἐ[νιαυτὸν ἕναστον, τὸν δὲ σ]τέφα—
νον ἀναγορε̣[υθῆναι τοῖς Διονυσίοις ἐ]ν τῶ̣[ι]
θεάτρωι ὑπ[ὸ τοῦ κήρυκος, τόδε τὸ ψή]φισμ[α]
γραφῆναι εἰς τε̣[λαμῶνα λίθινον καὶ στα]θ̣ῆναι
ἐν τῶι ἐπταδείωι καὶ τ[ὰ χρήματα οἱ ἑπτὰ ἐ]ξέθη—
καν, ἀναθεῖναι ἔ̣[να] μ[ὲν] ἐπ[άνω] (?) ἕτ̣[ερον] δὲ ἐν τῶι ἱε̣-
ρῶι τύπον λευκοῦ λί[θ]ου, τὸ δὲ γενόμενον εἰς̣ α[ὐ—]
τὸν ἀνάλωμα ἀνενεγκεῖν ἡμᾶς ἐν λόγω[ι].

3. ΘΕΣΤΗΡΙΟΝΛΙΙ — — — — Т. ΔΕΙΣΑΜ — камень.

Перевод: Совет и народ постановили 16-го числа, архонты предложили. Поскольку Антестерий, сын..., исполнив *должность* члена *коллегии* Семи, в своем управлении (будучи благосклонным) к народу и (всегда оказываясь) виновником (какого-либо блага), много полезных (деяний совершил) для города; во-первых, (будучи выбран?) *устроителем* ситометрии, (он установил *такой порядок*, чтобы *хлеб*) распределялся на тех же основаниях, (что и прежде?), и одному из граждан, на которых распространяется право раздачи (?), выдавали *хлебный паек* в равной мере, что и (другому), в частном (и общественном порядке;) ... из собственных средств ... у реки; когда (должна была разразиться война?) и в сжатые сроки возникла (немалая) потребность в (военных силах) миксэллинов, (он дал деньги,) на которые нам оказалось возможным (отправить дары?, как можно быстрее,) некоторым (из их предводителей, кои, сражаясь как союзники) за (наше спасение?, всё) сделали полезное (для народа); тяжело переживая, что алтари ... (пришли в ветхость) из-за времени и (многочисленных, обрушившихся сейчас) и бывших прежде *военных* опасностей, ... на это он взыскал (с должников...); ... прибыв (в город?)..., поскольку с давних пор корабли (пришли в плачевное состояние) и о имевшихся прежде (возникла необходимость) позаботиться, (соорудив) военный корабль и (приведя в порядок) *суда*, не бывшие на плаву, он по всем *кораблям* распределил (необходимые снасти); внеся (прекрасное и) хорошее предложение ... народу, а преступающих законы граждан ..., ненавидя зло; (ибо) эти граждане, поднимая волнения..., грабят священное имущество ..., и ввергнув в раздоры (город) ..., не следуя (законам?).., изгнав их на долгие годы из (города?..., он) и это ... . (Итак, дабы и народ) укреплял свою власть сильнее, чем (прежде, и законы,) заслужившие хорошую репутацию, (стали бы) более гражданскими (с тем, чтобы) стяжали добрую славу должностные лица..., чтобы наказывать виновных (?), (постановил Совет) и народ: восхвалить (за это) Антестерия, исполнившего *должность* члена *коллегии* Семи, (и увенчивать золотым) венком (каждый год), а об увенчании провозгласить (на Дионисии) в театре через (глашатая), постановление же это написать на (каменной) плите и поставить в здании коллегии Семи, а (деньги) выделили (Семь); посвятить один беломраморный рельеф вверху *стелы* (?), а другой — в святилище, произведенные же на него расходы занести на наш счет.

Перейдем теперь к комментарию отдельных клаузул декрета.

Преамбула (сткк. 1—2). В стк. 1 достаточно четко читается указание на вотацию псефизмы в 16-й день. Гипотетичное объяснение этому уникальному в греческой эпиграфике явлению — указанию на число без месяца, уже было однажды представлено: по моему мнению, это был не обычный день заседания экклесии, а, напротив — месячный праздник (Monatsfeier); вынося решение в честь какого-то лица в один из таких экстраординарных дней, ольвийские власти тем самым воздавали ему некую особую почесть [18].

Вводная часть мотивировки (сткк. 2—6). Судя по размеру лакуны, в стк. 2 имелся небольшой vacat (около 4 мест) после εἶπεν. В имени Антестерия резчиком ошибочно вырезано вместо конечной *сигмы ню*, как и в названии его должности — *мю* (стк. 3). Исходя из первых двух сохранившихся букв и числа пропавших, патронимиком Антестерия могло быть имя, вроде Δη[μητρίου], Λή[ναιος] и т. п. Имя [Ἀνθε]τήριος надежно восстановлено в одном ольвийском посвящении первой половины III в. до н. э. [19]

[18] *Виноградов, Русяева.* Ук. соч., с. 40—43. Здесь же высказана догадка о том, каким праздником могло быть 16-е число месяца.

[19] НО 67. Следует отдать предпочтение дополнению Т. В. Блаватской θεοῖ[ς τοῖς ἐ]ν Σα[μοθράικηι], с одним лишь исправлением: в названии острова Самофракии пропущена *йота*.

Заслуживает внимания в сткк. 3 и 47 новая форма названия магистратуры Семи. Если до сих пор мы имели в псефизмах и на монетах οἱ ἑπτά или в известном «эдикте септемвиров» причастие ἑπταδεύσαντες, то здесь мы встречаемся с иной отглагольной формой — ἑπταδείσας. Очевидно, обе модификации вызваны не фонетическим переходом -είω в -εύω, а образованием обоих глаголов от различных чисел существительных: sing. ἑπταδεύς дал ἑπταδεύω, а plur. ἑπταδεῖς — ἑπταδείω. Поскольку публикуемая надпись несколько старше «эдикта» Семи, можно предположить, что со временем произошла некоторая трансформция этого термина [20].

Банальные и бесцветные похвалы чествуемому в сткк. 4—6 настолько распространены в декретах, что не требуют ни обоснования восстановления, ни комментария. Для дополнения τῶι χειρ[ισμῶι] в стк. 4 ср. одну надпись из Каллатиса о постройке храма: λόγον ἀποδοσοῦντι ἔγγραφον τοῦ χειρισμοῦ [21]. О функциях коллегии Семи сказано ниже особо.

Ситометрия (сткк. 7—11). Первым конкретным деянием Антестерия, упомянутым в декрете, явилось успешное выполнение им возложенной на него миссии устроить ситометрию. Поскольку он уже был облечен должностью члена коллегии Семи, то на новую — он был выбран либо назначен, почему в лакуне стк. 7 я восстанавливаю обычные χειροτονηθείς или καταστaθείς. Fut. μετρήσ⟨ε⟩ται [22] заставляет восстанавливать в лакуне стк. 8 одно из verba curandi, к примеру, наиболее часто встречающееся в надписях ἐπεμελήθη с последующей конструкцией с ὅπως, а в стк. 9, согласно длине лакуны, предположительно ὡς καὶ πρότερον, так как частица δέ показывает, что с δι]δῶσι начинается новый период [23]. А. Вильхельм сделал интересное наблюдение над словоупотреблением самосского хлебного закона, о котором речь пойдет ниже: «Всегда четко различалось между распределением σῖτος многим (διαμετρεῖν, διαμέτρησις) и выделением какого-то известного количества одному (μετρεῖν, μέτρησις). Полностью соответствуя этому, в других документах чередуются διαδιδόναι и διδόναι, διαμίσθωσις и μίσθωσις, διαχειροτονεῖν и χειροτονεῖν, διαψηφίζεσθαι и ψηφίζεσθαι» [24]. Поскольку и в нашем случае идет речь о выделении равных порций хлеба отдельным гражданам, то и здесь следует восстанавливать δι]δῶσι, а не διαδι]δῶσι [25]. Более или менее уверенно дополняемое в стк. 10 adj. verb. [σιτομε]τρετῶ[ν] означает дословно «кто имеет право на хлебную раздачу». По остаткам букв в стк. 11 достаточно надежно дополняется ἰδ[ίαι καὶ κοινῆι].

Клаузула о ситометрии в декрете в честь Антестерия — бесспорно, новый и важный момент в истории организации хлебного снабжения [26] не только Ольвии, но вообще городов Понта. До этого для Ольвии мы знали только о ситонии — массовых закупках хлеба государством и перепродаже его населению по твердым и достаточно умеренным ценам. В Протогеновском декрете (IOSPE, I ², 32A) идет речь о двух следовавших, скорее всего, подряд хлебных голодах (σιτοδεία) — при жреце Геродоре и при жреце Плейстархе. В первом случае народ, озабоченный создавшимся положением, считал нужным запасти достаточное коли-

---

[20] О сопоставлении названий ольвийских ἑπταδεύσαντες с месембрийскими οἱ ἰκαδεῖς и οἱ ἐναδεῖς см. комментарий Г. Михаилова к IGBR, I², 314b.

[21] Dacia, I, 1924, p. 128sq.= *Блаватская*. ЗПГ, с. 253, № 23. 16—17.

[22] Вторую *эту* в этом слове резчик вырезал ошибочно, видимо, под влиянием первой.

[23] Отмечу употребление в одном придаточном предложении разных форм — fut. и conj.

[24] *Wilhelm A.* ΣΙΤΟΜΕΤΡΙΑ.— In: Mélanges Glotz. V.II, P., 1932, S. 907 f.

[25] Из редких исключений правила, выведенного А. Вильхельмом, отмечу IG, V, 1, 1379.26; *Robert L.*— BCH, 52, 1928, p. 427 suiv.: εἰ δεῖ διαδοθῆμεν τὸν σῖτον ⟨των⟩ τῶι [χρε]ίαν ἔχοντι.

[26] Об этом см. специально: *Stefan A.* Die Getreidekrisen in den Städten an den westlichen und nördlichen Küsten des Pontos Euxeinos in der hellenistischen Zeit.— In: Hellenische Poleis, II, S. 648—663, особенно 653—657.

чество хлеба, который и предоставил первым Протоген; хотя ситония здесь прямо не упомянута, исходя из нижеследующего рассказа следует думать, что под выражением παραθέσθαι σῖτον ἱκανόν надо понимать именно ее (сткк. 24—32). На следующий год, когда разразился голод, названный уже сильным (σιτοδείας γενομένης ἰσχυρᾶς), народ, находясь из-за этого в панике (διαγωνίσαντος τοῦ δήμου), счел нужным организовать ситонию (σιτωνῆσαι), на каковую (εἰς τὴν σιτωνίαν) Протоген одолжил деньги и продал хлеб на льготных условиях (сткк. 58—82).

В обоих пассажах не указано, кто и как устроил ситонию; можно предположить, однако, что эта миссия была возложена на магистратов, ведавших обычно другими делами, например, на архонтов, закупивших незадолго до первого голода большую партию вина (сткк. 19—23). К такому выводу приходит А. Штефан, приводящая примеры того, когда экстраординарные функции ситонов в кризисные годы брали на себя другие полисные магистраты (ibid., S. 656). Но однажды в Ольвии сложилось столь серьезное положение с нехваткой хлеба, что оно потребовало создания особой достаточно солидной постоянной коллегии ситонов [27] из пяти членов, включая секретаря (НО 72). Успешно исполнив свои полномочия, ольвийские ситоны посвятили Герою внемлющему мраморный рельеф со своим и его изображением; очевидно, он был покровителем как их самих [28], так и защитником всего полиса от различных бед, включая и голод [29].

Публикуемый декрет не просто добавляет новый момент к ольвийским государственным древностям, но сообщает и некоторые важные подробности об устройстве ситометрии в Ольвии, в некоторых деталях близком практике других греческих полисов, но кое в чем и новом. Во-первых, для организации ситометрии (как и для ситонии) назначается один из магистратов, уже занятый в иной сфере деятельности, который — если дополнение стк. 9 верно — восстанавливает прежний порядок распределения хлеба и, в частности, раздачу равных пайков. Отсюда можно заключить, что до Антестерия этот порядок стал нарушаться. Во-вторых, ситометрия распространяется исключительно на граждан, причем не на всех, а только на имевших соответствующее право. И это выглядит справедливым, ибо такие богачи (οἱ ἔχοντες, οἱ εὐπορούμενοι), как Протоген, сами предоставлявшие — причем в моменты острого голода (!) — для продажи зерно тысячами пудов [30], с точки зрения неимущих граждан, едва ли нуждались в его минимальных порциях, необходимых, чтобы не умереть с голода. И наконец, эти раздачи происходили (или стали происходить) не только в индивидуальном, но и в коллективном порядке, т. е. в виде всенародных угощений, совершавшихся, как мы знаем из практики других городов, во время праздников, как правило религиозных.

Все сказанное заставляет нас сопоставить данные ольвийского декрета с теми, которые нам известны по другим греческим документам. Хотя проблема ситометрии, как и ситонии, затрагивалась в той или иной мере

---

[27] См. *Vinogradov.* Griechische Epigraphik..., S. 310, Anm. 111. Исходя из палеографии, я склонен датировать надпись третьей четвертью III в. до н. э., т. е. до Протогена и ближе к Антестерию, в отличие от издателей НО (с. 68), относящих ее «вероятнее всего... к первой половине II в. до н. э.». Ср. *Vinogradov.* Olbia, S. 31.

[28] *Stefan.* Op. cit., S. 655 f.

[29] А. А. Белецкий (Благосклонно внемлющий Герой в Ольвии.— ВДИ, 1969, № 1, с. 157 сл.), идентифицируя Ἥρως ἐπήκοος рельефа с Асклепием, никак далее не определяет его функции. Ж. и Л. Роберы (Bull. ép., 1970, 408) решительно выступают против этой интерпретации Белецкого, поддержанной Б. Лифшицем (ZPE, 4, 1969, p. 253), и, бесспорно, гораздо более резонно узнают в главном божестве всей цены un génie chthonien.

[30] Один раз 2000 медимнов по 10 за статер, другой раз 2500 медимнов, из которых 500 шли по $4\frac{1}{6}$, а 2000 — по $3\frac{1}{12}$ медимна за статер; в общей сложности 4500 медимнов, т. е. около 11 250 пудов.

в ряде работ [31], монографического ее исследования пока не существует. Для восполнения этого пробела необходимо прежде всего свести воедино все эпиграфические источники, какие мне удалось собрать.

1. Айгиале на Аморгосе, первая половина II в. до н. э.— IG, XII, 7, 389. Декрет в честь двух хорегов Критолая и Пармениона, сыновей Алкимедонта, приготовивших τὴν πανήγυριν Аполлону и Гере, а также (cткк. 12—16): καὶ τὸν δῆμον καὶ τοὺς οἰκοῦντας ἐν Αἰγιαλῶι πάντας καὶ τοὺς παρεπιδημοῦντας ξένους ἐσιτομέτρη[σαν].

2. Там же, конец II в. до н. э.— IG, XII, 7, 515; ср. Gauthier Ph.— BCH, 104, 1980, p. 210 suiv. Декрет о посмертных почестях (ὁ ἀφηροϊσμός) Алексимаху, с. Критолая, на которые его вышеупомянутый отец Критолай, с. Алкимедонта, выдал определенную сумму; ее следовало отдать в рост и на проценты устроить всенародное угощение (ἡ δημοθοινία), состязание (ὁ ἀγών) и прочие празднества (καὶ τἄλλα πάντα). Cткк. 68—74: «И пусть предоставят эпимелеты, закупившие на эти деньги пшеничного хлеба, дав накануне *праздника* τοῖς τε πολίταις τοῖς ἐπιδημοῦσιν καὶ παροίκοις [κ]αὶ ξένοις τοῖς παρεπιδημοῦσιν τῶν μὲν ἀνδρῶν ἑκάστῳ χοίνικα, τῶν δὲ παίδων ἥμισυ χοίνικος».

3. Там же, II в. до н. э.— IG, XII, Suppl. 330. 17—18. Декрет в честь Агатина, с. Агатина, устроившего праздник Ἰτώνια, среди прочего шесть дней угощавшего всех паломников, а также [ἐσιτο]μέτρησεν τοῖς ἰ[οῦσιν εἰς τὰ Ἰτώνια].

4. Парос, начало I в. до н. э.— IG, XII, 5, 135. Каталог граждан, сделавших вклады в ситометрию (cткк. 3—4): οἵδε ἐπέδωκαν τῶι δή[μ]ωι εἰς τὴν σιτομετρίαν. Далее идет список имен и вкладов по 2000, 1000 и 500 драхм.

5. Аполлония на Риндаке (?), первая половина II в. до н. э.— SEG, II, 663. 17—20 (декрет): Корраг, с. Аристомаха, македонянин ἐξεπορίσατο σῖτον εἰς σπέρμα καὶ διατροφήν, καὶ τὰς ἰδίας ἑκάστωι τῶν πολιτῶν κτήσεις συνέπεισεν διαμεῖ[ναι] τοῖς τε μὴ ἔχουσιν δοθῆναι ἐκ τοῦ βασιλικοῦ.

6. Приена, после 129 г. до н. э.— IvPriene 108. Декрет в честь Мосхиона, с. Кидима, который то один, то вместе с братом неоднократно оказывал хлебную помощь городу:

cткк. 45 слл.: «предоставил... за себя и своего брата 200 медимнов по 4 драхмы [32] за медимн, заботясь о том, чтобы были хорошо прокормлены πάντα[ς] τούς τε πο[λί]τας καὶ τοὺς κατοικοῦντας παρ'ἡμ[ῖν]»;

cткк. 58—60: «подарил (ἔδωκεν) вместе с братом городу хлеб, как о том свидетельствуют документы о количестве его, находящиеся у городских властей»;

cткк. 70—73: «(изъявил готовность) предоставить (необходимое *количество хлеба*), пообещав сверх того в течение (стольких-то) месяцев (выделять) гражданам *хлеб* по меньшей цене ради спасения всего народа (τὸν πάν[τ]α δῆ[μον]) вместе с (женами) и детьми»;

cткк. 82—87: «когда народ (пожелал) устроить ситометрию и обратился к каждому имущему поодиночке (позаботиться) о заготовке общих запасов *хлеба* [33] по цене, какой тот захочет, он, склонив *к тому* и брата,

---

[31] *Francotte H.* Le pain à bon marché et le pain gratuit dans les cités grecques.— In: Mélanges de droit public grec. Roma [2], 1964; *Новосадский Н. И.* Борьба с повышением цен в древней Греции.— ЖМНП, 1917, февр., отд. V, с. 75—92; *Jardé A.* Les céréales dans l'antiquité grecque. P., 1925; *Heichelheim F.*— RE, Supplbd. 6 (1935), s. v. Sitos; *Köster K.* Die Lebensmittelversorgung der altgriechischen Poleis. B., 1939; *Bolkenstein H.* Wohltätigkeit und Armenpflege im vorchristlichen Altertum. Groningen, 1967, S. 260—267; *Foxhall L., Forbes H. A.* Σιτομετρεία: The Role of Grain as a Staple Food in Classical Antiquity.— Chiron, 12, 1982, p. 41—90 (в соответствии со своей задачей — исследовать роль зерна как основного продукта питания, авторы привлекают и некоторые из рассматриваемых ниже надписей). Примечательно, что статья Sitometria в RE отсутствует.

[32] Хиллер ф. Гертринген читает δ[ιακ]οσ[ί]ο[υς ἓξ] δ[ρα]χμῶν τεσσάρων, что, видимо, лучше исправить на [ἑκ] δ[ρα]χμῶν.

[33] Вместо восстановления Хиллера: — ληθέντος τε τοῦ δήμου σιτο[μετρ — — — καὶ] παρακαλοῦ(ν)τος καθ' ἕια τὸν [βουλόμενον μετρῆσαι ὑπὲρ τ]ῆς κοινῆς παραθέσεως, я пред-

отмерил (ἐμέτρησεν) городу столько медимнов пшеницы, сколько тот предпочел»;

сткк. 97—99: «он вместе с братом отмерил (παρεμέτρησεν) городу 550 медимнов пшеницы по цене, какую предпочли граждане»; ср. сткк. 109—111;

сткк. 273—277: «и (отмерил) каждому (из граждан) по четверти с половиной пшеницы, (не желая же лишить удовольствий) объявленного праздника (ксенов и) паройков ⟨...⟩, и их принял *в это число*».

7. Там же, около 120 г. до н. э.— IvPriene, 109. Декрет в честь Герода, сткк. 213—214: ἑκ[άστ]ωι τῶν πολιτῶν ἐμέτρησεν [διανομὴν] πυρῶν τε(τα)ρτεῖς δύο.

8. Тенос, II в. до н. э.— IG, XII, 5, 863—866. Декреты четырех фил в честь двух граждан, которые устроили всенародный праздник по случаю свадьбы Филиппы, дочери Медея (одного из чествуемых), с Суниадом (другим чествуемым), в частности (привожу сткк. № 864, которые другие декреты повторяют слово в слово): τοῖς γάμ[οις] ἐσιτομέτρησαν καὶ ἐστίασαν τοὺς πολίτας πάντας καὶ τοὺς ξένους ἐφ' ἡμέρας πλείους κτλ. (сткк. 6—8); ἐσιτομέτρησαν καὶ παρεκάλεσαν ἐπὶ τὰς σπο[ν]δὰς καὶ τὰς θυσίας τοὺς πολίτας πάντας καὶ τοὺς παρεπιδημοῦντας ξένους ἐφ' ἡμέρας δύο (сткк. 11—13).

9. Анкира, время Августа.— OGIS, 533.27—30. О праздниках Августа и Ромы: Ἀμύντας Γαιζατοδιαστου δημοθοινίας δὶς ἔδωκε, ἑκατόνβην ἔθυσεν, θέας ἔδωκεν, σειτομετρίαν ἀνὰ πέντε μοδίους.

10. Знаменитый хлебный закон Самоса, около 200 г. до н. э.; о дате см. Robert L. Hellenica, XI, p. 209 (мнение Х. Хабихта) — Syll. ³, 976 = Choix, 34, сткк. 51—63 (§ VII): «Все закупленное пусть они [т. е. выбранные для этого граждане] распределяют (διαμετρείτωσαν) по хилиастиям среди присутствующих (τοῖς ἐπιδημοῦσιν) граждан, отмеряя (μετροῦντες) каждому бесплатно (δωρεάν) в месяц по две меры. Пусть они начинают распределение (τῆς διαμετρήσ[ε]ως) с месяца пелюсиона и отмеряют регулярно до того месяца, пока возможно (ἐξῆς ἐφ' ὅσους ἂν ἐκποὴι μῆνας — т. е. пока хватит запасенного хлеба). Пусть один *гражданин* не получает хлеб за другого, если только кто-то не заболел. Пусть они производят выдачу *хлеба* от 1-го до 10-го числа месяца, а для отсутствующих (τοῖς δὲ ἀποδημοῦσιν), если те прибудут, до 30-го числа. Пускай они каждый месяц сдают отчет о наделенных хлебом государственному контролю, записывая по хилиастиям и представляя имена тех, кому отмерено (τῶν μετρησαμένων)».

11. Иасос, декрет середины II в. до н. э.— Wilhelm A. ΣΙΤΟΜΕΤΡΙΑ. [Οἵδε ἐκόντ]ες βουλόμενο[ι ἐπὶ πλεῖ]ον αὔξειν τὴ]ν δημοκρατί [αν ἐκ τῶν ἰδί|ων ἐπέδωκ]αν ἀργύριον [εἰς σιτωνί|αν, ὅπως ἂν] ὁ δᾶμος ἀεὶ εὐδ[αιμόνως|ζῆι ἐν δαφ]ιλείαι σίτου γιν[όμενος|ὑπαρχού]σης πᾶσι[ν τοῖς π[ολίταις ἐκ|τῶν κοι]νῶν· σιτομετρία[ς κατὰ τὸν νό|μον].

12. Милет (Дидимы), около 159 г. до н. э.— Wiegand Th. VII. vorläufiger Bericht über Ausgrabungen in Milet und Didyma, 1911, S. 27—30 = Rehm. Didyma II, 488.4—10. О датировке см. Herrmann P.— Ist. Mitt., 15, 1965, S. 105—110 (kurz vor oder kurz nach dem Tode des Eumenes): ἐλέσθαι ἐν τῆι ἐκκλησίαι ἄνδρας[δύο,] τοὺς δὲ αἱρεθέντας προνοῆσαι, ὅπως κατα |[γο]ρασθῆι σῖτος ὁ ἱκανὸς ἡ μισθωτῆι ἡ παροχὴ |[το]ῦ ἱκανοῦ πλήθους εἰς τὴν διαμέτρησιν, ἵνα|[δ]ῶσιν ἑκάστωι τῶμ πολιτῶν ἡμιεκτὴ ἓξ ἐν τῶ[ι]|μηνὶ τῶι Ληναιῶνι τῆι ἕκτη⟨ι⟩, ἐν ᾗι ἐγένετο ὁ βασ[ι]λεὺς Εὐμένης, καὶ ἡ θυσία καὶ ἡ |ἐστίασις συντελε[σθῆι κτλ.]

Кроме перечисленных есть еще два сомнительных случая:

13. Фурии (Мессения) — IG, V, 1, 1379; Robert L.— BCH, 52, 1928, p. 426—432 = OMS, I, p. 108—114 (ср. выше). Согласно интерпретации Л. Робера (особенно с. 432), речь в этой надписи идет не о периоди-

10

лагаю: [βου]ληθέντος τε τοῦ δήμου σιτο[μετρῆσαι — — — καὶ] παρακαλοῦ(ν)τος καθ' ἕνα τὸν [ἔχοντα ἐπιμεληθῆι αι τ]ῆς κοινῆς παραθέσεως; тем самым уничтожается ненужная тавтология (σιτομετρῆσαι — μετρῆσαι) и невероятная конструкция μετρῆσαι + ὑπέρ.

ческой раздаче хлеба бесплатно или по сниженным ценам, но о сбыте излишков зерна после урожая заинтересованным в хлебе земледельцам.

14. IG, II², 479, 480. А. Вильхельм (Akademieschriften, III, S. 98—102) в этом афинском декрете в честь Пиррия (?) гераклеота предложил восстанавливать (№ 479.3—5): [ἐπέδωκεν δὲ] καὶ τοῖς συμ[μαχήσασι τῶν Ἑλλήνων | ἐπὶ Ἀναξικράτ]ους ἄρχοντος εἰς τὰς [σιτομετρί|ας ἀργυρίο]⟨υ⟩: ΤΤΤ.

Отдавая дань авторитету крупнейшего эпиграфиста, в предложенном им восстановлении τὰς [σιτομετρίας] (такой plur., несмотря на цитируемую параллель Diod., XIII, 88, 2, в эпиграфике беспрецедентен) нельзя, однако, быть абсолютно уверенным (сам А. Вильхельм называет его ein erster Versuch). Хотя ниже в декрете и упомянуто о τὴν σιτωνίαν, столь раннее (307/6 г. до н. э.) упоминание ситометрии несколько настораживает — все прочие случаи не ранее III в. до н. э. Помимо этого данное дополнение увеличивает строку надписи стойхедон (№ 480) на одно место, что (даже принимая во внимание вполне допустимые причины этого, предполагаемые А. Вильхельмом) методически ослабляет доверие к восстановлению. Наконец, даже если в последнем и не сомневаться, то все равно этот случай выходит за рамки рассматриваемых нами здесь, так как предполагает раздачу хлеба не гражданам полиса, а солдатам, освободившим под началом Деметрия Полиоркета Афины [34].

Сведенные воедино эпиграфические источники позволяют подразделить ситометрию на несколько разновидностей по следующим критериям:

I. Срок действия.

II. Объекты действия.

III. Платная или безвозмездная.

IV. Субъект действия.

V. Форма действия.

I. Ситометрия могла быть краткосрочной или длительной. *Краткосрочная* ситометрия устраивалась, как правило, на время каких-то праздников: *а*) религиозных, *б*) частных, *в*) в честь владык. Например: *а*) праздник Аполлона и Геры в Айгиале — № 1, Итонии там же — № 3, ср. Приена — № 7; *б*) поминки гражданина в Айгиале — № 2, свадьба двух граждан в Теносе — № 8 (раздачи в течение нескольких дней); *в*) празднества в честь Августа и Ромы в Анкире — № 9, праздник дня рождения Эвмена в Милете — № 12. Все эти ситометрии, как и праздники, устраивали отдельные лица; исключение мог бы составить праздник в честь Эвмена, но и он финансировался, видимо, из средств фонда этого царя.

Длительная (*постоянная*) ситометрия, вызванная, как правило, хлебным голодом (σιτοπανία, σιτοδεία, ἀφιλεία σίτου) и вообще крайне редкая, могла быть либо регулярной, как на Самосе — № 10 и, по-видимому, в Иасосе — № 11, либо устраивалась время от времени в зависимости от активности эвергетов, как в Аполлонии — № 5 и Приене — № 6.

II. По кругу лиц, на которых она распространялась, ситометрия охватывала: *а*) только *граждан*: Парос — № 4, Аполлония — № 5, Приена — № 6 (в некоторых случаях), № 7 (только для граждан), Самос — № 10, Иасос — № 11, Милет — № 12. Закон Самоса специально оговаривает раздачу даже не всем гражданам, а только пребывающим в данный момент в городе (так же и в Айгиале — № 2); им паек выдается в течение первой декады каждого месяца. Если кто-то из отсутствующих граждан прибывает на родину, то он имеет право получить свою долю до 30-го чис-

[34] О подобной же раздаче хлебных пайков солдатам сохранил сведения недавно опубликованный интереснейший афинский декрет в честь Каллия из Сфетта 270/269 г. до н. э. (*Leslie Shear Jr. Th.*— Hesperia, Suppl. VII, 1978; Bull. ép. 1981, 230), упоминающий в сткк. 18—23: τῶν στρατιωτῶν χιλίους ... σιτομετρήσας. Ниже (сткк. 50—55) идет речь о дарении афинянам Птолемеем II 20 000 медимнов хлеба, которые были παρεμετρήθησαν на Делосе афинским эмиссарам; ситометрия прямо не названа, но она, скорее всего, имела место.

ла — другой гражданин получить его рацион за него не может; исключение делается только для больных;

б) наряду с гражданами *всех находящихся в данный момент в городе*, живущих в нем или временно пребывающих — οἱ οἰκοῦντες πάντες καὶ οἱ παρεπιδημοῦντες ξένοι, πάντες οἱ κατοικοῦντες παρ' ἡμῖν, οἱ ξένοι καὶ οἱ πάροικοι: Айгиале — № 1 и 2, Приена — № 6 (в некоторых случаях), Тенос — № 8; ср. Айгиале — № 3.

III. Ситометрия могла быть:

а) *безвозмездной*: Айгиале — № 1, 2, 3, Аполлония — № 5 (только неимущим?), Приена — № 6 (дважды) и 7, Тенос — № 8, Анкира — № 9, Самос — № 10, Иасос — № 11, Милет — № 12, по-видимому, Парос — № 3. Это выражается в документах либо прямо (δωρεάν — № 10), либо упоминанием размера доли (№ 2, 6, 7, 10, 12), либо следует из контекста (праздник; [ἐκ τοι]νῶν — № 11);

б) *платной*, но по сниженным ценам: Приена — № 6 (с указанием цены или оговорками: τιμῆς ἐλάσσονος, δι' ἧς αὐτὸς [sc. ὁ δῆμος] ἠβούλετο τιμῆς, τιμῆς ἧς οἱ πολῖται προείλαντο — четырежды.). Для Аполлонии (№ 5) об этом можно было бы заключить из противопоставления διαμεῖναι—δοθῆναι. Практически эта разновидность ситометрии не отличалась от обычной ситонии; в этом смысле сюда можно отнести и деяния Протогена.

IV. Сложнее обстоит дело с *субъектом*, устраивающим ситометрию — им могло быть частное лицо или государство:

а) *частные лица*: Айгиале — № 1, 2, 3, Приена — № 6, 7, Тенос — № 8, Анкира — № 9; в Аполлонии — № 5 в качестве эвергета выступает македонский наместник, который раздает хлеб неимущим, однако, ἐκ τοῦ βασιλικοῦ (ср. выше прим. 34);

б) в ряде случаев организатором ситометрии выступает *полис*. Однако во всех подобных ситуациях в основе лежит фонд, создающийся из добровольных взносов граждан (ἐπίδοσις): № 4 οἵδε ἐπέδωκαν...εἰς τὴν σιτομετρίαν), 10, 11; в Милете (№ 13), возможно (хотя полностью и недоказуемо), в основе лежит фонд Эвмена. Наиболее сложную операцию являет закон Самоса (№ 10): сначала создается фонд на основе ἐπιδόσεις граждан, который затем отдается в рост; на проценты от капитала покупается по твердой цене зерно в области Анайи, но не у земледельцев, а у храма Геры, которому хлеборобы жертвуют двадцатину, либо в каком-то другом месте подешевле. Таким образом, полис только регулирует ситометрию, в основе же капитала для ее финансирования лежат опять же частные пожертвования. То же и в Айгиале — № 2, где фондом частного лица распоряжается полис. Обрисованная выше картина лишний раз отчетливо показывает, как нехватка хлеба была прямо и непосредственно связана с финансовым кризисом полиса.

V. По форме распределения продовольствия ситометрия могла выражаться *а*) в раздаче каждому его рациона — № 1—12; *б*) эта раздача часто сочетается со всенародным угощением (δημοθοινία, δεῖπνον), так что можно полагать, что и оно было одной из форм ситометрии — № 1, 2, 3, 8 (ἑστίασαν), 9. В декрете Аполлонии — № 5 оговаривается, что хлеб предназначается εἰς σπέρμα καὶ διατροφήν.

Хронологически все приведенные документы укладываются в рамки рубежа III и II — конца I в. до н. э., наибольшее их количество падает на II в.

Если теперь сопоставить публикуемый документ с полученными наблюдениями, то следует прийти к заключению, что ситометрия, о которой в нем идет речь, относится к редчайшей разновидности этого мероприятия. Она устраивалась в Ольвии на достаточно длительный срок (возможно, существовала еще до Антестерия), распространялась на наиболее нуждающихся граждан, получавших равную долю, была бесплатной и выражалась как в индивидуальных раздачах, так и в общественных угощениях. По большинству показателей она наиболее близко стоит к ситометрии,

порядок которой устанавливает самосский хлебный закон. Наиболее близка она ему и по времени, опережая его все же на три-четыре десятка лет и представляя собой, таким образом, одно из самых ранних эпиграфических свидетельств об этой мере борьбы с голодом и, видимо, о самом термине как в надписях, так, пожалуй, и в литературе (см. L—S—J). Исходя из общегреческой практики (см. выше IV, *б*), можно с уверенностью предположить, что фонд на ее проведение в жизнь составляли добровольные пожертвования граждан (ἐπίδοσις) и полис лишь распоряжался им [35].

Строительная деятельность (сткк. 11—13). Следующая небольшая клаузула декрета сообщала о постройке или ремонте Антестерием на собственные средства (ἐκ τῶν ἰ[δίων]) какого-то сооружения, что следует из указания на его местоположение: «у реки» (κ]ατὰ ποτ[α]μόν). На этом основании я предлагаю в конце стк. 11 дополнить обычные в таких случаях глаголы: [καὶ ὠικοδόμη]σ[ε], [κατεσκεύα]σ[ε] и т. п. Для пропуска члена перед ποτ[α]μόν, хотя ясно, что речь идет о конкретной реке — Гипанисе, который упомянут в IOSPE, I², 32B.1, 3 как τὸν ποταμόν, τὸν λιμένα, можно привести аналогии из Причерноморья: IOSPE, I², 32A.45 (εἰς βασίλεια), 369.8 (ἐποίησαν χώραν πυρίφλεκτον), 672 (Ἀχίλλει νήσου μεδέοντι). К сожалению, мне пока не удалось дополнить стоящую за словом ποτ[α]μόν группу букв; вероятно, это помогло бы прояснить вопрос, о каком сооружении шла речь. Однако, учитывая, что следующие клаузулы резко переходят к совсем иным сюжетам, можно предположить, что данная была тесно связана с предыдущей, т. е. что это сооружение или здание имело непосредственное отношение к деятельности Антестерия как ситометра.

На некоторые соображения наводит истрийский декрет в честь Аристагора, сына Апатурия [36], который повествует, что чествуемый отменно справился с исполнением должности агоранома, и сразу вслед за этим: «и заслужив за это похвалу, он основал здание агораномов, построив *его* на свои средства» [37]. Ситометрия, как должность экстраординарная, вводившаяся время от времени, не требовала, естественно, своего здания (τὸ σιτολέτριον), поэтому логично предположить, что сооружение, отстроенное или приведенное в порядок Антестерием, было как-то связано с хлебными запасами. В Протогеновском декрете (B. 47—48) упоминается между прочим общественный амбар или житница (τὸ σιτόβολον), которую Протоген отремонтировал (ἐπεσκεύασε). Не об этом ли сооружении идет речь в нашем документе? Время, прошедшее между изданием двух декретов, вполне достаточно для того, чтобы это здание могло придти в ветхость, а положение его у реки вполне оправдано тем суровым временем, когда в Ольвию, лишившуюся своей хоры, хлеб доставлялся из-за моря и из Hinterland'а по наиболее безопасным артериям — Гипанису и Борисфену. Но это, конечно, не более чем гипотеза.

---

[35] Как убедительно показала А. Штефан (op. cit., S. 649 f.), главной причиной продовольственных кризисов было разрушение собственной земледельческой базы понтийских полисов. Археологическими исследованиями последних лет установлено, что ольвийская хора практически целиком погибает около середины III в. до н. э. (см., например, Крыжицкий С. Д. и др. К истории ольвийской сельской округи.— ИААСП [1980], с. 11 сл.). Это дает terminus post quem времени составления изучаемого декрета, т. е. лишнее подтверждение предложенной на основе палеографического анализа его датировки, поскольку описываемая им плачевная ситуация с хлебоснабжением едва ли могла сложиться в первой половине III в. в условиях процветания полиса и интенсивной эксплуатации его сельскохозяйственной территории.

[36] Syll.³, 708. 38—40 et 41—42: надпись датирована здесь около 100 г. до н. э.; ср. *Pippidi D. M.*— Dacia, I, 1957, p. 165—177; ISM I, 54: вторая половина I в. до н. э.

[37] κα[ὶ] τυχὼν ἐγκωμίου διὰ ταῦτα κατέστησεν οἰκοδομήσας ἀγορανόμιον ἀπὸ [ἰ]δίων δαπανημάτων (сткк. 41—42). Т. В. Блаватская (ЗПГ, с. 248), перевела этот пассаж так: «получив за это похвалы, он умножил их, выстроив здание агораномия на собственный счет»; однако καθίστημι не имеет значения «умножать», да и в таком случае ему не хватало бы прямого дополнения.

Приготовления к войне (сткк. 13—19). Последующие, содержащиеся в сткк. 13—31 клаузулы тесно связаны с какими-то военными событиями ольвийской истории. Это прямо следует из таких слов, как κινδύν[ους] (см. ниже) и πλοῖον μα[κρόν]. Поэтому прямое упоминание о войне я предлагаю восстанавливать в стк. 13. Как показывает nom. χρεία в данном пассаже, составитель декрета употребил не gen. abs., а конструкцию с личной формой ἦν, после которой сохранившиеся на камне буквы я склонен дополнять в adj. verb.: ὡ[ς δὲ πόλεμος ἦν ἐνστα]τέο[ς], а после связанного через союз τε с тем же сказуемым второго подлежащего χρεία — обычное выражение ο[ὐκ ὀλίγη].

Очень важно попытаться выяснить, что скрывается за остатками букв в конце стк. 14 и начале стк. 15. Поскольку part. praes. sing. или gen. pl. fem. νικῶν в нашем контексте едва ли уместны, а сказуемое стояло бы слишком рано, эти пять букв следует признать, скорее всего, за окончание слова, начало которого заключают последние буквы стк. 14. Конструкция χρεία ἦν требует при себе gen., поэтому в реконструируемом слове я предполагаю adj. на -κος в gen. pl. и на основании остатков букв стк. 14 рискую восстановить здесь прил. [Μι]ξελ[λη]νικῶν. «Военная» тональность всего контекста дает основание предположить, что речь здесь шла о потребности Ольвийского полиса в военных силах, отрядах, войске, состоявшем из миксэллинов, что, в свою очередь, позволяет предложить для заполнения лакуны стк. 14 термины вроде τῶν δυνάμεων, τῶν στρατιῶν и т. п. Сохранившиеся в следующей строке буквы достаточно просто и надежно дополняются в ἐμ μ[ικρῶι χρόνωι], а ἐξ ὧν в стк. 16 позволяет восстановить перед этим стандартное и многократно засвидетельствованное выражение [χρήματα ἔδωκεν,] ἐξ ὧν κτλ. (ср. IOSPE, I², 30.3—4; 32A.40—44; B. 75—79).

Новое подлежащее ἡμ[εῖς] (или -ῖν) предполагает в лакуне стк. 16 новое сказуемое, как показывает адресат πρὸς ἐνί[ους], со значением «посылать», что допускает в осторожной форме восстановить здесь что-то вроде [δῶρα ἀπεστείλαμεν vel ἐπέμψαμεν] [38]; ἐνί[ους] имеет в виду какую-то часть миксэллинов, наиболее вероятно — их предводителей, обозначавшихся терминами: τῶν ἡγεμόνων, τῶν ἀρχόντων, τῶν στρατηγῶν, менее вероятно, τῶν βασιλέων или τῶν σκηπτούχων, так как миксэллины были сравнительно малочисленны (см. ниже). Именно к этим предводителям грамматически относится причастие, оканчивающееся на -τες в стк. 18 и ясно читаемое там же сказуемое [ἐ]π[ο]ίησα[ν]. Выражение «все полезное сделали для народа, города» позволяет предположить, что миксэллины во главе с их вождями выступили в войне союзниками ольвиополитов (это подкрепляет и Протогеновский декрет, см. ниже), поэтому я exempli gratia предлагаю дополнить сткк. 13—19 следующим образом: ὡ[ς δὲ πόλεμος ἦν ἐνστα]τέο[ς]|| χρεία τε ο[ὐκ ὀλίγη τῶν δυνάμεων? Μι]ξελ[λη]||νικῶν ἐμ μ[ικρῶι χρόνωι, χρήματα ἔδωκεν,]| ἐξ ὧν ἡμ[εῖς δῶρα ἀπεστείλαμεν?] ΟΣΕ.ΕΣ..|πρὸς ἐνί[ους τῶν ἡγεμόνων?, οἱ συμμαχήσαν]||τες ὑπὲ[ρ τῆς σωτηρίας? τὰ πάντα ἐ]π[ο]ίησα[ν]||συμφέρον[τα τῶι δήμωι vel πρὸς τὸν δῆμον, πρὸς τὴν πόλιν, τῆι πόλει].

Итак, рассматриваемая клаузула декрета в честь Антестерия при всей ее неудовлетворительной сохранности и проблематичности восстановления сообщает важные сведения о политической истории Ольвии в третьей четверти III в. до н. э. Прочтение имени миксэллинов в сткк. 14—15, если считать его достаточно надежным (а оно кажется таковым), заставляет сопоставить данные публикуемого документа со сведениями, сообщаемыми Протогеновским декретом. Как известно, сторона *B* этой бесценной ольвийской хроники эпохи кризиса начинается с описания угрозы

[38] Ср. IOSPE, I², 30.5—6: καὶ τὰ[δῶρα λαμβάνουσιν οἱ τ]ῆς χώρας βασιλεῖς; 32A.11: τὰ δῶρα τῆς παρόδου; A.43—44: οὐκ ὀλίγα δὲ δῶρα παρασκευάσθη τῶι βασιλεῖ; A.91—92: τοῦ δὲ βασιλέως τὰ μὲν δῶρ[α μεμψ]αμένου.

военного нападения на полис со стороны составивших союз галатов и скиров, перед лицом которой совершились в стране многие бедствия (ἐλαττώματα πολλὰ κατὰ τὴγ χώραν), среди прочего: «были совращены врагами все рабы и населявшие пограничную область миксэллины, числом не менее полутора тысяч, бывшие в предыдущую войну союзниками в городе» [39].

Из этого сообщения мы узнаем: *а*) место обитания миксэллинов — область, расположенная на границах ольвийской хоры [40]; *б*) численность их — не менее 1500; *в*) участие их в некой «прошлой» войне на стороне ольвиополитов; *г*) факт совращения их наряду с рабами [41] врагом в момент угрозы нашествия галатов и скиров. Сразу же встает вопрос: не идет ли речь в издаваемом декрете, принятом всего лишь на какую-то четверть века раньше Протогеновского, об этом ὁ πρότερος πόλεμος как о надвигавшейся и вскоре случившейся войне? Признав вероятность этого предположения, мы смогли бы не только подкрепить прочтение в нашем документе этнонима [Μι]ξελ[λη]νικῶν и восстановление [οἱ συμμαχήσαν]τες, но и прояснить некоторые моменты во взаимоотношениях ольвиополитов с миксэллинами в динамике их развития.

Наиболее обстоятельное исследование проблеме миксэллинов, давно уже привлекавшей внимание ученых, посвятила Н. В. Шафранская [42]. Сделав, по сравнению со своими предшественниками, новый важный шаг, а именно — сопоставив известные в литературе упоминания миксэллинов и миксоварваров, она пришла к следующим выводам: *1*) нет оснований идентифицировать ольвийских миксэллинов с каллипидами Ἕλληνες Σκύθαι Геродота; *2*) термин μιξέλλην лишь с III в. до н. э. пришел на смену обозначению μιξοβάρβαρος; *3*) и то и другое слово скрывало указание на физическое смешение этносов; *4*) во всех случаях в миксэллинах в аспекте социальном следует видеть неполноправную группу населения, которую использовали как наемников.

С первыми тремя выводами трудно не согласиться, некоторое возражение вызывает лишь четвертое — главное — заключение. Исследовательница, как мне представляется, несколько абсолютизировала военный контекст, в котором стоят упоминания о миксэллинах у античных авторов, что привело к неоправданному смешению двух разных аспектов: их социального статуса и реального использования. Сама Н. В. Шафран-

---

[39] IOSPE, I², 32B.15—20: ἐφθάρθαι μεν τὴν οἰκετείαν ἅπασαν καὶ τοὺς τὴμ παρώρειαν οἰκοῦντας Μιξέλληνας, οὐκ ἐλάττους ὄντας τὸν ἀριθμὸν χιλίων καὶ πεντακοσίων, τοὺς ἐν τῶι προτέρωι πολέμωι συμμαχήσαντας ἐν τῆι πόλει.

[40] Еще В. Диттенбергер (Syll. ³, 495, not. 26) заметил: «Поскольку в этих областях нет вообще никаких гор, под παρώρεια толкователи справедливо понимают те обрывистые берега, которыми скифская равнина отделяется от морского побережья и речных долин». Однако в таком случае пришлось бы допустить такую маловероятную ситуацию, когда миксэллины занимают узкую полоску земли по достаточно протяженным берегам моря и лиманов. Кроме того, под sing. с членом ἡ παρώρεια следует видеть, вероятно, некую конкретную область. Поэтому больше веса имеет, на мой взгляд, перевод В. В. Латышева (IOSPE, I², p. 55) «пограничные Миксэллины», предполагающий в этом слове семантический ἄπαξ, производный не от ὄρος — «гора», а от ὅρος— «граница».

[41] Толкование Д. М. Пиппиди (Scythica minora. Bucureşti, 1975, p. 74 s.) слова ἡ οἰκετεία как «зависимое население, посаженное обрабатывать хору», ввиду малоинформативности контекста нельзя считать окончательно доказанным, почему я и предпочитаю придерживаться традиционного толкования, см. *Vinogradov.* Griechische Epigraphik..., S. 307, Anm. 95. Кроме того, ольвийской хоры как таковой во время Протогена уже не существовало. Ср., впрочем: *Марченко К. К.* Ойкеты декрета в честь Протогена (IPE, I², 32). К вопросу о зависимом населении Ольвии эллинистического времени.— В кн.: Тезисы докладов и сообщений III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1982, с. 61—63.

[42] *Шафранская Н. В.* О миксэллинах.— ВДИ, 1956, № 3, с. 37—48 (излагаются предшествующие точки зрения). Ничего нового для решения проблемы не добавляет монография: *Vatin C.* Recherches sur le mariage et la condition de la femme mariée à l'époque hellénistique. P., 1970, ch. III.

ская привела несколько мест, где предполагать связь миксэллинов с наемниками нет никаких оснований [43].

При нынешнем состоянии наших сведений об ольвийских миксэллинах мне представляется наиболее приемлемой следующая рабочая гипотеза. Μιξέλληνες были не наемниками, а зависимым военно-земледельческим населением, сложившимся на землях хоры Ольвийского полиса или переселенным сюда для охраны его границ. В этом аспекте их следует сопоставить с клерухами, катэками или периэками эллинистических государств [44]. По своему происхождению они, вероятно, действительно были продуктом смешанных браков греков с местным населением. В этом отношении очень интересно свидетельство Псевдо-Скимна, восходящее, скорее всего, к Деметрию Каллатийскому [45]. Повествуя о населении Дионисополя (Крун), автор перипла пишет: «В пограничных областях между кробизами и скифами эта страна имеет жителями смешанных эллинов» [46]. Сопоставив μεθόριοι Псевдо-Скимна с ἡ παρώρεια Протогеновского декрета, мы неизбежно придем к важному выводу, что именно здесь — в контактных зонах взаимодействия различных этносов, и возникали новые этнические образования — μιγάδες Ἕλληνες, Μιξέλληνες.

Сейчас невозможно сказать, когда миксэллины были поселены на землях ольвийской хоры; по-видимому, это произошло еще в период процветания полиса, т. е. не позже конца IV или начала III в. Вполне возможно, с ними следует связывать такие памятники, как укрепленные усадьбы типа Дидовой Хаты [47], которую, судя по ее устройству, занимал явно не единоличный владелец, а целый равноправный в своей среде коллектив обитателей [48].

Очевидно, в первый период их существования миксэллинам было вменено в обязанность оборонять хору Ольвии от врагов. Положение резко изменилось, видимо, в следующий период, когда начиная с середины III в. до н. э. Ольвийский полис вступил в полосу затяжного кризиса. Очевидно, теперь посылка «даров» военачальникам миксэллинов, дабы привлечь их как союзников на свою сторону, стала уже традиционной практикой ольвиополитов. Следующий этап во взаимоотношениях Ольвии и миксэллинов наглядно обрисован Протогеновским декретом: теперь миксэллины в критической ситуации под влиянием угрозы ли или подкупа могли просто изменить ольвиополитам, будучи «совращены» неприятелем. Поскольку в это время никаких поселений на территории бывшей ольвийской хоры практически более не существовало, следует предположить, что миксэллины перешли к полукочевому или кочевому образу жизни либо заселили Левобережье Бугского лимана [49].

---

[43] Таковы, например, *Hellan.*, FGrH I, 4, F 71; *Plut.*, Crass. 31.

[44] О подобных формах зависимости в эпоху эллинизма см. *Свенцицкая И. С.* Зависимое население на землях городов Западной Малой Азии в период эллинизма.— ВДИ, 1957, № 3, с. 91—103; *Голубцова Е. С.* Сельская община Малой Азии. М., 1972, с. 14—60, и указанную там литературу.

[45] *Rostowzew M.* Skythien und der Bosporus. B., 1931, S. 28.

[46] *Ps-Scymn.* 751: Ἐν μεθορίοις δὲ τῆς Κροβύζων καὶ Σκυθῶν χώρα μιγάδας Ἕλληνας οἰκητὰς ἔχει.

[47] *Рубан В. В.* Комплекс памятников античного времени в урочище Дидова Хата на Бугском лимане.— КСИА, 156, 1978, с. 34 сл., рис. 2.

[48] В связи с проблемой миксэллинов привлекает внимание граффито на амфоре из раскопок названной усадьбы с именем Φανισάλους — смешанным композитом из греческого и фракийского (?) компонентов; см. *Виноградов Ю. Г.* Варвары в просопографии Ольвии VI—V вв. до н. э.— В кн.: Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981, с. 145, № 14.

[49] Напрасно Н. В. Шафранская вслед за В. В. Латышевым подчеркивает малочисленность миксэллинов: в условиях нехватки вооруженных сил для защиты от варварских набегов полторы тысячи, под которыми имеется в виду, конечно, боеспособное мужское население, составляли солидный воинский контингент. Уже само упоминание в декрете их числа говорит за это.

Очень важно было бы также выяснить, что за война упоминается в нашем документе. Такая попытка, однако, осложнена скудостью наших сведений о событиях политической истории Ольвии в III в. до н. э. На основании damnatio memoriae в одной ольвийской проксении в честь истрийца Дионисия, сына Струтиона, Э. И. Соломоник была высказана интересная догадка о том, что Ольвия могла выступить на стороне Византия в войне, вспыхнувшей около 260 г. до н. э. между ним и Истрией в союзе с Каллатисом за контроль гавани Том [50]. Было бы соблазнительным связать с предполагаемым участием Ольвии в этом военном конфликте данные публикуемого декрета, особенно ввиду упомянутого в нем военного флота (см. ниже). Однако, как следует из вводной части мотивировки псефизмы, все перечисленные в ней события и, соответственно, связанные с ними деяния Антестерия произошли в один и тот же год исполнения им должности члена коллегии Семи, а коль скоро, как было показано выше, надпись датируется временем не ранее середины III в. до н. э., отождествлять упоминаемую в ней войну с вышеназванной было бы весьма и весьма рискованным. Хронологически трудно связать ее и с войной Аполлонии вместе с Истрией против Месембрии, разгоревшейся (если верна датировка соответствующего источника [51]) позже — в первой половине II в. до н. э. Вполне возможно — это была борьба ольвиополитов с одним из варварских набегов, которыми насыщена ольвийская история III—II вв.

Восстановление алтарей (cткк. 19—24). Четко читаемые последние буквы стк. 19 и начальные — стк. 20 с учетом того, что в надписи везде выдержан принцип силлабического переноса, не оставляют, как мне кажется, иной возможности, как восстановить здесь слово ἐστ[ί]|ας. Отсутствие в греческом слов, начинающихся с ΩΛΙΝ, побуждает меня читать в четвертой букве стк. 20 *дельту* со стертой нижней гастой (как у *альфы* в стк. 5, *пи* в стк. 42 и *дельты* в стк. 47), дополняя эту группу букв в part. praes. от глаг. ὠδίνω. Речь, таким образом, идет об алтарях, которые — как показывает бесспорное дополнение [διά τ]ὲ χρόνο[ν]| καὶ κινδύν[ους] — от времени и постоянных опасностей пришли в ветхость [52]. На этом базируется предлагаемое восстановление cткк. 19—22 (см. выше текст надписи). Поскольку единственное значение глаг. εἰσπράττω — «взыскивать долги, взимать форос, подать и т. п.» [53], то в лакуне перед ним логично поместить слово, обозначающее должников, с указанием того, кому они задолжали. Коль скоро упоминать должников частного лица — самого Антестерия было ни к чему, да и не выгодно, а взыскивать с должников других частных лиц едва ли входило в его компетенцию, остается принять, особенно учитывая функции Семи, что речь шла о задолжавших храму или полису, на чем и основано мое дополнение εἰς ταῦτ[α τῶν τῶι ἱερῶι vel τῆι πόλει ὀφειλόντω]ν (?) εἰσ[έ]|πραξεν (см. ниже, прим. 118).

Итак, в заслугу Антестерию ставится то, что им самим (или по его распоряжению) были восстановлены пришедшие в упадок алтари, расходы на починку которых покрыты должниками храмовой или государственной казны. Поскольку эту меру добывания средств нельзя все же признать чересчур демократичной [54], составитель декрета для ее оправдания и употребил, видимо, столь редкий и в то же время выразительный

---

[50] *Соломоник Э. И.* Новые данные о связях Ольвии с Истрией.— Klio, 52, 1970, с. 433 сл.; ср. *Виноградов.* О методике..., с. 56 сл.

[51] IGBR I², 388bis; Moretti. Isc. stor. ellen., II, 129; ISM I, 64. Надпись упоминает τῶν ἄλλων συμμάχων (cткк. 13, 18, 22—23).

[52] Для восстановления [κακῶς διακεῖσθαι] ср. IOSPE, I², 32B. 51—52, 79—80.

[53] Ср. IOSPE, I², 32B.71/72: τόκον οὐδένα ἐπράξατο; ср. B. 94/95.

[54] Например, Протоген — как раз наоборот — постоянно превозносится за то, что он многократно прощал своим должникам (полису и частным лицам) проценты либо даже сами долги: IOSPE, I², 32A.69, 79—80; B. 69—72, 78—79, 87—88, 94—95.

глагол ὠδίνω — букв. «испытывать родовые муки», метафорически — «мучительно переносить, тяжело переживать».

Комментируя декрет аполлониатов в честь истрийского стратега Гегесагора, сына Монима, Ж. и Л. Роберы тонко подметили (Bull. ép. 1961, 419, p. 199), что «κίνδυνος имеет в эллинистической прозе очень точное значение — «сражение, битва» (combat, bataille), а производный глагол (δια)κινδυνεύειν — «вступать в сражение» (livrer bataille), что было подкреплено ими параллелями. Учитывая общий контекст сткк. 13—31, сходное значение κινδύνους следует принять и у нас: не просто «опасности», но «военная угроза» или просто «войны». Уточнение προενόν[τας] показывает, что подобная чреватая войнами ситуация возникла за годы до издания декрета.

Остается выяснить, что за алтари привел в порядок Антестерий. Мною было предложено [55] дополнять в стк. 19 сл. [τὰς κοινὰς] ἑστ[ί]ας, что само по себе нельзя исключить. Однако обращает на себя внимание одно обстоятельство: в следующей клаузуле читается причастие от глаг. παραγίνομαι, обозначавшее в эпиграфической лексике почти исключительно прибытие из одного географического пункта в другой [56]; передвижение внутри города выражалось, как правило, другими глаголами: ἔπειμι, ἐπ-/παρέρχομαι [57]. Отсюда логично заключить, что алтари находились где-то вне пределов города Ольвии. Но где? В сугубо гипотетическом порядке можно высказать догадку, что названные в декрете жертвенники могли стоять на священном острове Ахилла Левке, что допустило бы следующее восстановление стк. 19: συμφέροντ[α τῶι δήμωι· τῆς ἱερᾶς νήσου] ἑστ[ί]ας [58]. По всей видимости, во времена Антестерия Ольвия продолжала быть простатом общеэллинского святилища на Левке, что документально засвидетельствовано по крайней мере для конца IV и первой половины III в. до н. э. [59]. Однако в период постоянных военных опасностей, когда сам полис терроризировали неприятели, его контроль и попечение над островом должны были неизбежно ослабнуть, чем могли воспользоваться, например, варвары или пираты, не раз в подобной ситуации грабившие святилище Ахилла до и после Антестерия [60]. Не с этим ли связано и следующее его деяние?

Ремонт и строительство флота (сткк. 24—31). От конца стк. 24 до начала 26-й камень стерт настолько основательно, что практически кроме слова παραγινομενο- ничего прочесть и восстановить нельзя. Не исключено, что здесь заключалась отдельная клаузула, но более вероятным кажется считать сткк. 24—26 началом того параграфа декрета, который повествует о приведении Антестерием в порядок ольвийского флота и реконструируется достаточно надежно. В сткк. 26—27 дополняю стандартное выражение эллинистических декретов [ἐξ ἐτῶν] πλε[ι]όνων, означаю-

---

[55] *Vinogradov.* Griechische Epigraphik..., S. 314. Теперь надо отказаться от высказанного там же утверждения, что «Антестерий вложил свои деньги в починку общественных алтарей».

[56] См. Syll. [3], v. IV, Index, s. v. Для Ольвии ср. IOSPE, I[2], 325.5: παραγενόμενος εἰς τὴν πόλιν.

[57] См. Syll. [3], 286 = StV, III, 408.8: ἐπὶ βουλὴν ἐπίτω (договор Милета и Ольвии); IOSPE, I[2], 32A.56—57: παρελθών εἰς τὴν ἐκλησίαν, ср. ibid., A.28, 37, 87; Moretti. Isc. stor. ellen., II, 128; ISM I, 19.5—6: ἐπε[λθὼν ἐπὶ τὴν β]ουλὴν καὶ τὴν ἐκλη[σ]ί[α]ν (Истрия).

[58] Подобное определение острова документировано близким по времени документом в весьма надежной реконструкции В. В. Латышева (IOSPE, I[2], 26. 8—9): τὴν ἱερὰν [νῆσον τὴν Λευ]κήν; ср. ibid., 325.3.

[59] IOSPE, I[2], 325.12—14; 26: судя по отсутствию этникона, этим декретом чествуется ольвиополит, оказывавший благодеяния соотечественникам, приплывавшим на остров. Тот факт, что такие визиты были в III—II вв. довольно часты, свидетельствуют монетные находки; см. *Булатович С. А.* Монетные находки на острове Левке.— МАСП, 7, 1971, с. 214; табл. 2, с. 222.

[60] IOSPE, I[2], 325 (анализ этого декрета я предполагаю дать в другом месте), 672; ср. *Толстой И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918, с. 41; *Соломоник Э. И.*— НЭ, III, 1962, с. 38 сл.

щее «в течение многих лет, с давних пор» (ср. стк. 39) [61]. После коррелирующего с πλοῖον в стк. 29 слова восстанавливаю на основании абсолютной аналогии из Протогеновского декрета [62] πλ[οίων κακῶς διακειμένων?]. За этим идет указание на некие суда, «которые были прежде» и о которых также следовало позаботиться, что дает основание для восстановления здесь exempli causa [πε]ρί [τ]ε̣| προενόν[των χρείας οὔσης? ἐπιμελη]θ̣ῆ̣ν̣[αι].

Кажущаяся тавтология устраняется тем объяснением, что πλοῖα προενόντα подразумевают не те суда, которые имеются в наличии и требуют починки, а те, которые были прежде, но теперь полностью погибли, т. е. речь идет о пополнении состава ольвийского флота. Такое толкование подтверждается следующей фразой (сткк. 29—30), сообщающей, что Антестерий в соответствии с возникшей потребностью соорудил длинный корабль и отремонтировал те суда, которые не были на плаву; в моем восстановлнии: πλοῖον μα̣[κρὸν κατασκευασμένος καὶ] τ[ὰ] μ[ὴ] πλέοντ[α διωρθω̣μένος]. Таким образом, мы имеем удачную корреляцию желаемого с совершенным, построенную по принципу хиатной конструкции.

Комментируя вышеупомянутый декрет Аполлонии в честь Гегесагора, упоминающий о посылке πλοῖα μακρά (IGBR, I², 388 bis. 8), Ж. и Л. Роберы (Bull. ep., 1961, 419, p. 193) привели достаточное количество аналогий [63], показывающих, что πλοῖον μακρόν и ναῦς μακρά были termini technici, обозначавшие военный корабль. Эта миссия, исполненная Антестерием, сочетается в декрете с χορηγία — термином, неоднократно комментировавшимся эпиграфистами. А. Вильхельм [64] приводит параллели χορηγία в значении создания запасов масла и исполнения других потребностей; Ж. До [65] опубликовал надпись о посылке Эвменом в Дельфы таланта, рабов для сооружения театра, разных посвящений, а также τὰν ἄλλαν [χορ]αγίαν; приводя параллели автор считает, что этим термином обозначается нечто материальное, и переводит его «d'autres présents». Л. Робер [66] отмечает, что слово χορηγία, нередко встречающееся в эллинистическую эпоху, часто имеет весьма общий смысл и не всегда понятно: les fournitures, tout ce qui ressort de la générosité, blé, vin, huile, argent, travaux, etc. В нашем контексте χορηγία должна означать, скорее всего, корабельные снасти и другое оборудование [67], которые Антестерий в необходимом количестве распределил (διέ[θηκεν]) по приведенным им в порядок и построенному судам.

Итак, прибыв в город (παραγινόμενο[ς vel -μένο[υ αὐτοῦ εἰς τὴμ πόλιν?]), Антестерий застал военные суда ольвиополитов пришедшими в упадок и значительно уменьшившимися числом; это побудило его заняться восстановлением флота: он строит на собственные средства военный корабль, а другие суда, не бывшие на плаву, приводит в боевую готовность. Значение первого свидетельства об ольвийском военном флоте трудно переоценить; до этого мы знали из Протогеновского декрета только о возивших камень для стеностроительства транспортных судах, принадлежавших как частным лицам (ἰδιώταις), так и государству (τὰ πλοῖα τὰ δημόσια). Из-за того, что общественные суда, как и в нашем случае, пришли в негодность и были лишены снастей, полис был вынужден платить частным судовладельцам фрахт (τὸ ναῦλον). Протоген за счет казны исправил положение дел (IOSPE, I², 32B.49—58). Опираясь на это

[61] Ср. Bull. ép., 1966, 189: un bon nombre (des années).

[62] B. 51—52: τὰ πλοῖα τὰ δημόσια κακῶς διακεῖσθαι καὶ μηθεν ἔχειν τῶν ἁρμένων.

[63] Из них для нашего восстановления особенно интересна надпись из Каллатиса SGDI 3090 = *Блаватская.* ЗПГ, с. 258, № 29. 2—3: [ν]αῦν μακρὰν κατασκευαξά̣μ[ενος | ἐ]κ τῶν ἰδίων.

[64] *Wilhelm Ad.* Neue Beiträge, V, S. 46 = Akademieschriften, I, S. 288.

[65] FD III, 3, № 239, p. 212 suiv.

[66] *Robert L.* Hellenica, XI—XII, p. 123, note 2; ср. *idem.* Monnais antiques en Troade. Paris — Genève, 1966, p. 30, note 5.

[67] Этим конкретным предложением я обязан Г. А. Тароняну.

сообщение, К. М. Колобова в свое время осторожно предположила существование в Ольвии в III в. до н. э. навклеров, находившихся на государственной службе [68]. Опубликованное не так давно граффито [69] подтвердило эту догадку, сообщив нам, что ольвийские навклеры объединялись в ежегодно сменявшиеся коллегии [70]. Ведали ли навклеры и военным флотом Ольвии или им командовали навархи, мы не знаем.

Ольвийский флот вводился в действие не только в период вероятных войн с другими понтийскими полисами (см. выше) [71], но и для борьбы с пиратами, активизировавшими свою деятельность в III—II вв. В частности, он был необходим для охраны священного острова Ахилла, неоднократно подвергавшегося нападению морских разбойников [72].

Политическая деятельность (сткк. 31—41). Вся остальная часть мотивировки повествует о политической деятельности Антестерия. Как показывает синтаксический переход от acc. plur. к nom. plur. в стк. 35, эта часть состоит, собственно, из двух периодов, которые по содержанию, однако, настолько неразрывно связаны, что позволяют рассматривать их как единую клаузулу.

Судя по aor. (а не perf.) part. εἰσηγησ[άμενος] в стк. 32, имеется в виду конкретное внесение Антестерием какого-то «хорошего и прекрасного» предложения, благодаря которому удалось наказать граждан, преступавших законы (сткк. 33—34: τούς τε π[ολίτας — — —] παρανομοῦντα[ς]). Этот термин уже встречался ранее в ольвийской эпиграфике в известном декрете Каноба о деньгах (сткк. 19—22) [73]: πράξονται δὲ το[ὺς πα]ρὰ τὸ ψήφισμά τι παρανομοῦντας οἳ ἂν τὴν ὠνὴν πρίωνται τῶν παρανομησάντων κτλ.; здесь он употреблен в прямом значении «нарушать полисное постановление». В чем заключалось нарушение законов ольвийскими гражданами, упомянутыми, в нашем декрете, неизвестно; одним из таких деликтов могло быть изменение прежнего порядка хлебных раздач, восстановленного Антестерием, если предложенное выше дополнение стк. 11 верно. Многочисленные случаи употребления слов μισοπόνηρος, μισοπονηρία, μισοπονήρως в эллинистических надписях собраны Л. Робером [74]. Какое из этих определений стояло в нашем документе, выбрать трудно.

Как уже сказано, со стк. 35 редактор декрета меняет синтаксическую конструкцию текста: все те, преступавшие законы граждане выступают теперь субъектами в nom. plur. со сказ. в praes., т. е. за этим проглядывает некий хроникальный стиль. В стк. 35 после необходимого по синтаксису ὅτε или ὡς δὲ достаточно уверенно дополняю: [οἱ vel ἔνιοι πολῖ]τα[ι

---

[68] *Колобова К. М.* К вопросу о судовладении в древней Греции.— ИГАИМК, 61, 1933, с. 97.

[69] *Шебалин Н. В.* К ольвийским государственным древностям.— АИКСП, 1968, с. 296—299.

[70] По палеографии и ионизму ναοκλήρ[οις] надпись должна датироваться не позже конца IV в. до н. э. Осмотр оригинала показал, что в конце стк. 5 читаются буквы ENA, что позволяет мне, отталкиваясь от вышеприведенного пассажа IOSPE, I², 32B.53, предложить и здесь дополнять [τὰ Μ]ενάνδρου ἐχό[μενα ἄρμ]ενα (?).

[71] Отсюда неправомерно было бы делать вывод о том, что упомянутая выше в нашем декрете война велась против эллинов с применением военно-морских сил, поскольку сообщение о ее окончании помещено хронологически раньше информации о строительстве Антестерием флота.

[72] См. выше прим. 60. О понтийском пиратстве и борьбе с ним см. *Толстой.* Ук. соч., с. 40 слл.; *Ростовцев М. И.*— ИАК, 65, 1918, с. 190 сл.; *idem.* SEHHW, II, p.675; *Трофимова М. К.* Пиратство в Восточном Средиземноморье в III в. до н. э.— В кн.: *Зельин К. К., Трофимова М. К.* Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода. М., 1969, с. 203—211; *Брашинский И. Б.* Понтийское пиратство.— ВДИ, 1973, № 3, с. 124—133.

[73] IOSPE, I², 24. В последнем издании (*Merkelbach R.* Die Inschriften von Kalchedon, Bonn, 1980, Nr. 16) оставлено без внимания мое существенное уточнение курса кизикина и даты документа (*Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О.*— ВДИ, 1976, № 4, с. 23—27). В Bull. ép., 1978, 341, нам ошибочно приписано прежнее традиционное чтение.

[74] *Robert L.*— RPh., 1927 = OMS, II, p. 1065 suiv.; *idem.*— RPh., 41, 1967, p. 8, 12, n. 7.

στ[ασι]άζοντες. Не больше трудностей доставляют и буквы ΣΥΛΟΥΣΙ в стк. 37. Поскольку συλέω как эквивалент συλάω встречается крайне редко [75], при постоянных nom. plur. клаузулы как до, так и после этого слова, из всех возможных вариантов следует, видимо, отклонить acc. ἱεροσύλους, а также dat. plur. part. и остановиться на 3 л. plur. praes., дополнив: τὰ ἱερ]ὰ [ἱ]ερ[ο]συλοῦσι [76].

В сткк. 37—38, не колеблясь, восстанавливаю стандартное выражение [τήν τε πόλιν καταστή]σαντες εἰς δ[ιαφοράν], дополняемое мною и в другом ольвийском декрете [77]. Буквы, сохранившиеся в начале стк. 39, могут быть дополнены лишь в прич. от глаг. ἀκολουθέω. Учитывая общий контекст (особенно παρανομοῦντα[ς]), я склонен предположить, что речь опять шла о неповиновении законам; на этом основании я предлагаю восстанавливать [μὴ ἀκ]ο|λουθοῦν[τες vel -τας τοῖς νόμοις?] — оборот, имеющий параллели в литературе и эпиграфике [78]. По остаткам букв в конце стк. 39 и начале стк. 40 я предлагаю восстановление: [ἐφ'ἕτη π]λείω ἐ|ξεὶς ἐκ [τῆς πόλεως vel πατρίδος], после чего должно было следовать некое сказуемое, означавшее, что Антестерий справился и с этой задачей (καὶ ταῦ[τα]) каким-то образом (наречие -λως), но каким — не ясно ввиду того, что слабые следы букв в конце стк. 40 пока не поддаются восстановлению.

Таким образом, разобранные строки впервые дают нам информацию о политических волнениях в среде ольвийского гражданства, значение которой трудно переоценить. До сих пор было известно только, что в эпоху кризиса ольвийской истории возникали паники, охватывавшие граждан во время хлебных голодов и вражеской угрозы, или что варвары совращали рабов и миксэллинов (IOSPE, I², 32A. 64, B. 10—24; см. выше), наш же документ прямо сообщает о преступавших законы гражданах, устроивших в полисе стасис и разграблявших святыни. О раздорах, вспыхнувших прежде всего между должниками и кредиторами во время осады Ольвии Зопирионом, как это мы постарались показать в ином месте [79], повествует другой ольвийский декрет (IOSPE, I², 25 + 31). Если верно чтение сткк. 39—40 ἐξεὶς ἐκ[τῆς πόλεως?] [80], то мы получаем первый в ольвийской истории прецедент политического изгнания. Это, как мне кажется, подтверждается еще одним обстоятельством. Согласно сделанным выше наблюдениям о состоянии стелы, она, скорее всего, была уложена лицом вверх в замост двора какого-то здания [81]. Если учесть, что она найдена в археологическом контексте первой половины II в. до н. э., ее вторичное использование в вымостке произошло не позже, чем лет через 50 после постановки. Трудно, однако, представить себе, чтобы столь ответственный государственный акт в честь выдающегося гражданина, награжденного отменными почестями, следующее поколение его сограждан осмелилось в буквальном смысле попирать ногами без каких-либо особых на то причин. На худой конец они могли бы положить стелу лицом вниз, чтобы не топтать почетный декрет и, что особенно симптома-

---

[75] По L — S — J у Quint. Smyrn., I, 717 (эпика IV в. н. э.?), сомнительно и метафорически у Xanthos I (историка V в. до н. э.), у Theoc. XIX, 2 (неясно — συλεύμενον здесь эпическая форма или доризм?).

[76] Формы ἱεροσυλάω не существует. Для подобного нашему сочетания ср. *Polyb.*, XXX, 26,9. Для употребления этого слова в эпиграфике см., например, Syll.³, 417 (Дельфы, III в. до н. э.).

[77] IOSPE, I², 25 + 31.5—6. См. *Виноградов, Карышковский.* Каллиник, сын Евксена, I, с. 33, сткк. 5/6.

[78] *Andok.*, IV, 19: οὐκ αὐτὸς τοῖς νόμοις τοῖς τῆς πόλεως . . . ἀκολουθεῖν ἀξιῶν; Syll.³, 409. 46—47: ἀκολούθως τοῖς τε νόμοις καὶ τοῖς τῆς βουλῆς καὶ τοῦ δήμου ψηφίσμασιν (286/5 г. до н. э.); ср. 486. 15, 547. 16, 604. 6, 683. 14—15.

[79] См. *Виноградов, Карышковский.* Каллиник, сын Евксена, I, с. 35—37.

[80] Грамматическим субъектом этого действия мог быть либо чествуемый, либо сам демос; фактически же оно было осуществлено по предложению Антестерия.

[81] Не исключено — того же гептадейона, где была выставлена псефизма; в таком случае его следует искать на агоре неподалеку от места находки камня.

тично, религиозные святыни — рельеф с Аполлоном Кифаредом и изображение алтаря [82]. Подобное применение было бы объяснимо в момент военной угрозы, когда надгробия, декреты и даже базы статуй спешно и вынуждено использовались для укрепления оборонительных стен [83]. Мы же имеем дело совсем с другим случаем.

Эти обстоятельства оставляют только один путь разрешения данного противоречия: использование декрета в вымостке было не случайным, а преднамеренным актом умышленного надругательства. Если Антестерий действительно изгнал на многие годы из отечества противников существовавшего тогда государственного порядка, то вполне можно себе представить, что через какое-то время они, вернувшись на родину и, как это часто бывало [84], захватив власть в свои руки, предали его, при жизни либо уже после смерти, damnatio memoriae с особой жестокостью: не выскоблили его имя со стелы [85], но положили ее лицом кверху на попрание согражданам. Если обвинение их в святотатстве не голая инвектива, то им ничего не стоило топтать и священное изображение Аполлона и алтаря. Кто были эти лица, мы не знаем, но определенные соображения о том режиме, против которого они выступали, позволяет, как кажется, высказать следующая часть декрета.

Хортативная формула (сткк. 41—45). Обычно побудительная формула, предваряющая, как правило, вторую санкцию, призывала и других столь же ревностно, как и чествуемый, служить полису, либо подчеркивала, что и сам демос воздает своим благодетелям достойные почести. В нашем же декрете хортативная формула представляет собой как бы продолжение последней клаузулы мотивировки и непосредственно связана с политической деятельностью Антестерия.

Прежде всего высказывается пожелание, чтобы и народ укреплял свою власть более, чем прежде, что восстанавливается на основании сохранившихся букв достаточно надежно: [ἵ]να οὖν καὶ ὁ δῆμος τὴν ἀ]ρχὴν αὔξῃ πλέον ἢ[ς vel ἤ [πρότερον] [86]. Подобный оборот — αὔξειν τὴν δημοκρατίαν, τὸν δῆμον, πάτριον πολιτείαν и т. п., находит многочисленные параллели [87], в том числе и в самой Ольвии [88].

[82] Укладка мраморных стел с государственными постановлениями и проч. в вымостку — не редкость в греческой практике (см. *Robert L.* Epigraphik der klassischen Welt. Bonn, 1970, S. 39). Наиболее ярким примером служит двор милетского Дельфиниона, замощенный в позднейший строительный период большим количеством стел, но что замечательно — всегда лицом вниз (Milet, I, 3, S. 285). Аккуратная укладка их в вымостку способствовала тому, что практически все плиты дошли до нас целиком (№ 135—141, 143, 148, 164, и др.); это может служить лишним свидетельством тому, что и наша стела была использована в вымостке. Трудно, однако, предположить, чтобы община ольвийской метрополии испытывала больший, чем ее колония, пиэтет к святыням — государственным актам своих предков.

[83] Как это случилось, к примеру, в Херсонесе в III в. до н. э.; см. Башня Зенона.— СХМ, IV, 1969; НЭПХ, II, 135—178.

[84] О разных способах возврата политических изгнанников см. *Seibert J.* Die politischen Flüchtlinge und Verbannten in der griechischen Geschichte. Darmstadt, 1979, S. 400—405; о сроках изгнания — S. 356.

[85] О подобной damnatio memoriae имен тиранов и олигархов на памятниках с надписями трактует известный илионский закон OGIS 218 = Inschr. Ilion 25.116—130.

[86] Для iota subscriptum в conj. ср. синхронный истрийский декрет ISM I,1, стк. 6— σιτωνηθῆ, 14 — θέλῃ (Д. М. Пиппиди дополняет θέλῃ[ι], но для *йоты* на камне места нет), при том, что в стк. 1 —τῆι βουλῆι, 14 — ἐν τῆι ἀγορᾶι; ср., однако, копию того же декрета ISM I, 2, стк. 1 — ὑπάρξηι.

[87] *Wilhelm Ad.* ΣΙΤΟΜΕΤΡΙΑ, S.902, 904: βουλόμενο[ι ἐπὶ πλείον αὔξειν τὴ]ν δημοκρατί[αν] (Иасос, середина II в. до н. э.); τὴν πᾶσαν σπουδὴν καὶ εὔνοιαν προσφερόμενος εἰς τὸ συναύξεσθαι τὸν δῆμον (SEG, II, 663; Брусса, первая половина II в. до н. э.); *Robert L.*— BCH, 57, 1933, p. 516: [προ]ελόμεν[οι — — τὸν δῆμον ἐ]παύξησιν λαμβ[ά]νειν (Родос); ICr., I, p. 282, № 2. 17—19 (Приансос, после 170 г. до н. э.): σ[υνεπαύξοντας ... τὰν ὑπάρχουσαν αὐτοῖς πάτριον δαμοκρατ[ία πο]λιτείαν; ср. *Quass F.*— Chiron, 9, 1979, S. 40, Anm. 15; S. 39, Anm. 11; S. 41, Anm. 22; *Segre M.* Tit. Calymn., ASAA, 22—23, 1944—45 (1952), p. 9 sg., n.XII. 26—27 (Кос): οὐδὲ τὰγ Κώιαν ἐλάσσω γινομέναν περιοψεύμαι, ἀλλ' αὐξήσω.

[88] *Vinogradov.* Olbia, S. 27; αὔξωμ μὲν πάτριον ἑάπεδον (начало IV в. до н. э.).

Во-вторых, составитель декрета обращается, скорее всего, к законам, призывая их быть πολιτικώ[τεροι], с тем чтобы магистраты, их устанавливающие и проводящие в жизнь, стяжали себе заслуженную славу (сткк. 42—44). Восстановление выглядит достаточно надежным. Med. и pass. от εὐδοξέω в L—S—J не засвидетельствованы, однако оба залога встречаются начиная с эпохи эллинизма у εὐδοκιμέω, с которым в данной клаузуле удачно стилистически коррелирует первый глагол. Кроме того, судя по обратному словарю Kretschmer—Locker, формы на -ξεω, простые и составные с префиксами, имеются (кроме редчайших) только у двух глаголов: δοξέω и неуместного в нашем контексте ξέω. Как отмечает Л. Робер, глагол εὐδοκιμεῖν встречается «в декретах, почетных надписях для того, чтобы отметить успехи, которые имел гражданин в исполнении магистратур или литургий», а также в надписях, «чествующих ремесленников или артистов, которые «имели успех» в чужом городе во время более или менее длительного пребывания», что он подкрепляет многочисленными параллелями [89]. Прекрасную параллель парному употреблению обоих глаголов в сочетании с νόμοι в нашем декрете дает один пассаж из Демосфена [90].

Заканчивается хортативная формула, очевидно, призывом к какому-то субъекту, стоящему в plur. (может быть, к тем же законам?), и в будущем наказывать виновных (сткк. 44—45): [ζ]ημ[ιῶ]νται τοὺς αἰ[τίους?] [91].

С исторической точки зрения самым интересным в разобранной клаузуле мне представляется определение πολιτικώ[τεροι], выбор которого, думается, обусловлен не просто стилистическими соображениями. Как известно, прил. πολιτικός имеет много значений, из которых в нашем контексте при вполне резонном восстановлении [οἱ νόμοι] наиболее подходит, пожалуй, «гражданский, общественный», т. е. «направленный на благо общества». Любопытно, однако, что составитель псефизмы ни разу не употребил в этой клаузуле (насколько позволяют, конечно, судить сохранившиеся слова и надежность дополнения фраз) обычное в таких случаях слово ἡ δημοκρατία, что он мог легко бы сделать, поменяв, например, πολιτικώτεροι на δημοτικώτεροι.

Интересный материал в этой связи дает лексика Аристотеля, у которого adj. πολιτικός тесно связано с subst. ἡ πολιτεία, под которой мыслится либо просто государственный строй, либо ἡ καλουμένη πολιτεία, т. е. согласно его философским воззрениям, наилучший способ государственного устройства [92], причем часто трудно различить, какое из двух понятий имеется в виду [93]. Однако все же есть примеры, весьма показательные. Так, в Pol. IV, 9, 1294a30 sqq. философ рассматривает вопрос: «Каким образом при демократии и олигархии возникает так называемая полития, и как следует ее устанавливать». Он выдвигает несколько критериев, разграничивающих демократию и олигархию, прежде всего: кто при том и другом режиме имеет право судебного наказания и получают ли судьи жалование. После чего он резюмирует: κοινὸν δὲ καὶ μέσον τούτων ἀμφότερα ταῦτα, διὸ καὶ πολιτικόν, μέμεικται γὰρ ἐξ ἀμφοῖν (1294a41sq.). Ясно, что хотя здесь πολιτικόν и связано неразрывно с «так называемой политией», но наполнено, как показывает экспликативное διό, не классификационным, а качественным содержанием.

---

[89] *Robert L.*— Gnomon, 35, 1963, p. 58. Ср. id.— BCH, 1954, p. 71, note 3; Bull. ép., 1958, 336, p. 281; 1979, 271, l. 8; *Wilhelm.* Akademieschriften, II, S. 86, 174.

[90] *Dem.*, XXI, 50: τὸν τοίνυν οὐ παρὰ τοῖς Ἕλλησιν μόνον εὐδοκιμοῦντα νόμον, ἀλλὰ καὶ παρὰ τοῖς βαρβάροις εὖ δόξαντ' ἂν ἔχειν κτλ.

[91] Вероятность восстановления подкрепляет IOSPE, I², 352.41 sq.: τοὺς δὲ αἰτίους τᾶς ἐπαναστάσεο[ς] τιμωρεσάμενος.

[92] Об этом см. *Доватур А. И.* Политика и политии Аристотеля. М.— Л., 1965, с. 37—46.

[93] См. *Bonitz H.* Index Aristotelicus. B., 1955, s. v.

Еще более показательно, что Аристотель, описывая два способа, какими могут быть ликвидированы олигархии (Pol. V, 6, 1305a37 sqq.) и приводя конкретные примеры, сообщает: καὶ ἔνθα (sc. ἐν Μασσαλίᾳ) μὲν πολιτικωτέρα ἐγένετο ἡ ὀλιγαρχία, ἐν Ἴστρῳ δ'εἰς δῆμον ἀπετελεύτησεν, ἐν Ἡρακλείᾳ δ'ἐξ ἐλαττόνων εἰς ἑξακοσίους ἦλθεν (1305b10—12). Перед нами несомненно качественная характеристика: πολιτικωτέρα ἡ ὀλιγαρχία — это более гражданственная олигархия [94], ближе стоящая к идеальной политии, но не переставшая при этом быть олигархией и не переродившаяся, как в Истрии, в демократию. Естественно, было бы рискованным прямо считать словоупотребление Аристотеля адекватным лексике нашего документа, однако трудно отделаться от впечатления, что его редактор не случайно употребил здесь более обтекаемый и допускающий неоднозначное толкование термин, вместо того чтобы прямо указать на демократизацию ольвийского государственного строя.

Во всяком случае, я считаю неоправданным, как это порой делалось и делается, прямолинейно утверждать, например, на основании одной только формулы ἔδοξε βουλῆι καὶ δήμωι о безраздельном господстве в Ольвии демократии. Неизвестно, кто поднял тогда в полисе стасис — очень возможно, что и олигархи,— но ряд других соображений [95] приводит меня к мысли, что Ольвия времени Антестерия и Протогена не была точной копией афинской демократии эпохи Перикла.

Докладная санкция и собственно постановление (стки. 45—55). Вторая санкция нашего декрета довольно типична для ольвийских псефизм, хотя и имеет ряд отклонений от стандартного формуляра. Так, в лакуне стк. 45 при минимально коротком дополнении αἰ[τίους] не находится места для члена при βουλῆι, зато он явно стоит при δήμωι. Аналогию дает более поздний декрет IOSPE, I², 35.3 с такой же постановкой артиклей, объясненной А. Вильхельмом [96].

Собственно постановление предписывает, во-первых, восхвалить Антестерия и награждать его ежегодно золотым венком. Ежегодное награждение чествуемых декретируют также IOSPE, I², 34.29 и НО 34.4. Увенчание следовало провозглашать, как и в IOSPE, I², 34.40, через глашатая, по всей видимости, на празднике Дионисий в театре. С подобной же торжественной процедурой мы встречаемся в декретах в честь Каллиника (IOSPE, I², 25 + 31.13—16), в честь сыновей Аполлония (НО 28 + 29A.15—16), а также еще в одном не опубликованном пока эллинистическом постановлении (ἐν τῶι θεάτρωι) [97].

Псефизму следовало вырезать на мраморной стеле [98] и выставить в здании коллегии Семи. Таким образом, мы узнаем о существовании в Ольвии неизвестного прежде административного здания — τὸ ἑπτάδειον, остатки которого, как уже сказано, следует искать неподалеку от места находки стелы. До этого нам было известно из надписей о существовании места для народных собраний — τὸ ἐκκλησιαστήριον (IOSPE, I², 24.9—10) [99],

---

[94] Ср. L — S — J, s. v.: more constitutional.

[95] См. *Vinogradov.* Griechische Epigraphik..., S. 312—314.

[96] *Wilhelm Ad.*— Klio, 29, 1933, S. 59. К приводимым им примерам добавлю IG, VII, 2513. 2—3: δόγματι βουλῆς καὶ τοῦ δήμου.

[97] *Виноградов.* Эпиграфические открытия..., с. 89, § 3.

[98] О распространенности термина τελαμών в документах Византия, городов Пропонтиды, Вифинии и Причерноморья см. *Robert L.* Hellenica, VII, 1949, p. 33; OMS, II, p. 1209; ср. Bull. ép., 1979, 546.

[99] Большинство комментаторов видит в экклесиастерии не здание, а площадь для народных собраний, превращавшуюся в обычные дни в рыночную, а в стоявшем на ней «камне» — бему для ораторов, глашатаев и т. п. (см. *Латышев.* Исследования..., с. 234). Последний издатель понимает под этим ὁ λίθος каменный стол, т. е. общественный банк — τράπεζα (*Merkelbach.* Inschriften von Kalchedon, Nr. 16, S. 33).

а по раскопкам — о здании дикастерия и гимнасия[100]. В этой клаузуле обращает на себя внимание также результативная констатация того, что деньги на написание псефизмы и установку стелы уже выданы, как логичнее всего предположить в соответствии с размером лакуны, коллегией Семи (καὶ τ[ὰ χρήματα οἱ ἑπτὰ ἐ]ξέθηκαν). Параллели подобному хроникальному стилю, несколько раз засвидетельствованному в Ольвии и находящему аналогии в других местах, приведены мной в другом месте [101]. Этот стилистический прием свидетельствует о том, что псефизма после вотации в экклесии еще раз подверглась редакторской обработке, и для оформителя ее окончательной редакции выделение средств было уже свершившимся фактом.

Данное обстоятельство помогает лучше понять и следующее предписание о посвящении беломраморных рельефов. Судя по частице δέ в стк. 53, речь шла об установке изображений в двух местах: одного в святилище [102], а второго, если верно предлагаемое дополнение, непосредственно вверху самой стелы (ἐπ[άνω]). Аналогия этому весьма оригинальному обороту может быть найдена в одной надписи римского времени из Эфеса [103]: Ὁ περίβολος καὶ ὁ ἐπάνω τοῦ τίτλου τόπος σοροῦ. Редактор, окончательно обрабатывавший текст нашего готового постановления, мог вставить ἐπάνω вместо, например, ἐστέλῃι и т. п., так что читавший, подняв глаза, видел наверху вырезанные рельефы. Понятно, что часто посвящали изображения не самих чествуемых, а богов-покровителей. Термин ὁ τύπος в значении посвятительного рельефа известен для Ольвии по вышеупомянутой надписи ситонов НО 72.

Наконец, последняя клаузула декрета предписывала отнести расходы по высечению и установке этих рельефов на «наш счет», т. е. на счет полиса. Примеры выражению ἀναφέρειν ἐν λόγωι собраны Л. Робером [104]; к ним может быть добавлен еще один из декрета аполлониатов III—II вв.: τὸ δὲ σύ[μπαν ἀνάλωμα κτλ. ... ἐ]νεγκεῖν ἐν λόγωι (IGBR, I², 391. 12—15).

Деятельность коллегии Семи. Последний вопрос, который нам предстоит разобрать: в какой мере деятельность Антестерия на посту члена коллегии Семи согласуется с нашими сведениями о функциях этих магистратов, полученными прежде по данным других источников? Самое раннее упоминание οἱ ἑπτά относится ко времени вскоре после 330 г. до н. э. (IOSPE, I², 25 + 31) [105], самое позднее — к последней четверти III в. до н. э. (IOSPE, I², 32, монеты). По имевшимся в нашем распоряжении источникам до сих пор были известны следующие полномочия септемвиров: *1)* вносить предложения по почетным декретам, всегда вместе с архонтами: IOSPE, I², 25 + 31, 26, 32, 33 (?) [106]; *2)* один раз ἑπταδεύοντες,

---

[100] Об этих сооружениях см. *Карасев А. Н., Леви Е. И.* Исследования Ольвии после Б. В. Фармаковского (1927—1970 гг.).— ХКААМ, 1976, с. 38—43 (с литературой). Интерпретация Б. В. Фармаковским жилого дома в НГФ как пританея неверна; см. *Леви Е. И., Карасев А. Н.* Дома античных городов Северного Причерноморья.— АГСП, 1955, с. 229; прим. 1; *Крыжицкий С. Д.* Жилые ансамбли древней Ольвии IV—II вв. до н. э. Киев, 1971, с. 85 сл.

[101] См. *Виноградов, Карышковский.* Каллиник, сын Евксена, I, с. 34.

[102] Под которым следует, скорее всего, понимать ольвийский теменос, посвященный Аполлону. На это как будто прямо указывает декрет в честь сыновей Аполлония НО 28 + 29 в моем восстановлении его последних строк после присоединения к ним НО 123: [ἐν τῶι Ἀπόλ]λων[ος] ἱερῶι; см. *Виноградов, Русяева.* Ук. соч., с. 54, прим. 51 (в текст вкралась опечатка: возможность воссоединения фрагментов реализована не П. О. Карышковским *совместно* с Ю. Г. Виноградовым, а *на месте* одним последним).

[103] Insch. Ephesos, VI, 2236B; Bull. ép., 1981, 473.

[104] *Robert L.*— BCH, 1926, p. 490 = OMS, I, 54; ср. *idem.*— BCH, 1933, p. 497 = = OMS, I, 497; Bull. ép., 1959, 43: *Wilhelm Ad.*— Hermes, 23, 1888, S. 458; *idem.* Neue Beiträge VI, S. 67 = Akademieschriften I, S. 358.

[105] См. *Виноградов, Карышковский.* Каллиник, сын Евксена, I, с. 33, стк. 1.

[106] В. В. Латышев (IOSPE, I², p. 56; ср. *Swoboda H.* Griechische Volksbeschlüsse. Lpz, 1890, S. 131) предположительно предлагал дополнять в стк. 3 этого фрагментарного декрета после первой санкции ε[ἰσηγησαμένου?], однако на его про-

заботясь о сокровищнице, упорядочивают сакральный тариф: IOSPE, I², 76; *3*) в течение краткого времени (ок. 230—225 гг.) они чеканят монету со своим именем — ΟΙ ΕΠΤΑ [107].

Первый издатель вышеназванного эдикта септемвиров Ф. А. Струве не сомневался в том, что коллегия Семи заведывала казной города [108], однако уже В. Диттенбергер [109] высказал мнение о том, что эти магистраты имели попечительство над храмовой казной. Эта точка зрения была развита Г. Гильбертом, впервые распределившим (без аргументации) прерогативы ведения государственной и священной казной между коллегиями, соответственно, οἱ ἐννέα и οἱ ἑπτά и подчинившим ту и другую верховному распорядителю финансов [110].

Первым, кто представил аргументацию в пользу подобного распределения функций, был В. В. Латышев, который, критикуя Ф. А. Струве, указал по поводу IOSPE, I², 76, что термины θησαυρός преимущественно, а ἀπάρχεσθαι постоянно связаны с культом [111], следовательно, Семь заведовали священной казной. Гораздо более осторожно подошел он к определению полномочий известной лишь из Протогеновского декрета (A. 39 sqq.) коллегии Девяти, о которой сообщается, что Протоген, выбранный ее членом, предложил от себя в счет будущих доходов 1500 золотых, из коих были удовлетворены Саитафарн и многие скептухи. Исследователь предположил (там же, с. 291), что с печальным состоянием финансов для оказания затем денежной помощи удобнее всего было ознакомиться тому магистрату, кто ведал государственной казной, а посему такое заведование и входило, видимо, в компетенцию Девяти [112]. Несмотря на всю осторожность, с какой эта гипотеза была высказана, она превратилась у некоторых последующих исследователей как бы в уже доказанный факт [113].

Участие οἱ ἑπτά наряду с архонтами во внесении предложений по декретам В. В. Латышев объяснял (опять же очень предположительно) тем, что, очевидно, деятельность соответствующих чествуемых лиц (ко времени написания «Исследований» были известны Протоген и некий ...рас — IOSPE, I², 26) «так или иначе касалась и тех отраслей финансового управления, которые находились в заведовании Семи» [114]. Однако даже уже к 1887 г. эта гипотеза не могла считаться продуктивной, поскольку, если Протогену и можно было бы приписать какое-то косвенное отношение к сфере деятельности Семи [115], то в IOSPE, I², 26, согласно надежному восстановлению самого же В. В. Латышева, нет и речи ни о какой финансовой деятельности вообще, тем более связанной со священной казной. Нет никакого намека на храмовые деньги и в IOSPE, I², 25 + 31, хотя о какой-то финансовой деятельности Каллиника декрет упоминает. Остается признать, что одной из главных политико-государственных прерогатив коллегии οἱ ἑπτά было, образуя вкупе с архонтами синархию,

---

рисовке за *эпсилоном* идет либо *гамма*, либо *пи*. Поэтому я решаюсь очень осторожно (ввиду необычного порядка слов) предложить здесь восстановить ἐπ[ταδεύοντες vel-δεί]οντες | καὶ οἱ ἄρχο]ντες εἶπαν.

[107] *Карышковский П. О.* Монеты ольвийской коллегии Семи.— ХКААМ, 1976, с. 109—117.

[108] *Struve Th.*— Rh. Mus., 24, 1870, S. 561.

[109] Syll. ¹, p. 364, not. 2: Septemviros illos rerum sacrarum curam habuisse apparet. Это определение приняли: *Lindisch F.* De rebus Olbiopolitarum. Diss. Halle, 1888, p. 34; *Swoboda H.*— Wiener Studien, X, 1888, S. 298 ff.; *idem.* Griechische Volksbeschlüsse, S. 131; *Busolt G.* Griechische Staatskunde. I. München, 1920, S. 501; *Sokolowski.* LSCG, 88, p. 176; *Карышковский.* Монеты ольвийской коллегии Семи, с. 115 сл.

[110] *Gilbert G.* Handbuch der griechischen Staatsaltertümer. II. 1885, S. 187.

[111] *Латышев.* Исследования.., с. 293.

[112] Непонятно, на каком основании Ф. Линдиш (op. cit., p. 44) считал, что эта коллегия заботилась об отправлении даров и податей скифским царькам.

[113] *Блаватская Т. В.* О финансовых коллегиях Ольвии и Истрии.— КСИИМК, XXII, 1948, с. 57; *она же.* ЗПГ, с. 194; ср. *Pippidi D. M.* Contribuţii la istoria veche a Romîniei. Bucureşti, 1958, p. 68.

[114] *Латышев.* Исследования..., с. 251.

[115] Там же, с. 251, прим. 47: выкупил священные сосуды, заложенные архонтами.

вносить в Совет предложения об издании почетных (пусть даже самых малозначительных) постановлений, в то время как рефераты по проксеническим декретам оставлялись за частными лицами [116].

Полностью в рамки этих полномочий укладывается и деятельность Антестерия, внесшего (εἰσηγήσ[άμενος]) предложение с мерами по ликвидации стасиса и наказанию виновных в нем зачинщиков, одной из которых явилось их изгнание. Из этого факта, равно как и из чрезвычайно важного характера декретов в честь Каллиника и Протогена, следует, что Семь были одной из верховных коллегий Ольвии, стоявших на одном уровне с архонтами, облеченных не одной экономической, но прежде всего политической властью. Это подтверждается и тем, что они имели даже собственное здание — τὸ ἑπτάδειον.

Что же касается финансовых полномочий Семи, то и здесь дело обстоит, видимо, не так просто, как представлялось до сих пор. Они скорее всего, действительно ведали по преимуществу сакральной казной, что следует из lex sacra IOSPE, I², 76 [117] и с чем согласуются две клаузулы декрета в честь Антестерия, где речь идет о наказании грабивших священное имущество и о взыскании денег с задолжавших, по всей видимости, святилищу ([τῶν τῶι ἱερῶι? [118] ὀφελόντω]ν εἰσ[έ]πραξεν). Было бы неправомерным, однако, особенно для эпохи кризиса столь уж резко отделять храмовые сокровища от полисных, ведь сам В. В. Латышев, указывая на аналогичную практику Афин [119], замечает, что «в затруднительных случаях правительство не колебалось прибегать к заимствованиям из священной казны». Эту мысль подтверждает одно не привлекшее к себе должного внимания свидетельство Протогеновского декрета, по словам которого архонты были вынуждены на нужды города заложить священные сосуды частному лицу — Полихарму (А. 14—19: τὰ ἱερὰ ποτήρια εἰς τὴν τῆς πόλεως χρείαν). При этом никак не отмечено участие Семи, к компетенции которых должно было бы в принципе относиться подобное действие. Остается либо сделать вывод о том, что архонты, как и οἱ ἑπτά, имели право распоряжаться храмовым имуществом (не слишком ли много магистратов им заведует?), либо признать, что во второй половине III в. до н. э. сакральная казна фактически слилась с государственной, и из нее дозволялось черпать средства на полисные нужды [120].

Не представляется правомерным, как мне кажется, проводить и резкое разграничение финансовых функций различных коллегий, а тем более устанавливать какую-то их субординацию [121]. В настоящий момент будет, видимо, осторожнее считать, что в управлении финансами Ольвийского полиса — сакральными и общественными — участвовало сразу несколько магистратур: и распорядитель общественного хозяйства и казны (ἐπὶ τῆς κοινῆς οἰκονομίας καὶ ταμιείας), и коллегия Семи [122], и ар-

[116] О синархиях см. *Swoboda.* Griechische Volksbeschlüsse, S. 131 ff. Корректировку его представлений о динамике развития пробулевматической процедуры см. *Vinogradov.* Griechische Epigraphik..., S. 313 f.

[117] В отличие от прежних комментаторов В. Д. Блаватский (Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, с. 205 сл.) и Ф. Соколовский (LSCG, 88, p. 176) видят в предписываемых тарифом достаточно больших суммах не налог на жертвоприношения, а прейскурант жертвенных животных. Это выглядит более убедительным, хотя и в этом случае здесь надо усматривать скрытое косвенное обложение; см. *Vinogradov.* Griechische Epigraphik..., S. 314, Anm. 133.

[118] Учитывая то, что взысканные долги пошли на ремонт алтарей, предпочтение скорее следовало бы отдать вышеприведенному дополнению, хотя, принимая во внимание высказываемые ниже соображения, нельзя, конечно, полностью отвергнуть дополнение [τῆι πόλει].

[119] *Латышев.* Исследования..., с. 102.

[120] К подобному заключению, прямо его не высказывая, вплотную подошли: *Minns E.* Scythians and Greeks. Cambr., 1913, p. 463; *Карышковский.* Монеты ольвийской коллегии Семи, с. 116; ср. *Vinogradov.* Griechische Epigraphik..., S. 314, Anm. 133.

[121] Как, например, *Gilbert.* Op. cit., S. 187.

[122] Если верно восстановление в стк. 52 καὶ τ[ὰ χρήματα οἱ ἑπτὰ ἐ]ξέθηκαν,—

хонты, и, по всей вероятности, коллегия Девяти; вопрос же о том, как распределялись между ними полномочия, резоннее оставить до будущих эпиграфических находок. Что касается кратковременной чеканки медных монет коллегией Семи, то наделение ее этой прерогативой можно с полным правом, вслед за П. О. Карышковским [123], объяснить стремлением укрепить доверие к этим монетам авторитетом коллегии, как тесно связанной с культом, так и игравшей видную роль в политической жизни полиса.

Итак, публикуемый декрет полностью подтверждает установленные раньше регулярные прерогативы коллегии Семи и даже несколько обогащает наши представления об их полномочиях, указывая на право взыскивать с храмовых или полисных должников. Что касается ситометрии, то она была экстраординарной функцией Антестерия, которой он был облечен на непродолжительный срок. Подобная практика стала обычной в эллинистических полисах. Выше уже говорилось о том, что ситонию часто устраивали магистраты, занятые в иной сфере деятельности. В качестве примера можно было бы привести и милетских стеностроителей (οἱ τειχοπόαι), которым вменялось в обязанность сдавать на откуп установку стелы [124], или колофонских карпологов, которые были обязаны инкассировать суммы, собранные на стеностроительство, и выдавать их подрядчикам [125]. Всю остальную деятельность Антестерия составили оказанные по его личной инициативе и за его счет благодеяния: строительство какого-то сооружения, деньги для привлечения миксэллинов к союзу, строительство корабля и починка судов.

* * *

Опубликованный на этих страницах декрет в честь Антестерия представляет собой источник большого значения, который сообщает много ценной и новой информации по ольвийской истории второй половины III в. до н. э. Из него мы впервые узнаем о введении в какие-то особо трудные годы ситометрии и о деталях ее организации, о разразившейся войне, потребовавшей вооруженных отрядов миксэллинов, о военном флоте, пришедшем в упадок и требовавшем приведения его в боевую готовность и пополнения его состава, о политических волнениях в среде ольвийского гражданства и об изгнании как мере по ликвидации стасиса, наконец, о прежде неизвестном административном здании — гептадейоне. Данные псефизмы уточняют наши представления и проливают новый свет на сферу деятельности одной из верховных магистратур полиса — коллегии Семи.

Но, пожалуй, не менее важное значение документа в том, что он дает яркую иллюстрацию того кризисного состояния, в каком очутились греческие полисы Средиземноморья и Причерноморья, и в их числе Ольвия, в эпоху эллинизма. Как неоспоримо показывает синтаксическая структура преамбулы, все перечисленные в декрете события случились в один год — год исполнения Антестерием должности члена коллегии Семи. Происшедших событий в другое, более благоприятное время хватило бы на десятилетия ольвийской истории. В этом небольшом промежутке времени как бы сфокусировались почти все проявления кризиса полисного строя [126]. Постоянные войны и варварские набеги вели к разрушению собственной земледельческой базы полиса и к нарушению регулярного хлебоснабжения, осуществлявшегося за счет ближней и заморской торговли, что в свою очередь порождало хлебный голод среди населения, тре-

---

а оно кажется таковым, то это лишнее свидетельство того, что коллегия Семи распоряжалась какими-то суммами.

[123] *Карышковский.* Монеты ольвийской коллегии Семи, с. 116.

[124] Milet I, 3. Nr. 135 = Syll. [3], 273.30—31.

[125] *Maier F. G.* Griechische Mauerbauinschriften, I. Heidelberg, 1959, S. 225, Nr. 69. 32—33.

[126] Подробнее см. *Vinogradov.* Griechische Epigraphik..., S. 306—316.

бовавший срочных и действенных мер по его устранению. Все это вело к руинированию полисной экономики и истощению полисных финансов.

Война, голод, упадок, усугубленные резким имущественным и, вероятно, социальным расслоением, с неизбежностью порождали обострение противоречий между различными группами и слоями населения, выливавшиеся в открытую политическую борьбу — стасис. Последний не мог, конечно, благотворно сказаться на нормальном ходе и стабильном уровне производства — прежде всего продуктов питания, что, словно по цепной реакции, вновь вызывало нехватку продовольствия, опять же приводившую к социальным конфликтам. Полис попал как бы в circulus vitiosus, и все попытки вырваться из него — более или менее действенные — закончились в конечном итоге, как мы знаем, крахом, когда в середине I в. до н. э. полностью истощенный и обескровленный город стал добычей воинов Буребисты. Гетский разгром явился тем переломным рубежом, который в буквальном смысле разорвал историю Ольвии надвое, отделив первые шесть веков ее существования от качественно нового периода ее истории — римской эпохи.

A DECREE HONOURING ANTHESTERIOS AND THE CRITICAL SITUATION OF OLBIA IN THE HELLENISTIC EPOCH

Yu. G. Vinogradov

The author publishes an Olbian decree of the third quarter of the 3rd century B. C. Despite the severely damaged surface of the middle part of the stele, the inscription provides important information on the troubled history of Olbia at this time. Anthesterios had been a member of the Olbian board of Seven (ἑπταδείσας) and had besides performed several extraordinary services and beneficial acts, most notably his improvement of corn allotments (σιτομετρία). Judging by available epigraphical sources on *sitometria*, the author finds the Olbian variety to be one of the rarest: the distribution was long-lasting, affected only needy citizens who received it in equal portions, it was free of charge and took the form both of bread rations and of public meals. Apparently in this connection Anthesterios, at his own expense, added to or wholly constructed a public building (storehouse?) near the river.

The next lines in the inscription deal with preparations for an impending war which required the cooperation of the Mixhellenes, in whom the author is inclined to see formerly dependent soldier-farmers planted along the borders of the Olbian polis territory for its protection. At the time the decree was published the alliance with the Mixhellenes was already being contracted, thanks to gifts sent to them for which Anthesterios paid the cost; a little later, in the time of Protogenes, the enemy could simply buy these «allies» over (*IOSPE* I² 32B, 15—20). Anthesterios restored the city's altars, fallen into decay from age and alarms of war, getting money needed for repairs from debtors (to the temple?). The threat of war or the need to put down pirates caused Anthesterios to refurbish the Olbian fleet, which he did at his own expense: he built a new warship, repaired old vessels and provided equipment for all of them.

The second part of the inscription deals with a *stasis* which broke out in the city and with citizens guilty of law violations (παρανομοῦντας) such as robbing sanctuaries ([ἱ]ερ[ο]συλοῦσι). Anthesterios put an end to the outbreak of social unrest by condemning those who promoted it (?) to long terms of exile. The condition of the stele and the context in which it was found suggest to the author that when, some time later, the exiles returned they subjected this testimonial to the benefactions of Anthesterios — whether alive or dead — to a particularly inventive *damnatio memoriae* by laying the decree on the pavement face up, to be trampled by his fellow-citizens.

Consideration of the words used in the hortatory formula of the decree suggests that the political structure of Olbia was at this time far from having the form of extreme democracy: the stele, with its carved relief, was to be set up in the headquarters (first mentioned here) of the board of Seven (τὸ ἑπτάδειον). The functions of the Seven are examined anew by the author in the light of this document, in which are focussed all the symptoms of the increasingly critical situation of the Olbian polis in the Hellenistic epoch.

ПУБЛИКАЦИИ

Н. Л. Грач

ОТКРЫТИЕ НОВОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА В НИМФЕЕ

(Предварительное сообщение)

В последние годы при исследовании боспорского города Нимфея были открыты редкой сохранности остатки архитектуры эллинистического времени, связанные с его культами и оборонительной системой. На южном склоне Нимфейского плато раскопаны мощные стены с рустованной кладкой, лестницы с широкими маршами и декоративным оформлением, пилоны, каменные алтари разных конструкций и такие элементы парадной архитектуры, как карнизы, канеллированные барабаны колонн и базы под них. Оказалось, что в первой половине III в. до н. э. на трех террасах склона, обращенного в сторону моря, размещался внушительного вида культовый архитектурный ансамбль [1]. Он был возведен древними зодчими на высоком цоколе с явным расчетом восприятия его издали, т. е. с нимфейской гавани, а также с кораблей, следовавших в Боспор Киммерийский на пути к царской столице Пантикапею и далее — в Меотиду. Эффектно расположенный на высоком мысу, Нимфей был первым городом, хорошо видным по левую сторону с судов, входящих в сужающуюся часть пролива.

В 1982 г. пятилетние усилия экспедиции увенчались замечательной находкой. В метровой толще глинистого грунта была обнаружена полихромная штукатурка, состоящая из множества фрагментов (несколько тысяч), но счастливо компактно обвалившаяся со стены в одно из помещений святилища. По данным, полученным уже в начальной стадии реставрации, площадь оштукатуренной стены составляет 12—15 кв. м[2].

Верх и низ этого своеобразного панно, выполненного в технике энкаустика, были оставлены в белом цвете грунтовки с оттенком под слоновую кость, а середина украшена широкими поперечными полосами ярко-

[1] Ежегодные раскопки в Нимфее ведет Нимфейская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа под руководством автора. Предлагаемая в статье интерпретация памятника носит предварительный характер ввиду неполноты его изученности. Исследуемый участок отличается трудоемкостью и сложностью для прочтения из-за необычной мощности эллинистического культурного слоя, достигающего 8 м, и расположения его на склоне. Необходимо отметить активное вторичное использование строительных остатков ранних сооружений для строительства более поздних. В частности, рустованный цоколь святилища после его разрушения органично влился в крепостные стены, функционировавшие до митридатовского времени.

[2] Приблизительные параметры фрески: длина 5,20 м, высота 2,5—3 м. В настоящей публикации предлагается фрагмент (размеры 1,60 × 0,80 м), который удалось собрать в первую очередь благодаря изображению корабля, вырезанного в пластах штукатурки в технике, отличной от других рисунков. Фрагмент состоит почти из тысячи обломков. Реставрация проведена в Лаборатории научной реставрации монументальной живописи Гос. Эрмитажа Л. П. Гаген и В. В. Шацким. Первичная обработка в поле сделана А. И. Поздняк.

желтого и красного цветов, разделенными красочно орнаментированными фризами. Эта часть стены на высоту человеческого роста оказалась сплошь испещренной всевозможными графическими рисунками, знаками и письменными текстами. Среди изображений — различные животные, кони, человеческие фигуры, сцены охоты, но превалируют парусные корабли, которых более 30. Надписи же самого разного жанра: это обращения к богам, сообщения о выходе кораблей в открытое море с указанием числа и месяца, памятные записи о приношениях в святилище, об отдаче долгов, пожелания здравствовать, стихотворный текст местного творчества, отдельные имена и списки их, упоминания о нимфейцах, о боспорском царе Перисаде и т. д. Особое значение в них имеют имена богов Афродиты и Аполлона. Они-то и дают, очевидно, ключ к выяснению функционального назначения и существа самого святилища. Эти боги на фоне корабельной тематики в изображениях и содержании многих надписей, связанных с морем, выступают здесь, несомненно, в роли покровителей мореплавателей.

Новый нимфейский памятник надежно датируется сопутствующим материалом и характером шрифта надписей второй четвертью III в. до н. э., т. е. временем правления боспорского царя Перисада II. Подтверждают это и обнаруженные на стене надписи «династического» характера, в которых упоминается имя этого правителя. Для верности даты следует особенно подчеркнуть тот факт, что штукатурка упала на рухнувшую прежде нее черепичную кровлю. Обилие клейм с надписью ΒΑΣΙΛΙΚΗ свидетельствует о происхождении черепицы из царских эргастериев Боспора, хотя есть и более ранние образцы, в частности синопский экземпляр с гончарным клеймом и эмблемой в виде орла на дельфине.

В настоящее время можно сказать, что фреска содержит огромный материал по истории Причерноморья и Средиземноморья эллинистической эпохи. Его потенциальные возможности пока трудно даже предугадать. Однако очевидно одно — данный памятник представляет собою новый исторический документ, своего рода письменный источник исключительной информативности, чрезвычайно перспективный для историков, археологов и эпиграфистов. Что же касается изображений кораблей, то, судя по недавно вышедшей монографии Б. Г. Петерса, посвященной истории древнего морского дела, среди причерноморских материалов нет ни одного достаточно полного воспроизведения парусного судна, за исключением небольшой серии весьма схематичных рисунков на перстнях, стелах и стенах погребальных камер римской эпохи [3]. На этом фоне нимфейские суда следует признать за целый флот.

Главное место в изобразительном комплексе занимает греческий военный корабль — триера, вырезанный в верхнем желтом пласте штукатурки (рис. 1*а* и 2). Его длина — 1,20 м. Рисунок дает уникальную информацию об устройстве эллинистического судна с подробностями его экстерьера, а также отчасти внутреннего оформления и декоративного убранства.

Погруженный под волнистую ватерлинию округлой формы, киль в носовой части переходит в высоко поднятый форштевень с двумя таранами — подводным и надводным (рис. 1*б*). Последний можно принять за один из брусьев (эпотиды), с помощью которых ломались весла на судах противника. Корма (ахтерштевень) завершается акропостолем — украшением в виде щита и петушиного хвоста (рис. 1*в*). По обе стороны ее находятся рулевые весла со всеми деталями конструкции, а под акропостолем — символическое изображение храма, где, очевидно, помещалась фигура божества-спасителя. Три яруса отверстий для весел (порты), некоторые из которых спущены на воду, как и положено в таких случаях, смещены в шахматном порядке; над ними собрано полотно, которое

[3] *Петерс Б. Г.* Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1982, с. 3—207.

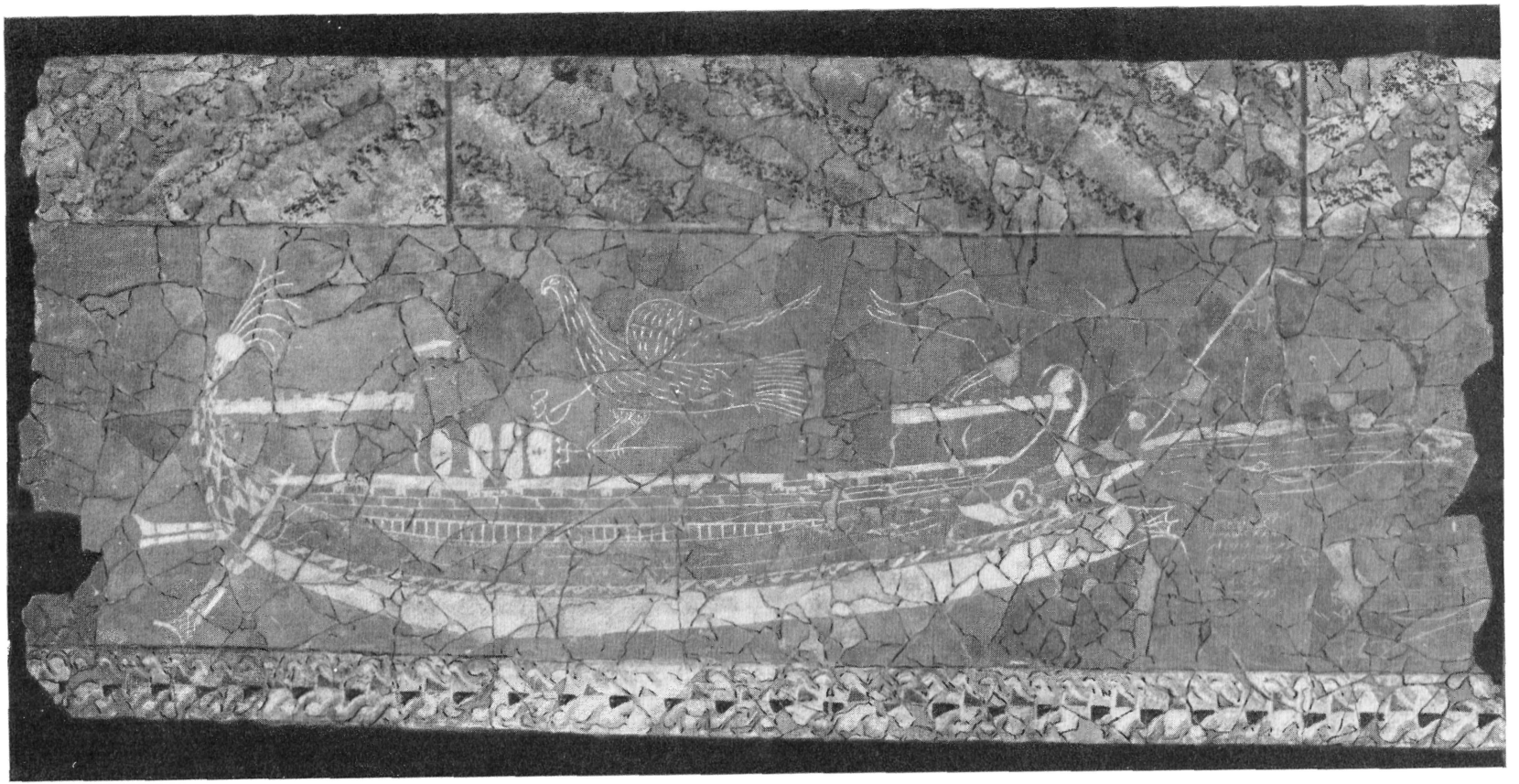


Рис. 1а. Фрагмент фрески с изображением триеры «Изида»

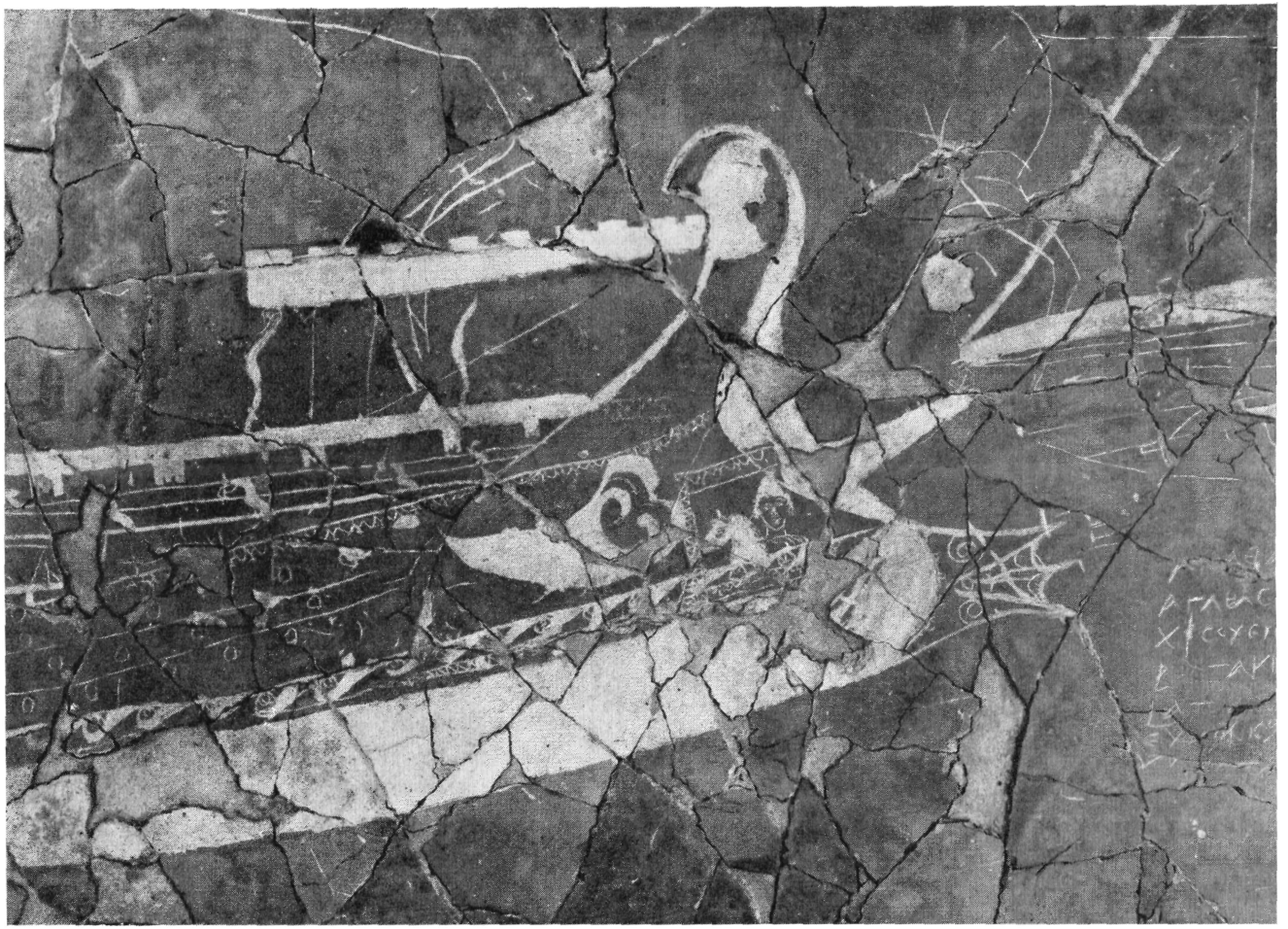


Рис. 1б. Носовая часть триеры «Изида» (деталь)

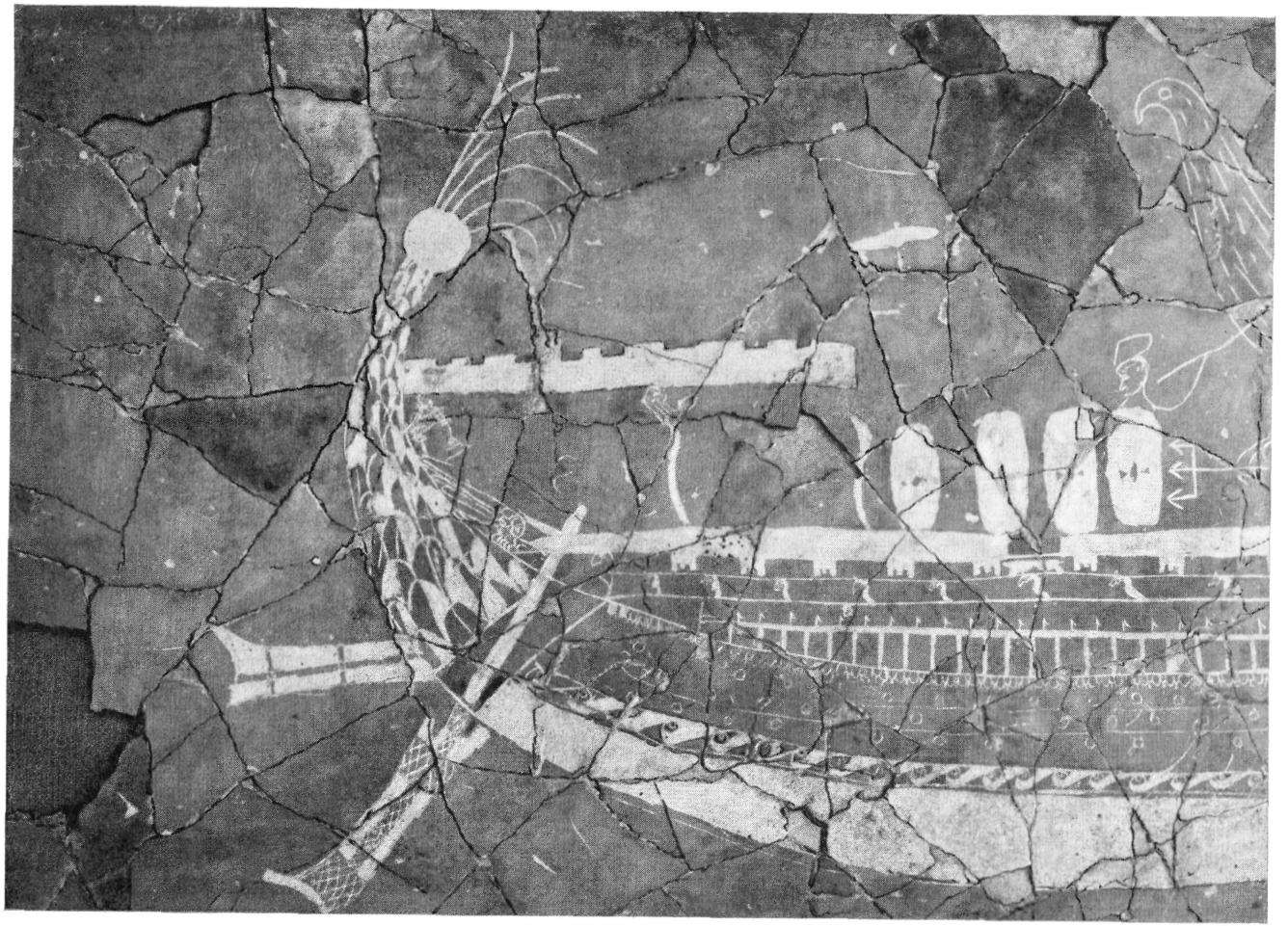


Рис. 1в. Кормовая часть триеры «Изида» (деталь)

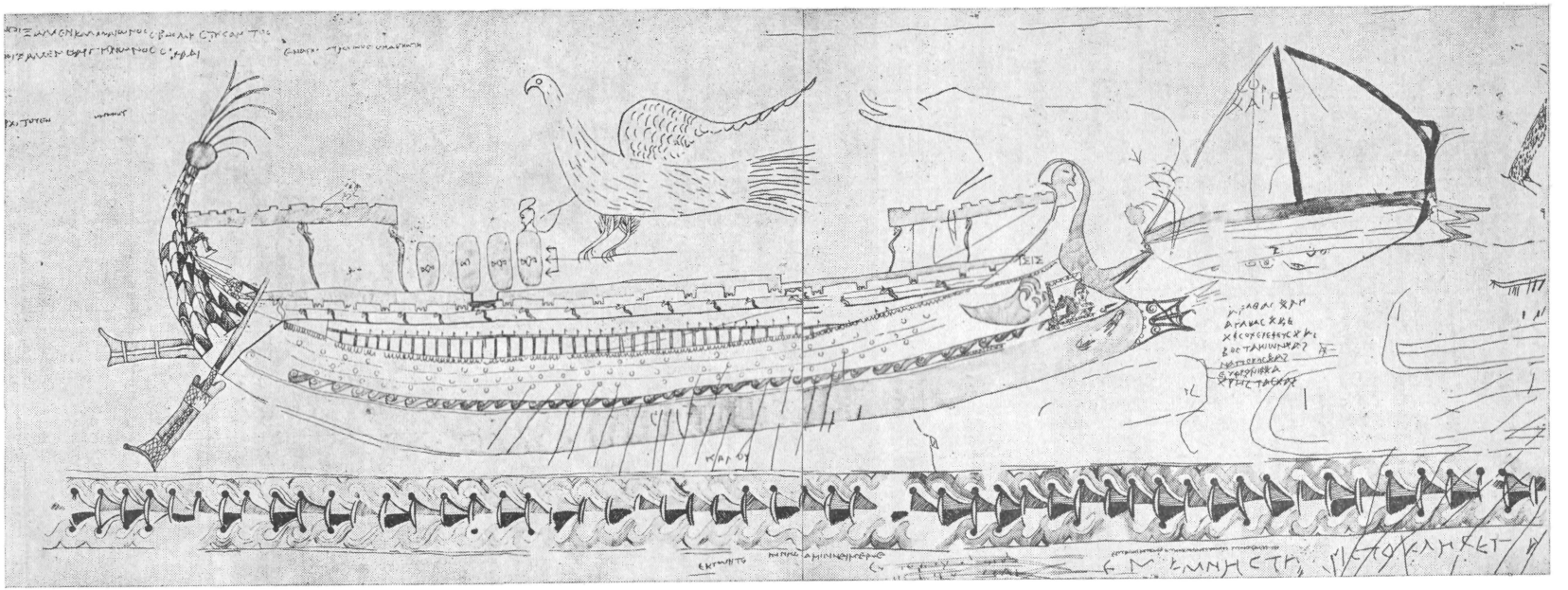


Рис. 2. Корабль «Изида» (прорисовка)

опускалось во время шторма или стоянки судна. Кроме того, изображены верхняя и нижняя палубы с фальшбортом, воинские щиты, на корме и на носу — надпалубные надстройки для элиты команды и такие детали, как проемы для трапов и якорь на передней части киля. В декоре корабля присутствует скульптура — протомы коней или пегасов (их 16) на верхней палубе и лебединые головы на длинных изогнутых шеях, венчавших подпоры в надстройках. Конские полуфигуры даны в ракурсе, что позволяет предполагать их особое функциональное назначение в качестве кронштейнов, поддерживающих специальную площадку — транс, свисающую над водой. На передней части борта корабля четко начертано его название — ΙΣΙΣ, т. е. имя наиболее почитавшейся в птолемеевском Египте богини Изиды. Следует отметить при этом, что экстерьер судна содержит еще ряд декоративных элементов, позволяющих связать его с Египтом, а именно: изображение Диоскура в остроконечной шапочке, с конем, помещенное в прямоугольную ажурную раму, чешуйчатый «папирусный» орнамент, украшавший кормовую часть. Характерной особенностью формы египетских судов была и округлая форма киля, которая имеет место и в нашем случае.

В композиции присутствуют и символические сюжеты, смысл которых пока не совсем ясен. Так, например, на месте мачты с парусом помещена птица, которая держит в мощных лапах трезубец, направленный на крайний щит; под храмом лежит крыло птицы, слева от Диоскура — завиток. Не поддается прочтению и профильная голова бородатого мужчины на форштевне, хотя и можно предполагать в ней изображение восточного божества или одного из Птолемеев. В то же время можно с уверенностью говорить о том, что такие небрежные рисунки, как человеческая фигура с поднятой рукой, выступающая над щитом, и какое-то животное над кораблем, нанесены позднее и не имеют отношения к первоначальному замыслу. Что же касается изображения парусного военного судна, на которое направлен верхний таран или брус «Изиды», то здесь скорее всего имеет место своеобразное авторское решение отразить сцену боя или опасность, которой подвергался корабль на своем пути. Ввиду такой символики парусник невелик по размерам, а рисунок его схематичен.

Таким образом, на стене нимфейского святилища, несомненно, изображен египетский корабль под названием «Изида», ибо предположить его боспорское или какое-либо иное происхождение невозможно. Культ богини Изиды, как и других богов египетского пантеона, в первой половине III в. до н. э. еще не был распространен в Северном Причерноморье. Их почитание пришло сюда значительно позже. Представляется правомерным мнение О. Я. Неверова, отметившего при изучении птолемеевских портретных гемм и перстней, найденных в данном регионе, что поклонение египетским богам носило здесь в это время лишь частный характер. Проникновение же первых культовых изображений Изиды и Осириса, так же как и появление там портретов обожествленных Птолемеев, было связано с совершенно определенным кругом населения — с торговцами-мореплавателями [4].

Создается полное впечатление, что резчик-маринист, который воспроизвел корабль столь грамотно и подробно, не только хорошо знал корабельное дело, но, скорее всего, либо имел непосредственное отношение к судну, либо видел его своими глазами, когда оно стояло в нимфейской гавани или где-то вблизи, на рейде в проливе. Вероятно, это было большое событие в жизни города, народ сбегался посмотреть на заморское чудо, которое и получило отражение в священном месте.

Нечто подобное известно из литературной традиции. Например, в новелле о корабле Лукиан рассказывает о том, как некто Ликин увидел,

[4] *Неверов О. Я.* Портретные геммы и перстни из Северного Причерноморья.— Труды Государственного Эрмитажа, XVII, 1976, с. 173.

бродя без дела, прибывший в Пирей огромный корабль, необычный по размеру, один из тех, что доставляют из Египта в Италию хлеб, и делится впечатлениями с товарищами: «А между прочим, что за корабль! Сто двадцать локтей в длину, в ширину свыше четверти того, а от палубы до днища — там, где трюм наиболее глубок — двадцать девять (приблизительные размеры по современным масштабам — длина 60 м, ширина и высота — 15 м.— *Н. Г.*). А остальное: что за мачта, какая на ней рея, и каким штагом поддерживается она! Как спокойно полукругом вознеслась корма, выставляя свой золотой, как гусиная шея, изгиб. На противоположном конце соответственно возвысилась, протянувшись вперед, носовая часть, неся с обеих сторон изображение одноименной кораблю богини Изиды. Да и красота прочего снаряжения: окраска, верхний парус, сверкающий, как пламя, а кроме того, якоря, кабестаны, и брашпили, и каюты на корме — все это кажется достойным удивления. А множество корабельщиков можно сравнить с целым лагерем. Говорят, что корабль везет столько хлеба, что его хватило бы на год для прокормления всего населения Аттики» [5]. И далее автор повествует о том, что из-за непогоды корабль вынужден был причалить в Пирее только на 70-й день после отбытия из Египта, в то время как ему давно уже следовало быть в Италии.

Рассказ Лукиана представляет собою прекрасную иллюстрацию, на редкость созвучную нимфейскому сюжету, хотя и более позднюю по времени. Однако имеются и более синхронные источники. Так, у Афинея сохранились описания сиракузского корабля, в строительстве которого принимал участие Архимед [6]. Легенда гласит об огромном богато оформленном судне, материалы для которого собирались в разных частях света. На корабле были залы для прогулок и спортивных занятий, сады с поразительным изобилием растений, которые орошались при помощи специально подведенных свинцовых труб, святилище Афродиты с полом из сицилийских самоцветов, стенами и кровлей из кипариса, а дверями из слоновой кости и туи; внутри него размещались статуи, вазы и картины. Кроме того, на корабле были библиотека, баня, отделанная мрамором, с медными ваннами, стойла для лошадей, помещения, где находились команда, воины, гребцы, а также хранились запасы пищи, воды и т. д. Корабль был столь велик, что ни одна гавань не могла принять его, и он был отправлен в подарок царю Птолемею в Александрию, ибо в Египте был неурожай. По прибытии туда он был навсегда поставлен к причалу в порту и назван Александридой.

Эти и подобные им сведения древних авторов любопытны прежде всего в том отношении, что нимфейский корабль «Изида» подтверждает их в фактическом плане.

Выше уже отмечалось, что описание нимфейского судна передано художником с большими подробностями и деталями. По существу рисунок представляет собою чертеж, в котором недостает масштаба. Однако его можно рассчитать с достаточной долей точности. Параметры корабля и его пропорции, в частности соотношение длины, высоты (о ширине мы, к сожалению судить не можем) и меры устойчивости, соответствуют обычным нормам парусников, т. е. приблизительно один к четырем. Для определения длины судна могут служить равные расстояния между отверстиями для весел — портами. В каждом ряду их насчитывается 27. Если принять это число за действительное, то по самому минимальному расчету мы получим следующее: если предположить за каждым веслом одного гребца, а второй (средний) ряд сместить лишь на половину расстояния между гребцами первого и третьего ярусов, то судно окажется длиной

[5] *Лукиан.* Собрание сочинений. Корабль или пожелания. Т. II. М.— Л., 1935, с. 213 сл.

[6] Сведения древних авторов о крупных кораблях эллинистического времени подробно изложены и комментированы в указанной книге Б. Г. Петерса (с. 69—76).

около 60 м или немногим более. Если же количество гребцов увеличить в верхних ярусах до двух—четырех, что будет соответствовать большей истине, то и судно пропорционально увеличится в размерах.

Из сказанного следует, что приведенные расчеты могут внести коррективы в устоявшееся мнение специалистов о размерах эллинистических триер, длина которых колеблется в пределах от 25 до 46 м, ширина — от 4 до 6 м[7]. Скорее всего такие параметры применимы к боевым кораблям, ибо известно, что начиная с V в. до н. э. триеры составляли основу военного флота почти каждого античного государства [8]. Для миссий же политического характера, совмещавших и торговые интересы, строились более крупные и богато оформленные суда, которые одновременно несли и военную функцию для обеспечения безопасности во время плавания в открытом море. О таких судах идет речь в описаниях древних авторов, и именно такой корабль представлен в рисунке на стене нимфейского святилища.

Таким образом, мы можем с достаточным основанием предполагать, что во второй четверти III в. до н. э., во время правления Перисада II, из Египта на Боспор прибыл с какими-то целями большой корабль «Изида» поразивший воображение нимфейцев. Это обстоятельство придает находке совершенно особое звучание в решении давно дискутируемой в науке проблемы боспоро-египетских отношений и тесно связанного с ней вопроса об экономическом состоянии Боспорского царства в III в. до н. э.

Исследователи нередко считают, что эти отношения часто были натянутыми или, во всяком случае, настороженными. До недавнего времени в научной литературе, посвященной истории Боспора, господствовало представление о высоком жизненном уровне в IV в. до н. э. на Боспоре и наступившем впоследствии прогрессирующем упадке. Представление это было обусловлено следующим: на рубеже IV—III вв. до н. э. в экономике Боспора произошли изменения, повлекшие за собой глубокий кризис денежного обращения. Причины его лежали прежде всего в изменении условий внешней торговли. Афины — основной компаньон этой торговли — теряют к этому времени свое могущество, а птолемеевский Египет становится опасным конкурентом боспорского экспорта хлеба в Восточное Средиземноморье. В результате экономика Боспора начала приходить в упадок. В конце II в. до н. э. все это завершилось социальным и политическим взрывом и присоединением Боспора к Понтийскому царству Митридата.

Подобная модель истории Боспорского государства в IV—I вв. до н. э. была предложена С. А. Жебелевым [9] и впоследствии принята и еще более развита большинством советских антиковедов — Б. Н. Граковым, В. Ф. Гайдукевичем, В. Д. Блаватским, Д. П. Каллистовым [10]. Такая устоявшаяся точка зрения имеет своих немногочисленных противников, прежде всего в лице Д. Б. Шелова и М. К. Трофимовой [11]. Эти исследова-

---

[7] *Шершов А. П.* История военного кораблестроения. М.— Л., 1940, с. 28; Морской атлас. т. III, ч. 1: Изд. Главного штаба Военно-Морского Флота, 1959, рис. 3.

[8] *Шершов* Ук. соч., с. 27; *Козлов И. В.* История военно-морского искусства. М., 1969, с. 12.

[9] *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. М.— Л., 1953, с. 84, 85, 147—150, 180.

[10] *Граков Б. Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии.— ВДИ, 1939, № 3, с. 234, 260 сл.; *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.— Л., 1949, с. 76—78; *он же.* История античных городов Северного Причерноморья.— В кн.: Античные города Северного Причерноморья, I. М.— Л., 1955, с. 118; *Блаватский В. Д.* Искусство Северного Причерноморья. М., 1947, с. 38 сл. Впоследствии исследователь изменил свою точку зрения, приблизив ее к концепции Д. Б. Шелова и М. К. Трофимовой. См. *Блаватский В. Д.* Пантикапей. М., 1964, с. 100 сл.; *Каллистов Д. П.* Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949, с. 234 сл.

[11] *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, с. 148; *он же.* Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970, с. 32 сл.; *Трофимова М. К.* Из истории эллинистической экономики.— ВДИ, 1961, № 2, с. 46 сл.

тели отнеслись более критически к тем источникам, на основе которых возникла и развилась данная концепция. Они считают, что изменения, которые произошли в экономике и других сферах жизни Боспора в III в. до н. э., компенсировались соответствующими эквивалентами. Менялись ориентиры торговых контактов, развивались новые отрасли хозяйства взамен упавших, кризисы сменялись периодами подъемов и т. д. В отношении традиционного мнения о хлебной конкуренции между Египтом и Боспором авторы также приводят серьезные возражения. Они полагают, что египетский хлебный экспорт не мог удовлетворить все потребности в хлебе государств материковой и островной Греции. Об этом свидетельствуют постоянная озабоченность всех греческих полисов о снабжении хлебом и частые неурожаи в данном районе Средиземноморья.

Кроме того, наука располагает рядом письменных документов, свидетельствующих, что в III в. до н. э. Боспор продолжал поставлять хлеб не только в Афины, но и в другие районы Восточного Средиземноморья. В первую очередь это известный афинский декрет 286/5 г., изданный в честь боспорского царя Спартока III, которому были оказаны различные почести за присланный в Аттику хлеб [12]. Посвящение статуи Перисада II всем богам родосцами говорит о торговых контактах Боспора с Родосом, который поставлял вино взамен, скорее всего, экспортируемого туда хлеба [13]. Эти и другие данные позволяют говорить против распространенного мнения о вытеснении боспорского хлеба с греческих рынков египетским. Самое любопытное, что такому представлению не соответствует и содержание письма в папирусе из «архива Зенона» о приеме 21 сентября 254 г. в Александрии послов боспорского царя Перисада II Птолемеем II Филадельфом [14], к которому обычно апеллируют исследователи — представители первой точки зрения. На основании этого письма принято считать, что боспорские послы должны были договориться с могущественным соперником о сферах влияния в хлебной торговле между Египтом и Боспором на греческих рынках. Тем не менее смысл письма вполне однозначен: из него следует только то, что послы Перисада по прибытии в Египет должны были быть приняты при птолемеевском дворе с особыми почестями. Следовательно, заинтересованы в переговорах были обе стороны, и вряд ли в таком случае могли обсуждаться вопросы конкурентной борьбы за хлеб. О боспоро-египетских контактах в III в. до н. э. свидетельствует александрийский импорт, который в последнее время все чаще определяется в археологических материалах античных городов Северного Причерноморья: скульптура, керамика, бронзовые птолемеевские перстни и т. д.

В этом отношении знаменательно и появление египетского корабля «Изида» на Боспоре. Вывод напрашивается сам собой: не было ли это судно также посольским? Во всяком случае его парадный облик и размеры вполне отвечают подобной миссии. К сожалению, мы не знаем года, когда оно прибыло на берега Боспора Киммерийского. В надписях, расположенных в левом верхнем углу фрески и явно относящихся к изображению триеры, указано лишь, что эти события происходили в весенне-летние месяцы, т. е. в период начала навигации.

Ἠνοίξαμεν Καλαμαιῶνος ἑβδόμῃ στήσαντος

Мы отплыли седьмого числа *каламайона*

Ἠνοίξαμεν Θαργηλιῶνος εἰκάδι

Мы отплыли двадцатого числа *таргелиона* [15].

Вопрос о конкретном месте назначения: прибыл ли корабль в боспорскую столицу Пантикапей или непосредственно в Нимфей — город, рас-

[12] *Граков.* Ук. соч., с. 241 сл., № 4.

[13] Там же, с. 234; КБН 20.

[14] *Граков.* Ук. соч., с. 260 сл. Литературу и комментарии к этому источнику см. *Шелов.* Танаис и Нижний Дон..., с. 33 сл.

[15] Две другие надписи из этой группы пока окончательно не восстановлены.

полагавший хорошей гаванью, пока остается открытым. Важно одно обстоятельство: в данном визите можно усматривать неопровержимые доказательства того, что и птолемеевскому Египту было необходимо поддерживать добрые и дружественные отношения с Боспорским государством.

В заключение хотелось бы сказать, что осмысление нового нимфейского памятника и его достойная интерпретация требуют времени. Только на его восстановление и реставрацию потребуется не один год, а в надписях и рисунках пока зияют досадные лакуны. В настоящей работе мы сделали попытку извлечь первую информацию из этого богатейшего изобразительного и письменного комплекса, взяв за основу, далеко не в полном объеме, всего лишь один его компонент — корабль «Изида».

DISCOVERY OF A NEW HISTORICAL SOURCE IN NYMPHAEUM

N. L. Grach

In 1982 excavations on the site of the Bosporian city Nymphaeum uncovered a sheet of polychrome stuccowork fallen from the wall of a room in a shrine of the first half of the 3rd century B. C. associated with Aphrodite and Apollo as protectors of seamen. The surface of the fresco (ca. 15 sq. m.), consisting of transverse yellow and red stripes, is thickly covered with graphic drawings and Greek inscriptions. The drawings are mostly of sailing ships, the inscriptions reflect many aspects of the private and public life of the Nymphaeans in the reign of Paerisades II. Prominent among the objects depicted is a trireme named «Isis» (1.20 m. long). This drawing provides unique information about the structure of a Hellenistic ship, including details of exterior and interior arrangements and decoration. The name of the ship and several of her decorative features point to an Egyptian origin. The drawing was done from life, clearly by a connoisseur of naval matters, while the ship lay at anchor in the harbour or on the roadstead of the sound. The not unreasonable hypothesis that the «Isis» was an ambassadorial ship on a visit to Bosporus from Ptolemaic Egypt could help to clarify the longstanding question as to the nature of Bosporo-Egyptian relations and the related question as to the economic condition of Bosporus in the 3rd century B. C. The discovery of this fresco at Nymphaeum provides rich new source material on the history of the North Black Sea coastal area and the Mediterranean in the Hellenistic period.

М. И. Золотарев

ДВА ТИПА РЕДКИХ МОНЕТ ФЕОДОСИИ IV в. до н. э.

Изучение истории Феодосии, одного из наиболее значительных городов Боспорского царства, весьма затруднено ввиду малочисленности источников. Лишь отрывочные сообщения древних авторов, немногочисленные эпиграфические, нумизматические и археологические источники позволяют реконструировать в самых общих чертах историю этого города. В силу этого любые, на первый взгляд даже самые незначительные новые данные имеют первостепенное значение.

Малочисленность археологических источников по истории Феодосии связана со слабым археологическим изучением этого города и особенно его нижних античных слоев. Это положение касается и памятников нумизматики. А. Н. Зографу было известно лишь пять типов серебряной и два типа медной монеты автономного феодосийского чекана, причем в единичных экземплярах [1].

Сравнительно недавно был опубликован еще один новый тип медной монеты Феодосии, обнаруженный в фондах Государственного Эрмитажа [2]. Единственный опубликованный экземпляр из эрмитажной коллекции средней сохранности [3], однако нам удалось отыскать еще три экземпляра подобной монеты в частном собрании севастопольского коллекционера Н. Н. Грандмезона [4] (рисунок см. вкл. стр. 89).

Приводим их описание.

1. Л. с.— голова быка в три четверти, изображение сохранилось плохо; о. с.— шестилучевая розетка с буквами между лучами Θ[εο]δέο; диаметр монеты — 10 мм, вес — 0,57 г, соотношение осей ↑↑, сохранность средняя.

2. Л. с.— голова быка в трехчетвертном развороте вправо; о.с.— шестилучевая розетка с буквами между лучами; ввиду очень плохой сохранности этого экземпляра сохранилась и читается только О; диаметр монеты — 8 мм, вес — 0,31 г, соотношение осей ↑↑.

3. Л. с.— совершенно стерта; о.с.— шестилучевая розетка с надписью между лучами Θ[ε]οδοσ.; диаметр монеты — 7 мм, вес — 0,33 г; изображение аверса совершенно уничтожено окисью; сохранившийся вес не отражает реального веса монеты времени ее обращения.

---

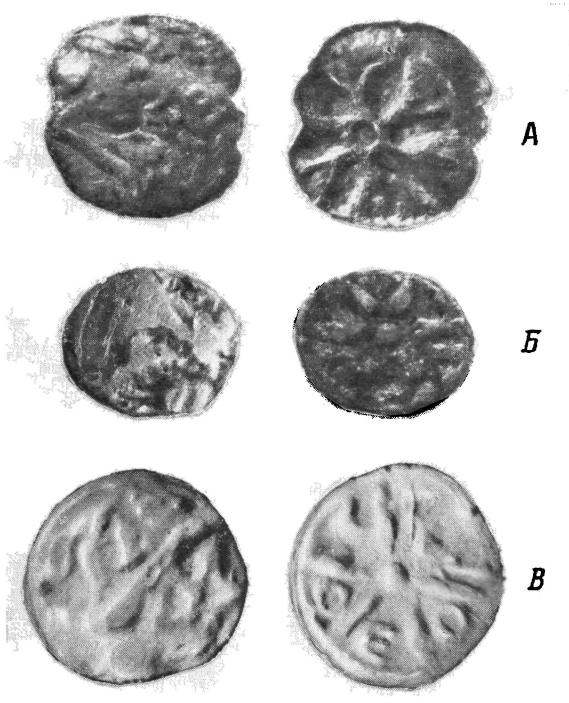
[1] *Зограф А. Н.* Античные монеты.— МИА, № 16, 1951, с. 162 сл.

[2] *Белова Л. Н.* Несколько неизданных херсонесских монет из собрания Эрмитажа.— В сб.: Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977, с. 149 сл.

[3] Видимо, этот монетный тип упоминает в своей работе Э. Минз (*Minns E. H.* Scythians and Greeks. Cambr., 1913, p. 559), но А. Н. Зографу (ук. соч., с. 162, прим. 5) об этой монете ничего известно не было.

[4] Приношу глубокую благодарность Н. Н. Грандмезону за предоставленную возможность опубликовать эти интересные монеты.

Вклейка к ст. Золотарева М. И., стр. 89



Новые типы монет Феодосии. Бронза (увеличено в 3 раза)

Л. Н. Белова, впервые опубликовавшая этот редчайший тип феодосийской монеты, на основании сходства реверсного изображения этих монет с монетами херсонесского чекана с такой же шестилучевой розеткой на оборотной стороне и головой льва с разинутой пастью на аверсе [5], предлагает датировать их серединой IV в. до н. э. [6]

Существует несколько вариантов этого типа херсонесских монет и датируется он всеми без исключения исследователями временем около середины IV в. до н. э. [7] Что же касается абсолютной хронологии этих херсонесских монет, то она остается пока еще недостаточно разработанной. Можно лишь предполагать, что период обращения этого типа монет был достаточно продолжителен, так как существуют весьма разнообразные варианты этого монетного выпуска и довольно обильное количество находок [8].

В этом же собрании хранится еще одна редчайшая бронзовая монета Феодосии, доселе совершенно неизвестная. На аверсе ее изображена голова Девы вправо с кекрифалом, а на реверсе — такая же шестилучевая розетка с надписью Θεοδέο между лучами. Диаметр монеты — 10 мм, вес — 0,7 г, соотношение осей ↑↑.

Заимствование изображений этой монеты следует искать также среди монетных выпусков Херсонеса. Лицевая сторона ее в точности копирует изображение на медных монетах Херсонеса с идентичным изображением головы Девы с такой же прической, чеканенных в 364—350 гг. [9] Изображение оборотной стороны, как и на предыдущих двух монетах Феодосии, повторяет изображение херсонесских монет с шестилучевой розеткой [10]. Следует отметить, что оба типа монет Феодосии, использующие изображения монет Херсонеса, хронологически примыкают друг к другу. На наш взгляд, это может служить как еще одним доказательством несомненного заимствования херсонесских монетных сюжетов при автономном феодосийском чекане, так и достаточно веским основанием для их датировки концом второй четверти IV в. до н. э.

Для датировки феодосийских монет, повторяющих в изображениях на реверсе монеты Херсонеса, нужно искать основания в особенности монетного чекана Феодосии. По времени описанный тип примыкает, очевидно, к медным феодосийским монетам, датирующимся серединой IV в. до н. э. [11], с изображением безбородой головы влево на аверсе и бодающего быка вправо на реверсе, которое заимствовано от гераклейских и херсонесских монет первой половины IV в. до н. э. [12]

Д. Б. Шелов убедительно доказал, что заимствование гераклейско-херсонесских типов в монетных выпусках было явлением, характерным для автономного чекана Феодосии [13]. По мнению автора, это было связано

---

[5] *Зограф.* Ук. соч., с. 148, табл. XXXV, № 12—15.

[6] *Белова.* Ук. соч., с. 149.

[7] Сошлемся на недавно вышедшую работу В. А. Анохина, в которой эти монеты датируются именно так (*Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977, с. 21).

[8] В нумизматическом собрании Херсонесского заповедника хранится 43 экземпляра монет этого типа, среди которых можно выделить по крайней мере четыре различных варианта. Детальную типологию и хронологию этого херсонесского монетного выпуска мы предполагаем исследовать специально.

[9] *Анохин.* Ук. соч., с. 21, табл. II, № 26.

[10] Проверка предположения о том, что на реверсе публикуемых монет помещено имя монетного магистрата Херсонеса, не нашло своего подтверждения. Во-первых, монеты этого типа были переходным вариантом к монетам, на которых помещались имена магистратов (*Анохин.* Ук. соч., с. 22), во-вторых, среди монетных магистратов середины IV в. до н. э. имя Θεόδωρος отсутствует, и, наконец, в просопографии Херсонеса оно появляется только на астиномных клеймах не ранее начала II в. до н. э. (*Даниленко В. Н.* Просопография Херсонеса IV—II вв. до н. э.— В сб.: Античная древность и древние века, вып. 4, 1966, с. 153).

[11] *Зограф.* Ук. соч., с. 162, табл. XXXIV, № 3—4.

[12] *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, с. 142.

[13] Там же, с. 173.

с той поддержкой, которую оказывала Гераклея Понтийская Феодосии в ее постоянно проявляющихся тенденциях к восстановлению полисной автономии и стремлению отложиться от Боспора [14]. Отметим при этом, что заимствование гераклейских монетных типов прослеживается также в автономном чекане Фанагории и в синдских монетах [15]. Этот факт находит свое объяснение в поддержке Гераклеей любых независимых течений против центральной власти в рамках Боспорского государства [16]. К торговому соперничеству Боспора и Феодосии, начавшемуся в первой половине V в. до н. э., во второй половине столетия добавились и политические противоречия между тираноуправляемым Боспором и демократической Феодосией, в которой боспорские политические изгнанники находили постоянную поддержку [17]. В конечном итоге напряженность боспоро-феодосийских отношений переросла в открытый вооруженный конфликт между соперниками [18]. В этой войне Феодосия опиралась на поддержку Гераклеи Понтийской.

Нам представляется, что поддержка Гераклеей Понтийской Феодосии в ее стремлениях к независимости от Боспора была вызвана не только намерением обеспечить свои интересы в Юго-Западном Крыму от возможных притязаний Боспора на Херсонес [19]. Возможно, политические мотивы этой активной поддержки Гераклеей Феодосии, выразившейся в посылке к стенам города гераклейского флота и высадке десанта, имели своей подосновой глубокие экономические задачи, стоящие перед этим полисом.

Включившись в понтийскую торговлю достаточно поздно, Гераклея стремилась, с одной стороны, к обеспечению своих собственных торговых интересов путем оттеснения могущественных конкурентов и в первую очередь Боспора, поддерживая те силы, которые выступали против него внутри самого Боспорского царства. Такой реальной силой была в первой половине IV в. до н. э. Феодосия, на стороне которой постоянно выступала Гераклея Понтийская, поддерживая сепаратистские настроения этого города. С другой стороны, эта постоянная поддержка диктовалась необходимостью поиска гераклеотами собственной базы производства товарного зерна, которой могла стать для них Феодосия с принадлежащими ей плодородными землями и удобной торговой гаванью, пользующейся авторитетом во всем античном мире. Для Гераклеи Понтийской, где сельское хозяйство было важнейшей отраслью, на основе которой развивались городские промыслы [20], овладение плодородными землями Феодосии имело первостепенное значение. Положение, очевидно, осложнялось еще и тем, что собственная хора Гераклеи была разорена в конце V в. до н. э. во время похода эскадры Ламаха [21]. Не исключено, что в борьбе за обладание Феодосией столкнулись интересы Гераклеи и Афин, ведущих активную торговлю с Феодосией еще в V в. до н. э. [22].

Вероятно, основанный гераклеотами Херсонес на первых порах оказывал весьма активную поддержку метрополии в ее борьбе за овладение Феодосией. Состояние источников, к сожалению, не дает возможности судить о формах этой поддержки. Лишь памятники нумизматики, в том

---

[14] *Шелов Д. Б.* Феодосия, Гераклея и Спартокиды.— ВДИ, 1950, № 3, с. 176.

[15] *Shelov D. B.* Coinage of the Bosporus VI—II Centuries B. C.— In: British Archaeological Reports, International Series (Supplementary), 46, 1978, p. 188.

[16] *Шелов Д. Б.* Феодосия, Гераклея и Спартокиды, с. 177 сл.

[17] *Жебелев С. А.* Боспорские этюды. Северное Причерноморье. М.— Л., 1953, с. 168—169.

[18] *Блаватская Т. В.* Очерки политической истории Боспора в V—II вв. до н. э. М., 1959, с. 85—87.

[19] *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.— Л., 1949, с. 58.

[20] *Burstein S. M.* Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. University of California Press, 1976, p. 5.

[21] *Доманский Я. В.* К предыстории Херсонеса Таврического.— В сб.: Античный мир и археология, вып. 2, 1974, с. 41 сл.

[22] *Брашинский И. Б.* Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М.— Л., 1963, с. 85.

числе и публикуемые нами монеты Феодосии, позволяют говорить, что она выразилась прежде всего в чеканке на херсонесском монетном дворе специальных выпусков автономных монет Феодосии по образцу монет Херсонеса. Видимо, не случайно единственная паспартизованная из четырех известных на сегодняшний день монет Феодосии с головой быка на лицевой стороне и шестилучевой розеткой на обороте найдена при раскопках Херсонеса [23]. Эти эмиссии, подготовленные и выпущенные херсонесским монетным двором для Феодосии, подчеркивали относительную независимость этого полиса от Боспорского царства в экономическом и политическом отношениях. Херсонес этой акцией оказал посильную помощь своей метрополии в ее борьбе за плодородные земли Восточного Крыма.

В первой половине IV в. до н. э. в связи с поражением в войне с Боспором гераклеоты стали получать меньше хлеба из Восточного Крыма. Это явилось причиной повышенного интереса Гераклеи к Херсонесу и хлебородной равнине Северо-Западного Крыма [24]. Очевидно, лишь только после окончательного включения Феодосии в состав Боспорского царства, когда стало нереальным для Гераклеи рассматривать Феодосию и ее округу как возможный район обеспечения гераклеотов товарным зерном, их интересы окончательно сосредоточились на Херсонесе и Северо-Западном Крыме. Плодородные земли этого региона вскоре становятся для Гераклеи главной базой по производству товарного зерна. Главенствующую роль в этой политике занимает с этого момента Херсонес, начавший активную деятельность по колонизации земель Северо-Западного Крыма, судя по археологическим данным, только со второй половины IV в. до н. э. [25]

TWO RARE COIN-TYPES FROM THEODOSIA, FOURTH CENTURY B. C.

M. I. Zolotaryev

The author publishes two very rare coins of Theodosia, dated in the middle of the 4th century, which have, on the obverse and reverse, types borrowed from Chersonesus, a phenomenon that is familiar to numismatists acquainted with the coinage of this Bosporian city. The author connects it with the economic interests of Heraclea in this part of the Crimea, which are expressed in Heraclea's military support of Theodosia's struggle to gain independence from the Bosporian tyrants and in the help sent by Chersonesus to her mother-city Heraclea in her efforts to achieve this end.

---

[23] *Белова*. Ук. соч., с. 150. Относительно обстоятельств находки остальных монет известно, что две из них были случайно найдены на Херсонесском городище. Сам по себе факт находки монет Феодосии в Херсонесе может служить в какой-то степени свидетельством чеканки их на херсонесском монетном дворе.

[24] *Сапрыкин С. Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. (IV—II вв. до н. э.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1978, с. 13.

[25] *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978, с. 118.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕКОТОРЫХ ПАМЯТНИКОВ СКИФСКОГО ИСКУССТВА

Теоретические предпосылки интерпретации художественных памятников, изложенные нами в статье «О прочтении текста изобразительных памятников искусства евразийских степей скифского времени» (ВДИ, 1983, № 1), позволяют перейти к раскрытию некоторых особенностей скифского изобразительного творчества.

Скифам был чужд интерес к сиюминутным впечатлениям, эмоциональным переживаниям и конкретным картинам живой природы. Образы скифского искусства — это или представления об определенном виде животных и фантастических существ, или символические сцены. Они моделируют основные познанные явления природы и общества.

Эта сторона скифского искусства соответствует главной особенности мифотворчества, которое характеризуется целостным подходом к миру и, отвлекаясь от индивидуального и частного, пытается осознать и воссоздать общую модель гармонизированного космоса [1].

Типичное для скифского искусства использование изобразительных блоков и инвариантных элементов, по-видимому, соответствует на изобразительном уровне присущему мифологическим и фольклорным текстам употреблению устойчивых формул, словосочетаний-клише и постоянных эпитетов [2].

В изобразительном искусстве подчеркивание, акцентуация определенной черты образа животного, видимо, передает постоянный эпитет, закрепленный за ним в поэтическом тексте. Так, утрированно большой глаз орла соотносится с постоянным эпитетом «зоркий», поза летящего галопа соответствует эпитету коня «быстрый» и т. д.

Сумма признаков, отмечаемых в поэзии, соответствует сумме признаков, составляющих блок в изобразительном искусстве. Так, образы птиц в скифском искусстве до вида неопределимы, но очень четко различаются хищные и водоплавающие, для изображения которых используются значимые классификационные признаки [3]. Вероятно, это обусловлено тем, что в языке птицы классифицировались на хищных и водоплавающих: словом saena индоиранцы называли хищных птиц (орла, сокола, ястреба), словом hansa — водоплавающих (гуся, разных уток) [4].

Для скифского искусства характерно утрированное подчеркивание нескольких основных частей тела животного или изображение только

---

[1] *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М., 1976, с. 169.

[2] *Schmitt R.* Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit. Wiesbaden, 1967.

[3] *Переводчикова Е. В.* Келермесская секира и формирование скифского звериного стиля.— В кн.: Проблемы истории античности и средних веков. М., 1979.

[4] *Benveniste E.* Les noms de l'«oiseau» en iranien.— Paideuma, 1960, B. VII, Ht. 4/6.

какой-то части тела, чаще всего головы, иногда ноги. Эта изобразительная манера также связана с особенностью мифологического мышления: с называнием предмета по его наиболее специфической части и с представлением, присущим мифологическому мышлению, о том, что часть заменяет целое (pars pro toto).

Эти представления не были изжиты ни в индоиранский, ни в собственно скифский период и нашли отражение в ритуале — в принесении в жертву только части тела животного (головы и ног) — и в языке — в уподоблении части предмета целому (например, «колесо» вместо «колесница») [5].

Для древних поэтических текстов характерен ритмический повтор поэтической формулы; метод повторов — это прием, призванный усилить восприятие и воздействие текста, имеющий также и магическое значение [6]. На изобразительном уровне этому соответствует повтор изображений в ряду, создание раппорта.

Важнейшая особенность скифского искусства — господство в нем зооморфных образов — также обусловлена особенностями мифологического мышления. На ранней стадии развития интеллекта, пройденной всем человечеством, мир познается прежде всего при помощи зооморфного классификационного кода [7].

В силу неравномерности исторического процесса эта стадия развития интеллекта была пройдена разными народами не одновременно. Население Передней Азии миновало ее еще в энеолите. У индоиранцев же пережитки этой архаичной стадии прослеживаются в поэтическом языке Ригведы и Яштов Авесты, полном зооморфных символов.

Символизм — важнейшая особенность мифологического мышления [8]. По заключению Т. Я. Елизаренковой, мышление создателей Ригведы было не абстрактно-логическим, а образным и метафорическим [9]. И Ригведа, и Яшты Авесты полны метафор, иносказаний, символов, которые должны вызывать цепь ассоциаций [10]. Большая часть символов Ригведы зооморфна, хотя встречаются и уподобления неодушевленным предметам. Так, солнце называется конем, птицей, орлом, колесницей, колесом, глазом Митры-Варуны [11].

В поэтическом языке в роли символа часто выступает сравнение: Индра то сравнивается с быком, то выступает в виде быка, Ашвины то сопоставляются с конями, то отождествляются с ними. Употребляются и формулы-словосочетания, например «конь — солнце». В роли символа может выступать также эпитет, иногда служащий свернутым мифом. Так, за эпитетом «драконоубийца» скрывается весь миф о борьбе Индры или Веретрагны со змеем.

Зооморфный символизм мышления был присущ и самим скифам, о чем свидетельствует рассказ Геродота (IV, 131—132) о посылке скифами Дарию птицы, мыши, лягушки и пяти стрел, означавших, что, если персы не улетят, как птицы, не спрячутся, как мыши, и не убегут, как лягушки, они будут уничтожены скифскими стрелами.

Язык, полный зооморфных символов, отражает своеобразную форму

---

[5] Рв. VI, 39, 4; IX, 86, 45; Михряшт, X; Нартские сказания.

[6] *Елизаренкова Т. Я.* Введение.— В кн.: Ригведа. М., 1972, с. 72—78; *Gonda J.* Stylistic Repetition in the Veda. Amsterdam, 1959.

[7] *Мелетинский.* Поэтика мифа, с. 232 сл.; *Lévi-Strauss C.* Le totémisme aujourd'hui. P., 1962. В связи с проблемой образного мышления и, в частности, зооморфных образов скифского искусства было бы интересно специально рассмотреть вопрос о специфике развития деятельности полушарий мозга, поднятый В. В. Ивановым (Чет и нечет. М., 1978, с. 75).

[8] *Фрейденберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936, с. 35; *она же.* Миф и литература древности. М., 1978, с. 47—48, 123.

[9] *Елизаренкова.* Ук. соч., с. 65—67.

[10] *Renou L.* Etudes védiques et paninéennes. T. V. P., 1939, p. 45; *Gonda J.* Remarks on Similies in Sanscrit Literature. Leiden, 1949; *idem.* The Epithets in the Rgveda. Gravenhage, 1959.

[11] Рв. VI, 51,I; IX, 71, 9; 97, 33; X, 30, 2; 55,6.

мышления, которое находит свое воплощение в изобразительном искусстве в символических звериных образах, призванных вызывать у зрителя цепь ассоциаций. Однако зооморфный образ в индоиранской традиции служит не только в качестве сравнения и метафоры. У индоиранцев распространены представления о зооморфных воплощениях мифологических персонажей.

В Ригведе божества мыслятся не только в абстрактной и антропоморфной, но и в зооморфной форме. Так, дракон Вритра трансформируется в кабана, Пушан — в козла. Часто один мифологический персонаж наделяется способностью перевоплощаться в несколько образов: близнецы Ашвины — это и юноши на колеснице, и кони, и птицы, влекущие колесницу (Рв. I, 118, 4, 5); бог солнца Сурья — это конь, птица, орел (Рв. VII, 63, 5; X, 168); Индра — это конь, бык, баран, козел [12].

Той же способностью к трансформации наделены боги в Яштах Авесты. В Михр-Яште Митра мыслится юношей на колеснице с колесом-солнцем или конем [13]; в Замьяд-Яште (34—38, 51, 68) Фарн (персонификация славы) выступает в образах коня, хищной птицы, верблюда, барана, рыбы, воина; в Бахрам-Яште (8) воплощениями (аватарами) бога грома и победы Веретрагны служат белый конь, хищная птица, кабан, верблюд, бык, баран, козел, всадник и ветер.

По-видимому, представления о перевоплощениях мифологических персонажей в животных, стихии и предметы существовали и у скифов [14]. В пользу этого свидетельствуют данные о поклонении богу войны Аресу в виде акинака (Herod., IV, 62) и образ родоначальницы скифов полудевы-полузмеи (Herod., IV, 9), родственный облику героини осетинского фольклора — жены Хамыца, полудевы-полурептилии, воплощавшейся в зайчиху [15]. Батраз превращался в коня и ветер. Многие другие герои трансформировались в животных, предметы и явления природы. Эти данные позволяют считать, что скифам, как и другим индоиранцам, была присуща вера в зооморфные воплощения богов, а это дает основания предполагать, что изображения определенных животных связаны с конкретными персонажами скифского пантеона и приурочены к конкретным мифам.

Представлениям индоиранцев присущи синкретизм и полисемантизм [16]: один персонаж наделяется способностью воплощаться в разных животных, и в то же время одно животное является инкарнацией различных богов. Так, у индийцев конь — это Сурья, Агни, Индра, Ашвины; у иранцев конь — это Митра, Веретрагна, Вайю, Фарн, Тиштрия, Сиявуш; верблюд — Вайю, Веретрагна, Фарн; сокол и баран — Веретрагна и Фарн и т. д.

Синкретизм и полисемантизм образов в мировоззрении индоиранцев наводят на мысль, что именно с этой особенностью мышления связано характерное для скифского (и более позднего индийского) изобразительного творчества обилие полиморфных фантастических персонажей. Не стремился ли художник передать разные инкарнации божества, объединяя в одном предмете черты нескольких животных, в которых божество воплощалось в мифе?

Однако полиморфизм образов скифского искусства может объясняться и другой особенностью мифологического мышления — пристрастием к загадкам. Роль загадки в мифологии многократно подчеркивалась исследователями [17]. Т. Я. Елизаренкова отмечает, что многие поэтические

---

[12] *Елизаренкова.* Ук. соч., с. 46—47.

[13] *Gershevitch I.* The Avestian Hymn to Mythra. Cambr., 1959, p. 4.

[14] Другая точка зрения высказана Д. С. Раевским (см. прим. 21).

[15] *Миллер В. Ф.* Черты старины в сказаниях и быте осетин.— ЖМНП, т. CCXXII, 1882, с. 199 сл.

[16] Полисемантизм образа, знака характерен для ранних этапов развития мышления. См. *Иванов.* Чет и нечет, с. 81.

[17] *Фрейденберг.* Поэтика..., с. 138, 144; *она же.* Миф и литература..., с. 193 сл., 277; *Иванов В. В.* Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976, с. 48—50, 91—93.

тексты Ригведы строились как загадка и отгадка [18]. Само новогоднее торжество развертывалось как решение главной космогонической загадки. Загадки загадывали на новогоднем празднике и иранцы, пережитки этого сохранились в «Шах-наме» — в вопросах, которые задают Сиявушу. Может быть, любовь к загадкам, к «намеренной игре в загадочность» в поэтических текстах порождала создание ребусов в изобразительном искусстве. Впрочем, это не исключает того, что, создавая полиморфный образ, представляющий головоломку, художник вдохновлялся конкретным мифом, стремясь объединить в одном изображении черты одного мифологического персонажа [19].

В скифском искусстве сама ограниченность зооморфных образов и их строгий отбор в синкретических сочетаниях указывают на значимость этих образов. Дешифровка их значения при отсутствии записей скифских мифов и присущем всем индоиранцам полисемантизме представляет, конечно, большие трудности.

Вопрос о конкретном значении зоо- и полиморфных образов в скифском искусстве остается остро дискуссионным. А. М. Хазанов и А. И. Шкурко отказываются признать семантику образов звериного стиля «как чисто религиозную» [20], смешивая понятия «мифология», «религия» и «эпос». Д. С. Раевский и А. К. Акишев, исходя из посылки о мифологическом мышлении у скифов, полагают, что образы животных и фантастических существ — это не иконические знаки, а знаки-символы, допускающие возможность широкого диапазона значений. Но если А. К. Акишев исходит из того, что в сакской мифологии происходила перетасовка сюжетов и сама структура мифов была аморфной, что «делает бесперспективным поиск однозначного определения семантики звериных образов», каждый из которых может иметь очень широкую семантику и допускает перекодировку, то Д. С. Раевский, наоборот, считает скифскую мифологию строго упорядоченной, но полагает, что «никаких свидетельств о зооморфных воплощениях скифских богов источники не содержат». Согласно Д. С. Раевскому, мнение о существовании у скифов «звериного пантеона» и большой роли зоолатрии не подтверждается и причину преобладания в искусстве Скифии зооморфных образов нельзя видеть в специфике скифского мировоззрения, а следует объяснить лишь особенностями культурно-исторической ситуации и легкостью заимствования из переднеазиатского искусства именно зооморфных образов [21].

---

[18] *Елизаренкова.* Ук. соч., с. 69—70.

[19] Иванов (Очерки по истории семиотики..., с. 152) подчеркивает, что при соединении двух знаков-изображений единый полиморфный образ приобретает новое значение, «соотносящееся с новыми концептами, а не с этими денотатами».

[20] *Хазанов А. М., Шкурко А. И.* Социальные и религиозные основы скифского искусства.— ССЗС, с. 40, 44, 47; *они же.* Скифское искусство звериного стиля (По материалам лесостепной Скифии).— В кн.: Музейное дело в СССР. М., 1977, с. 107—113; *они же.* Рец.: *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.— СА, 1979, № 3, с. 312.

[21] *Акишев А. К.* Искусство и идеология саков Семиречья: Автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. М., 1980; *Раевский Д. С.* Об интерпретации памятников скифского искусства.— НАА, 1979, № 1, с. 73—74; *он же.* О причинах преобладания в скифском искусстве зооморфных мотивов.— ИАИ, с. 73—74. Отстаивая в теоретическом плане невозможность связать зооморфный образ с определенным мифологическим сюжетом, Д. С. Раевский в другом случае допускает, что «образы звериного стиля должны трактоваться не как изображения скифских богов, а как их символы» («Скифское» и «греческое» в сюжетных изображениях на скифских древностях.— В кн.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978, с. 69), что полностью согласуется с моей трактовкой. В противовес теоретическим посылкам в практическом анализе Д. С. Раевский успешно обосновывает связь зооморфных образов с конкретными мифами и персонажами: именно ему принадлежит интерпретация образов крылатого коня как Тагимасада и утки как атрибута Таргитая. Предположение Д. С. Раевского, что заимствованные в VI в. до н. э. переднеазиатские антропоморфные образы не прижились в Скифии, так как они трудно поддаются переосмыслению, опровергается тем, что скифами были успешно реинтерпретированы антропоморфные и полиморфные образы греческого искусства, что убедительно показано самим Д. С. Раевским («Скифское» и «греческое»...; *он же.*

Напротив, Б. А. Литвинским и мной отстаивается предположение, что в образе определенного животного скифы видели символ конкретного мифологического персонажа, причем соотнесение с определенным животным опиралось на мифологические тексты, в которых данный мифологический персонаж перевоплощался в соответствующего зверя или уподоблялся ему [22].

Эта гипотеза подтверждается не только приведенными индоиранскими данными, но и тем, что пережитки крайне архаичного зооморфного классификационного кода и зоолатрии прослеживаются в большинстве древних религий: египетской, китайской, индоевропейской и др. Зооморфизм отнюдь не является специфической особенностью скифов. Во многих религиях мифологический персонаж первоначально мыслился в зооморфном облике и лишь позже — в антропоморфном, в сопровождении животного, ставшего его атрибутом, что находило отражение в изобразительном искусстве: каждый персонаж представал или в зооморфном, или в полиморфном виде, соответствующем мифу, а на более поздней стадии антропоморфизации — в человеческом облике, но в сопровождении связанного с ним в мифе животного.

У соседей скифов фракийцев значение некоторых зооморфных образов известно благодаря символическим изображениям с надписью имени их верховного божества Сабасия в виде руки бога с помещенными на ней животными, связанными с его культом.

Даже в самой развитой из европейских мифологий — греческой — каждое божество не только имеет посвященное ему животное — атрибут, но сохраняется много пережитков представлений о зооморфных воплощениях богов: Деметра — кобылица; Посейдон — конь; близнецы Диоскуры — белый и черный кони; Зевс в мифах перевоплощается в быка, орла, лебедя, змея; способностью к многочисленным трансформациям наделен Дионис, превращающийся в тигра, пантеру, льва, медведя, коня, дракона; в греческой мифологии много и полиморфных фантастических существ: грифон, кентавр, Пегас, Медуза и т. д. [23] При этом каждый — и реальный, и фантастический — зооморфный образ связан с определенным мифом и имеет свою хорошо разработанную иконографию.

В индийском изобразительном искусстве, генетически родственном по семантике скифскому, хотя и более позднем по времени сложения иконографии, каждый зооморфный и полиморфный персонаж также имеет свое имя и место в мифологической системе, фигурируя в определенных сюжетах [24].

Это дает основание отказаться от скептического отношения к поискам семантики памятников скифского искусства [25]. Значение нескольких

Эллинские боги в Скифии? — ВДИ, 1980, № 1). Следовательно дело не в трудности реинтерпретации, а в том, что в мировоззрении скифов VI в. до н. э. господствовал зооморфный символизм, а к IV в. до н. э. присущие ему изначально антропоморфные образы выступили на первый план и потребовали своего воплощения.

[22] *Литвинский Б. А.* Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968, с. 90—94; *Кузьмина Е. Е.* Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев.— ССЗС, с. 58—59; *она же.* В стране Кавата и Афрасиаба. М., 1977, с. 100—110. По моему мнению, зооморфный символизм мышления скифов приводил к тому, что и целые мифологические сюжеты оказывалось возможным воплотить в виде композиций, состоящих из нескольких зооморфных образов: сцена терзания — изображение праздника ноуруза или михрагана; сцена борьбы зверей — изображение праздника Тиштрии и т. д. (*Кузьмина Е. Е.* Сцена терзания в искусстве саков.— В кн.: Этнография и археология Средней Азии. М., 1979; *она же.* Сюжет противоборства двух животных в искусстве азиатских степей.— КСИА, вып. 154, 1978).

[23] *Радциг С. И.* Античная мифология. М.— Л., 1939, с. 62—66; *Лосев А. Ф.* Античная мифология. М., 1957, с. 41 сл., 124 сл., 145, 175.

[24] *Agrawala V. S.* Indian Art. Varanasi, 1965; *Asis Sen.* Animal Motifs in Ancient Indian Art. Calcutta, 1972.

[25] Сказанное, однако, нисколько не исключает того, что образы и сцены скифского искусства интерпретировались самими скифами на нескольких уровнях, что характерно и для индийского, и для греческого искусства и обусловлено особенностью мифологического мышления, воспринимающего микрокосм подобным макрокосму.

образов и композиций может быть установлено на индоевропейском и индоиранском уровнях.

В изобразительном творчестве евразийских степей очень популярны изображения коня. По сообщению Геродота (IV, 59—62), скифы приносят коней в жертву всем семи богам своего пантеона. Как уже говорилось, у всех индоевропейцев, в том числе индоиранцев, конь также соотнесен со многими божествами. В разных индоиранских традициях существуют представления о коне как о мировой жертве, медиаторе, соединяющем сферы мироздания, носителе земного плодородия, прорицателе и т. д. Поскольку вопрос о семантике этого сложного образа уже анализировался [26], остановлюсь только на солярном аспекте конного культа, для чего есть важный новый материал.

Во всех индоевропейских традициях прослеживается преимущественная связь коня с солнцем. В греческой и индийской поэзии используется постоянная формула «быстроконное солнце» [27], а в Авесте формула «конь-солнце» применяется к солярному богу Митре (Михряшт, X, 12, 13, 90). Культ Митры восходит к эпохе индоиранского единства и сохраняется и в Авесте, и в Ригведе [28], и у саков, о чем свидетельствуют теофорные имена [29].

У некоторых ираноязычных народов Средней Азии культ солярного бога, связанного с конем, имел первостепенное значение. Геродот (I, 216) и Страбон (IX, 513) сообщают, что массагеты богом почитают солнце и ему приносят в жертву коней, так как самому быстрому богу подобает самое быстрое животное. Тацит (VI, 37) и Филострат (Жизнь Аполлония, I, 31) говорят о принесении коней в жертву солнцу парфянами. Само же название солнца в парфянском языке (myhr) связано с именем солярного бога Митры.

Эти данные дают основания рассматривать во всяком случае значительную часть изображений коня как символ бога солнца, у восточных иранцев — Митры, а у скифов — Гойтосира, имя которого, по Нюбергу, происходит от постоянного эпитета Митры «могучий пастбищами». Такая трактовка абсолютно бесспорна для изображений коней, сопровождающихся дополнительными знаками — свастикой, крестом или розеткой, солярное значение которых доказывается индийской традицией (эти знаки помещаются в храмах бога солнца Сурьи) [30].

Для скифского искусства характерно изображение коня с поджатыми ногами, в позе летящего галопа. Вопреки распространенному мнению эта стилистическая трактовка не изобретена скифскими художниками, а заимствована ими из репертуара переднеазиатского искусства [31]. Но сам выбор позы, наиболее соответствующей передаче стремительного движения, обусловлен мифологическими представлениями скифов — стремлением передать поэтическую формулу «быстроконное солнце».

---

[26] *Кузьмина Е. Е.* Конь в религии и искусстве саков и скифов.— В кн.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 96—119; *Раевский Д. С.* Скифо-авестийские мифологические параллели и некоторые сюжеты скифского искусства.— ИАИ, с. 171 сл.

[27] *Иванов В. В.* Использование для этимологических исследований сочетаний однокоренных слов в поэзии на древних индоевропейских языках.— В сб.: Этимология, 1967. М., 1969, с. 54.

[28] *Топоров В. Н.* Заметки о Митре в связи с реконструкцией некоторых представлений.— В сб.: Труды конференции по древнему Востоку. М., 1966; *Konow Sten.* The Aryan Gods of the Mitanni People. Cristiania, 1921; *Thieme P.* Mithra and Aryaman.— Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences, № 41, 1957; *Benveniste E.* Mithra aux vastes pâturages.— JA, 1960, v. 248, p. 421—429.

[29] История таджикского народа. Т. I. М., 1963, с. 518; *Justi F.* Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895, S. 216.

[30] *Sastri T. V.* Sun Temples in Western India.— OA, 1962, v. VIII, № 2, p. 79—82.

[31] *Amandry P.* Un motif «scythe» en Iran et en Grèce.— JNES, 1965, v. XXIV, № 3.

Другой популярный в скифском искусстве образ — крылатый конь [32], как и семантически тождественный ему Пегас в греческой трактовке, передает характерное для всех индоиранцев уподобление коня и птицы. В Ригведе с орлом сравниваются конь Педу (I, 118, 9, 10), кони Ашвинов (I, 118, 4, 5), но чаще всего бог солнца Сурья (VII, 63, 5 и др.); солнце постоянно называется «небесной птицей» (IX, 71, 9; IX, 97, 33; X, 30, 2; X, 55, 6), солнечные птицы — это орел и лебедь [33].

Отождествление коня и птицы представлено и в иранской традиции: в нартовском эпосе конь героя Хамыца — «белый, как лебедь», летящий, как коршун [34]. Крылатый небесный конь — популярный персонаж фольклора Ферганы и Бактрии, доживший в таджикских сказках до сего дня [35]. Видимо, уподобление коня и птицы в мифологических и фольклорных текстах породило синкретический образ крылатого коня в изобразительном искусстве [36].

В качестве солярной эмблемы могут трактоваться изображения сегнерова колеса — образ четырех коней колесницы, составленный по законам парциальной магии: колесо и четыре головы запряженных коней или орлов, расположенные в форме свастики, передавая идею вихревого движения [37]. Эта композиция точно соответствует описанию солнечной колесницы с одним колесом и четырьмя конями или орлами в Ригведе и в посвященном Митре Яште Авесты [38].

Большой интерес представляют многочисленные изображения оленей в летящем галопе [39]. Исходя из этимологии В. И. Абаева, связывавшего этноним саков с названием оленя [40], исследователи видели в образе оленя тотем саков [41]. Теперь общепринята этимология имени саков, предложенная Х. Бейли [42], и старая трактовка отпадает. Для выяснения семантики образа оленя большое значение имеет обряд обряжения коня в оленя, засвидетельствованный оленьими масками в Пазырыке и навершиями колесниц и конскими налобниками и нащечниками с изображениями оленей

---

[32] *Ильинская В. А.* Культовые жезлы скифского и предскифского времени.— В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965, рис. 3, *она же.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975, табл. IV, *12*; *Мозолевський Б. М.* Товста могила. Київ, 1979, рис. 132, *4*.

[33] *Dave K.* The Golden Eagle and the Golden Oriole in the Vedas and the Puranas.— In: XIII All India Oriental Conference of Nagpur University, 1946; *Vogel J.* The Goose in Indian Literature and Art. Leiden, 1962.

[34] *Шанаев Г.* Из осетинских сказаний о нартах.— В кн.: Список сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1876, вып. IX, отдел II.

[35] *Беленицкий А. М.* Хуттальская лошадь в легенде и историческом предании.— СЭ, 1948, № 4; *он же.* Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье.— КСИА, 154, 1978; *Бернштам А. Н.* Араванские наскальные изображения и даваньская (ферганская) столица Эрши.— СЭ, 1948, № 4; *Waley A.* The Heavenly Horses of Ferghana.— History Today, 1955, v. I, № 2.

[36] *Литвинский.* Ук. соч., с. 29; *Кузьмина.* Конь в религии..., с. 100—101. Д. С. Раевский (Скифо-авестийские мифологические параллели..., с. 171—175) предложил интерпретировать этот образ как олицетворение скифского бога Посейдона-Тагимасада, этимологизируя его имя как «Быстрый Йима Хшаета» и на этом основании связывая Тагимасада с иранским Йимой — первым человеком и первым царем. Эта интерпретация поддержана Д. А. Мачинским (Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии.— В кн.: Культура Востока. Л., 1978, с. 132). Однако этимология имени Тагимасад оспорена иранистами; конь-птица, как отмечалось, соотносится с разными мифологическими персонажами, и это не позволяет безоговорочно принять отождествление его с Тагимасадом.

[37] *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Ленинград—Прага, 1966, рис. 127.

[38] *Duchesne-Guillemin J.* Anthropologie religieuse.— Numen, II, 1955, p. 99; *Gershevitch.* The Avestian Hymn..., p. 35.

[39] *Членова Н. Л.* Скифский олень.— МИА, 1962, № 115.

[40] *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. Т. I. М — Л., 1949, с. 37, 179.

[41] *Членова.* Ук. соч., с. 192—195.

[42] *Bailey H.* Languages of the Saka.— In: Handbuch der Orientalistik, 1958, B. 1, Ht. 4, p. 133.

в Скифии [43]. Ритуал обряжения коня в оленя восходит к ведической эпохе: в Ригведе (I, 163, 9, 11) описано заклание коня, украшенного золотыми оленьими рогами. По-видимому, синкретический образ коня-оленя (как и коня-птицы) был связан у скифов с культом бога неба. В пользу этого предположения свидетельствуют лингвистические данные. Коневодство вместе с названиями и культом коня было воспринято от ираноязычных народов тюрками [44]. В тюркских языках название оленя (sugun) связано с названием чистокровного коня аргамака и вместе с тем с названием солнца и с глаголом «приносить жертву», «молиться»; другое же название оленя (бугу) восходит к иранскому слову bāga «бог» [45], обычно применяемому к верховному богу неба Ахурамазде, к имени которого восходит название солнца в некоторых восточноиранских языках [46]. Синкретизм образов коня и оленя ярко выступает в практике сибирских шаманов. Они используют бубен с изображением оленя, которое называется «конь», и произносят при камлании заклинание, призывая «коня-маралуху», чтобы взлететь на небо. Таким образом, тюркские народы унаследовали от ираноязычных соседей комплекс представлений о коне-олене как жертвенном животном, посвященном небесному богу [47]. Это позволяет видеть в изображениях оленей и коней-оленей прежде всего небесный и солярный символ.

Другое популярное изображение сако-скифского искусства — пара противостоящих коней или их протом [48] — может быть интерпретировано на основании широкого круга индоевропейских аналогий. У древних индоевропейских народов существовал культ близнецов, обычно связанных с богиней-матерью и часто носивших «конские» имена. Это греческие Диоскуры и мать-земля Деметра, кельтская Епона с конями, английские Хорса и Хенгист и т. д. [49] У индоиранцев культ близнецов восходит к эпохе до распада общности: близнецы Насатья фигурируют в клятве в Передней Азии, в Авесте и Ригведе [50]. В Ригведе это сыновья бога солнца и кобылицы Ашвини, предстающие в образе двух юношей на

---

[43] *Руденко С. И.* Культура населения горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, с. 214, 219, табл. XXI, *1*; XXII, *3*, *4*; *Ильинская В. А.* Навершия из Майкопского и Новочеркасского музеев.— СА, 1967, № 4, с. 295—301; *Артамонов.* Ук. соч., рис. 31, 57. *Мозолевський.* Ук. соч., рис. 132, *2*, *3*, *5*, *6*.

[44] *Кузьмина Е. Е.* Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света.— В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1974, с. 37, 44—45.

[45] *Аманжолов А. С.* Следы культа оленя в тюркских языках.— ПИОП, с. 27—30.

[46] *Абаев В. И.* Дохристианская религия алан.— XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960, с. 2; *Лившиц В. А.* Иранские языки народов Средней Азии.— В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1962, с. 153; *Beiley.* Languages of the Saka, p. 134.

[47] Отождествление в Средней Азии солнца то с Митрой, то с Ахура Маздой находит объяснение в ведическом совместном культе Митры — Варуны, поскольку Варуна отождествляется с Ахура Маздой (*Елизаренкова.* Ук. соч., с. 55; *Öldenberg H.* Die Religion des Veda. B., 1894, S. 28; *Zaehner R.* The Dawn and Twilight of Zoroastrianism. N. Y., 1961, p. 68). На существование подобного слитного культа в Средней Азии указывают данные о культе Митры — Ахуры и имя Mihrōhrmazd (*Литвинский.* Ук. соч., с. 41; *Yusti.* Iranisches Namenbuch, S. 216).

[48] *Руденко С. И.* Культура населения горного Алтая в скифское время. М.— Л., 1953, табл. CV, *2*; *Толстов С. И.*, *Итина М. А.* Саки низовьев Сырдарьи.— СА, 1966, № 2, рис. 7.

[49] *Иванов В. В.* Отражение индоевропейской терминологии близнечного культа в индоевропейских языках.— В кн.: Балто-Славянский сборник. М., 1972; *он же.* Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии.— ТЗС, IV. Тарту, 1969; *Ward D.* The Divine Twins, The Indo-European Myth in Germanic Tradition.— University of California Folklore Studies, v. 19, 1968; *Chapoutier F.* Les Dioscures au service d'une déesse.— Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome, 137. P., 1935; *Schelling R.* Les Castores romains à la lumière de tradition indo-européenne.— In: Hommage à G. Dumézil. P., 1960; *Schwarz W.* Germanische Dioscuren.— Bonner Jahrbücher, 1967, B. 167.

[50] *Konow Sten.* The Aryan gods...

конях или двух коней [51]. Их имя восходит к слову «ашва» — конь, как и название мирового дерева, ассоциировавшегося с богиней-матерью [52]. Видимо, общеиндоевропейский близнечный культ сохранялся и у скифов: в нартских сказаниях выступают близнецы Хсар и Хсартаг [53].

У разных индоевропейских народов иконография близнецов была сходна: их представляли в виде двух всадников или двух коней по сторонам богини-матери или заменяющего ее дерева жизни либо в виде двух противостоящих лошадиных протом. Это дает основание в аналогичных скифских изображениях видеть образ двух близнецов [54].

Привлечение индоиранских данных позволяет интерпретировать и некоторые полиморфные образы скифского искусства. Изображение трехголового змея из Елизаветинской станицы полностью соответствует описанию змея [55] в Авесте: «змей Дахака с тремя пастями, с тремя башками» (Замьяд-яшт, 37). Ажи Дахака в Авесте — противник первого царя иранцев Хошанга Парадата. Хотя в письменных источниках о скифах нет упоминаний мифа о борьбе со змеем, он может быть реконструирован на основании изобразительных материалов [56] и свидетельств о родоначальнике скифов Таргитае-Паралата — прямой параллели, по А. Кристенсену, авестийскому Хошанге Парадате [57] — и о заимствовании у скифов образа Ажи Дахаки тюркской и монгольской мифологией. Фантастические собако-птицы на ножнах меча из Елизаветинского кургана и обкладке ритона из IV Семибратнего кургана [58] могут быть трактованы как изображения полиморфного фантастического персонажа иранской мифологии Сенмурва на основании сходства иконографии скифского образа с описаниями Сенмурва в иранских источниках [59].

Наряду с единичными зооморфными и полиморфными образами в скифском искусстве есть многофигурные композиции, передающие сцены борьбы и терзания животных. Вопреки распространенному представлению [60] это отнюдь не зарисовки картин сражений животных, наблюдавшихся скифами в степях, а символические сцены, поскольку в них участвуют львы, никогда не водившиеся в степях, и семантически тождественные им фантастические грифоны. Композиция сцены терзания не была инновацией скифских художников, она была заимствована ими из переднеазиатского искусства. Популярность этих сцен в искусстве Скифии в VI—IV вв. до н. э.,

---

[51] *Przyluski J.* Les Asvin et la Grande déesse.— Harvard Journal of Asiatic Studies, 1936, 1; *Vader V.* The Twin Gods Aśvinau.— The Indian Historical Quarterly, v. VIII. Calcutta, 1932.

[52] *Иванов В. В.* Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от aśva — «конь».— В кн.: Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974.

[53] Возможно, в Скифии индоевропейский культ близнецов слился с местным культом героев-побратимов. О побратимстве у скифов говорит Геродот (IV, 70). Лукиан (Токсирид, или дружба, 57) упоминает скифский храм друзей Ореста и Пилада.

[54] *Кузьмина.* Конь в религии..., с. 102—104; *Литвинский Б. А.* Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978, с. 113—126.

[55] *Артамонов.* Ук. соч., табл. 143.

[56] *Кузьмина.* Скифское искусство..., с. 62. Возможно, сражение Таргитая со змеем представлено на фрагментированной костяной пластине из Гайматовой могилы (*Бессонова С. С.* Образ собако-птаха у мистецтві Північного Причорномор'я скіфської епохи.— Археологія, 1977, № 23, рис. 7).

[57] *Cristensen A.* Le premier homme et le premier roi dans l'histoire légendaire des iraniens. Pt. 1. Uppsala, 1970, p. 133—140, 164. Э. А. Грантовский (Индо-иранские касты у скифов.— XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960, с. 1, 4, 5), детально проанализировав скифскую легенду, показал, что с авестийскими Парадата должен сопоставляться скифский царский род Паралатов — потомков младшего из трех братьев — Колаксая.

[58] *Бессонова.* Ук. соч., с. 14, рис. 5.

[59] *Тревер К. В.* Собако-птица. Сенмурв и Паскудж.— ИГАИМК, 1933, вып. 100, с. 308—312.

[60] По Э. Фаркаш (*Farkas A.* Interpreting Scythian Art: East and West.— Artibus Asiae, 1977, v. XXXIX, № 2, p. 127 f.), они «обозначают смерть в терминах, близких степным номадам».

известных в переднеазиатской, ахеменидской, греческой и собственно скифской трактовках [61], указывает на то, что они были реинтерпретированы скифами и выражали какие-то очень важные в их идеологии представления.

Сцена терзания возникла в шумерском искусстве как символическое изображение происходившей весной смены гелиакальных созвездий Плеяд (по-шумерски «звезда быка») и Кассиопеи («звезда оленя») созвездием Льва с яркой звездой Регул («царской»); композиция воспринималась как календарный символ весны [62]. Из Передней Азии композиция широко распространилась по всему Старому Свету и в разноэтничных традициях реинтерпретировалась в соответствии с местными мифами, сохраняя повсеместно свое значение символа весеннего возрождения [63].

Это дает основания полагать, что аналогичным образом трактовалась сцена терзания саками и скифами, которыми она была реинтерпретирована как символ главного праздника иранцев Ноуруза (Нового года) — Дня весеннего равноденствия [64]. В дуалистической концепции индоиранцев равновесие (циклическая смена явлений) в мире обусловлено борьбой противоположных сил, достигающей своего апогея в день Нового года — праздника ежегодно повторяющейся победы бога или героя-родоначальника, обеспечивающего торжество света над тьмой, плодородия над бесплодием [65].

Такая трактовка сцены терзания подкрепляется тем, что аналогичным образом она толковалась в Иране, где при Ахеменидах она воспринималась как царская эмблема [66], поскольку в иранской традиции царь рассматривался как земное воплощение героя-родоначальника, устанавливающего порядок на земле, подобно тому как божественный герой обеспечивает гармонию в космосе [67]. Пережитки сходных представлений и соотнесения Ноуруза с днем коронации царя прослеживаются и у восточноиранских народов Средней Азии [68].

Судя по тому, что в Причерноморье сцену терзания чаще всего помещали на золотых парадных предметах, находимых в царских курганах, можно полагать, что и в Скифии эта композиция — по законам тождества макро- и микрокосма — воспринималась и как символ весеннего возрождения, и как царская эмблема.

Символическое значение имеет и часто встречающаяся в восточной части ареала евразийских степей сцена поединка двух коней [69]. Она может быть объяснена на основании очень архаичной легенды, сохраненной в авестийском Тиштр яште (14, 26—29), о борьбе на берегу озера Воурукаша (Каспийского моря) героя Тиштрии [70] за освобождение вод и восстановление плодородия. Тиштрия в облике прекрасного белого коня сражается с демоном

---

[61] *Артамонов.* Ук. соч., рис. 80, 105, 131, табл. 29, 41, 116, 118, 120, 122, 132 145, 157, 160, 162, 181, 183, 208, 213, 236, 241, 242, 317, 329; *он же.* Сокровища саков М., 1973, рис. 31, 34, 46, 175, 176, 178—180, 182, 193, 241, 243, 286.

[62] *Hartner W., Ettinghausen R.* The Conquering Lion: the Life Cycle of a Symbol.— Oriens, 1964, v. 17, p. 161—170; *Hartner W.* The Earlist History of the Constellation in the Near East and the Motif of the Lion — Bull Combat.— JNES, XXIV, № 1—2, 1965.

[63] *Erlenmeyer M.-L., Erlenmeyer H.* Über griechische und altorientalische Tierkampfgruppen.— AK, 1968, № 1—2, S. 53—67; *Desneux J.* Sur quelques représentations du «lion à la proie» en glyptique et en numismatiques antiques.— RBNS, 1960, CVI, p. 17—19.

[64] *Кузьмина Е. Е.* О семантике изображений на Чертомлыцкой вазе.— СА, 1976, № 3, с. 68—71; *она же.* Сцена терзания в искусстве саков, с. 78—83.

[65] *Nyberg H.* Questions de cosmogonie et de cosmologie mazdéennes.— JA, 1931, CCXIX, № 1—2; *Brown W.* Theories of Creation in the Rig Veda.— JAOS, 1965, v. 85; *Duchesne-Guillemin J.* La religion de l'Iran ancien. P., 1968, p. 268—269.

[66] *Herzfeld E.* Iran in the Ancient East. L.— N. Y., 1941, p. 251 f.; *Duchesne-Guillemin J.* A la recherche d'un art mazdéen.— ICIAA, V. Teheran, 1972, p. 269; *Deshayes J.* Origine et signification des représentations symboliques à Persepolis.— Majalla-e adabiyat va ulum-e issani. Teheran, 1965, № 4.

[67] *Videngren G.* The Sacral Kingship of Iran. La regalitá Sacrà. Leiden, 1959, p. 252.

[68] *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948, с. 204 сл.

[69] *Артамонов.* Сокровища саков, рис. 152.

[70] *Кузьмина.* Сюжет противоборства двух животных..., с. 103—108.

Апаоша, выступающим в облике черного коня. В честь победы покровителя дождя Тиштрии в Иране, Средней Азии и Осетии до XX в. справлялся восходящий к авестийской эпохе [71] праздник обливания водой [72]. В обряде заклинания дождя использовались изображения сцен борьбы не только двух коней, но и других животных, связанных с культом воды,— двух верблюдов, двух быков и т. д., о чем сообщается в согдийской рукописи X в. [73] Такие изображения известны в Приуралье и Казахстане с VI—V вв. до н. э. [74] Иранская традиция позволяет связать их с культом воды вообще и с Тиштрией в особенности.

Анализ семантики единичных образов и отдельных сцен в искусстве евразийских степей позволяет перейти и к попытке дешифровки целых больших многофигурных и многоярусных композиций, представленных на сосудах и на парадном облачении.

Первым опытом дешифровки отдельного памятника искусства, анализируемого с учетом четырех уровней — собственно скифского, индоиранского, индоевропейского и универсально-мифологического, была моя попытка выявить семантику изображений на серебряной вазе из кургана Чертомлык IV в. до н. э. [75] Три фриза вазы трактуются как отражение представления о трех сферах мироздания, характерного для мифологии вообще, индоиранской в особенности [76]. Верхний фриз со сценой терзания интерпретируется как изображение небесной сферы, где происходит космическая дуэль; нижний фриз с растительным орнаментом и птицами — как символ земли, переданный универсальным образом мирового дерева с птицами на нем [77] и крылатым конем у его основания — посредником между тремя сферами. Наконец, средний фриз с изображением ловящих коней скифов объясняется не в традиционном духе — как сценка из скифского быта [78], а в соответствии с индоиранской концепцией трилоки — как сфера обита-

---

[71] *Лившиц В. А.* Зороастрийский календарь.— В кн.: *Бикерман Э.* Хронология древнего мира. М., 1975, с. 325—327, 330 сл.

[72] *Бируни А.* Избранные произведения. Т. I. Ташкент, 1957, с. 231 сл.; *Бичурин И.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.— Л., 1951, с. 310 сл.; *Кисляков Н. А.* Некоторые иранские поверья и праздники в описаниях западноевропейских путешественников XVII в.— В кн.: Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии. М., 1973, с. 184; *Богомолова К. А.* Следы древнего культа воды у таджиков.— Изв. АН ТаджССР, 1952, № 2, с. 117 сл.; *Калоев Б. А.* Осетины. М., 1971, с. 243, 244.

[73] *Лившиц В. А.* Согдийские надписи из Семиречья. М., 1978.

[74] *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, рис. 80, *13*.

[75] *Кузьмина Е. Е.* Лошадь в Европе и на Переднем Востоке.— В сб.: V Всесоюзная сессия по древнему Востоку. Тезисы. Тбилиси, 1971, с. 92—94; *она же.* Неравномерность исторического развития индоиранских племен.— В сб.: Тезисы докладов теоретического семинара ИА АН СССР. М., 1972; *она же.* О семантике изображений..., с. 68—75.

[76] *Standacher W.* Die Trennung von Himmel und Erde. Tübingen, 1942, S. 92; *Kramrich S.* The Triple Structure of Creation in the Rg Veda.— History of Religions, v. 2, № 1, 2. Chicago, 1962, 1963. Эта трактовка трех фризов вазы подтверждается символикой трех частей ритуальных сосудов укха и махавира у ведических ариев. В Шатапатха-Брахмане (6, 5, 1, 1—6, 5, 4, 17), Майтраяни-Самхита (3, 1, 6—8), Катха-Чакха-Самхита (3, 19, 5—7) создание сосуда сопоставляется с космогоническим актом творения мира богиней всего сущего — матерью-землей Адити: «укху делают столь большой, как эта земля сначала была сделана»; сосуд делают из трех горизонтальных полос: «три — это поистине жизненные пространства», дно укхи и придонная часть — «это земное жизненное пространство», вторая полоса — «это воздушное пространство», третья верхняя полоса — «это небо», оно принадлежит небесным богам Адитьям.

[77] *Топоров В. Н.* О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией мирового дерева.— ТЗС, V. Тарту, 1971; *Toporov V. N.* L'albero universale.— In: Ricerche Semiotiche. Torino, 1973, p. 148—209; *Lehber G.* The Tree of Life in Indo-European and Islamic Cultures.— Ars Islamica, IV, 1937; *Thieme P.* Das Rätsel vom Baum. Untersuchungen zur Workunde und Auslegung des Rigveda. Halle, 1949, *Viennod O.* Le culte de l'arbre dans l'Inde ancienne. P., 1954; *Wensinck A.* Tree and Bird as Cosmological Symbols in Western Asia.— Verhandlungen der Koninklijke Akademie von Wetenshappen. Afdaling Letterkunde, v. 22, I. Amsterdam, 1961, S. 1—35.

[78] *Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. II. СПб., 1889, с. 137—139; *Хазанов А. М.* Золото скифов. М., 1975, с. 115 сл.

ния людей, которые совершают жертвоприношение коня [79], подобное индийской ашвамедхе [80] — обряду заклания коня в день солнечного равноденствия, призванному гарантировать царю возрождение и бессмертие и аналогичному жертвоприношению белого коня на коронации у других индоевропейских народов [81]. Композиция же в целом рассматривается как космограмма, передающая универсальный образ мира, подчеркивающая идею вечности и возрождения жизни и связанная с культом царя.

Семантика изображений Чертомлыцкой вазы рассматривалась также Э. Фаркаш [82], основывавшейся на методических посылках, представляющихся неприемлемыми, Д. А. Мачинским [83], первоначально исходившим из свидетельств античных источников и чисто интуитивных построений, и Д. С. Раевским [84], с которым мы используем один метод, принятый также Б. Н. Мозолевским [85].

Если не останавливаться на интерпретации Э. Фаркаш, уже подвергнутой убедительной критике Д. С. Раевским [86], то отрадно отметить, что все исследователи (даже идущие разными путями) единогласны в трактовке второго фриза как сцены жертвоприношения, а всей композиции вазы — как изображения, передающего мифологические представления скифов. Это единодушие вселяет надежду, что мы стоим на верном пути.

Разногласия носят частный характер и связаны с трактовкой второго фриза и образа крылатого коня.

Первоначально Д. С. Раевский видел в крылатом коне символ скифского бога Посейдона-Тагимасада, а в реалистической сцене — жертвоприношение в его честь [87]. Позже второй фриз он связал с ритуалом объезда царства в день Ноуруза. Правомерность последней интерпретации подтверждается тем, что и сцена терзания является символом Ноуруза и дня коронации.

Более спорна трактовка стоящего анфас персонажа ввиду плохой сохранности фигуры; сомнительно истолкование образов коней как истории одной лошади: на вазе представлены, бесспорно, кони разных пород, к тому же как стриженые, так и длинногривые.

Соглашаясь с Д. С. Раевским в том, что здесь изображено сложное ри-

---

[79] Геродот (IV, 72) пишет, что скифы «жертвенное животное ставят со связанными передними ногами. Приносящий жертву, стоя сзади, тянет за конец веревки и затем повергает жертву на землю» — точно так, как изображено на Чертомлыцкой вазе.

[80] *Иванов.* Опыт истолкования...; *Dumont P.* L'Ashvamedha, description du sacrifice solennel du cheval dans le culte védique d'apres les textes du Yajurveda blanc. P., 1927; *Kirfel W.* Der Ásvamedha und Purusamedha.— In: *Festschrift W.* Schubring. Hamburg, 1951; *Gonda J.* Ancient Indian Kingship from the Religions Point of View. Leiden, 1966, p. 110—114.

[81] *Иванов.* Опыт истолкования...; *Schröder F.* Ein altirischer Krönungsritus und das indogermanische Rossopfer.— Zeitshrift für celtische Philologie, 1927, B. 16; *Koppers W.* Pferdeopfer und Pferdekult der Indogermanen.— In: Die Indogermanen und germanen Frage, B. IV. Lpz, 1936; *Puhvel J.* Vedic Ásvamedha and Gaulisch Jipomiidvos.— Language, 1955, v. 31; *Le Roux F.* Recherches sur les éléments rituels de l'élection royale irlandaise et celtique.— Ogam, XV, 1963, *Dumézil G.* La religion romaine archaique. P., 1966.

[82] *Farkas.* Op. cit.

[83] *Мачинский Д. А.* О смысле изображений на некоторых произведениях греко-скифской торевтики и о значении их для понимания истории скифов IV—III в. до н. э.— В сб.: Античные города Северного Причерноморья и варварский мир. Тезисы. Л., 1973, с. 25; *он же.* О смысле изображений на Чертомлыцкой амфоре.— В сб.: Проблемы археологии. Вып. II. Л., 1978, с. 232—240 (Д. А. Мачинскому, по-видимому, осталась неизвестна моя трактовка вазы, предлагавшаяся в ряде докладов в 1971—1972 гг.). Позднее им были сделаны некоторые уступки современному направлению — принята трактовка трех сфер мироздания, образа мирового дерева (*Мачинский*, Пектораль..., с. 131 сл.).

[84] Д. С. Раевский (Об интерпретации..., с. 78—82) уточнил, что нижний фриз символизирует не нижнюю сферу мироздания, а идею космического порядка, выраженную через образ мирового дерева.

[85] *Мозолевський Б. М.* Синтез скіфо-античної думки.— Всесвіт, 1978, № 2, с. 191—204; *он же.* Товста могила, с. 214—226.

[86] *Раевский.* Об интерпретации...

[87] *Он же.* Скифо-авестийские мифологические параллели..., с. 275.

гуальное действо, я все же думаю, что это не история одного коня, а иллюстрация аналогичного описанному в Яджурведе обряда выбора в пасущемся стаде лучшего коня для объезда земли и последующего заклания его на новогоднем празднике.

Что касается толкования Д. А. Мачинского, то он без дополнительного обоснования и без ссылки принимает интерпретацию крылатого коня как Тагимасада, предложенную в ранней работе Д. С. Раевского (но, по словам последнего, «требующую специального освещения»), и связывает все изображения с культом этого бога, трактуя в христианско-модернистском духе три сферы как «благое страдание» наверху, «божество в силе» внизу, «благие образы и символы, изливающие благостыню», в центре, а средний фриз — как «жизнь и назначение скифской лошади» и принесение лошади в жертву божеству.

Комплекс приведенных в систему фактов здесь подменен потоком фантазии. Но конкретные наблюдения Д. А. Мачинского, что фриз должен читаться сзади наперед и что в сцене жертвоприношения изображен не конь, а кобылица, видимо, справедливы. (Это, однако, не меняет предложенной мной интерпретации этой сцены, поскольку в разных индоевропейских традициях в священном браке участвуют то царь и кобылица, то царица и жеребец [88].)

Самого пристального внимания заслуживают приведенные в более поздней работе соображения Д. А. Мачинского, основанные на знании скифского материала и античной традиции о скифах, о связи всего чертомлыцкого комплекса с культом женского божества и интерпретация погребенной в кургане как жрицы богини Табити [89].

Различие методов и проистекающая отсюда степень достоверности реконструкций особенно наглядно проявились при интерпретации золотой пекторали из Толстой Могилы. Э. Фаркаш, исходя из тотемистических представлений и мифологии современных палеосибирских народов, в сцене терзания видит натуралистически переданный миф о растерзании тотема скифов оленя с целью создания земных благ, представленных во втором фризе: в Чертомлыке — коней — источник кумыса, а в Толстой Могиле — разных домашних животных [90].

По В. Н. Даниленко, в нижнем фризе представлены «зооморфизированные сцены борьбы стихий», в среднем — «фантастическое древо жизни с волшебными птицами», а в верхнем — «пастушеское благоденствие», скифы царские и скифы-кочевники и передача «волшебной рубахи-панциря из бараньего руна» царю, возможно Атею [91].

Как уже отмечалось Д. С. Раевским [92], несостоятельность этого толкования состоит, не говоря о его произвольности, в эклектизме, проявляющемся в недопустимом смешении представлений мифологических (стихии, древо жизни), сказочных (волшебная рубаха) и реалистических (портрет исторического Атея), т. е. представлений, относящихся к *разным* этапам развития человеческого интеллекта, что исключает сочетание их на одном предмете.

Методически нечеткой остается и позиция Д. А. Мачинского, который, не понимая самой сущности мифологического мышления, «не стремится реконструировать некую идеальную и абстрактную „модель" скифской мифологии», а пытается подменить ее «системой ассоциаций» и «широким фоном аналогий в рамках греко-скифского и скифо-сибирского искусства»,

---

[88] *Иванов.* Опыт истолкования...; *Кузьмина.* Распространение коневодства...

[89] *Мачинский.* Пекторали..., с. 133—135.

[90] *Farkas.* Op. cit., p. 137.

[91] *Даниленко В. Н.* Исторические сюжеты некоторых шедевров эллино-скифской торевтики.— В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею. Тезисы конференции. Киев, 1975, с. 88—89.

[92] *Раевский Д. С.* Из области скифской космологии.— ВДИ, 1978, № 3, с. 117; *Мозолевський.* Товста могила, с. 219.

а также Переднего Востока и индоиранского мира [93]. Произвольность и бессистемность сопоставлений делают построение Д. А. Мачинского весьма уязвимым и недостаточно убедительным, лучшими же страницами в его работе остаются те, где он не выходит за пределы хорошо знакомого ему скифского материала и дает свое толкование образов женских божеств. По Д. А. Мачинскому, нижний фриз (сцена терзания) передает «благое страдание», но почему-то и борьбу великой богини и амазонок с грифонами, средний — «благие образы, мировое дерево», верхний — «весеннее стадо» и скифов, в которых он видит скопцов-энареев (поскольку они заняты женским занятием — шитьем), обращающихся к богине типа Аргимпасы — Афродиты Урании, на основании чего пекторали связывается с культом этой богини, а весь комплекс погребения — с культом ее и Ареса [94].

С принципиально иных позиций подошли к толкованию пекторали Б. Н. Мозолевский и Д. С. Раевский, что привело их к совершенно иным выводам. Исходя из законов мифологического мышления, они проанализировали пекторали, пользуясь данными общемифологическими, индоиранскими и собственно скифскими, и пришли к очень близким выводам, соответствующим в целом и моей интерпретации Чертомлыцкой вазы. Трехчастную композицию обоих памятников единогласно интерпретировали как космологическую модель Вселенной, сцену терзания — как возрождение через уничтожение, растительный орнамент — как мировое дерево. Д. С. Раевский уделил большое внимание иерархическому ряду изображенных животных и композиционной структуре пекторали, в которой он выявил систему оппозиций [95]. Верхний фриз он на основании индоиранских данных объяснил как символическое изображение весеннего возрождения природы, «всескотия» как «воплощения магической формулы», обеспечивающей благополучие и «прежде всего — умножение скота». Большое место в его работе посвящено также роли руна в свете данных различных индоевропейских традиций. Ту же идею оппозиции *природа — культура* выявил в конструкции пекторали и Б. Н. Мозолевский, идя совершенно иным путем — методом сопоставления композиции пекторали и фронтонов Парфенона [96].

Ему принадлежит и очень удачное сопоставление верхнего фриза пекторали с происходящими из Подунавья сценами посвящения миста в Элевсинских мистериях [97]: их роднит с пекторалью не только сама композиция центральной группы с растянутой шкурой, игравшей важную роль в обряде, но и культовые повязки на голове жрецов, и нагота персонажей, и амфора для причащения, и сцена терзания (включающаяся в композицию и осмыслявшаяся в пифагорейском духе как символ воскрешения). Это дает Б. Н. Мозолевскому убедительные основания интерпретировать верхний фриз как изображение таинства приобщения Деметре или соотносившейся с ней великой богине Скифии, посвящения, происходившего на главном празднике весеннего возрождения (о чем говорит изображение самок с молодняком) и, по-видимому, совершавшегося самим царем, исполнявшим в обществе сакральные функции и, возможно, игравшим на весеннем празднике роль супруга богини. Такое толкование надежно подтверждается данными о роли руна в свадебной обрядности индоевропейцев и значении свадебного ритуала в Элевсинских мистериях.

[93] *Мачинский.* Пекторали..., с. 131.
[94] Там же, с. 139—146.
[95] *Раевский.* Из области скифской космологии, с. 115—133.
[96] *Мозолевський.* Товста могила, с. 214—226; *он же.* Синтез..., с. 191—204.
[97] Там же, с. 220—224. Что касается сопоставления с изображением на чаше из Хасанлу, то оно представляется мне сомнительным. Во-первых, там изображена совершенно иная сцена и нет шкуры; во-вторых, сама интерпретация изображения чаши, предложенная Г. Н. Курочкиным (К интерпретации некоторых изображений железного века территории Северного Ирана.— СА, 1974, № 2, с. 34—47), сомнительна и опровергается другим толкованиями на основе неиранских мифологий, что более соответствует исторической обстановке в Иране в начале I тыс. до н. э., где ираноязычное население было малочисленно.

Косвенным, но очень важным аргументом в пользу интерпретации Б. Н. Мозолевского является находка в Толстой могиле калафа — парадного головного убора скифской царицы. Анализ изображений скифских калафов, по-видимому, позволяет признать скифскую царицу главной жрицей культа богини-матери, выступавшей на весеннем празднике в роли ее земной заместительницы, а также говорить о большом влиянии в Скифии в IV в. до н. э. элевсинских и дионисийских культов [98].

Наряду с интерпретацией отдельных образов и композиций, представленных на одном предмете, делались попытки рассмотреть и целые комплексы изображений. А. К. Акишеву принадлежит очень удачный опыт интерпретации всего комплекса украшений парадного костюма вождя из кургана Иссык (Семиречье, IV в. до н. э.) как связного текста — космограммы [99].

Исходя из индоиранских данных, в трехъярусной композиции украшений колпака он видит передачу идеи трилоки; изображение дерева с птицами в центре композиции он объясняет как универсальный образ дерева жизни, прорастающего через три сферы; саму же идею поместить космограмму на парадном головном уборе он связывает с представлением индоиранцев о сакральной роли царя.

Справедливость толкования А. К. Акишева подтверждается при анализе изображений на парадном головном уборе (калафе) скифских цариц и бактрийской короне [100]. Они также несут изображение древа жизни и сопровождаются символами женского божества, подчеркивая роль скифской царицы как главной жрицы и земной заместительницы богини-матери. В комплексе бактрийского парадного головного убора и на некоторых скифских калафах есть изображения, связанные с культом Диониса, и сцены брака Диониса и Ариадны, отражающие значение священного брака в царском культе и роль царицы, выступающей в ритуале заместительницей супруги Диониса Ариадны, подобно греческой басилине на празднике Анфестерий.

Итак, предметы убора, парадная посуда и оружие, украшенные изображениями, выполненными в зверином стиле, сделаны из золота, их сюжеты прокламируют и освещают царскую власть. Большая часть их найдена в курганах, возведение которых требовало колоссальных трудовых затрат огромного коллектива, в курганах, по богатству инвентаря и грандиозности насыпи сопоставимых с египетскими пирамидами. Это дает основание признать драгоценные вещи с изображениями в зверином стиле атрибутами военной аристократии и инсигниями царя. Вместе с тем это позволяет заключить, что искусство звериного стиля отражало социальные потребности и выражало идеологию прежде всего скифского нобилитета, причем прокламативный характер искусства особенно усилился в IV в. до н. э.— в эпоху утверждения скифского царства.

Анализ изображений на парадном уборе и инсигниях царей и цариц у народов евразийских степей приводит к выводу, что в среде саков и скифов сохранялись представления о царе как посреднике между людьми и богами, как земном наместнике бога, от духовных и физических сил которого зависит плодородие земли и процветание народа. Круг этих представлений о сакральной роли царя засвидетельствован большим количеством текстов, отражающих индоиранскую традицию, и восходит к индоевропейской эпохе, что документируется общеиндоевропейским единством

---

[98] *Кузьмина Е. Е.* Роль царицы в обществе скифов.— В сб.: VIII Всесоюзная авторско-читательская конференция ВДИ. Тезисы докладов. М., 1981, с. 46—47.

[99] *Акишев А. К.* Идеология саков Семиречья.— КСИА, 1978, вып. 154, с. 39—47; *он же.* Искусство и идеология саков Семиречья, с. 13—17; *Акишев А. К.* Происхождение и семантика иссыкского головного убора. Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980, с. 14—31.

[100] *Кузьмина.* Роль царицы...; *Кузьмина Е. Е., Сарианиди В. И.* Два парадных головных убора из Тилля-тепе и их семантика.— КСИА, вып. 170, 1982, с. 19—27.

ритуалов царского культа и терминов, связанных с царской властью [101], засвидетельствованных и у скифов [102].

В свете этих данных крайне наивными выглядят рассуждения Э. Фаркаш о «демократизме» скифского общества и искусства [103]. Они противоречат не только индоевропейским и индоиранским свидетельствам, но и прямым указаниям Геродота о роли и культе царей у скифов.

Таким образом, для реконструкции мировоззрения и социальной структуры общества населения евразийских степей в VII—IV вв. до н. э. весьма существенно изучение семантики произведений изобразительного творчества скифов. Важнейшие задачи дальнейшего исследования скифского искусства — раскрытие содержания его образов путем последовательного применения анализа на общемифологическом, индоевропейском, индоиранском и собственно скифском уровнях и совершенствование самого метода этого анализа.

Е. Е. Кузьмина

AN EXPERIMENT IN INTERPRETING THE MONUMENTS OF SCYTHIAN REPRESENTATIONAL ART

Ye. Ye. Kuz'mina

Reconstruction of the ideological notions of the Scythians, when consistently conducted at four levels—Scythian proper, Indo-Iranian, Indo-European and universal-mythological (see *VDI* 1983, 1, 95—105)—makes it possible to explain certain peculiarities of Scythian art and to decipher the semantics of individual figures and whole compositions. The characteristic use in Scythian art of representational blocks and invariant elements corresponds to the representational approach inherent in mythological and folklore texts: the use of settled formulas, word patterns and epithets. The predominance of zoomorphic figures in the art of the animal style is causally connected with the zoomorphic symbolism in the thought of the Indo-Iranians (and of the Indo-Europeans) and is perhaps also connected with the zoomorphic transformations of mythological personages and of gods in myths. On the basis of semantic analysis of the images in Scythian art (for instance the scenes of struggle between two horses, or a predator rending a hoofed animal) the author succeeds in reconstructing several Scythian mythological tales and personages which are not mentioned in the literary sources on the Scythians but find their explanation at the Indo-Iranian or Indo-European levels. Compositional analysis of Scythian art enables the author to reconstruct the Scythian cosmological model and at the same time to reach important conclusions touching the sacral role of the king and queen in Scythian society.

---

[101] *Güntert H.* Der arische Weltkönig und Heiland. Halle, 1923; *Lommel H.* Der arische Kriegsgott. Frankfurt, 1939; *Dumont L.* Homo hierarchicus. P., 1966; *Dumézil G.* Aspects de la fonction guerrière chez les indo-européens. P., 1956; *Widengren.* The Sacral Kingship of Iran.

[102] *Грантовский.* Индо-иранские касты...; *Dumézil G.* La préhistoire indo-iranienne de castes.— JA, 1930, 1, p. 109—130.

[103] *Farkas.* Op. cit., p. 137.

ПРОИЗВОДСТВО АМФОР В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОМ ХЕРСОНЕСЕ

Амфоры эллинистического Херсонеса изучены, пожалуй, лучше другой керамической продукции причерноморских центров. Особенно это касается керамических клейм, целых форм тары и стандартов емкости [1]. В то же время вопросы, связанные с организацией производства этого массового вида продукции херсонесских мастерских, освещены явно недостаточно.

Важность и перспективность выяснения всех этапов амфорного производства вряд ли у кого вызовут возражения. Конкретные же направления исследования намечены и апробированы в ряде работ последних десятилетий по керамическому производству различных древних обществ и заключаются в скрупулезном системном анализе остатков гончарных производств при широком привлечении этнографических наблюдений [2]. Особый интерес представляют даже не столько целые сосуды, сколько массовый керамический материал из культурных слоев археологических памятников.

Для изучения херсонесского гончарства к настоящему времени накоплено достаточно материала, и стало возможным сделать репрезентативные выводы относительно таких разделов амфорного производства, как сырьевая база, методика обработки сырья, приемы конструирования и формообразования тары, технология сушки и обжига, объем производства, его динамика и др. Структуру такого исследования целесообразно выдерживать в соответствии с естественной последовательностью ступеней керамического производства, начиная анализ с характеристики сырьевой базы и заканчивая обжигом и организацией работы мастерских.

В литературе имеется несколько мнений о сырьевой базе керамического производства Херсонеса. Р. Б. Ахмеров пишет о трех источниках глины: из устья Бельбека, из окрестностей Балаклавы и с северной стороны Севастополя [3]. В. И. Кадеев и В. В. Борисова считают, что использовалось два месторождения — в устье Бельбека и вблизи Херсонесского городища, в отложениях Девичьей горы [4].

Окрестности Балаклавы как возможный источник сырья, скорее всего, отпадают. В эллинистический период этот район находился вне пределов непосредственной экономической эксплуатации города. По крайней мере использование его сырьевых ресурсов фиксируется не ранее римского времени [5].

---

[1] *Ахмеров Р. Б.* Обзор керамических мастерских эллинистического Херсонеса.— ВДИ, 1946, № 2; *он же.* Амфоры древнегреческого Херсонеса.— ВДИ, 1947, № 1; *он же.* О клеймах керамических мастеров эллинистического Херсонеса.— ВДИ, 1951, № 3; *Борисова В. В.* Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор.— НЭ, XI, М., 1974; *Михлин Б. Ю.* К изучению херсонесских керамических клейм.— ВДИ, 1979, № 2; *Кац В. И.* Уточненный список имен магистратов, контролировавших керамическое производство в Херсонесе Таврическом.— ВДИ, 1979, № 3; *Николаенко Г. М.* О стандартах емкости эллинистического Херсонеса.— ВДИ, 1978, № 3; *Монахов С. Ю.* Еще раз о стандартах емкости амфор эллинистического Херсонеса.— ВДИ, 1980, № 4 и др.

[2] *Stevens G. P.* A Tile Standard in the Agora of Ancient Athens.— Hesperia, XIX, № 3, 1950; *Воробьева М. Г.* Керамика Хорезма античного периода.— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. IV. М., 1959; *Roberts I. P.* Determination of the Firing Temperature of Ancient Ceramics by Measurement of Thermal Expansion.— Archaeometry, 6, 1963; *Noble I. V.* The Techniques of Painted Attic Pottery. N. Y., 1965; *Rottländer R. G.* Standardization of Roman provincial Pottery III.— Archaeometry, 12, II, 1970; *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. М., 1978.

[3] *Ахмеров.* Амфоры..., с. 174 сл.

[4] *Кадеев В. И.* Очерки истории экономики Херсонеса Таврического I—IV вв. Харьков, 1970, с. 79; *Борисова.* Ук соч., с. 101.

[5] *Бертье-Делагард А. Л.* О Херсонесе.— ИАК, 21, 1907, с. 92, прим. 1; *Соломоник Э. И.* Несколько неизданных надписей Херсонеса и его округи.— НЭ, XI, 1974, с. 36.

Отложения глин в устье Бельбека представляют собой удобный для разработки массив береговых обрывов высотой в 10—20 м, протянувшийся от с. Учкуевка до устья р. Альмы. Месторождение находится в пределах прямой видимости с Херсонесского городища. Благоприятны и условия транспортировки сырья морем. В начале века Н. М. Печенкиным здесь выявлены остатки керамического производства, датируемые первыми веками нашей эры [6]. Работами последних лет в этом районе также отмечаются следы гончарного производства в периоды поздней античности и средневековья. Следует, правда, заметить, что пока не ясно, кому принадлежали эти производственные комплексы — Херсонесу или какому-то другому центру в Юго-Западном Крыму. Эллинистические материалы в окрестностях глинищ пока не обнаружены.

Качество глин из отложений в устье Бельбека удовлетворяет требованиям производства, особенно нижняя часть напластований, сложенная желтыми карбонатными глинами хорошего качества. В настоящий момент эти пласты большей частью выклиниваются, уходят в глубину. Однако в период фанагорийской регрессии, приходящейся на античное время, уровень моря был значительно ниже современного [7]. Естественно, данные пласты глины были более доступны и, видимо, мощнее.

Не такие мощные, но высококачественные источники сырья имеются в непосредственной близости от города. В античный период разрабатывались, видимо, отложения глины в Карантинной и Песочной балках [8]. Наиболее мощный, полуметровый пласт желтой глины с мелкими естественными включениями известняка сейчас находится на уровне моря. Образцы этой глины были обожжены при температурах от 700 до 1100° С. По визуальным показателям экспериментальные образцы дают ту же структуру и цветовую характеристику, что и черепки херсонесской керамики [9]. По своей хорошей пластичности и равномерной усадке при сушке и обжиге глина из нижних слоев напластований в районе Херсонесского городища вполне пригодна для гончарного производства.

Что же касается предположения Р. Б. Ахмерова о существовании гончарного производства на северной стороне Севастополя, то оно остается пока не доказанным. Основой для него послужило краткое сообщение И. Махова о следах керамической мастерской в этом районе [10]. Однако кроме 30 клейменых ручек и обломков амфор здесь не было найдено никаких других следов ремесленного производства или разработок сырья. Весьма вероятно, что И. Маховым были обнаружены остатки эллинистического поселения.

Таким образом, с точки зрения качества сырья и рентабельности его разработки наиболее удобными и перспективными в эллинистический период могли быть два месторождения глины. Первое из них находилось в Карантинной и Песочной балках, сразу за стенами города. Хотя глина здесь не залегает на поверхности, ее добыча была, видимо, выгодна из-за близости карьеров. Примечательно размещение производственного керамического центра возле устья Карантинной балки, где начиная с античности до средневековья существовал еще один производственный центр [11].

---

[6] *Печенкин Н. М.* Отчет о раскопках, произведенных летом 1903 года на северной стороне Севастополя и на реке Бельбек.— Архив ЛОИА, ф. 1, д. 109, л. 16 сл.; *он же.* Раскопки в окрестностях Севастополя.— ИТУАК, 38, 1905, с. 30.

[7] *Шилик К. К.* Изменения уровня Черного моря в позднем голоцене: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. геогр. наук. Л., 1975, с. 12.

[8] Эти слои мощностью в 20—30 см каждый чередуются с пластами рыхлых известняков и хорошо видны в обрывах берегов названных бухт и северного берега городища.

[9] Керны с образцами глин и геологический разрез Песочной балки были любезно предоставлены В. В. Глазуновым.

[10] *Махов И.* Амфорные ручки Херсонеса Таврического с именами астиномов.— ИТУАК, 48, 1912, с. 154, прим. 1.

[11] *Борисова В. В.* Средневековая гончарная печь.— СХМ, 1, 1960; *Якобсон А. Л.* Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. Эллинистическая обжигательная печь в Песочной балке была обнаружена в 1977 г. С. Г. Рыжовым.

Создается впечатление, что мастерские создавались рядом с выходами сырья в окрестных балках. Хотя ярко выраженные выработки глины в этих местах не обнаружены, однако можно предполагать, что в римское время старые карьеры были использованы при сооружении склепов. Разработка второго месторождения в устье Бельбека позволяла организовать дешевый и регулярный подвоз сырья морем. Прямых данных, говорящих о выносе гончарного производства эллинистического Херсонеса непосредственно к последнему источнику сырья, как это было в средневековье, пока не имеется.

Археологические материалы мало освещают технологию обработки сырья. Определенно известно только то, что в греческом ремесле в отличие от гончарств других эпох утвердился взгляд на глину как на единственное исходное сырье для производства керамики [12]. Можно предполагать, что приемы обработки глины мало отличались от тех, что использовались в производствах, зафиксированных этнографией [13]. Судя по небольшим площадям херсонесских керамических мастерских, первичная обработка глины — вылеживание, естественное выветривание и др.— могла производиться на месте добычи. Обнаруженная в 1958 г. в мастерской у оборонительной стены гряда глины протяженностью до 7—9 м и мощностью 0,5 м [14] по предварительным подсчетам содержала не более 2—3 куб. м сырья. Уже по небольшому объему можно предполагать, что это сырье, подготовленное к производству.

Обработка глиняного сырья, в частности размачивание и разминание, осуществлялась в специальных ямах-бассейнах, находившихся непосредственно в керамических мастерских. Одна такая яма эллинистического времени обнаружена в Херсонесе в 1900 г.[15] Она имеет размеры 3,9 × × 3,0 × 1,9 м и могла вместить около 22 куб. м сырья, смешанного с водой. Если учесть, что для получения формовочной массы соотношение глины и воды может колебаться от 3 : 1 до 2 : 1, то в эту яму можно было засыпать 11—15 куб. м сухой глины. Видимо, этот объем сырья был рассчитан на один производственный цикл мастерской. Подобная же яма в комплексе с гончарной печью более позднего времени обнаружена в 1905 г.[16] Весьма вероятно, что встречавшиеся вырубы в скале [17] также служили для разминания глины ногами. Для большей вместимости стенки таких ям можно было нарастить с помощью досок [18].

В тесте херсонесских изделий визуально фиксируются даже отощающие примеси. Р. Б. Ахмеров в свое время отмечал песок [19]. Небольшая серия оптико-петрографических анализов, проведенная В. И. Кадеевым и С. И. Шуменко, позволяет говорить о таких отощителях, как плагиоклазы, обломки эффузивов, пироксен, шамот [20]. Аналогичный анализ глин херсонесских клейменых амфор, проведенный в ЛОИА АН СССР, показал, что, несмотря на отличия между различными образцами, основными ком-

См. *Золотарев М. И.* Керамические клейма из раскопок в портовом районе Херсонеса.— В кн.: Античный и средневековый город. Свердловск, 1981, с. 111.

[12] *Бобринский.* Гончарство..., с. 67.

[13] *Иванов-Даль И. П.* Гончарное дело. М., 1927, с. 14, 33 сл; *Пещерева Е. М.* Гончарное производство Средней Азии.— Труды Института этнографии АН СССР, т. XLII, М.— Л., 1959, с. 22, 25 сл.

[14] *Гилевич А. М.* Раскопки участка перибола у 17 куртины оборонительных стен Херсонеса.— СХМ, 1, 1960, с. 25.

[15] *Косцюшко-Валюжинич К. К.* Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1900 г.— ИАК, 2, 1902, с. 22.

[16] *Он же.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г.— ИАК, 25, 1907, с. 159.

[17] *Ахмеров.* Обзор..., с. 188.

[18] *Бобринский А. А., Гусаков М. Г.* Реконструкция гончарной печи IV—VI вв.— СА, 1973, № 1, с. 152.

[19] *Ахмеров.* Амфоры..., с 175.

[20] *Кадеев В. И.* Ремесла и промыслы Херсонеса Таврического в I—IV вв. н. э.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук, Харьков, 1963, с. 11; *Кадеев В. И., Шуменко С. И.* Некоторые результаты петрографических исследований античной керамики из Херсонеса.— ЗОАО, II (35), 1967, с. 275.

Рис. 1. Образец стенки амфоры

понентами отощителя служили кварц и плагиоклаз [21]. Кварц доминирует и в отощителе боспорской керамики [22]. Кроме отощающих свойств он, как хорошо известно гончарам, значительно повышает прочность и водонепроницаемость изделия [23]. Несмотря на отсутствие месторождений кварца в окрестностях Херсонеса, потребность в нем, видимо, была настолько велика, то его приходилось импортировать. Существование дальних перевозок сырья неоднократно фиксировалось этнографически [24]. Имеется и прямое археологическое свидетельство. Пироксен, широко применявшийся в херсонесском керамическом производстве и неизвестный в естественных выходах в Западном Крыму, был обнаружен во вторичном использовании в насыпи кургана № 46 некрополя Панское-1. В данном случае важны сам факт импорта сырья и то любопытное обстоятельство, что при изготовлении местной лепной керамики пироксен не вносился в глину, а сведений о существовании гончарного производства на поселении Панское-1 пока нет.

Характерная особенность всей херсонесской керамики — наличие известняка в тесте. Иногда встречаются образцы со вздутиями, деформацией и даже разрывами стенок (рис. 1), что, по мнению специалистов, бывает в тех случаях, когда частицы известняка в диаметре превышают 0,5—1,0 мм[25]. При температуре более 300° С известняк превращается в окись кальция, а последняя при поглощении влаги из воздуха — в гидроокись кальция, которая и деформирует изделие [26].

В глинах из Песочной и Карантинной балок известняковые включения служат естественной примесью, о чем свидетельствуют обожженные экспериментальные образцы. Видимо, насыщенность херсонесских глин известняком не требовала внесения искусственных флюсов. При этом проявлялся и побочный эффект — в зависимости от содержания известняка черепок изделия принимал более светлые оттенки [27].

Техника и приемы формовки амфор остаются одним из самых слабоизученных вопросов, в первую очередь из-за ограниченности источников информации. Из материалов вазописи наиболее известен рисунок на чернофигурной гидрии с изображением керамической мастерской [28]. Особенно важен тот фрагмент композиции, где показан процесс формовки крупного сосуда. Гончарный круг приводится в движение учеником. Стоящий по другую сторону мастер путем вытягивания формует верхнюю часть тулова. Такое разделение труда было необходимым условием производства

---

[21] С неопубликованными материалами исследования А. Н. Щеглова и Н. Б. Селивановой меня любезно ознакомил А. Н. Щеглов.

[22] *Круг О. Ю., Четвериков С. Д.* Опыт применения петрографических методов к изучению керамики Боспорского царства.— СА, 1961, № 3, с. 40.

[23] *Петрунь В. Ф.* К методике изучения петрографии строительного камня античных городов Северного Причерноморья.— КСИА, 109, 1967, с. 149 сл.

[24] *Бобринский.* Гончарство..., с. 76.

[25] *Чикильдин С. А.* Украшение гончарных изделий ангобами. М., 1948, с. 7.

[26] *Noble.* Op. cit., p. 83.

[27] *Гражданкина Н. С.* Методика химико-технологического исследования древней керамики.— МИА, 129, 1965, с. 156; *Чикильдин.* Ук. соч., с. 7.

[28] *Блаватский В. Д.* История античной расписной керамики. М., 1953, с. 23; *Singer C. I.* A History of Technology. Oxf., 1955, p. 261, fig. 235; *Noble.* Op. cit., p. 131, fig. 78.

больших сосудов, в том числе, видимо, и амфор [29], потому, что более совершенный ножной гончарный круг грекам не был известен вплоть до первых веков нашей эры [30]. Мелкие же изделия мастер мог изготавливать и в одиночку, одной рукой вращая круг, а другой формуя изделие, как, например, это изображено на одной из коринфских табличек [31]. Греческий ручной гончарный круг хорошо реконструируется по изображениям, в том числе на фасосском амфорном клейме [32], и благодаря находке мраморного диска эллинистического круга на Роксоланском городище [33].

В упомянутом рисунке на гидрии вызывают интерес еще две детали. Висящие над учеником ремни, возможно, являются теми эталонами основных размеров изготавливаемого сосуда, которые гончар постоянно использовал для проверки пропорций своего изделия. Примечательно и то, что в этой мастерской наряду с высокохудожественной парадной посудой, которую расписывает один из мастеров, изготавливается и тара для перевозки и хранения запасов [34].

Давно известно, что сосуды больших размеров и сложной формы формовались по частям [35]. Тем не менее до недавнего времени считалось, что эллинистические амфоры вытягивались из одного куска, точно так же как и кувшины [36]. Способ же составления сосудов из отдельных частей-заготовок относили только к художественной расписной керамике [37]. В частности, высказано мнение, что расписные амфоры составлялись из тулова, отформованного в форме наподобие мегарских чаш, и отдельно изготовленных горла и ножки [38].

Первое документальное свидетельство применения техники сборки амфор из отдельных частей представлено И. В. Яценко в публикации херсонесской амфоры с клеймом астинома Героксена. Тулово ее состоит из двух частей, изготовленных отдельно. Нижний край верхней части тулова по всей окружности оформлен в виде тщательно выполненной ложбинки, а нижняя часть по краю обточена в виде валика. В одно целое части амфоры, по мнению И. В. Яценко, собирались с помощью жидкой глины после просушки [39].

В ходе многолетнего эксперимента по изучению и реконструкции крупного комплекса керамической тары, проводимого на базе Тарханкутской экспедиции ЛОИА АН СССР, удалось более детально разобраться в технике производства амфор. Как выяснилось, при изготовлении остродонных амфор использовалась выделенная А. А. Бобринским емкостно-донная программа начинов [40], предполагающая сочетание спирально-жгутового налепа с частичным вытягиванием. Вытягивание пальцами применялось чаще всего при оформлении горла. При этом на внутренней поверхности изделия остаются бороздки с плавными очертаниями (рис. 2, *1*). Иногда использовался деревянный скребок, оставляющий бороздки с угловатыми очертаниями (рис. 2, *2*) [41].

---

[29] *Walters H. B.* History of Ancient Pottery. L., 1905, p. 208; *Cloche P.* Les classes, les métiers, le trafic. P., 1931, p. 42.

[30] *Кадеев.* Ремесла..., с. 12; *Бобринский А. А., Мельниковская О. Н.* Гончарный круг у населения юхновской культуры.— СА, 1977, № 2, с. 174.

[31] *Блаватский.* Ук. соч., рис. на с. 23.

[32] *Bon A.-M.* et *Bon A.* Les timbres amphoriques de Thasos.— Etudes thasiennes, v. IV, P., 1957, p. 16, fig. 1.

[33] *Бобринский А. А.* Гончарный круг с мраморным диском из городища Роксоланы.— СА, 1966, № 3, с. 235 сл.

[34] *Beazley J. D.* Potter and Painter in Ancient Greece. L., p. 6.

[35] *Иванов-Даль.* Ук. соч., с. 56 сл.; *Воробьева.* Ук. соч., с. 184 сл.

[36] *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора.— МИА, 83, 1960, с. 124.

[37] *Блаватский.* Ук. соч., с. 30.

[38] *Максимова М. И.* Обработка изделий. Керамика.— В кн.: Эллинистическая техника. М.— Л., 1948, с. 225 сл.

[39] *Яценко И. В.* Херсонесская амфора с клеймом астинома Героксена.— В кн.: Новое в археологии. М., 1972, с. 73, рис. 3.

[40] *Бобринский.* Гончарство..., с. 115 сл.

[41] Там же, с. 209.

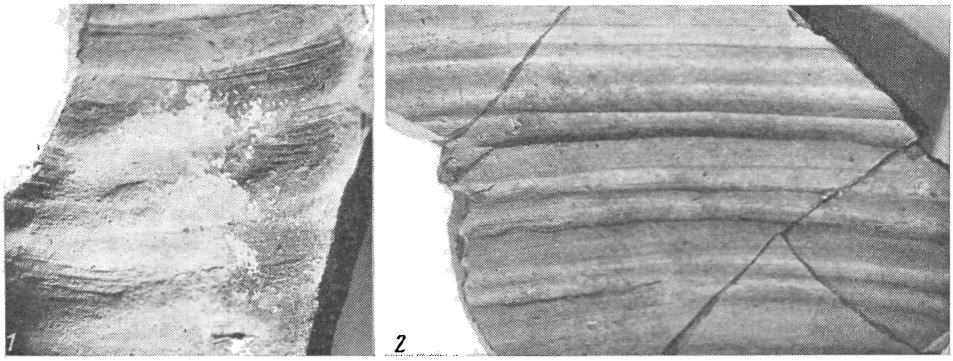


Рис. 2. Образцы частей амфоры со следами вытягивания пальцами (*1*) и скребком (*2*)

Установлено, что херсонесские амфоры собирались не из двух, как предполагала И. В. Яценко, а из трех-четырех отдельно изготовленных частей. Помимо стыка двух блоков тулова были выявлены места соединения горла с плечом (рис. 3) [42] и плеча с туловом по линии наибольшего диаметра (рис. 4). Прекрасно иллюстрирует данную методику сборки сосудов тот несомненный факт, что амфоры часто имели своеобразные пояса, хорошо заметные при склейке (рис. 5) [43]. При внимательном анализе выявляется еще одна деталь — линии раскола на местах соединения отдельных частей тулова проходят не по горизонтали, а по пологой спирали, опускаясь против часовой стрелки. Причина, видимо, в том, что при спирально-жгутовом налепе формовка стенок также происходила по пологой спирали, причем, как можно заметить на примере рис. 5, гончарный круг вращался против часовой стрелки. Удалось установить и примерную толщину глиняного жгута. Судя по ряду образцов, где внешняя поверхность амфор не столь тщательно заглажена, в среднем такой жгут имел поперечное сечение около 2 см.

Система стыковки отдельно изготовленных частей амфор была различной. Описанный И. В. Яценко прием сборки «валик на желобок» (рис. 6, *2*) использовался довольно широко. Сейчас он практикуется в Средиземноморье при изготовлении крупной посуды и тары [44]. Однако гораздо чаще на фрагментах амфор прослеживается другой прием. Края отдельных частей срезались под углом и накладывались друг на друга (рис. 6, *1*). Место соединения промазывалось свежей глиной. Таким же образом стыковались части крупных сосудов в античном Хорезме [45].

Последовательность изготовления частей амфоры выявляется достаточно надежно. Видимо, как это и сейчас практикуется у средиземноморских гончаров, мастер начинал формовать тулово или нижнюю часть тулова [46]. Отличие заключается в том, что тулово остродонной амфоры формовалось в перевернутом виде — начинали с наибольшего диаметра и постепенно сужали тело к днищу. Дно не завершалось, оставлялось отверстие такого размера, чтобы внутрь могла войти рука. Весьма вероятно, что гончар изготавливал подряд целую серию одинаковых частей амфор. Далее конструирование шло снизу вверх. Изготавливалось плечо,

---

[42] Таким образом, нашла подтверждение гипотеза Р. Б. Ахмерова (Амфоры..., с. 174), отвергнутая И. В. Яценко.

[43] На этот факт обратил наше внимание А. Н. Щеглов.

[44] *Hampe R., Winter A.* Bei Töpfern und Töpferinnen in Kreta, Messenien und Zypern. Mainz, 1962, S. 21, Abb. 23; *eidem.* Bei Töpfern und Zieglern in Süditalien, Sizilien und Griechenland. Mainz, 1965, Abb. 5, Taf. 4, 44, 46.

[45] *Воробьева.* Ук. соч., с. 184, рис. 40, *1*.

[46] *Hampe, Winter.* Op. cit., 1965, S. 7 ff., Abb. 5, Taf. 3.

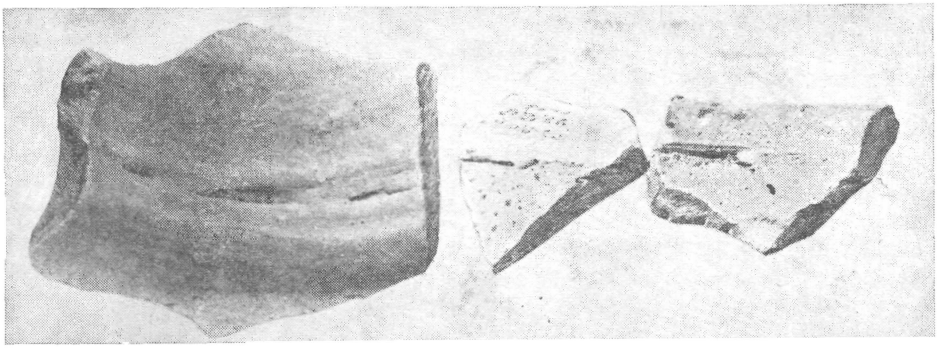


Рис. 3

Рис. 3. Образцы со следами соединения горла с плечом

Рис. 4. Образец со следами соединения плеча с туловом

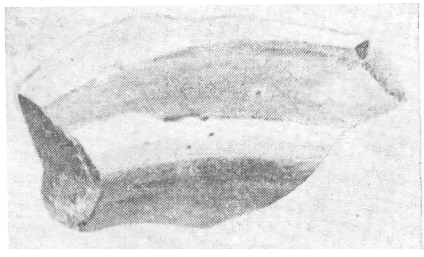


Рис. 4

затем горло. В такой последовательности было легче проконтролировать точность соблюдения необходимых диаметров.

Прослежен способ оформления венчиков. При изготовлении горла мастер отворачивал наружу часть устья и примазывал этот край к внешней стороне горла, формуя нужный профиль (рис. 7, *1*). Иногда в центре венчика оставалась пустота (рис. 7, *2*). Точно такой же прием используют современные гончары [47].

Сборка частей сосуда в одно целое производилась после непродолжительной воздушной просушки, когда стенки изделия затвердеют. Обычно готовые части оставляли сохнуть на ночь, прикрыв места будущих стыков влажной тряпкой [48]. Такая предосторожность позволяла при сборке несколько исправить возможные ошибки в размерах. Показателем того, что такие ошибки имели место, служит довольно часто встречающаяся на херсонесских амфорах перекошенность тулова.

Части амфоры собирались в обратной последовательности по отношению к схеме формовки. Первоначально на круге венцом вниз ставилось горло. К нему присоединялось плечо и, наконец, тулово или части тулова одно за другим. О такой последовательности свидетельствует ряд фрагментов амфор со следами стыков частей (рис. 3, 4). Отверстие в нижней части тулова позволяло руке проникнуть внутрь и промазать швы. После этого гончар в спирально-жгутовой технике начинал оформлять днище, постепенно закрывая отверстие. Жгуты глины сглаживались с обеих сторон до тех пор, пока это было возможно. Остающееся маленькое отверстие залеплялось комом глины, и днище заглаживалось (рис. 8, *2*). Иногда этот ком глины обжимался и закручивался, в результате чего на внутренней поверхности днища наряду с выпуклыми комками глины образовывались складки и неровности (рис. 8, *1*) [49]. Таким об-

[47] Ibid., S. 111, Abb. 106.
[48] *Пещерева.* Ук. соч., с. 141.
[49] *Зеест.* Ук. соч., с. 124, рис. 6, 7.

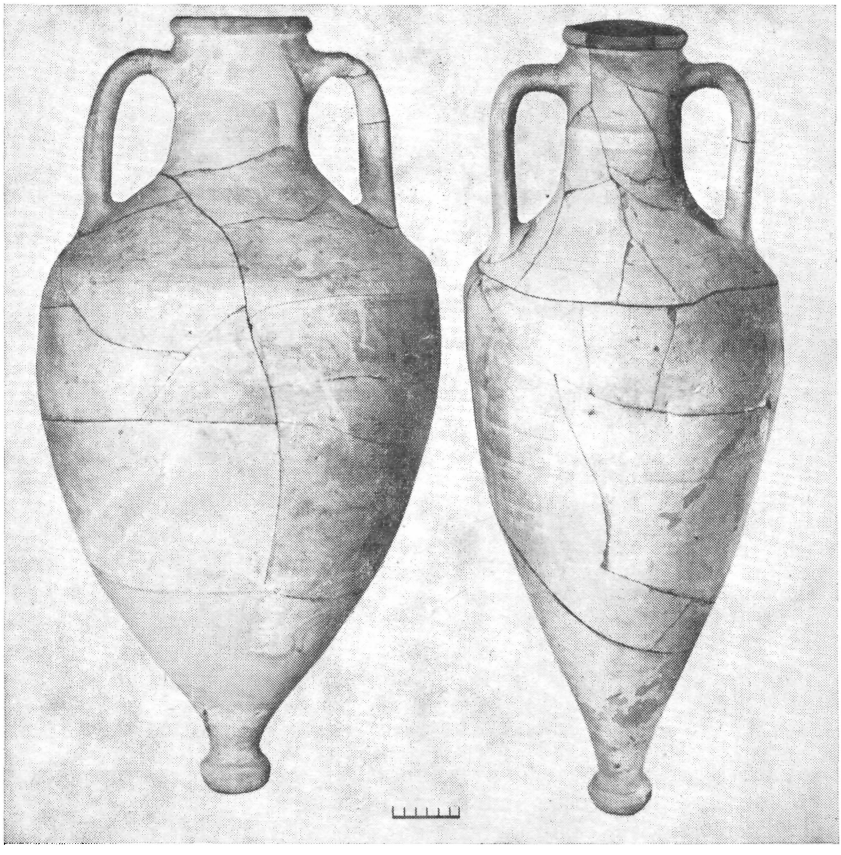


Рис. 5. Херсонесские амфоры, разбившиеся по местам соединения отдельных частей

разом было сформовано днище амфоры, опубликованной И. В. Яценко [50]. Отмеченный для позднеантичных амфор прием, когда такое отверстие затыкалось не комом сырой глины, а заранее изготовленной и просушенной глиняной пробкой [51], на амфорном материале эллинистического Херсонеса не прослеживается.

В собранном виде тело амфоры, видимо, подвергалось некоторой сушке, может быть в течение ночи. Об этом свидетельствуют многочисленные сколы днищ амфор Херсонеса, на которых видно, что ножки формовались на уже подсушенном днище (рис. 8, *2*; 9). Способы изготовления и прикрепления ножек были довольно многообразны и во многом зависели от формы. На материале разных центров они подробно описаны И. Б. Зеест. Некоторые из этих способов применялись херсонесскими гончарами. Чаще всего на днище налеплялся большой ком глины, из которого с помощью вращательных движений гончарного круга изготавливалась ножка с утолщением (рис. 9, 10). Есть единичные экземпляры, у которых утолщение ножки сделано из глины, отличающейся от глиняной массы самого изделия. Другой способ характерен для малых херсонесских амфор, на обломках которых пока не выявлены следы предварительной просушки днищ. Их ножки скорее всего оформлялись вместе с завершением дна.

---

[50] *Яценко.* Ук. соч., с. 74.
[51] *Зеест.* Ук. соч., с. 126, рис. 13.

Рис. 6. Схема соединения отдельных частей амфоры. *1* — под углом, *2* — желобок на валик (по И. В. Яценко)

Рис. 7. Прием оформления венчика амфоры. *1* — схема формовки, *2* — образец со следами отгиба верхней части горла

Рис. 6

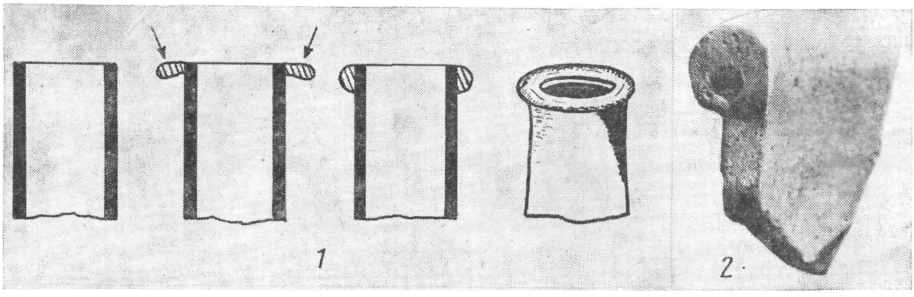


Рис. 7

Ручки крепились к сосуду в последнюю очередь [52]. Часто встречающиеся случаи эллипсовидности горла, сжатого со стороны ручек, свидетельствуют, что последние присоединялись сразу после завершения полного профиля, до окончательной сушки изделия. Ручки изготавливались из толстых жгутов глины, которые раскатывались на столе и затем в профиле им придавалась эллипсовидная форма. При раскатывании жгута внутри иногда образуются пустоты, похожие на пустоты в венчике (рис. 11). Концы ручек расплющивались в лепешку, иногда с небольшим углублением в центре (рис. 12, 13, *1*) [53]. На основании нижнего прилепа, как правило, делалась вмятина большим пальцем. Отсутствие таких пальцевых вмятин на внутренней стороне плеч эллинистических амфор является еще одним свидетельством в пользу того, что ручки крепились к сосуду после его полной сборки. Узкое горло этих амфор не позволяло руке проникнуть внутрь вместилища для встречного нажима на нижнее основание ручки. Такие двойные пальцевые вдавлины с наружной и внутренней стороны плеча встречаются только на широкогорлых амфорах первых веков нашей эры.

Верхний прилеп оформлялся иначе. Иногда на горле в месте прилепа делались один или несколько желобков, увеличивающих площадь сцепления (рис. 13, *2*). В Средней Азии вместо желобков делали многочисленные ногтевые вдавлины [54]. Расплющенный конец ручки плотно прижимался, и излишки глины плавно размазывались по горлу. При этом рукой мастер мог давить на место прилепа изнутри горла (рис. 14).

Описанные выше приемы изготовления амфор варьировались в зависимости от того, какой сосуд производился. В Херсонесе при многообразии его керамической тары приемы формовки должны были применяться дифференцированно по отношению к конкретным изделиям. Такую специфику выявить очень сложно, тем более на фрагментированном материале, когда бывает трудно соотнести обломок с конкретной формой сосуда. И все

[52] *Walters.* Op. cit., p. 208; *Cloche.* Op. cit., p. 42; *Воробьева.* Ук. соч., с. 186; *Hampe, Winter.* Op. cit., 1965, S. 8, 12, Abb. 5, 9; *Кадеев.* Очерки..., с. 112; *Яценко.* Ук. соч., с. 75; *Бобринский.* Гончарство..., рис. 25, *10*.

[53] *Воробьева.* Ук. соч., с. 186. рис. 40, *3*.

[54] Там же.

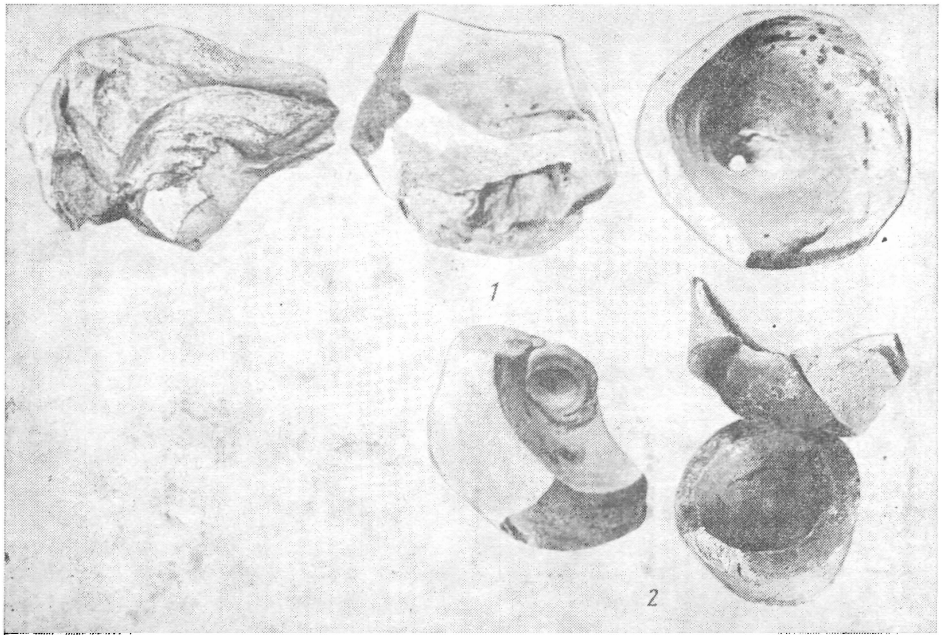


Рис. 8. Образцы со следами обжимания и закручивания нижней части днища (*1*) и залепливания отверстия в днище глиняной пробкой (*2*)

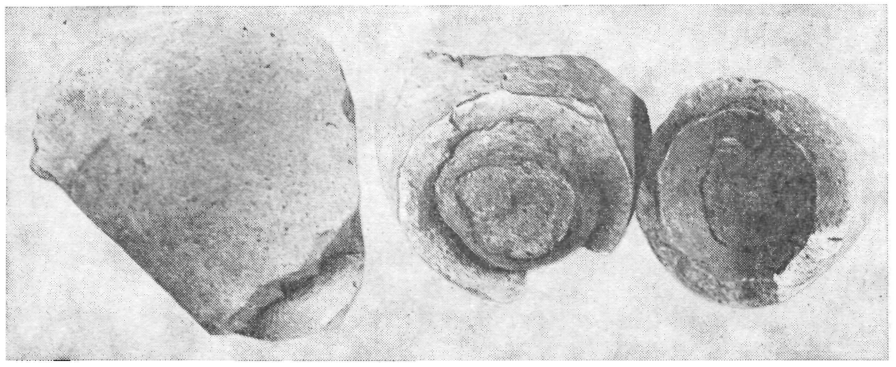


Рис. 9. Образцы днищ амфор со следами вторичного налепа глины для оформления ножки

же достаточно определенно можно предполагать, что большие херсонесские амфоры емкостью в 4, 5 и 6 гемигектов, или соответственно около 17, 22 и 26 литров [55], собирались, как минимум, из трех-четырех частей. Для малых форм херсонесской тары (1, 2, 3 гемигекта), видимо, использовался прием составления сосуда из двух частей [56]. В этом случае целиком формовалось горло с плечами (рис. 15). Возможно, с последним связана подмеченная закономерность — стенки малых амфор, как правило, большей толщины, чем у крупной тары.

Приемы формовки, конечно же, зависели и от специфики производства в разных мастерских, где могли доминировать свои собственные или при-

[55] *Монахов.* Еще раз о стандартах..., табл. III.

[56] *Он же.* Производство амфор в эллинистическом Херсонесе.— В кн.: Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо, 1982, с. 71.

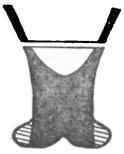


Рис. 10. Схема формовки днища и ножки

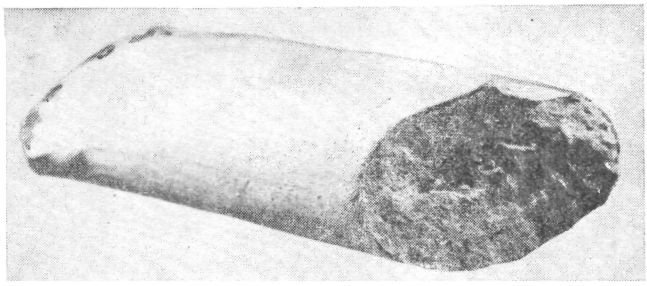


Рис. 11. Образец ручки со следами раскатывания жгута на столе

внесенные из других центров традиции. Определенные коррективы вносило время, хотя в эпоху эллинизма в технике формовки не было столь значительных изменений, как в первые века нашей эры.

Одной из последних операций, не носившей обязательного характера, было клеймение. На том основании, что на самих клеймах нет характерных следов деформации просохшего верхнего слоя глины, можно заключить, что тара клеймилась непосредственно после прилепа ручек, когда само тело сосуда достаточно закрепилось в результате предварительной просушки отдельных частей. Техника клеймения херсонесских амфор частично реконструируется. По крайней мере в отношении желобчатых клейм можно предполагать, что штампы для их оттискивания изготавливались из подсобного материала — обломков амфорных ручек [57].

После клеймения завершенные изделия подвергались полной воздушной просушке для удаления воды, находящейся в механической смеси с глиной [58]. Для разных категорий сосудов время воздушного высушивания разнится от четырех дней до двух недель [59]. Масса амфоры такова, что для ее высушивания достаточно 7—10 дней. В зимний период сушка обычно проводится в закрытом помещении [60]. Таковым, видимо, можно считать помещение «Б» первой мастерской, обнаруженной в 1955—1957 гг.[61] В летнее время использовались несложные укрытия типа навесов для защиты от солнца и сильных сквозняков [62]. Существование таких навесов можно предполагать в херсонесских мастерских, где зафиксированы вырубы в скале [63], скорее всего служившие для установки столбовой конструкции.

Традиционной точкой зрения, что эти углубления использовались для установки амфор, приготовленных к обжигу, противоречит ряд обстоятельств. Само число таких вырубов относительно невелико. Например, в мастерской, исследованной в 1900 г., обнаружено 18 углублений, сосредоточенных тремя группами. 18 сосудов, конечно, не исчерпывают полную загрузку печи, вмещавшей несколько десятков амфор. Кроме того, размер углублений (0,45—0,65 м в диаметре) намного превышает диаметр тулова херсонесских амфор. Возможно, что такие ямы предназ-

[57] *Он же.* О штампах для клеймения херсонесских амфор.— СА, 1981, № 2.

[58] *Лукас А.* Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958, с. 554.

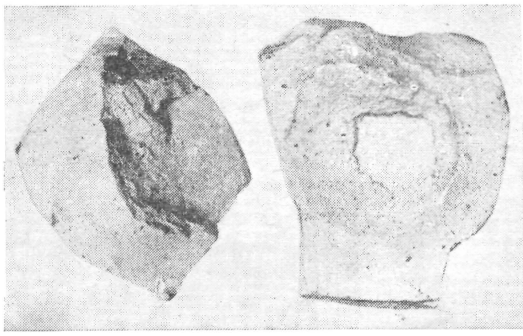
[59] *Пещерева.* Ук. соч., с. 29, 160; *Домбровский О. И.* Керамическая печь на скифском городище «Красное».— В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957, с. 209.

[60] *Чикильдин.* Ук. соч., с. 12.

[61] Керамическое производство и античные керамические строительные материалы.— САИ, ГІ-20, М., 1966, с. 16.

[62] *Зарецкий И. А.* Гончарный промысел в Полтавской губернии. Полтава, 1891, с. 65; *Иванов-Даль.* Ук. соч., с. 69.

[63] *Косцюшко-Валюжинич.* Извлечение..., с. 22; Керамическое производство..., с. 16.



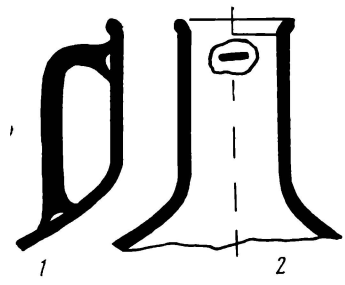


Рис. 12. Образцы нижнего прилепа ручек

Рис. 13. Схема прилепа ручки. *1* — концы ручек расплющены в лепешку с углублением в центре (по М. Г. Воробьевой), *2* — прилеп с помощью канавки

начались не только для установки столбовой конструкции, но и емкостей с водой, жидким ангобом и др. В одном из таких углублений В. В. Борисовой, действительно, была найдена нижняя часть амфоры с сырой глиной. В результате сушки изделия дают усадку, которая при использовании хорошего сырья, как правило, не превышает 10%. Глина из отложений в Песочной балке, как показал эксперимент, дает линейную усадку в пределах 7—9%, что еще раз характеризует ее высокое качество.

Целиком готовые, высушенные амфоры перед обжигом очень часто ангобировались. Этой технологической операцией греческие гончары преследовали несколько целей. В первую очередь ангоб скрывал мелкие дефекты, в частности места стыка частей и прилепа ручек и ножки. Кроме того, изделие делалось водонепроницаемым и приобретало приятный внешний вид. Наносился ангоб всегда только на целиком высушенный сосуд [64]. На херсонесских амфорах ангоб появляется одновременно с практикой клеймения, в конце IV в. до н. э., и сохраняется в римское и средневековое время [65]. Чаще всего на амфоры наносился двойной ангоб, покрывавший внутреннюю и верхнюю поверхности. Иногда встречаются экземпляры только с наружным ангобом. Эти амфоры, как правило, изготовлены из высококачественной глины, имеющей плотный и хорошо обожженный черепок. Для приготовления ангобов использовалась качественная жидкоразведенная глина, которой с помощью различных добавок придавался тот же уровень пластичности, как и у глиняной массы изделия. В противном случае разница в усадке при сушке и обжиге могла привести к разрушению ангоба. В современной практике используются такие присадки, как кварц, мелкий кварцевый песок, полевой шпат в мелкораздробленном виде и др.[66] В херсонесских ангобах хорошо читается пироксен, порой в довольно крупных частицах.

Техника нанесения ангоба предельно проста. Наружный ангоб наносился путем поливки сосуда жидким раствором глины. Для внутреннего ангобирования раствор заливался внутрь сосуда, после чего его остатки выплескивались [67]. При этом слой ангоба в нижней части вместилища как это хорошо заметно на обломках, всегда более мощный, чем на внутренней поверхности плеч и горла. Ангоб очень быстро впитывается в глину и высыхает.

При обжиге, когда из глины удаляется химически связанная вода, происходит необратимый процесс, в результате которого глина теряет

[64] *Чикильдин.* Ук. соч., с. 11 сл.
[65] *Ахмеров.* Амфоры..., с. 175.
[66] *Чикильдин.* Ук. соч., с. 30 сл.
[67] Там же, с. 61 сл.; *Пещерева.* Ук. соч., с. 29, 160.

пластичность. Для этого достаточна температура в 500—600° С [68]. Однако давно известно, что, обжиг античной керамики осуществлялся при более высокой температуре — —свыше 900° С[69]. И. Робертс по трем образцам гончарной продукции римской Британии определяет температуру обжига в 929—933° С[70], а И. Нобл—в 945°С[71]. Средневековая керамика обжигалась при 900—950° С [72]. Общая усадка изделий после сушки и обжига при такой температуре, по данным Г. Стевенса, достигает 10%, а на современных черепичных фабриках она колеблется в пределах 7,7—8,8% [73]. Р. Ротлендер, располагавший подлинной античной формой для римского светильника и изделиями, изготовленными в этой форме, выяснил, что усадка этой группы керамики равна 12—12,5%, из которых примерно 4% — это усадка на огне [74]. По данным нашего эксперимента, общая линейная усадка херсонесской глины только при обжиге составляет 3%. Видимо, данная характеристика сырья была оптимальной и при необходимости выдерживалась путем специальной обработки. Предпола-

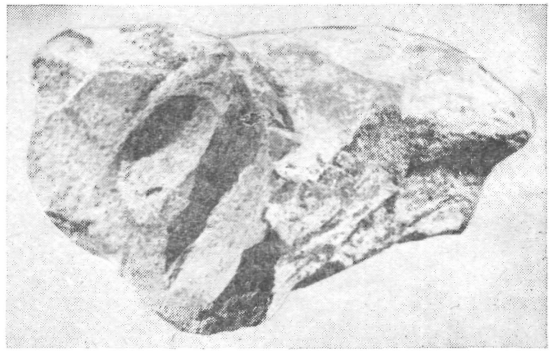


Рис. 14. Образец верхнего прилепа ручки с пальцевой вдавлиной на внутренней поверхности горла

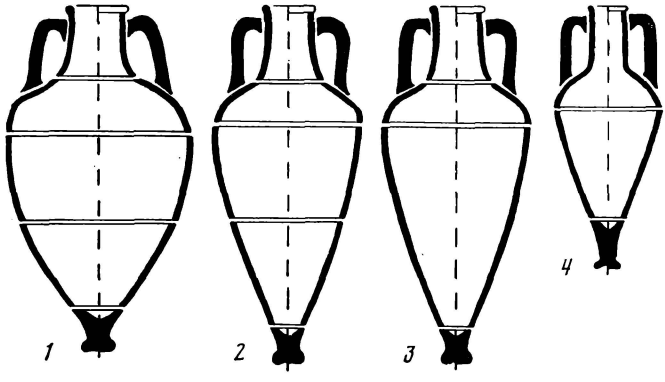


Рис. 15. Схема сборки херсонесских амфор. *1*, *2* — из четырех частей, *3* — из трех, *4* — из двух частей

гаемую усадку сосуда в результате сушки и обжига гончар должен был заранее предусмотреть, так как эталоны изделий, существовавшие, как это теперь совершенно ясно, для большей части античной керамики, предписывали размеры не сырой, а готовой продукции [75].

Основным видом топлива при обжиге античных изделий, судя по рисункам на керамике, служили дрова. Обычно обжиг проводился в не-

---

[68] *Лукас.* Ук. соч., с. 560 сл.

[69] *Драгоев А. К.* Мастерство древних афинских гончаров.— В кн.: Вісн. Одес. комісіі краезнавства при УАН, 1925, с. 87.

[70] *Roberts.* Op. cit., p. 24.

[71] *Noble.* Op. cit., p. 77.

[72] *Якобсон.* Ук. соч., с. 58.

[73] *Stevens.* Op. cit., p. 178.

[74] *Rottländer.* Op. cit., p. 179 ff.

[75] *Stevens.* Op. cit., p. 178; *Rottländer.* Op. cit., p. 161; *Монахов.* О штампах..., с. 166.

сколько этапов. Окислительная атмосфера создавалась на первом этапе, в ходе которого происходит выгонка воды при постепенном повышении температуры. Затем следует постоянный режим обжига и в завершение — плавное понижение температуры. Восстановительная углеродистая атмосфера создавалась в конце обжига. Для этого и древние [76] и современные гончары [77] добавляют в топливо солому или опилки при плотно закрытой печи. Собственно обжиг длился до двух суток. Остывание печи также занимало двое-трое суток [78]. С учетом последующей разгрузки на весь процесс уходило не менее пяти дней.

Организация обжига восстанавливается на основе разнообразных источников. Серия изображений обжигательных печей имеется на коринфских табличках VI в. до н. э. и упомянутой гидрии, детально проанализированных в работе И. Нобла [79]. Все печи купольные, топочные отверстия выше уровня земли. Почти на всех печах имеется боковое загрузочное отверстие с крышкой. Тяга и температура регулируются с помощью заслонки на топочном отверстии или с помощью крышки на дымоходном отверстии. На одной табличке имеются изображение устройства печи и схема размещения керамики при обжиге. Топочная и обжигательная камеры разделены на этом рисунке подом с центральным опорным столбом и системой продухов [80].

Археологические материалы в целом подтверждают информацию рисунков на керамике. Эллинистические керамические комплексы лучше всего изучены в Херсонесе, где в это время существовало не менее двух производственных центров по массовому производству керамической тары. Хорошо известен участок за юго-восточными стенами города, где в 1900 и 1955—1958 гг. были исследованы четыре крупные мастерские с 16 обжигательными печами. По общему мнению, мастерские выпускали различную продукцию, амфорная же тара, видимо, обжигалась в больших печах, которых насчитывалось, как минимум, 5 из 16 [81]. Общим для всех раскопанных в этом районе мастерских был принцип размещения обжигательных печей попарно с общей предтопочной площадкой [82]. Точно так же объединялись печи в античном Хорезме [83] и современном гончарстве Крита [84]. Авторы раскопок херсонесских мастерских считали, что они погибли во II в. до н. э. Новые исследования в районе башни Зенона заставляют пересмотреть эту дату. Гибель всего производственного комплекса, видимо, следует относить не позднее чем к середине III в. до н. э. [85]

Второй специализированный центр по производству тары существовал у Песочной бухты, за западными стенами города. В свое время такое предположение на основании отдельных находок сделал Р. Б. Ахмеров [86]. В 1977 г. оно блестяще подтвердилось в результате исследований С. Г. Рыжова, который в обрезе берега бухты открыл и изучил эллинистическую обжигательную печь, хорошо датируемую на основании астиномных и монограммных клейм III в. до н. э. [87] Изготовление тары в этой мастерской фиксируется по отдельным находкам бракованной продукции. В том же году недалеко от берега Песочной бухты С. А. Беляевым обна-

[76] *Гайдукевич В. Ф.* Античные керамические обжигательные печи.— ИГАИМК, 80, 1934, с. 37.

[77] *Пещерева.* Ук. соч., с. 159; *Гражданкина.* Ук. соч., с. 156.

[78] *Пещерева.* Ук. соч., с. 144; *Якобсон.* Ук. соч., с. 59.

[79] *Noble.* Op. cit., p. 72, fig. 78, 231—238.

[80] Ibid., p. 72, fig. 237; *Hampe, Winter.* Op. cit., 1965, S. 227, Abb. 148.

[81] Керамическое производство..., с. 16.

[82] Там же, с. 17.

[83] *Воробьева.* Ук. соч., с. 199 сл.

[84] *Hampe, Winter.* Op. cit., 1962, S. 9, Abb. 10.

[85] *Щеглов А. Н.* Рец.: Сообщения Херсонесского музея, вып. IV.— ВДИ, 1970, № 3, с. 115.

[86] *Ахмеров.* Обзор..., с. 190.

[87] С материалами раскопок меня любезно ознакомил С. Г. Рыжов.

ружена большая обжигательная печь римского времени [88]. Керамическое производство у Песочной бухты существовало и в средневековье [89].

Вынос опасных в пожарном отношении крупных керамических мастерских за пределы городской черты является обычным явлением для многих центров [90]. В средневековье эта традиция выступает наиболее ярко — мастерские строились не просто за городской чертой, но вдалеке от населенных пунктов [91].

Херсонесские обжигательные печи довольно однотипны. Лучшей сохранностью отличается печь № 2 из первой мастерской, исследованной в 1955—1957 гг., реконструированная В. В. Борисовой. Круглая в плане, она имела диаметр и высоту не менее 2 м. Около 1,3 м в высоту приходилось на обжигательную камеру [92]. Хуже сохранившиеся печи (раскопки 1958 г.) имели диаметр основания 1,8—2,1 м, видимо, при той же конструкции [93].

Круглые купольные обжигательные печи были господствующей формой в эллинистическое время [94]. Однако известны квадратные и прямоугольные в плане печи, получившие наибольшее распространение в средневековье [95]. Таковы маленькая печка № 6 в мастерской № 1 (раскопки 1955—1957 гг.) [96] и две печи размером 1,8 × 1,6 м из раскопок 1965 г. на «Чайке» в Северо-Западном Крыму [97]. Встречены они и в других центрах Северного Причерноморья [98].

По сравнению с конструкцией печей система размещения продукции в обжигательной камере известна гораздо хуже. В печи № 2 из раскопок В. В. Борисовой обнаружено только шесть амфор. Во всех остальных гончарных горнах, исследованных в 50-х годах, керамические изделия отсутствовали. Известен единственный случай находки в печи (в 1900 г.) большого количества тары непосредственно в обжигательной камере, где можно предполагать полную загрузку. Однако в интерпретации этой находки возможны разночтения. В рукописном и опубликованном отчетах К. К. Косцюшко-Валюжинич пишет о находке 28 раздавленных амфор, на ручках которых стояли клейма астинома Истрона, сына Аполлонида [99]. Это указание понималось в том смысле, что амфор было только 28 и все они были клейменными. В то же время в другой статье автор раскопок пишет, что «... было найдено множество обломков простых амфор, причем на 28 ручках с именными печатями... оказалось имя одного и того же астинома...» [100]. Сомнения в общепринятой трактовке отчета К. К. Косцюшко-Валюжинича возникли по двум причинам. Вызывал удивление беспрецедентный не только для Херсонеса, но и для всех центров, кроме Родоса, факт нахождения в одном комплексе, тем более в печи, исключительно одних клейменых амфор. Кроме того, само количество амфор для печи таких размеров было слишком мало. Полная ее загрузка,

---

[88] *Беляев С. А.* О работе херсонесской экспедиции.— АО за 1977 год, М., 1978, с. 298.

[89] *Борисова.* Средневековая гончарная печь, с. 42; *Якобсон.* Ук. соч., с. 51.

[90] Керамическое производство..., с. 11, 17, табл. 18, *1.*

[91] *Якобсон.* Ук. соч., с. 59.

[92] *Борисова В. В.* Гончарные мастерские Херсонеса.— СА, 1958, № 4, с. 147, 152, рис. 9.

[93] *Гилевич.* Ук. соч., с. 26.

[94] Керамическое производство . . ., с. 17 сл.; *Сокольский Н. И.* О гончарном производстве в азиатской части Боспора.— КСИА, 116, 1969, с. 59 сл.

[95] *Якобсон.* Ук. соч., с. 56 сл.

[96] *Борисова.* Гончарные мастерские..., с. 150.

[97] *Карасев А. Н., Яценко И. В.* Отчет о раскопках городища у санатория «Чайка» в районе Евпатории в 1965 г.— Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3188, л. 11.

[98] Керамическое производство..., с. 17.

[99] *Косцюшко-Валюжинич К. К.* О продолжении археологических разысканий в Херсонесе. Рукопись.— Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, д. № 2, 1900 г., л. 157; *он же.* Извлечение..., с. 23.

[100] *Он же.* Новейшие раскопки в Херсонесе.— ЗООИД, XXIII, 1901, с. 36.

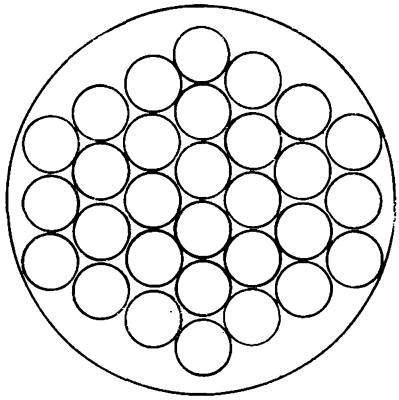


Рис. 16. Схема размещения стандартных амфор на поде обжигательной камеры

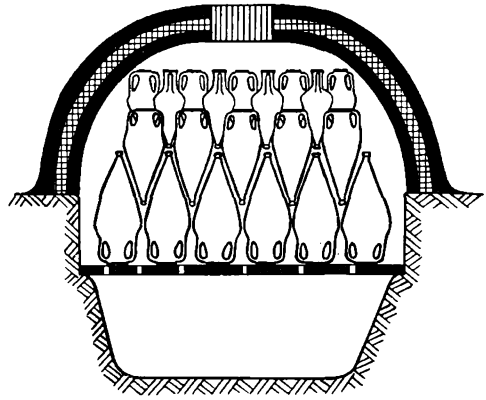


Рис. 17. Схема размещения амфор в обжигательной камере

как будет показано ниже, могла быть по меньшей мере в два раза большей. На наш взгляд, в данном комплексе было обнаружено не 28, а гораздо больше амфор, примерно около 50. Однако автора раскопок заинтересовали только клейменые сосуды, и, поскольку все амфоры были раздавлены, в коллекцию музея попали лишь одно горло и ручки с клеймами.

Большие печи из херсонесских мастерских, где, несомненно, обжигалась керамическая тара, имеют диаметр пода от 1,8 до 2,9 м. Близкие размеры в 2—2,12 м у эллинистических печей на Таманском п-ове [101] и в других районах. Возможно, что в данном случае предусматривался диаметр печи в 5 аттических локтей (2,22 м). Условно за средний диаметр пода обжигательной камеры можно принять цифру около 2 м.

Полезная площадь обжигательной камеры всегда используется очень экономно. Нижний ряд остродонных амфор устанавливался, видимо, на горло между продухами. Впрочем, иногда встречаются сосуды, горло которых стояло над продухом, о чем свидетельствует цвет черепка внутри [102]. На поде печи диаметром 2 м можно разместить в один ряд до 30 стандартных амфор херсонесского производства емкостью в 4 гемигекта (17,51 л), имеющих диаметр тулова около 30 см и высоту до 70 см (рис. 16). В камере высотой 1,3—1,5 м во втором ряду в промежутках между ножками амфор первого ряда можно установить еще 35 амфор меньшего размера емкостью в 1 или 2 гемигекта (4,37 или 8,75 л). Около 15 таких сосудов помещается в третьем ряду (рис. 17). Точно так же плотно размещаются современные амфоры в обжигательных печах Средиземноморья [103]. Чтобы избежать спекания изделий, их иногда перекладывали керамическими прокладками из обломков сосудов [104]. Кроме того, в эллинистических материалах Херсонеса, Боспора и других районов известны керамические муфтообразные подставки для установки амфор [105]. На Боспоре они особенно распространяются в позднеантичный период.

Таким образом, в стандартную херсонесскую обжигательную печь, не считая мелкой продукции, заполняющей промежутки, в три ряда могло

---

[101] *Сокольский.* Ук. соч., с. 60 сл.

[102] *Кадеев.* Очерки истории..., с. 114.

[103] *Hatpe, Winter.* Op. cit., 1965, Abb. 150.

[104] *Гайдукевич.* Ук. соч., с. 87; *Пещерева.* Ук. соч., с. 225.

[105] *Борисова.* Гончарные мастерские..., с. 151, рис. 8; Керамическое производство..., с. 16, 20; *Гайдукевич.* Ук. соч., с. 48, 89, рис. 19, 47—51; *он же.* Илурат.— МИА, 85, 1958, с. 54, рис. 42; *Кобылина М. М.* Керамическое производство Фанагории в IV в.— СА, 1966, № 3, с. 177, рис. 6; *Пругло В. И.* О ремесленном производстве Миркемия.— ЗОАО, II (35), 1957, с. 203; *Кругликова И. Т., Цветаева Г. А.* Раскопки в Анапе.— КСИА, 95, 1963, рис. 25, *2*.

поместиться 30 больших амфор емкостью около 525 л, 35 средних амфор емкостью около 306 л и 16 малых амфор емкостью около 65 л. Для удобства расчетов можно предположить, что такая печь была рассчитана примерно на 80 условных амфор общей емкостью около 900 л. О количестве обжигов в одной печи в течение года мы можем только догадываться. Современные гончарные печи в Трояне в Болгарии в среднем эксплуатировались 6—7 раз в год [106]. Следовательно, цикл производства, включающий все ступени, занимает там где-то около двух месяцев. Нужно иметь в виду, что печь после каждого обжига требовала профилактики — подмазки стенок, пода и т. п. Определенное время уходило на заготовку топлива. Амфорное производство, работавшее на оптового покупателя, видимо, требовало более интенсивной эксплуатации печей. Но даже и в этом случае количество обжигов в год в одной печи вряд ли превышало 10—12. При средней загрузке в 80 условных амфор одна херсонесская обжигательная печь в течение года могла пропустить 800—960 единиц тары, не считая другой продукции. Крупная гончарная мастерская при двух больших печах типа раскопанной В. В. Борисовой за год могла выпустить немногим более полутора тысяч условных амфор.

При винодельческой направленности сельского хозяйства в ближайшей округе Херсонеса на Гераклейском п-ове потребность в керамической таре должна была быть очень высокой. По расчетам С. Ф. Стржелецкого, только для пяти рядовых клеров из имеющихся 400 на Гераклейском п-ове в год нужно было примерно 12 тыс. сосудов по 15 л каждый [107]. Общий же выход вина с Гераклейского п-ова, по оценке А. Н. Щеглова, мог равняться 20—25 млн. л в год [108]. Существует мнение, что доля виноградников на полуострове была значительно большей [109]. В любом случае при самом грубом приближении не менее половины этого урожая шло на вывоз. Из 10—12 млн. л вина какая-то часть вывозилась в кожаных бурдюках и мехах [110], хотя эта доля товарного продукта вряд ли была очень велика. Даже если предположить, что в керамической таре экспортировалось не более половины продукции, то и тогда мастерские должны были произвести около 300 000 стандартных амфор емкостью около 17 л каждая.

В данных расчетах не учитывалась потребность в амфорах хозяйств с владений Херсонеса в Северо-Западном Крыму, где только один земельный надел у мыса Ойрат производил товарного вина примерно на 1000 условных амфор [111]. На хоре Керкинитиды, Калос-Лимена и некоторых прибрежных поселений Тарханкутского п-ова также имелись участки с виноградными плантажами [112]. Совсем недавно А. Н. Щегловым в западной части Тарханкута выявлена система земельных наделов, занимающая площадь около 100 кв. км, т. е. примерно такую же, какую имеет хора Херсонеса на Гераклейском п-ове [113]. Хотя доля виноградников здесь детально не определена, можно предполагать, что виноград выращивался.

Указанную теоретическую потребность в керамической таре земельных наделов Гераклейского п-ова можно было покрыть при круглогодичной работе 350—500 гончарных печей. Несмотря на то что ближайшая

---

[106] *Хаджиев П.* Грънчарството в Троянско. София, 1954, с. 34 сл.

[107] *Стржелецкий С. Ф.* Клеры Херсонеса Таврического.— ХС, VI, 1961, с. 153.

[108] *Щеглов А. Н.* Полис и хора. Симферополь, 1976, с. 73.

[109] *Жеребцов Е. Н.* Новые данные к аграрной истории Херсонеса IV—I вв. до н. э.— КСИА, 145, 1976, с. 15 сл.

[110] *Canarache V.* Importul amforelor stampilate la Istria. Bucureşti, 1957, p. 368; *Граков Б. Н.* Скифы. М., 1971, с. 51; *Брашинский И. Б.* Керамический импорт на Нижнем Дону. Л., 1980, с. 11.

[111] *Щеглов А. Н.* Земельный надел у мыса Ойрат.— ИКАМ, 1977, с. 214.

[112] *Он же.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978, с. 110.

[113] *Он же.* Новые материалы к изучению пространственной организации раннеэллинистического Херсонеса.— В кн.: Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Проблемы античной истории и классической филологии». Харьков, 1980, с. 73.

округа Херсонеса раскопана еще очень мало, можно быть уверенным, что такое количество керамических комплексов там просто физически невозможно было разместить. Точно так же несоразмерно велика была бы потребность в рабочей силе данных мастерских при 8—10-тысячном населении города [114]. В любом случае на выявленных участках пригорода Херсонеса с остатками керамического производства в Карантинной и Песочной балках одновременно могло существовать не более 20—30 гончарных мастерских, которые могли в течение года произвести максимум 45—63 тыс. условных амфор. Нельзя забывать, что в этих же местах было сосредоточено винодельческое и каменотесное производства [115]. Следовательно, весь оставшийся дефицит необходимой тарной продукции требует какого-то логичного объяснения.

Возможно несколько таких взаимодополняющих объяснений. Во-первых, воспринятые нами приблизительные оценки годового урожая вина с земельных наделов Херсонеса на Гераклейском п-ове могли быть чрезмерно завышены. Пока нет твердой уверенности в том, что выявленная структура ближней хоры города использовалась однообразно и в полном объеме в узкие отрезки времени. В то же время единовременность размежевки Гераклейского п-ова сомнений не вызывает. Во-вторых, теоретически можно предположить, что производительность эллинистических гончарных мастерских, специализировавшихся на выпуске тары, была более значительной, чем в этнографических производствах, использованных нами в качестве аналогий. В-третьих, можно допустить, что основной объем винного экспорта из Херсонеса уходил не в керамической таре, а в бурдюках. С такими поправками мы приблизительно можем уравнять расчеты потребности в таре с возможностями эргастериев.

И наконец, четвертое объяснение, кажущееся нам наиболее вероятным. Если приведенные расчеты хотя бы приблизительно отражают действительный объем амфорного производства в городе в IV — первой половине III в. до н. э., то следует предположить, что часть его была сосредоточена в других городских центрах (Керкинитида, Калос-Лимен), а может быть, и в крупных поселениях типа Караджинского, Чайка и др. О возможности открытия следов амфорного производства в этих поселениях уже сейчас можно говорить на основании находки на городище Чайка двух печей для обжига простой посуды [116]. К сожалению, Керкинитида и Калос-Лимен почти не раскапывались. Что же касается сельских поселений из числа исследуемых в последние годы (Чайка, Беляус, Панское-1, Маслины), то здесь раскопки затрагивают в основном зону жилой и хозяйственной застройки внутри стен. Было бы весьма перспективно опробовать отработанную методику магниторазведки на ближайшей округе этих памятников.

Косвенным свидетельством полицентризма керамического производства Херсонеса может служить выявленная петрографическим анализом пестрота составов глин херсонесских амфор [117]. В качестве же аналогии можно указать на меотские поселения Приазовья, во многих из которых было налажено собственное ремесленное производство керамики с применением гончарного круга и обжигательных печей по греческим образцам [118].

Приведенные расчеты объема производства амфор в Херсонесе относятся к периоду расцвета государства. Сейчас исследователи склоняются к тому, что это время приходится на вторую половину IV — первую

---

[114] *Он же.* Северо-Западный Крым..., с. 80.

[115] *Он же.* Некрополь у Песочной бухты близ Херсонеса.— КСИА, 143, 1975, с. 116.

[116] *Карасев, Яценко.* Ук. соч., л. 11.

[117] По материалам А. Н. Щеглова и Н. Б. Селивановой.

[118] *Анфимов Н. В.* Керамическое производство у меотов и античное влияние.— В кн.: Тезисы докладов к научной конференции «Античные города Северного Причерноморья и варварский мир». Л., 1973, с. 3.

треть III в. до н. э. [119] Наиболее важным моментом в жизни города в данный отрезок времени было освоение обширных земель в Северо-Западном Крыму. Связанные с этим рост населения и потребностей внутреннего рынка должны были способствовать в числе прочего и развитию ремесла.

Возможности для проверки данного умозрительного в отношении амфорного производства предположения имеются, и наиболее перспективным представляется анализ керамических клейм, хронология которых разработана достаточно надежно. При этом, хотя мы и не знаем истинного соотношения клейменых и неклейменых амфор, можно предположить,

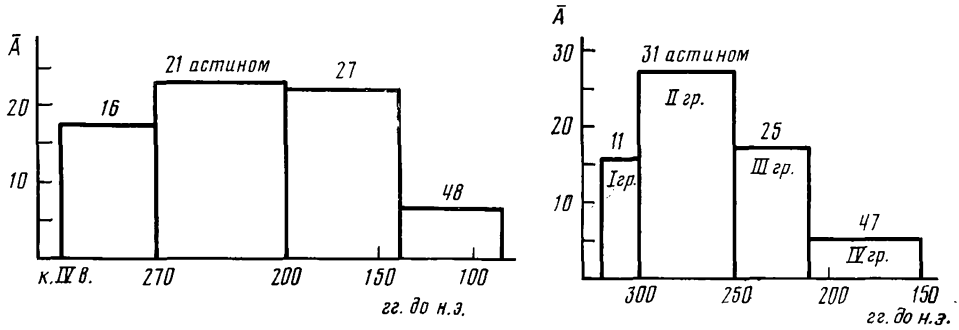


Рис. 18. Хронология объема производства амфор в Херсонесе *1* — по В. В. Борисовой, *2* — по Б. Ю. Михлину

что это соотношение в течение всего периода клеймения в Херсонесе было более или менее стабильным. В ходе анализа обрабатывался не весь массив известных сейчас херсонесских клейм — около 4 тыс. экз., а лишь одна коллекция в 1714 клейм, происходящая из раскопок самого Херсонеса [120]. Данная коллекция достаточно представительна и отвечает требованию случайности выборки. Материалы из раскопок других центров могут по разным причинам значительно исказить общую картину.

В последнее время предложены две хронологические классификации херсонесских клейм [121]. Путем постройки гистограмм, на осях которых откладываются среднее количество клейм, приходящееся на одного астинома в каждой хронологической группе [122], и временные рамки каждой группы клейм, можно попытаться выявить динамику производства керамической тары в Херсонесе на протяжении более полутора столетий, а заодно и проследить эволюцию взглядов по этому вопросу.

На основе списка астиномов и хронологии клейм В. В. Борисовой получена гистограмма 1 (рис. 18), в соответствии с которой максимум амфорного производства приходится на период от второй четверти III до середины II в. до н. э. Уточненная хронологическая группировка херсонесских клейм Б. Ю. Михлина приводит на основе пересчета той же коллекции к другому выводу — пик производства падает на первую половину III в. до н. э. (рис. 19). Однако уже сейчас можно говорить о том, что и последняя типология херсонесских клейм, видимо, в скором времени будет пересмотрена. Материалы из раскопок последних двух десятилетий на хоре Херсонеса определенно свидетельствуют о том, что начиная с 70-х годов III в. до н. э. для государства начинается полоса тяжелых военных неудач. В это время гибнут многие поселения в Северо-Западном Крыму, а в дальнейшем какая-то часть этой территории вообще выходит из-под контроля города [123].

[119] *Щеглов.* Северо-Западный Крым..., с. 127.
[120] *Кац.* Ук. соч., с. 127.
[121] *Борисова.* Керамические клейма...; *Михлин.* Ук. соч.
[122] Количество клейм каждого астинома выявлялось по своду керамических клейм Е. М. Придика — Б. Н. Гракова с дополнениями за последние 25 лет. Вся информация любезно предоставлена В. И. Кацем.
[123] *Щеглов.* Северо-Западный Крым..., с. 128 сл.

Тревожная обстановка сложилась и вокруг самого Херсонеса. Клады монет первой половины III в. до н. э. из округи города показывают, что от вторжений пострадала и городская хора [124]. В это же время прекращается жизнь на многих поселениях зависимого населения, расположенных на границах размежеванной части Гераклейского п-ова [125]. С теми же событиями, видимо, связана гибель херсонесских керамических мастерских за городскими стенами, которые прекращают свое существование около середины III в. до н. э.

Подрыв сельскохозяйственной базы государства и разрушение производственных комплексов пагубно сказались на объеме экспорта. Массовый вывоз вина в Подонье, существовавший, судя по материалам Елизаветовского городища, с конца IV в. до н. э., прекращается к середине III в. до н. э. [126] Более поздние слои Танаиса дали всего несколько клейм [127]. Тенденция спада амфорного производства сохраняется до середины II в. до н. э. Около 150 г. до н. э. в Херсонесе прекращается практика клеймения тары, и дальнейшая история этой отрасли пока не реконструируется вплоть до первых веков н. э.

С. Ю. Монахов

THE PRODUCTION OF AMPHORAS IN HELLENISTIC CHERSONESUS

S. Yu. Monakhov

After studying pottery remains from Chersonesus, in particular amphora fragments, the author attempts a reconstruction of the technology, volume and dynamics of ceramic-container production in Chersonesus. Using the actual material remains, he works out the techniques of preparing and joining together amphora parts, placing the amphoras in the kiln, and the probable production capacities of the Hellenistic workshops. Taking into account both the production possibilities of the ergasteria in Chersonesus itself and the estimated demand for ceramic containers in the wine-producing vinyards, the author proposes the hypothesis that in the territory of Chersonesus there were many workshops producing amphoras. Analysis of ceramic stamps leads him to conclude that in Chersonesus this branch of handicraft enjoyed a relatively brief period of prosperity, extending from the end of the 4th century B. C. to the seventies of the 3rd.

---

[124] *Гилевич А. М.* Хронология и топография кладов херсонесских монет IV—II вв. до н. э. и некоторые вопросы скифо-херсонесских взаимоотношений.— В кн.: Тезисы докладов к научной конференции «Античные города Северного Причерноморья и варварский мир». Л., 1973, с. 11.

[125] *Савеля О. Я.* К проблеме взаимоотношений Херсонеса Таврического с варварами Юго-Западного Крыма в V—III вв. до н. э.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Ч. II. Киев, 1975, с. 102.

[126] *Щеглов А. Н.* Херсонес и Нижний Дон в IV—III вв. до н. э.— В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов н/Д, 1973, с. 28 сл.; *Брашинский.* Ук. соч., с. 44, 196 сл.

[127] *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1975, с. 148.

О ДЕКОРАТИВНОМ ОФОРМЛЕНИИ СКЛЕПА № 9 ВОСТОЧНОГО УЧАСТКА НЕКРОПОЛЯ ПОЗДНЕСКИФСКОЙ СТОЛИЦЫ

В 1946 г. в скале на восточном участке некрополя столицы позднескифского государства, обычно отождествляемой с Неаполем, был открыт вырубной склеп № 9 [1]. Архитектура склепа предельно проста. Склеп представлял собой помещение размером 5,5 × 3,75 м, высотой около 1,20 м. Датируется он по находкам керамики I в. н. э. [2] Д. С. Раевский считает, что «в настоящее время нельзя сказать ничего определенного о хронологии склепов, вырубленных в скале, так как все они ограблены. Традиционное отнесение их к первым векам н. э. базировалось на находке в них поздних вещей, которые не могут дать ответа на вопрос о времени сооружения этих могил» [3]. Однако характер его оформления, которое чаще всего соответствует времени сооружения, пожалуй, подтверждает принятую датировку.

Одним из вопросов, которые необходимо затронуть в связи с оформлением склепа,— это вопрос о его связи с боспорскими памятниками. В свое время И. В. Яценко главную роль в возникновении приема росписи склепов Неаполя скифского отвела влиянию боспорской традиции [4]. По-видимому, спорить с этим трудно. Сам по себе обычай расписывать склепы, вероятно, действительно был заимствован у боспорцев. Но что касается архитектуры склепа, а также сюжетов и стиля росписи, то здесь нет ничего греческого, хотя так и считали некоторые исследователи. Архитектура его настолько проста, что связывать ее с каким бы то ни было влиянием представляется излишним. Уже само по себе размещение города на скалистом плато предполагало такое устройство гробниц. В. П. Бабенчиков совершенно справедливо отметил отличие архитектуры неапольских склепов от боспорских, отсутствие в них характерных для последних лежанок, опорных столбов, ступенек при входе и т. д. [5]

Если говорить о сюжетах росписи, то сходство прослеживается именно в тех моментах, которые связываются с выдвижением на первый план в культуре Боспора так называемых «варварских» элементов, что объясняется общими иранскими корнями в мифологических представлениях скифов и сарматов.

Таким образом, представляется неверным считать склеп № 9 оформленным «в греческой манере», как это делает, например, Т. Н. Высотская [6]. Еще П. Н. Шульц и В. А. Головкина справедливо отметили, что «ничего похожего на роспись склепа № 9 мы до сих пор не видели ... в росписях Крита и Микен, Этрурии, Греции и Рима» [7].

Явная преемственность материальной культуры населения Малой Скифии, определенно локализуемой Страбоном (VII, IV, 5) на территории Крыма и Нижнего Поднепровья, от раннескифской [8] дает достаточно оснований для отнесения рассматриваемого памятника к позднескифским

---

[1] *Шульц П. Н.* Работы Тавро-скифской экспедиции (1945—1946 гг.).— Памятники искусства, 1947, № 2.

[2] *Бабенчиков В. П.* Некрополь Неаполя скифского.— ИАДК, 1957, с. 99.

[3] *Раевский Д. С.* Скифы и сарматы в Неаполе.— В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 146.

[4] *Яценко И. В.* Декоративная роспись общественного здания в Неаполе скифском.— СА, 1960, № 4, с. 99.

[5] *Бабенчиков.* Ук. соч., с. 97.

[6] *Высотская Т. Н.* Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев, 1979, с. 183.

[7] *Шульц П. Н., Головкина В. А.* Неаполь скифский.— В кн.: По следам древних культур. М., 1951, с. 164.

[8] *Шульц П. Н.* Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму.— В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 127 сл.

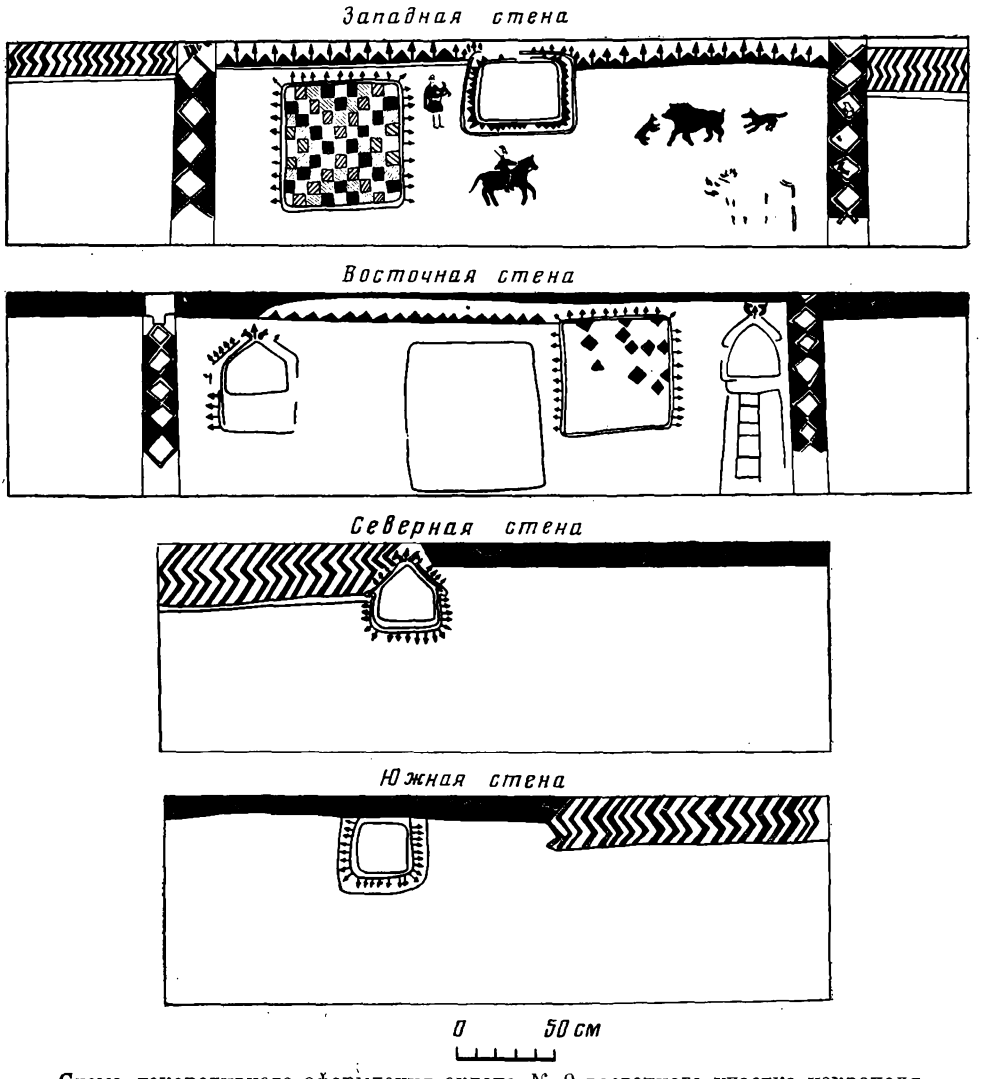


Схема декоративного оформления склепа № 9 восточного участка некрополя

и позволяет привлекать для его семантической интерпретации имеющиеся в нашем распоряжении данные по скифской идеологии.

Оформление склепа представляет ценнейший материал для такой интерпретации, возможности которой далеко не исчерпаны. Оно состояло из орнаментальных мотивов и росписи, сделанной в реалистической манере. Об отдельных элементах оформления довольно много писалось в литературе, но полностью оно опубликовано не было. Для правильного подхода к его интерпретации необходим прежде всего полный обзор всех его составляющих, что позволит нам выявить определенную систему.

Основные элементы росписи заключены между пилястрами на восточной и западной стенах склепа (рис.) [9]. Пилястры, высеченные в стенах друг против друга, конструктивной нагрузки не несут. Они оформлены по стволам, закрашенным черной краской, белыми ромбами с красной обводкой. Внутри ромбов на северо-западном пилястре сохранились ри-

[9] Схема оформления склепа сделана по рисунку, выполненному художником Тавро-скифской экспедиции С. В. Себекиным (архив ГМИИ). Единственное опубликованное цветное изображение фрагмента росписи западной стены см. в кн.: Нариси стародавньої історії Української РСР, Київ, 1957, с. 209.

сунки, сделанные красной краской: во втором сверху ромбе силуэтом воспроизведен петух, в следующем ромбе изображение, к сожалению, не читается, а ниже нарисован олень. Пилястры заканчиваются чем-то вроде квадратных капителей, «воспроизводящих нечто вроде деревянного сруба», как описано в отчете В. П. Бабенчикова [10].

На восточной стене, в которой находился вход в помещение, справа от него была вырублена ниша, имитирующая торец строения с двускатной крышей. Контуры даны черной линией, поверх которой проведена красная обводная линия, в нижней части идущая ниже контура ниши. От красной линии отходят окружающие строение красные стрелы. Справа стрелы сохранились вдоль всей линии, слева видна только одна стрелка, что позволяет, однако, говорить об изначальном окружении дома стрелами по крайней мере с трех сторон. Наверху острием вверх поставлено копье, по обеим сторонам от которого нарисованы стилизованные конские головы.

Слева от входа изображен большой квадрат, с трех сторон обведенный стрелами. Рисунок внутри квадрата сохранился плохо. Судя по данным П. Н. Шульца и В. П. Бабенчикова, его поверхность состоит — так же как описываемый ниже квадрат на западной стене — из красных, черных и желтых клеток, но не квадратных, а ромбических. Рядом с квадратом, около пилястра, была вырублена ниша стрельчатой формы, служившая основой для изображения строения с приставной лестницей. Контуры строения нарисованы красной краской. Завершается оно опять-таки вертикально поставленным копьем со стилизованными лошадиными головами, на этот раз сопоставленными геральдически. Внутри ниши, сверху до половины, «потолок» расписан клетками из красных линий. Вверху, под потолком идет фриз из широкой красной полосы, обрамленной тонкими черными линиями. Над входом размещен фриз из треугольников: белые рельефные треугольники, вершинами вниз, чередуются с углубленными красными, направленными вершинами вверх.

На западной стене, в центре вырублена ниша прямоугольной формы. Слева от нее нарисован упомянутый большой квадрат, общий контур которого обведен черной линией; внутри квадрат разделен на клетки, по девять с каждой стороны, раскрашенные красной, желтой и черной красками таким образом, что получается четыре больших ступенчатых треугольника, сходящихся вершинами в центре квадрата. Внутри каждого большого треугольника вписано по два маленьких. Вокруг квадрат обведен красной линией, от которой с трех сторон отходят красные стрелы. Между квадратом и нишей помещена человеческая фигура, одетая в длинный красный кафтан с накинутой поверх одеждой со свободно свисающими рукавами. Корпус представлен анфас, а ноги изображены в профиль, прямыми линиями. В руках человек держит трехструнную греческую лиру, правая рука лежит на струнах. Голова почти не сохранилась.

Под нишей изображен всадник на спокойно идущей лошади. Всадник нарисован красной краской. На голове у него остроконечная мягкая шапка, на плече — копье. Лошадь нарисована черной краской довольно умело и живо. Справа от ниши, выше всадника, воспроизведена сцена нападения двух собак на дикого кабана. Кабан нарисован черной краской, собаки — одна черной, другая — красной. Ниже этой сцены видны следы рисунков красной краской, но разобрать, что здесь было представлено, совершенно невозможно. По-видимому, именно эти остатки были приняты В. П. Бабенчиковым за пейзажный фон [11].

Под потолком между пилястрами западной стены идет фриз, аналогичный фризу над входом на восточной стене: белые выпуклые треугольники

[10] *Бабенчиков В. П.* Отчет о раскопках каменных склепов, открытых в 1945—47 гг. на некрополе Неаполя Скифского. Архив ИА АН СССР, Р—1, № 366, 1947 г., с. 9.
[11] *Бабенчиков.* Некрополь Неаполя..., с. 109.

вершинами вниз и красные треугольники в углубленной части вершинами вверх. Но отличие состоит в том, что здесь этот фриз занимает все пространство под потолком, а на белых треугольных зубцах нарисованы красной краской стрелы остриями вверх. Ниша оформлена красными треугольниками и черной обводной линией.

Поле за пилястрами на западной стене свободно. Только под потолком идет фриз, орнаментированный зигзагообразными чередующимися рельефными и углубленными линиями разных цветов. Фриз тянется с обеих сторон до конца западной стены и заходит на южную и северную стены, продолжаясь до их половины. На северной стене в месте, где кончается этот фриз, вырублена ниша, форма которой и дополнение росписью изображает торцовую часть строения, совершенно аналогичного строению с двускатной крышей на восточной стене. Последнее только немного больше по размеру. Кроме того, постройка на северной стене окружена стрелами со всех четырех сторон, и красная обводная линия идет по самому контуру ниши, не спускаясь, как на восточной стене. Завершается жилище тоже вертикально поставленным красным копьем с черными лошадиными головками по сторонам.

На восточной стене поле вне пилястр также оставлено свободным, только под потолком идет широкая красная полоса с обеих сторон, продолжающаяся до середины северной и южной стен. На северной стене эта полоса отделяется от фриза из зигзагообразных линий изображением жилища, которое как бы стоит на границе между ними. На южной стене оба фриза смыкаются. Ниша, вырубленная на южной стене, имеет прямоугольную форму и обведена с трех сторон двумя красными линиями, между которыми заключены красные стрелы.

Вся роспись сделана непосредственно на поверхности камня, без дополнительной ее подготовки.

Как уже говорилось, в археологической литературе были предложены интерпретации сюжетов росписи, но все они касались почти исключительно изображений на западной стене. Орнаментальная часть оформления рассматривалась только как чисто декоративный момент. В. П. Бабенчиков, например, интерпретировал сцены росписи западной стены как мемориальные [12], а П. Н. Шульц считал орнаментальное оформление склепа воспроизведением внутреннего убранства кочевой юрты, в частности, трактуя клетчатые квадраты как изображения ковров [13]. Но эти интерпретации не учитывают всей совокупности элементов оформления склепа, что приводит к определенным противоречиям. Так, например, не ясно, почему «внутреннее убранство юрты» включает такие мотивы, как изображения жилищ и сюжетные сцены.

Как известно, всякая система археологических фактов может иметь не одно, а несколько исторических объяснений, из которых нужно выбирать наиболее непротиворечивые [14]. Данная работа и представляет попытку найти для оформления склепа № 9 именно такое объяснение, учитывающее практически все его элементы, что представляется возможным в связи со значительными успехами в разработке методики изучения древних изобразительных памятников как своего рода текстов и в исследованиях по реконструкции скифской идеологии, чего исследователи не имели ранее.

Следует сразу оговорить, что моя попытка дешифровки оформления склепа не претендует на окончательность и однозначность в толковании значения отдельных его деталей. Предлагаемая интерпретация сюжета росписи склепа № 9 основывается прежде всего на положении, что в архаическом искусстве, базирующемся на мифологическом мировосприя-

---

[12] Там же, с. 114.
[13] *Шульц, Головкина.* Ук. соч., 164.
[14] *Шер Я. А.* Методологические вопросы археологии.— ВФ, 1976, № 10, с. 75.

тии, изображение бытовых сцен в гробнице практически исключено [15], из чего следует отрицание случайного характера сочетания элементов оформления и произвольного выбора мотивов сюжета. Оформление склепа, таким образом, рассматривается как единое целое, как связный текст, в котором значимы и выбор всех его составляющих, и их взаиморасположение в общей структуре композиции.

К какому же типу текста следует отнести наш памятник? Прежде всего его особенность в том, что мы не можем извлечь из него всю заключенную в нем информацию, так как она в значительной степени закодирована при помощи символических знаков. Тексты этого типа входят в «обширный класс сообщений, при которых информация будет не содержаться в тексте и из него соответственно извлекаться получателем, а находиться вне текста» [16]. Наш текст следует отнести к каноническим, которые играли роль «возбудителя, вызывающего возрастание информации внутри сознания получателя» [17].

О традиционности для позднескифской культуры знаков, использованных в декоре склепа № 9, свидетельствует, к примеру, тот факт, что в склепе № 2 на западном участке некрополя позднескифской столицы на единственной сохранившейся (южной) стене был обнаружен такой же фриз из зигзагообразных линий [18].

Из всего этого следует, что попытаться определить значение знаков, использованных в качестве элементов оформления склепа, можно — в силу их конвенционального характера — лишь привлекая для этого дополнительные данные. При этом я стараюсь найти наиболее универсальные значения того или иного элемента с привлечением широких хронологических и территориальных аналогий, что, на мой взгляд, в данном случае усиливает правомерность приложения выбранного значения к элементу нашего текста. Такой подход вполне оправдан, так как «архаичные явления — в их первозданном или несколько преобразованном виде — в культуре держались тысячелетиями, особенно в такой традиционной области, как изобразительное творчество, не имевшее утилитарных функций» [19]. В особенности это касается орнаментальных мотивов, истоки которых правомерно искать в глубокой древности, ибо «даже в средневековье основные мотивы орнаментики повсюду одни и те же, поскольку они пришли из бронзового века» [20].

Рассматриваемый текст включает и иконические и конвенциональные знаки. При этом мы наблюдаем здесь «известную избыточность мифологической информации. Подобная избыточность обеспечивает прочность механизма передачи мифологической информации от старших к младшим» [21]. Это до некоторой степени облегчает расшифровку текста.

Прагматическая функция рассматриваемого памятника сама по себе дает определенные указания на значение как всей системы его оформления, так и отдельных элементов. Это — погребальное сооружение. Погребальные же сооружения создавались так, чтобы осуществить основную цель погребального ритуала — обеспечить загробное существование умершего. Реализовывалась эта идея в придании определенной формы могиле, ее сакрализации. В индоиранской и всей индоевропейской мифоло-

---

[15] *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977, с. 11 сл.

[16] *Лотман Ю. М.* Каноническое искусство как информационный парадокс.— В кн.: Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М., 1973, с. 18.

[17] Там же, с. 19.

[18] *Бабенчиков.* Отчет о раскопках..., с. 14.

[19] *Столяр А. Д.* О генезисе изобразительной деятельности и ее роли в становлении сознания.— В кн.: Ранние формы искусства. М., 1972, с. 47.

[20] *Лелеков Л. А.* Семантический параллелизм в орнаментике Средней Азии, Закавказья и древней Руси.— Сообщения Гос. Музея искусства народов Востока. Вып. VI, М., 1972, с. 52.

[21] *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М., 1976, с. 234.

гии гробница трактовалась как микрокосмос,[5] соответственно ее планировка осмыслялась как миниатюрное воспроизведение структуры Вселенной, что следует из текстов Ригведы и других памятников самых различных эпох [22]. В данном случае эта идея реализовалась не только в планировке самого погребального сооружения, но и изобразительными средствами. В более раннее время такой результат достигался и путем ритуальных действий. Так, в скифском мире существовал обряд воздвижения по сторонам от погребаемого вертикально воткнутых копий, что «семантически было тождественно установлению 4-х космических столбов» [23].

Известно, что в древнеиндийской традиции четкое выражение получило представление о четырех мировых деревьях, соотносимых со сторонами света и размещаемых соответственно в виде четырехугольника [24]. В скифской мифологии, этногенетически близкой древнеиндийской, также находит отражение представление о четырехугольном горизонтальном строении мира [25].

Представляется возможным предположить, что в оформлении склепа № 9 основу устройства гробницы составляли четыре пилястра, символизировавшие те же четыре столба. Они сделаны на равном расстоянии друг от друга и оформлены, по-видимому, в соответствии с традиционной манерой изображения мирового дерева в виде вертикальной цепочки ромбов. Ромбические композиции, символизировавшие мировое дерево, были распространены очень широко. Е. В. Антоновой рассмотрены истоки этой традиции на примере орнаментов анауской культуры [26]. В свое время А. К. Амброзом были собраны примеры такого изображения мирового дерева у разных народов в разное время [27].

В. П. Андриенко на изобразительном материале лесостепной Скифии раннего времени показал такую же семантику ромбических композиций. Он прямо говорит о священном дереве — ромбе с примыкающими к нему треугольниками [28]. Скифский изобразительный материал также дает пример ромбической интерпретации священного дерева — на бутероли меча из Келермеса [29].

Таким образом, все это позволяет предположить именно такую семантику четырех пилястр. Подтверждают эту трактовку изображения животных в ромбах: во втором сверху ромбе — петуха и ниже — оленя. О соотнесенности определенных животных с определенными уровнями мироздания в литературе говорилось много. Известно, что по концепции мирового дерева верху соответствуют птицы, а средней части, земле — копытные [30]. О причастности петуха к «верху», о его связи с солнцем свидетельствуют как письменные, так и изобразительные памятники разных

---

[22] *Лелеков Л. А.* Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тыс. до н. э.— В кн.: История и культура народов Средней Азии. М., 1976, с. 7; *Петрухин В. Я.* О функциях космологических описаний в погребальном культе.— В кн.: Обычаи и культурно-дифференцирующие традиции у народов мира. МФГО СССР. М., 1979, с. 3 сл.

[23] *Переводчикова Е. А., Раевский Д. С.* Еще раз о назначении скифских наверший.— В кн.: Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981, с. 48.

[24] *Топоров В. Н.* О брахмане. К истокам концепции.— В кн.: Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974, с. 82.

[25] *Раевский.* Очерки идеологии..., с. 84 сл.

[26] *Антонова Е. В.* Орнаменты на сосудах и «знаки» на статуэтках анауской культуры (К проблеме значения).— В кн.: Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981, с. 10 сл., рис. 2.

[27] *Амброз А. К.* К истории Верхнего Подесенья в I тыс. н. э.— СА, 1964, № 1, с. 68 сл., рис. 8.

[28] *Андриенко В. П.* Земледельческие культы племен лесостепной Скифии (VII—V вв. до н. э.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Киев, 1975, с. 18.

[29] *Ильинская В. А.* Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве.— СА, 1971, № 2, рис. 1, *1*.

[30] *Топоров В. Н.* К происхождению некоторых поэтических символов.— В кн.: Ранние формы искусства. М., 1972, с. 93; *Мелетинский.* Поэтика мифа, с. 214.

народов [31]. Так, в Ригведе петух назван «видящим первым зарю» [32], о святости петуха говорится в Авесте, где он определяется как «барабан мира» [33]. Из изобразительных памятников следует прежде всего упомянуть двух геральдически сопоставленных петухов на перекрестье ножен скифского меча из Толстой Могилы [34]. Копытные у ствола мирового дерева — столь частая композиция в изобразительных традициях различных народов и эпох, что соотнесенность их с земным миром уже давно доказана, о чем уже говорилось выше. Таким образом, расположение животных на стволе пилястра именно в таком порядке, видимо, может служить доказательством высказанного предположения. По-видимому, рисунки были во всех ромбах.

Обратимся теперь к интерпретации плоскостей стен, где значимым является взаиморасположение орнаментальных мотивов. В. Н. Топоров в свое время отметил, что «для настенной живописи характерен топографический контекст..., для нее является релевантным положение изображения в определенном месте и положение одного изображения относительно другого» [35]. Данный тезис как нельзя лучше иллюстрируется рассматриваемым памятником. Помимо упомянутых четырех пилястров — мировых столбов, определяющим в топографическом контексте оформления склепа № 9 представляется размещение орнамента из стрел и копий, которое явно не случайно.

Прежде всего на западной стене, внутри пространства, ограниченного пилястрами, идет фриз из треугольников и вертикально поставленных стрел. На восточной стене стрелы в аналогичном фризе отсутствуют, но ими окружены жилище и квадрат, соответствующий квадрату на западной стене, также окруженному стрелами. Далее, стрелы окружают со всех четырех сторон жилище с двускатной крышей, находящееся на северной стене. Напротив него, на южной стене, вырублена прямоугольная ниша, окруженная стрелами с трех сторон.

Таким образом, мы имеем три пары объектов, отмеченных стрелами: на западной стене — целиком все пространство между пилястрами и квадрат; на восточной стене — жилище с двухскатной крышей и квадрат; на северной и южной стенах — жилище и ниша. Кроме того, все три жилища завершаются вертикально поставленными, по-видимому, копьями. Как мы увидим, семантически стрелы и копья тождественны, что исключает необходимость дифференциации этих предметов в орнаменте. Какова же их роль в топографическом контексте росписи?

П. Н. Шульц в свое время близко подошел к пониманию этих знаков как ритуально значимых, назвав их оберегами и приведя в качестве доказательства упоминавшееся выше свидетельство Геродота о втыкании копий в могилу во время погребения [36], что, по мнению Е. В. Переводчиковой и Д. С. Раевского, сакрализовало пространство могилы [37]. Этот обряд неоднократно зафиксирован археологически [38]. О том, что копья у разных народов трактовались как элемент, связывающий землю с небом, свидетельствует и рассказ Геродота (IV, 94) о гетах, которые посылали вестника к богу Залмоксису, бросая его на острия вертикально поднятых копий. Один в Эдде «...проходит типично шаманскую инициацию, будучи

---

[31] Мифы народов мира. Т. II. М., 1982, с. 309 сл.

[32] *Кузьмина Е. Е.* Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев.— В кн.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 54.

[33] *Маковельский А. О.* Авеста. Баку, 1960, с. 124 (Видевдат, фаргард XVIII).

[34] *Мозолевський Б. М.* Товста Могила. Київ, 1979, с. 68, рис. 52, *2*.

[35] *Топоров.* К происхождению . . ., с. 80.

[36] *Шульц П. Н.* Исследования Неаполя скифского (1945—1950 гг.).— ИАДК, Киев, 1957, с. 90.

[37] *Переводчикова, Раевский.* Ук. соч., с. 49.

[38] *Ольховский В. С.* Раннескифские погребальные сооружения по Геродоту и археологическим данным.— СА, 1978, № 4, с. 96.

9 дней подвешен на дереве, ... пронзенный копьем» [39]. Как пишет Б. Ибраев, в Казахстане традиционным было втыкание копья в центре юрты так, чтобы острие было над крышей, для создания пути на небо душе умершего [40]. В этом смысле интересно изображение длинного копья у юрты в росписи склепа Анфестерия [41]. Явно ритуальные ситуации изображены в технике граффити на стенах здания *А* Неаполя, в которых участвуют люди с предметами в руках, напоминающими копья [42].

О подобном значении стрелы есть также немало свидетельств. Много примеров ритуальной значимости выстрела из лука приведено у Д. С. Раевского [43]. Примечателен приведенный им пассаж из древнеиранской традиции, согласно которой стрела лучника Эрехша, «ария из ариев», определяет пределы Ирана [44]. Явно сакральный смысл имело увенчание стрелами ритуального головного убора с изображением зон мироздания из кургана Иссык. Расположение их в верхней части убора, безусловно, символизировало связь с небом [45]. Понимание стрелы как медиатора между землей и небом было настолько широко распространено, что это позволило Е. М. Мелетинскому назвать ее наряду с другими эквивалентами мирового дерева: «В архаических мифах между ранее слитными небом и землей прокладывается путь по растущему вверх дереву, по столбу, по горе, по цепи стрел, запущенных таким образом, что конец одной втыкается в хвост другой, по радужному мосту, по лучу, лестнице и т. п.» [46].

Таким образом, все приведенные примеры свидетельствуют о том, что копье и стрела служили у многих народов символом связи неба с землей и, в частности, по-видимому, в позднескифское время. Графическое отражение этой семантики мы и имеем, вероятно, в орнаментике склепа. Поэтому представляется вполне обоснованным изображение стрелы/копья в росписи склепа № 9 понимать как знак для выделения сакрально отмеченных пространств и объектов, а также как медиатора между небом и землей и, соответственно, пути, по которому душа умершего и, как мы увидим, жертвоприношение попадают на небо.

Из этого следует, что основным сакрально отмеченным местом в росписи служит часть западной стены между пилястрами, расположенная под фризом с изображением стрел. Треугольники, между которыми размещены стрелы этого фриза, а также фриз из таких же треугольников над входом традиционно изображают горы. Сам по себе треугольник имеет довольно твердую семантику, означая, как правило, землю, земную твердь [47]. Гора же в мифологиях, как известно, часто рассматривается как путь на небо [48]. Так, в иранской мифологии мировая гора была вершиной хребта Харайти, окружавшего «и восточные и западные страны» [49]. О близком значении горы в греческой мифологии напоминать излишне. Таким образом, символическое значение этого элемента в контексте росписи склепа очевидно.

Основные сюжеты росписи размещены на восточной и западной стенах. Орнаментальное оформление их различно. Прежде всего в фризе восточ-

---

[39] *Мелетинский Е. М.* Скандинавская мифология как система.— В сб.: Труды по знаковым системам. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, 1975, т. VII, с. 41.

[40] *Ибраев Б.* Космогенические представления наших предков.— Декоративное искусство, 1980, № 8, с. 44.

[41] *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, табл. LI.

[42] *Дашевская О. Д.* Граффити на стенах здания в Неаполе Скифском.— СА, 1962, № 1, с. 177, рис. 6.

[43] *Раевский Д. С.* Куль-обские лучники.— СА, 1981, № 3, с. 46 сл.

[44] Там же, с. 47.

[45] *Акишев А. К.* Идеология саков Семиречья (По материалам кургана Иссык).— КСИА, вып. 154, 1978, с. 40.

[46] *Мелетинский.* Поэтика мифа, с. 215.

[47] *Андриенко.* Ук. соч., с. 15.

[48] *Мелетинский.* Поэтика мифа, с. 215.

[49] Мифы народов мира. Т. I. М., 1980, с. 562.

ной стены отсутствуют стрелы. Расположение основных изображений на противоположных стенах заставляет вспомнить об основном принципе построения мифологических символических классификаций, а именно — о принципе бинарных противопоставлений. Е. М. Мелетинский пишет об этом следующее: «Первоначальными „кирпичиками" мифологических символических классификаций являются не мотивы, а отношения в виде элементарных семантических оппозиций, в первую очередь соответствующих простейшей пространственной и чувственной ориентации человека (верх/ /низ, левый/правый...)» [50] и т. д.

Таким образом, мы вправе предположить, что пространство на западной стене, целиком сакрализованное, мыслилось как верх, т. е. небо. Соответственно противоположная стена должна была олицетворять низ, т. е. землю. Напомним, что западная стена находится против входа в склеп, т. е. по отношению к входящему располагается впереди, тогда как восточная стена — сзади. Это также соответствует обычной в символических классификациях соотнесенности пространства, расположенного позади субъекта с низом, а спереди — с верхом. Такое же дихотомическое деление вселенной дается при ее описании в Видевдате (19, 3): земля, океан, окружающий землю наподобие широкой реки, и небо, на котором находится рай (верхнее небо). Это деление вселенной принципиально отличалось от обычного трихотомического, отраженного, к примеру, в греческой мифологии.

Следующий этап расшифровки схемы росписи приводит нас к анализу опоясывающих фризов: зигзагообразного и в виде красной полосы, которые наряду с пилястрами и фризом со стрелами представляются здесь структурообразующими элементами. Каждый фриз связан с определенной частью оформления склепа. Зигзагообразный, идущий в обе стороны от пилястр на западной и продолжающийся до середины северной и южной стен, связан с западной (передней) половиной склепа. Красная полоса как бы опоясывает восточную (заднюю) его половину. В середине северной и южной стен фризы смыкаются. В связи с этим следует вспомнить упоминавшееся уже деление вселенной в Видевдате: землю опоясывает океан наподобие широкой реки. Расположение фриза — полосы в топографическом контексте росписи — позволяет предположить именно такую семантику этого фриза. Вода вообще практически во всех мифологиях окружает землю: «Четырехугольная горизонтальная космическая модель..., накладывается на идущее из космогонических мифов представление о земле, поднятой из мирового океана (водяного хаоса), а потому и окруженной водой со всех сторон» [51]. Таким образом, семантика фриза в виде сплошной красной полосы предполагается из его расположения относительно других элементов росписи, Зигзагообразный орнамент, будучи также знаком конвенциональным, прежде всего должен быть рассмотрен с точки зрения его размещения. Он расположен так же, как и фриз из красной полосы, т. е. как бы опоясывает западную часть склепа. Но помимо размещения есть и другие аргументы, позволяющие предположить, что здесь изображена вода. Знак зигзага многими исследователями трактуется как знак воды. Е. В. Антонова предполагает такую семантику зигзага на анауских статуэтках [52]. По мнению Ф. Аккерман, таким образом — вертикальными зигзагами — на сузской керамике изображалась космическая река [53]. А. А. Миллер, рассматривая бляхи из Закавказья, по-видимому, справедливо считал замену изображений водоплавающих птиц, символизировавших водную стихию, зигзагообразной линией на семантически тождественную [54]. Он же привел в качестве дока-

[50] *Мелетинский.* Поэтика мифа, с. 230.
[51] Там же, с. 216.
[52] *Антонова.* Ук. соч., с. 12.
[53] *Ackerman Ph.* Some problems of Early Iconography.— SPA, I, 1938, p. 845.
[54] *Миллер А. А.* Элементы «неба» на вещественных памятниках.— ИГАИМК, вып. 100, 1933, с. 145.

зательства этого положения египетский знак дождя в виде ряда вертикальных зигзагов [55]. Подобный знак на кизил-кобинском сосуде [56] рядом с изображением солнца А. М. Лесков интерпретирует как знак молнии [57]. Свидетельств о таком изображении молнии мы как будто бы не имеем, хотя семантически молния, несомненно, была связана с «небесной водой» — дождем — как связующим звеном между низом и верхом. Возможно, и на кизил-кобинском сосуде изображены две основные стихии — солнце и вода. Поэтому зигзагообразный орнамент представляется более правильным считать обозначением воды.

Таким образом, можно предположить, что схема оформления склепа представляла космос, окруженный водой и разделенный на два уровня, каждому из которых соответствует одна из половин склепа. Внутри каждого уровня роспись по своему содержанию согласуется с этой схемой.

Как уже говорилось, важным в контексте росписи представляется размещение орнамента из стрел, отмечавшего сакральные места. В этом смысле прежде всего следует рассмотреть изображенные на обеих стенах — западной и восточной — квадраты, обведенные стрелами. Они нарисованы строго друг против друга, в одинаковой раскраске, и оба с трех сторон окружены стрелами. Разница между ними в том, что рисунок внутри квадрата на западной стене составлен из квадратов, а на восточной — из ромбов. Квадрат на западной стене раскрашен таким образом, что внутри него четыре больших ступенчатых треугольника с вписанными в них маленькими сходятся вершинами в центре, в целом квадрат пересекается двумя большими диагоналями из белых клеток. О втором квадрате судить труднее, так как рисунок внутри него практически не сохранился. В. П. Бабенчиков писал, что он был сделан в той же раскраске, что и первый, только ромбами. П. Н. Шульц отметил, что оба «ковра» были обведены красными стрелами. Можно предположить, что если принцип раскраски второго квадрата совпадал с первым, то внутри должны были составиться четыре треугольника вершинами к центру и в целом квадрат опять-таки пересекался двумя диагоналями.

Теперь следует обратить внимание на то, каким образом реализована мастером задача изображения разных плоскостей, совмещение горизонтальной и вертикальной подсистем космической модели. Мы видим на вертикальной плоскости изображение горизонтальной. Все предметы изображены плоскостно и профильно. Поэтому мы вправе предположить, что квадраты изображали горизонтальную плоскость, окруженную вертикальными предметами, в данном случае стрелами или копьями.

Б. В. Раушенбах, разбирая особенности древнеегипетской живописи, отмечает в ней условно-чертежные приемы, неизбежность обращения к плану в случае необходимости изобразить глубокое пространство (например местность с прудом) [58]. В качестве примера он приводит иллюстрацию из Книги Мертвых «Осирис у пруда», где изображение пруда дает схему, совершенно аналогичную нашим квадратам [59]. Метод ортогональной проекции применялся и в средневековой живописи для бóльшей информативности изображения. В случае с девятым склепом мы также имеем соединение в художественном произведении различных методов, о чем говорит Б. В. Раушенбах: «Художественное произведение может содержать наряду с привычной нам геометрией, основанной на рисунке, и менее привычные приемы чертежа, причем эти элементы вовсе не говорят о неумении или наивности художника... Живописец в некоторых слу-

---

[55] Там же, с. 155, рис. 20.

[56] *Щепинский А. А.* Солярные изображения эпохи бронзы из Крыма.— СА, 1961, № 2, с. 230, рис. 3.

[57] *Лесков А. М.* Горный Крым I тыс. до н. э. Киев, 1965, с. 186.

[58] *Раушенбах Б. В.* Пространственные построения в живописи. М., 1980, с. 16 сл.

[59] Там же, рис. 2 на с. 19.

чаях пытается сделать то, что легко доступно скульптору — передать и видимую и объективную геометрию одновременно» [60].

Таким образом, наши квадраты должны были изображать горизонтальные плоскости, окруженные вертикальными предметами. Поскольку мы определили значение стрел-копий как сакрализующего элемента, следует вывод, что квадраты представляли собой какие-то горизонтальные сакрализованные пространства. В этой связи естественно вспомнить о значении квадрата в индоиранской письменной традиции. В иранской мифологии большую роль играло повествование о культурных деяниях Йимы, об утверждении им порядка и преодолении хаоса, выразившемся в постройке квадратного ограждения райской обители [61]. Л. А. Лелеков считает, что позднеавестийская «квадратная Вара» выступает синонимом неба, часто мыслившегося в индоиранской традиции тоже квадратным [62]. Таким образом, «„квадратная Вара", священная ограда против сил смерти, возведенная воплощением солярного начала, Йимой, непременно должна была соотноситься с небом, квадратным в раннем арийском предании» [63]. Реализация этих представлений выразилась в квадратной планировке всех главных культовых построек Ирана, а также в четырехугольной форме очагов, связанных с культом огня небесного [64].

В раннескифских материалах это представление прослеживается в форме описанного Геродотом (IV, 59—62) жертвенника Ареса — четырехугольной площадки, три стороны которой отвесны, а с четвертой есть доступ. На последнее обстоятельство — доступ с одной стороны — следует обратить особое внимание, так как квадраты на стенах склепа окружены стрелами-копьями только с трех сторон. Геродот сообщает (IV, 71), что «когда у скифов умирает царь, то там вырывают большую четырехугольную яму».

Подобная символика квадрата существовала, видимо, и в позднескифское время. Например, в центре склепа № 2 на восточном участке некрополя Неаполя было сделано прямоугольное возвышение — жертвенник [65]. Присутствие прямоугольника над женской фигурой на Чайкинском каменном рельефе со сценой предстояния, безусловно, подтверждает это, что и доказано Д. С. Раевским, трактующим этот знак как символ небесного огня [66].

Очень интересен жертвенник, обнаруженный на городище Золотая Балка [67]. Он был сделан в виде четырехугольной глиняной площадки с закругленными углами (как и у наших квадратов). На площадку были нанесены изображения солярного символа в виде креста с четырьмя концентрическими овалами. Как известно, и раннескифские жертвенники часто орнаментировались солярными символами [68].

Это обстоятельство заставляет подробно рассмотреть орнаментальные фигуры, вписанные в квадраты на западной и восточной стенах. Как мы уже говорили, рисунок на квадрате западной стены представляет собой две пересекающиеся диагонали, по сторонам которых четыре ступенчатых треугольника сходятся к их центру.

Ступенчатые треугольники были очень распространенным элементом орнаментов с бронзового века. Семантика их трактовалась исследователями не однозначно. Так, Ф. Аккерман рассматривала подобные фигуры на

---

[60] Там же, с. 10.

[61] *Лелеков.* Отражение некоторых мифологических воззрений..., с. 13.

[62] Там же, с. 15.

[63] Там же.

[64] *Иванов В. В.* Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии.— В сб.: Труды по знаковым системам, т. IV, Тарту, 1969, с. 63.

[65] *Бабенчиков.* Некрополь Неаполя..., с. 95.

[66] *Раевский.* Очерки идеологии..., с. 105.

[67] *Вязьмітіна М. І.* Золота Балка. Київ, 1962, с. 213, рис. 86, 7.

[68] *Андриенко.* Ук. соч., с. 21.

персепольской керамике как небесный символ [69] Е. В. Антонова видит в них часть композиции священного дерева [70]. Так или иначе, этот элемент определенно связан с представлениями о мироздании. В целом композиция, подобная изображенной на квадратах,— пространство, разделенное на четыре части с четырьмя солярными, небесными символами или символами священного дерева,— представляет собой космограмму, реализовывавшую идею четырехсторонней вселенной. Они встречаются уже в очень раннее время, с бронзового века. В эллинистическую эпоху подобные композиции получили большое распространение в орнаментации жертвенников во Фракии. Прямоугольники, пересеченные диагоналями, служили основой орнаментации трех жертвенников из Севтополиса IV в. до н. э. [71] Очень интересна композиция жертвенника II—I вв. до н. э. из Попешты [72]. В центре прямоугольника, пересеченного диагоналями, изображен солярный знак. По-видимому, аналогична семантика прямоугольной фигуры, пересеченной диагоналями, на каменной стеле с Кавказа, относящейся, вероятно, к первым векам н. э.[73]

Чрезвычайно интересным и важным обстоятельством представляется то, что жертвенники, подобные севтопольским, были найдены и во фракийских курганных некрополях IV в. до н. э.[74] М. Чичикова делает вывод, что алтарь-жертвенник из дома переходил в могилу — вечный дом покойника [75]. В скифском мире также был распространен обычай помещения жертвенников в погребальные сооружения, причем они были связаны не только с обрядом тризны по погребенному, но и составляли часть погребального инвентаря, «...подобно тому как в инвентарь погребений савроматских женщин входили переносные алтарики...»[76]. В некрополе Неаполя скифского о продолжении этой традиции в позднее время свидетельствует прямоугольный жертвенник в склепе № 2. Таким образом, рисунки в квадратах склепа № 9 можно почти с уверенностью рассматривать как космограммы, как и на золотобалковском жертвеннике. Изображения квадратов в таком случае следует рассматривать как сакральные центры, возможно жертвенники, подобно тому как центром культурного пространства считались центральный храм, алтарь и другие объекты, через которые проходила мировая ось. В этом смысле важно, что наши квадраты изображены друг против друга и центры их совпадают.

Свидетельства скифских и фракийских археологических материалов о помещении жертвенников в погребальные сооружения и о переносе их из дома в могилу могут служить объяснением изображения квадратов и на «верхнем» и на «нижнем» уровнях. Фигура у квадрата на западной стене в этом случае может получить довольно определенное объяснение. Помещенный непосредственно около этого объекта человек имеет, видимо, прямое к нему отношение. Коль скоро объект этот интерпретируется нами как нечто вроде жертвенника, то человек, по-видимому, связан с ним ритуальным действием. Музыкальный инструмент в его руках указывает, с каким именно действом следует связывать изображение. Предположение П. Н. Шульца о том, что так называемый скиф-певец повествует о подвигах умершего, было в общем недалеко от истины [77]. О необходимости словесного и музыкального сопровождения практически всех ритуалов из-

[69] *Ackerman*. Op. cit., p. 833 f.
[70] *Антонова*. Ук. соч., с. 11.
[71] *Чичикова М.* Жертвенники эллинистической эпохи во Фракии.— Studia Thracica, 1. Фрако-скифские культурные связи. Sofia, 1975, с. 182.
[72] *Radu Vulpe*. Şantierul arheologic Popeşti.— MCA, VI, 1959, p. 308 sq., fig. 1f et 7.
[73] Материалы по археологии Кавказа. Вып. I. М., 1888, с. 33, рис. 48.
[74] *Чичикова*. Ук. соч., с. 185.
[75] Там же, с. 188.
[76] *Яценко И. В.* О двух жертвенниках-эсхарах в курганах побережья Днепровско-Бугского лимана.— Труды ГИМ, 37, М., 1960, с. 103 сл.
[77] *Шульц*. Работы Тавро-скифской экспедиции..., с. 27.

вестно, например, из индийской письменной традиции. Одной из самых древних индийских «вед» являлась Самаведа — веда напевов, для которой имелся специальный жрец, исполнитель ритуальных напевов. Геродот сообщает (IV, 60), что у скифов в течение всего времени жертвоприношений «жрец взывает к богу, которому приносит жертву», описывает (IV, 70) обряд договора о дружбе, после которого «произносят длинные заклинания».

В соответствии с символикой западной стены как «ве́рха» мастером был выбран и другой сюжет росписи, так называемая сцена «охоты». Д. С. Раевским было предложено трактовать эту сцену как иллюстрацию подвига Триты-Траетаоны — убийства им демона в образе кабана [78]. Такая интерпретация на первый взгляд не только не противоречит предложенной схеме оформления склепа, а даже, я бы сказала, прекрасно укладывается в ее контекст. Но одно обстоятельство заставляет предложить несколько иную, менее конкретную трактовку сюжета. Я имею в виду чисто иконографический момент. Д. С. Раевским предложены в качестве аналогий памятники, где изображено непосредственное действие как, например, на малоазийском рельефе IV в. до н. э., в верхнем ярусе которого герой-всадник поражает копьем дикого кабана [79]. Сцена здесь вполне реалистична и не оставляет сомнений в ее значении.

В росписи же нашего склепа персонажи сцены как бы разделены на две группы. Такое автономное размещение кабана и собак, с одной стороны, и всадника — с другой, уже само по себе предполагает самостоятельное значение. Охота всадника на кабана — вообще очень распространенный мотив в восточном изобразительном искусстве. Вполне вероятно, что истоком его и был приведенный мифологический сюжет, но мне представляется более правильным по вышеуказанной причине и для позднего времени рассматривать значение этой сцены более широко.

Что в сущности олицетворяет сцена борьбы животных, в данном случае — кабана и собак? Хорошо известно значение собаки в индоиранском мифе как существа, связанного с загробным миром. Д. С. Раевский рассматривает изображение собаки, преследующей какое-либо животное, как воплощение мира смерти [80]. В этом смысле данная сцена вполне уместна именно на западной стене, рассматриваемой нами как верхнее небо, местопребывание душ умерших. По-видимому, трактовка П. Н. Шульцем, В. А. Головкиной и В. П. Бабенчиковым остатков росписи в нижнем правом углу западной стены как пейзажного фона [81] была справедливой. Подобная интерпретация этих рисунков вполне согласуется со сценой, изображающей животных, что в целом, в свою очередь, дает основание видеть в росписи западной стены рай иранской мифологии — парадиз, который, к примеру, в Авесте представлялся как охотничий парк. М. И. Ростовцев предполагал возможность такой трактовки сюжетов росписей и для некоторых боспорских склепов (например для склепа, обнаруженного в 1872 г.) [82].

Предлагаемая интерпретация западной стены как «ве́рха» получает, таким образом, дополнительную аргументацию.

Роль всадника в росписи представляется достаточно очевидной. На рубеже н. э. и в первые века ее в Северном Причерноморье в надгробных памятниках была широко распространена героизация умерших [83], т. е. изображение их в традиционной иконографии божеств. Изобразительный материал из Малой Скифии свидетельствует о том, что популярным в это

---

[78] *Раевский.* Очерки идеологии..., с. 83.
[79] *Ghirshman R.* Persia from the Origins to Alexander the Great. L., 1964, fig. 442.
[80] *Раевский Д. С.* Из области скифской космологии.— ВДИ, 1978, № 3, с. 126.
[81] *Шульц, Головкина.* Ук. соч., с. 164; *Бабенчиков.* Некрополь Неаполя..., с. 109.
[82] *Ростовцев.* Античная декоративная живопись..., с. 344.
[83] *Іванова Г. П.* Образ вершника в боспорському надгробному рельєфі.— АП УРСР, XI, 1962, с. 180.

время стал герой-всадник, возможно, конный бог. Этот персонаж присутствует и в росписи склепа № 9.

Земной мир, который олицетворяет пространство восточной стены, представлен изображением двух строений, включение которых в композицию росписи уже само по себе говорит об их большой значимости. В особенности это касается жилища с двускатной крышей, окруженного стрелами. Стрелы-копья, по-видимому, так же как и вокруг квадратов, мыслились вертикально воткнутыми вокруг жилища, таким образом сакрализуя его. О том, что жилище для человека в древности было сакральным, в первую очередь в смысле защищенности от «дикой периферии», хорошо известно. Часто постройка сама по себе моделировала организованный мир. Об отношении к жилищу свидетельствуют и амулеты, воспроизводящие внешний их вид, которые встречаются в археологическом материале. Например, амулет в виде жилища с двускатной крышей из Грузии, датирующийся рубежом I тыс. до н. э.[84]

Второе строение представляет собой постройку другой конструкции. П. Н. Шульц и В. А. Головкина предполагали, что это изображение или скифской юрты с каркасом из ветвей, или «небольшого культового сооружения — капища, стоящего на деревянных столбах, с приставной лесенкой» [85]. Трактовку этого строения как юрты приходится сразу отвергнуть, так как в этом случае необъяснимо присутствие лестницы. Второе предположение об этой постройке как о культовом сооружении на столбах более обосновано с точки зрения конструкции, но, к сожалению, никакими другими материалами не подтверждается, хотя такая конструкция для культового сооружения, как увидим, вполне оправдана.

Представляется возможным в очень гипотетической, правда, форме высказать несколько иное предположение. Более всего постройка на восточной стене напоминает так называемые башенные жилища [86]. В том, что здесь изображено строение башенной конструкции, нас убеждает и нарисованная приставная лестница. Квадраты внутри ниши, возможно, изображали сводчатое перекрытие. Существование таких построек в позднескифское время, видимо, подтверждается и рисунком башни в технике граффити в здании *А* Неаполя скифского [87]. О назначении изображения башни в склепе № 9 говорить приходится очень предположительно. Вся конструкция сооружения наводит на мысль о стремлении передать его связь с «верхом». Вытянутость в вертикальном направлении всего строения, лестница и завершение вертикально поставленным копьем с конькаами — все это убеждает в правомерности такого предположения. Противопоставление башни двускатному жилищу, размещение его с другой стороны от входа позволяет предположить и другое его назначение. Возможно, здесь изображено погребальное сооружение.

Погребальные сооружения в форме башен были явлением достаточно распространенным. Так, в ахеменидское время в Накш-и-Рустаме погребальная башня имеет на уровне второго этажа проем — вход, в который можно попасть только по приставной лестнице [88]. К. Иностранцевым были описаны осетинские погребальные башни, которые напоминают по форме изображенную в склепе № 9. Это были «башни с конической крышей..., состоящие иногда из 2-х и более этажей» [89]. Сама по себе архитектура таких погребальных сооружений символизировала приближенность к небу. Небезынтересным кажется вспомнить, что мавзолей Неаполя

[84] *Джандиери М. И.* Древнее башенное общинное жилище.— ВДИ, 1981, № 2, с. 119, рис. 1.

[85] *Шульц, Головкина.* Ук. соч., с. 165.

[86] *Джандиери М. И., Лежава Г. И.* Народная башенная архитектура. М., 1976, с. 46.

[87] *Дашевская.* Граффити..., с. 182, рис. 11.

[88] *Джандиери, Лежава.* Ук. соч., с. 109.

[89] *Иностранцев К.* О древнеиранских погребальных обычаях и постройках.— ЖМНП, 1909, март, ч. XX, с. 119.

скифского в позднее время стал башней, куда попадали по лестнице [90]. Путь на небо у многих народов мыслился в виде лестницы. Такое представление мы встречаем в разных частях мира. Здесь уместно вспомнить цитированный выше фрагмент из работы Е. М. Мелетинского, в котором лестница названа как связующее звено между небом и землей наряду с другими предметами [91]. В позднескифском изобразительном материале о символическом значении лестницы, видимо, свидетельствуют изображения лесенок в здании *А* Неаполя скифского [92]. Автономность этих изображений, как, кстати, и башни, говорит об их символическом значении уже и вне контекста.

Завершение башенного строения копьем с коньками преследует ту же цель. В этом смысле интересен упоминавшийся уже казахский обычай втыкать копье в центр юрты для того, чтобы душа умершего взобралась по нему на небо [93].

Конские головы по сторонам копья свидетельствуют о двоякой функции этой идеограммы. Копье здесь, по-видимому, играет роль жертвенного столба, который служил медиатором для передачи богам жертвоприношений. Ритуальная значимость головы коня в жертвоприношениях хорошо известна. Это зафиксировано и в обрядах ашвамедхи (и других индоиранских ритуалах) и в римском ритуале Equus October [94]. В. В. Иванов сопоставляет роль лошадиной головы в этих традициях с функцией конской головы в греческих изображениях трапез мертвых [95].

Таким образом, семантика этой идеограммы достаточно очевидна. Присутствие подобного символа на жилищах с двускатными крышами должно, по-видимому, рассматриваться как символическая замена ритуала строительного жертвоприношения. Вероятно, здесь мы имеем исток традиции изображения «конька» на крыше, о чем писал В. В. Иванов [96]. В. А. Городцов и П. Н. Шульц говорили об этом ранее, касаясь, однако, только изобразительной стороны традиции [97].

В раннескифском изобразительном материале мотив конских голов, повернутых в разные стороны, встречается, например, в Краснокутском кургане [98]. П. Н. Шульцем уже приводился в качестве аналогии идеограмме копье-кони конский налобник из Чернореченского могильника [99]. Все это свидетельствует о ее традиционности для скифского изобразительного искусства. Не случайно, безусловно, и изображение на северной стене постройки, совершенно аналогичное рисунку на восточной стене. Предположительная интерпретация семантики этой постройки основана на размещении ее в схеме росписи и окруженности со всех сторон стрелами. Это жилище расположено на границе фризов, которые мы условились рассматривать как знак воды. Здесь уместно, видимо, будет вспомнить о значении водных пространств в качестве рубежных в представлениях многих народов. Так, например, в устье шаманской реки, функционально тождественной шаманскому дереву, у северных народов находилась сакральная область обитания душ обожествленных предков [100]. Максималь-

---

[90] *Высотская.* Неаполь..., с. 42.

[91] *Мелетинский.* Поэтика мифа, с. 215.

[92] *Дашевская.* Граффити..., с. 183, рис. 12.

[93] *Ибраев.* Ук. соч., с. 44.

[94] *Иванов В. В.* Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от aśva — «конь».— В кн.: Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974, с. 103.

[95] Там же, с. 108.

[96] Там же, с. 102.

[97] *Городцов В. А.* Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве.— Труды ГИМ, I, 1926; *Шульц.* Исследования Неаполя..., с. 90.

[98] *Мелюкова А. И.* Краснокутский курган. М., 1981, рис. 27, *2*.

[99] *Шульц.* Исследования Неаполя..., с. 92.

[100] *Анисимов А. Ф.* Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.—Л., 1958, с. 144.

ная сакральность жилища на северной стене, о чем свидетельствует окружение его стрелами-копьями со всех четырех сторон и указанное местоположение в системе росписи, возможно, позволяет предположить значение его как загробного жилища.

Наиболее сложным для интерпретации представляется последний элемент росписи, о котором мы еще не говорили. Это ниша на южной стене. Она обведена с трех сторон стрелами, верхняя часть ее непосредственно примыкает к фризу из красной полосы. Ничего определенного о семантике этого элемента пока сказать нельзя. Возможно, это изображение какого-то сакрального места, связанного с водным пространством.

Ниши в оформлении склепа играли определенную роль, о чем свидетельствует концентрация вокруг них росписи. Судя по их небольшому размеру, они устраивались для установки в них вещей и светильников, как считал М. И. Ростовцев. То есть само по себе назначение ниш было в том, чтобы указать на значительность места или сюжета. Значение ниши на западной стене относилось ко всему ее пространству. Орнамент из треугольников «обтекает» нишу, продолжая фриз. Остальные ниши, будучи основанием для изображения объектов, одновременно служили для помещения в них вещей, связанных с погребальным обрядом.

Необходимо коснуться еще одной немаловажной детали оформления склепа — цветов, использованных для росписи. О важности значения цветовой символики в ритуалах и фольклорах народов всего мира хорошо известно. В индоиранской традиции она была типична для сословно-кастовых групп [101]. Э. А. Грантовский предполагает такую символику и для скифской традиции [102].

В склепе № 9 использованы четыре цвета: красный, черный, белый и желтый. Причем белый получен в результате оставления незакрашенными определенных участков поверхности стены. Выявить семантическую нагрузку каждого цвета в росписи склепа не удается. В некоторых случаях выбор краски объясняется стремлением мастера к передаче натуры. Так, красным цветом изображена кровь на ноге кабана. Но в орнаментальных мотивах несомненно присутствие цветовой символики. Представляется не случайным сам набор цветов, которым выполнена роспись. Я. Гонда отмечает, что в индийской традиции при использовании цветов в символических классификациях фигурировали три основных цвета — белый, красный и черный. Когда же необходим был четвертый компонент, всегда использовался желтый [103].

Таким образом, роспись склепа № 9 сделана в традиционной цветовой гамме, идущей от глубокой архаики. Интересно, что для парфянских погребальных сооружений также была характерна раскраска в красный, черный и желтый цвета [104].

Таким образом, орнаментальными средствами в склепе № 9 решены значительные задачи: организовано упорядоченное пространство погребаемому, произведена графическая замена ритуала. Почему же мастером была выбрана именно такая форма оформления склепа? Причина, как кажется, очень точно сформулирована Л. А. Лелековым: «Прогресс орнаментики лишний раз доказывает старую истину: форма определяется содержанием ... Античные натуралистические формы уступали место условным знакам и символам. Знаковая репрезентация позволяла при минимуме изобразительных средств вместить максимум содержания, например, передать идею космологической структуры мира, что совершенно

---

[101] *Dumezil G.* L'idéologie tripartiete des indo-européens.— Bruxelles, 1958, p. 25 suiv.

[102] *Грантовский Э. А.* Индо-иранские касты у скифов.— В кн.: XXV МКВ. Доклады делегации СССР. М., 1960, с. 10 сл.

[103] *Gonda In.* Vedic Ritual: The Non-solemn Rites. Leiden-Köln, 1980, p. 46 f.

[104] *Пугаченкова Г. А.* Архитектурные памятники Нисы.— Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, с. 234.

не по плечу той же круглой пластике ... Только орнамент мог наглядно воплотить идею строго упорядоченной и неизменной вселенной» [105]. В средневековье орнаментика и символические знаки получили очень широкое распространение. Роспись склепа № 9 представляется одним из памятников переходного этапа от «античных натуралистических форм» к орнаментике и символическим знакам, что и выразилось в использовании различных кодов. Примерами сочетания реалистических композиций (в смысле плана выражения) и символических знаков могут служить рельефы из Малой Козырки и с Чайки [106]. Здесь такие знаки явно дополняют семантику реалистических изображений.

Предложенная интерпретация оформления склепа № 9 позднескифской столицы, безусловно, содержит довольно значительный процент гипотетичности. Это объясняется прежде всего малым количеством изобразительных памятников поздних скифов и отсутствием в письменных источниках свидетельств об их религиозно-мифологических представлениях. Тем не менее попытки реконструкции последних представляются, несмотря на небольшое количество материала, желательными и возможными, пока хотя бы в такой гипотетической форме.

Е. А. Попова

THE DECORATION OF TOMB 9 IN THE EASTERN SECTOR OF THE NECROPOLIS OF THE LATER SCYTHIAN CAPITAL

Ye. A. Popova

This tomb, cut into a cliff, was found in 1946 in the necropolis of the Scythian capital commonly called Neapolis and is dated in the 1st century A. D. The tomb is decorated by paintings and ornamental reliefs that have not hitherto been published fully. Only individual details of the decoration have been studied, and this has led to wrong conclusions. The least contradictory semantic interpretation of the decoration as a whole is achieved by analysis of all its elements, taking into account the logic of their selection and arrangement in relation to one another. Four pilasters, representing the four pillars of the world, are the basic feature of the decoration. The arrows, or spears, occurring among the ornamental elements, mark the sacral areas. Thus, the west wall of the tomb, above which runs a frieze with arrows, is treated as the «top», i. e. the sky. The east wall, without arrows, is conceived as the «bottom», i. e. the earth. The painted objects accord with this interpretation: on the west wall the upper world is depicted — paradise and a horseman, perhaps the deceased become a hero. On the east wall are represented the outsides of two buildings, one a dwelling, the other perhaps a funerary structure of a tower type. The friezes girdling the walls of the tomb under the ceiling — zigzags and a red stripe — presumably represent water. The squares on the east and west walls are apparently altars decorated by cosmograms.

---

[105] *Лелеков.* Семантический параллелизм..., с. 49.

[106] ОАК за 1909 и 1910 гг., с. 101, рис. 146; *Попова Е. А.* Рельеф с городища «Чайка».— СА, 1974, № 4, с. 222 сл.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБРАБОТКЕ МЕТАЛЛА НА БОСПОРЕ

Техника изготовления греческой бронзовой скульптуры привлекала и привлекает внимание многих ученых за рубежом [1], но в советской литературе эта тема должного освещения не получила, возможно, потому, что не территории Северного Причерноморья до недавнего времени не были обнаружены остатки производства бронзовой скульптуры. Новые материалы раскопок акрополя Пантикапея, проводимых экспедицией ГМИИ им. А. С. Пушкина, позволяют существенно дополнить наши представления о художественной обработке металла на Боспоре [2].

В 1979—1982 гг. при раскопках восточной части Центрального раскопа были найдены предметы, по всем признакам связанные с отливкой бронзовой статуи. Найдено несколько десятков фрагментов литейных форм из обожженной глины. Толщина их колеблется от 3 до 6 см. С внутренней стороны глина черного цвета, с внешней — красно-коричневого. В глине имеются белые непрозрачные включения, блестки кварца. Некоторые фрагменты на внутренней стороне имеют рельеф. Восстановить литейную форму не удается ввиду незначительного размера найденных фрагментов.

Воронка с литниками в форме усеченного конуса (рис. 1, 2) сделана из той же глины, что и обломки литейных форм. Размеры: диаметр устья воронки — 7,0—7,2 см; два разветвляющихся литника имеют диаметр по 1,5 см. В одном из литников сохранилась капелька бронзы. Воронка сохранилась примерно на половину окружности, в высоту — на 11 см. Возможно, часть формы, трубки, по которой вдувался воздух в печь [3], представляет собой фрагмент из глины толщиной 3,6 см, первоначально имевший форму цилиндра с внутренним каналом диаметром 1,9 см. Фрагмент сохранился примерно на половину окружности. Внешняя его поверхность гладкая. Близкие по форме предметы были найдены в Пантикапее в 1946 г. на Эспланадном раскопе. Слой, в котором они были найдены, датируется I—II вв. н. э. [4] Размеры: внешний диаметр трубочек — 2,0—2,2, внутренний — 0,9—1,0 см [5].

Аналогии же воронке с литниками в материалах из раскопок Северного Причерноморья нам не известны. Близкие по форме предметы из раскопок Американской школы классических исследований на территории Афинской агоры были опубликованы К. Маттушем [6]. Изучая воронки и литники, он пришел к выводу, что вначале система литников изготовлялась из воска и прикреплялась к восковой модели статуи. Далее вокруг

---

[1] В последние годы плодотворно работают в этой области Д. Хейнс и К. Маттуш (см., например: *Haynes D.* The Technique of the Chatsworth Head.— RA, 1968, № 1; *Mattusch C. C.* Bronze and Ironworking in the Area of Athenian Agora.— Hesperia, 1977, v. 46, № 4; *idem.* The Berlin Foundry Cup: the Casting of Greek Bronze Statuary in the Early Fifth Century B. C.— AJA, 1980, v. 84, № 4).

[2] Автор выражает благодарность за возможность изучения находок и поддержку в работе В. П. Толстикову, начальнику Боспорской экспедиции ГМИИ, в работе которой в 1980—1982 гг. автор принимал участие, руководя раскопками на площадях, где были обнаружены остатки бронзолитейного производства (см. *Толстиков В. П.* Археологические исследования акрополя Пантикапея, а также *Трейстер М. Ю.* Об изготовлении бронзовой скульптуры на Боспоре.— В кн.: Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина за 1981 год. М., 1982, с. 33, 34, 56—58).

[3] См. *Tylecote R. F.* From Pot Bellows to Tuyeres.— Levant. L., 1981, v. XIII, p. 107—119.

[4] *Марченко И. Д.* Материалы по металлургии и металлообработке Пантикапея.— МИА, № 56, 1957, с. 163, рис. 2, 5, 6 и с. 169.

[5] Хранятся в ГМИИ: М—46, Э. № 398, 857, 5383.

[6] *Mattusch.* Bronze and Ironworking...

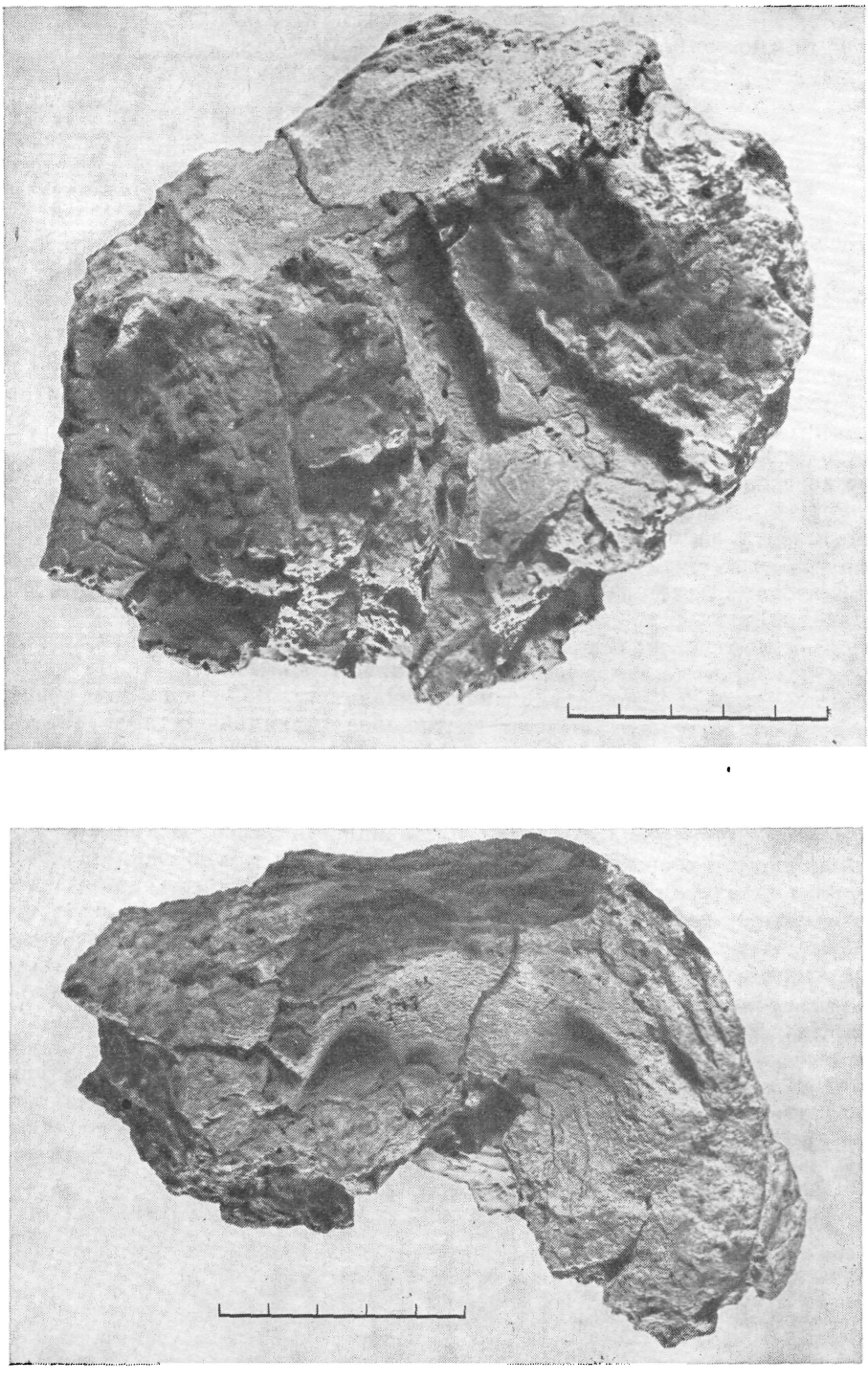


Рис. 1, 2. Глиняная воронка для литья из Пантикапея

воскового литника формовался литник из глины. Затем литник соединялся с воронкой, через которую потом заливали металл в литейную форму [7]. Воронки с литниками были найдены при раскопках архаической

[7] Ibid., p. 351 f.

литейной ямы середины VI в. до н. э. в восточной части агоры невдалеке от храма Аполлона. Обломки глиняной литейной формы позволили установить, что здесь была отлита бронзовая статуя куроса. Отметим, что диаметр литников колеблется от 1,0 до 2,4 см, что, как отмечает К. Маттуш, было достаточно для отливки статуи [8], форма воронки несколько отличается от пантикапейской. Он считает, что отлитая статуя предназначалась для располагавшегося рядом храма [9]. Более близкие пантикапейской по форме и размерам воронки с литниками происходят из раскопок литейной ямы (так называемой Keyhole Foundry), датирующейся 350—325 гг. до н. э. или немного более поздним временем. Так, диаметр одной из найденных здесь воронок — 7,2—7,7 см, диаметр литника — 1,3 см [10]. Судя по обломкам форм, в литейной яме отливали скульптуру [11].

Таким образом, воронки, аналогичные пантикапейской, происходят из комплексов, связанных с отливкой статуй. Вероятнее всего, этой же цели служила и глиняная воронка с литниками, найденная в Пантикапее.

Как отливали бронзовые статуи греческие бронзолитейщики? Техника полого литья была открыта в Греции в течение VI в. до н. э. и, как считают исследователи, это изобретение не следует связывать с именами легендарных Ройка и Феодора, поскольку бронзовые скульптуры в рост человека отливали и в Египте и на Ближнем Востоке за столетия до этого [12]. Технология литья бронзовых статуй в Греции хорошо известна как благодаря находкам остатков мастерских, литейных ям, так и изучению сохранившихся скульптур [13]. Бронзовые статуи в технике полого литья могли отливаться целиком по восковой модели с глиняным сердечником, но в таком случае высота их не превышала 1 м. Ограничивающим фактором было, по мнению Д. Брауна, количество одновременно необходимого расплавленного металла [14]. Так, уже упоминавшаяся нами статуя куроса, судя по обломкам литейной формы, отлита была целиком, а более крупные скульптуры отливались по частям, а потом эти части соединялись. Скрупулезные исследования Д. Хайнса позволили установить, как статуи отливались по частям [15]. Вначале делалась восковая модель, которая покрывалась тонким слоем глины, затем форма разрезалась на части по усмотрению мастера. Обожженные части формы покрывались изнутри слоем воска такой толщины, которая требовалась для бронзовой отливки. Какие-нибудь сложные детали, например завитки волос, могли отливаться отдельно, а затем припаиваться к готовой скульптуре. Из-за большого веса даже отдельных частей бронзовых статуй и необходимости прочно закреплять формы их обычно устанавливали в специально выкопанных ямах. Пожалуй, наибольшее количество таких ям раскопано на Афинской агоре. Эти находки подробно исследованы К. Маттушем. Литейная яма и остатки печи были открыты экспедицией Германского

---

[8] Ibid., p. 346.

[9] Ibid.

[10] Ibid., p. 354, pl. 83, C4.

[11] Ibid., p. 353. Для сравнения отметим, что в Гестингторпе (Эссекс, Англия) были найдены фрагменты глиняной литейной формы для отливки фигурки высотой около 40 см; сохранилась часть воронки с четырьмя литниками. Диаметр воронки — 2,5 см. См. *Brown D.* Bronze and Pewter.— In: Roman crafts. Ed. by D. Strong and D. Brown. L., 1976, p. 28.

[12] *Craddock P. T.* The Composition of Copper Alloys Used by the Greek, Etruscan and Roman Civilisations. 2. The Archaic, Classical and Hellenistic Greeks.— JAS, 1977, 4, p. 111.

[13] К сожалению, нам оказалась недоступной диссертация К. Хаузера (*Houser C.* Greek Monumental Bronze Sculpture of the Fifth and Fourth Centuries B. C. Diss. for Harvard University, 1979).

[14] *Brown.* Op. cit., p. 29 f.

[15] *Haynes.* Op. cit. При раскопках Неа Пафоса на о-ве Кипр в 1970 г. в слое эллинистического времени была найдена глиняная форма для отливки спины мужской статуи размером больше натуральной величины. См. *Nicolaou K.* Archaeological news from Cyprus, 1970.— AJA, v. 76, № 3, 1972, p. 315—316, pl. 66, fig. 38.

археологического института в Олимпии в 1937 г. Мы приводим обмеры и реконструкции, выполненные К. Клюге [16] (рис. 3, 4).

Наиболее интересна находка в Пантикапее вставного глаза (рис. 5, 6), изготовленного из тщательно отполированного темно-серого камня. Длина глаза — 2,55 см, высота — 1,1 см. Глаз по форме приближается к овалу; верхняя его сторона более изогнута и в левой части опускается к углу глаза более полого, а в правой — более круто. Передняя часть глаза выпуклая, причем правый угол опущен несколько ниже левого, а это говорит о том, что перед нами правый глаз [17]. Глаз имел вставные зрачок и радужную оболочку, в настоящее время утраченные. Гнездо для них глубиной 0,2 см имеет в диаметре 1,1 см. Дно его покрыто несколькими диагональными насечками. Гнездо для зрачка смещено к верхнему краю глазного яблока, таким образом, в верхней части оно не окаймлено бортиком, как в нижней. Аналогичным образом исполнены вставные глаза в безрукой женской фигуре с одним крылом из Олимпии начала VI в. до н. э. и в бронзовой голове юноши эллинистического времени, найденной в Олимпии в 1941 г. [18] Промеры греческих бронзовых статуй показали, что, судя по размеру, каменный глаз из Пантикапея мог украшать скульптуру, исполненную приблизительно в натуральную величину.

Находка каменного вставного глаза в Пантикапее не уникальна для Северного Причерноморья. При раскопках ольвийского теменоса был найден мраморный инкрустированный глаз, принадлежавший, по мнению Е. И. Леви, статуе в рост человека [19]. Длина глаза — 3,8 см, высота — 1,6 см. Гнездо для зрачка и радужной оболочки — 1,8 × 1,5 см. Снизу гнездо окаймлено тонким бортиком, а в верхней части бортик отсутствует, как и у глаза из Пантикапея. На месте сохранились сделанные из цветных стеклянных паст радужная оболочка диаметром 1,6 см и зрачок — 0,7 см в диаметре [20]. «С боковых сторон хорошо видны тщательно отполированные плоскости для клиньев, при помощи которых глаз закреплялся» [21]. Кроме того обломок аналогичного мраморного глаза, но принадлежавшего, как считает Е. И. Леви, статуе выше человеческого роста, был найден в Ольвии при раскопках западной части агоры [22]. К сожалению, нам не известны датировки мраморных глаз из Ольвии. Интересно, что при раскопках теменоса в Ольвии был найден еще один вставной глаз — костяной, причем в комплексе (углубление II) с материалом конца VI — начала V в. до н. э. Форма глаза — миндалевидная; сохранившиеся на кости следы зелени, возможно, указывают на то, что статуя была бронзовая [23].

Известно, что античные скульпторы любили украшать глаза статуй инкрустациями. Х. Блюмнер отмечал, что вставные глаза из серебра,

---

[16] *Hampe R., Jantzen U.* Die Grabung im Frühjahr 1937.— 1. Bericht über die Ausgrabungen in Olympia. Herbst 1936 — Frühjahr 1937. JDAI, 52, 1937, Abb. 3—7.

[17] *Барчаи Й.* Анатомия для художников. Будапешт, 1958, с. 264.

[18] BCH, 1966, II, p. 813, fig. 1; *Andronicos M., Chatzidakis M., Karageorgis V.* Die Museen Griechenlands. Athen, 1976, S. 208, № 18; *Bol P. C.* Grossplastik aus Bronze in Olympia.— In: Deutsches Archäologisches Institut. Olympische Forschungen. Bd. IX. B., 1978, S. 119—120, № 223. Г. Мендель считает, что такие каменные глаза служили вотивными посвящениями Асклепию. Глаз из известняка длиной 4,5 см, высотой 2,3 см был найден в 1901 г. в Бостан эх Чейч Макриди беем. Конструкция глаза аналогична находкам из Пантикапея, Олимпии, Ольвии. Автор каталога отмечает, что множество подобного рода предметов хранится в зале античных бронз Оттоманского музея. См. *Mendel G.* Catalogue des sculptures grecques, romaines et byzantines. Musées impériaux ottomans. T. II. Constantinople, 1914, p. 146, № 446.

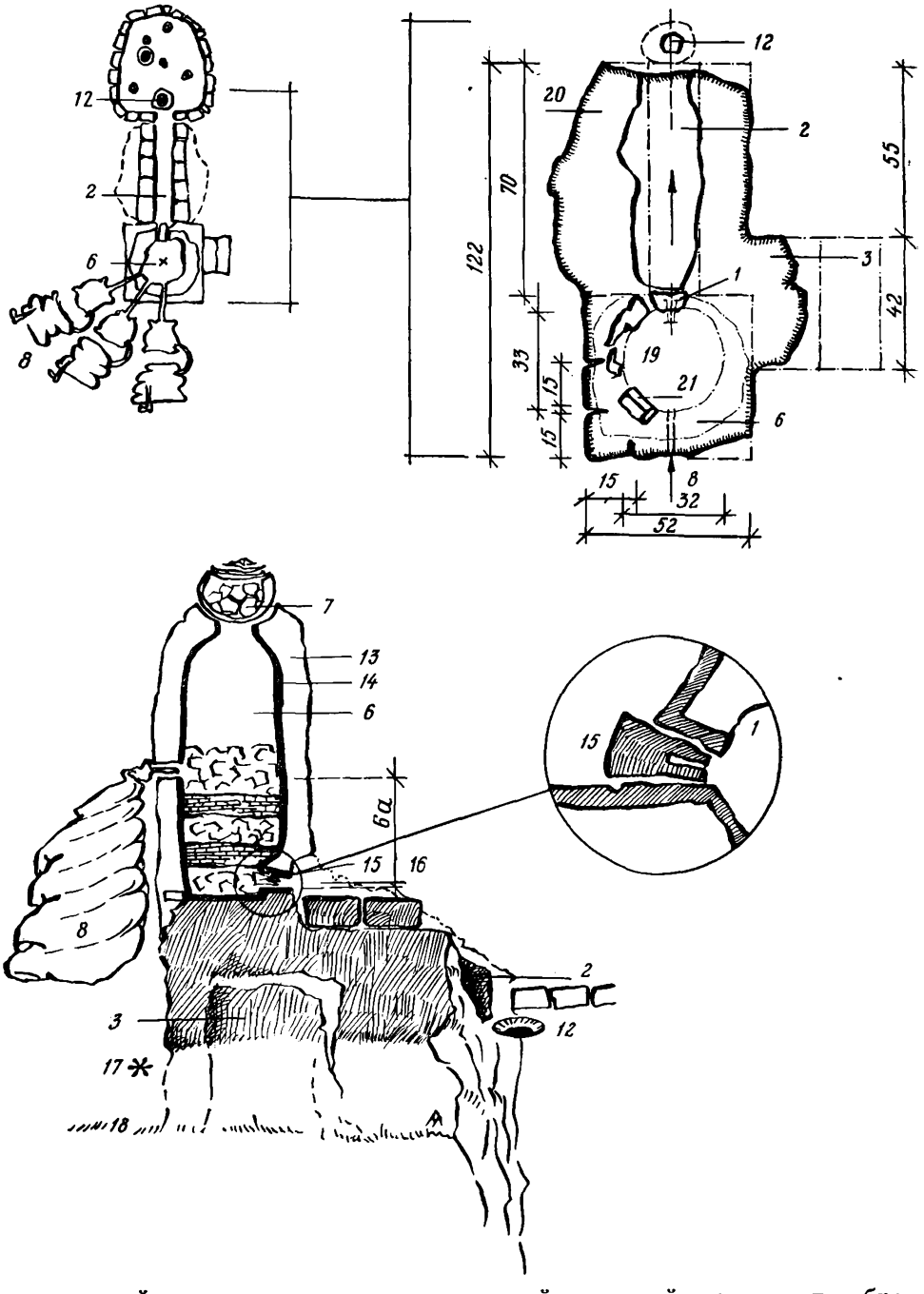
[19] *Леви Е. И.* Материалы ольвийского теменоса (Общая характеристика).— В кн.: Ольвия. Теменос и агора. М.— Л., 1964, с. 172.

[20] Там же, с. 172, рис. 44. 0/56, № 4239. Размеры глаза приводятся по фотографии.

[21] Там же, с. 172.

[22] Там же.

[23] Там же, с. 140, рис. 7. 0/57, № 2678.



стеклянной пасты, полудрагоценных камней, слоновой кости и т. д. в бронзовых статуях встречаются значительно чаще, чем в мраморных. Из римских надписей известно, что изготовлением глаз для статуй занимался специальный мастер — faber ocularis [24]. Однако в работах, посвященных технологии изготовления античной скульптуры, вставные глаза не были темой специального исследования, за исключением, пожалуй, работы К. Клюге, построенной главным образом на материале римского времени,

[24] *Blümner H.* Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern. B. IV. Lpz, 1887, S. 330; CIL, VI, 9402, 9403 («Hic ab ara marmor(ea) oculos reposuit statuis»).

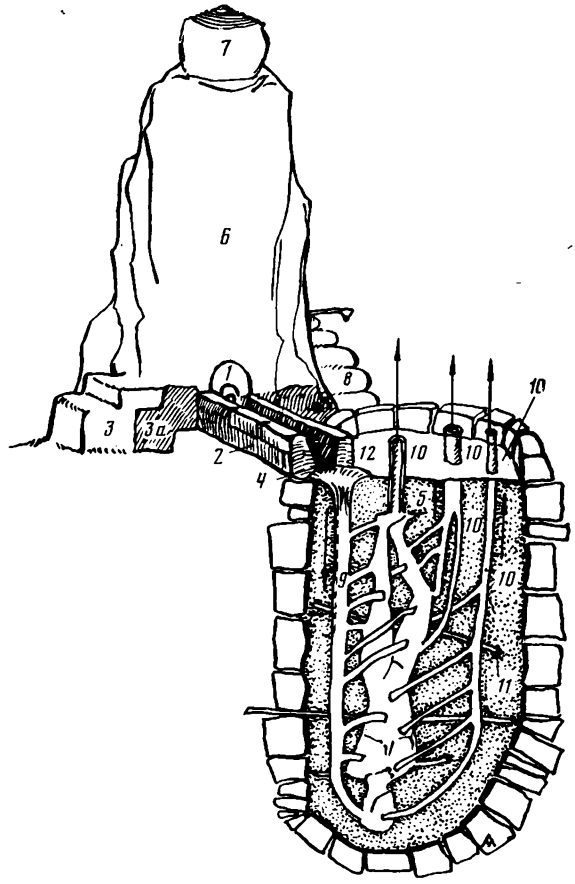


Рис. 3, 4. Обмеры остатков литейной мастерской VI в. до н. э. из Олимпии и реконструкции К. Клюге (Hampe R., Jantzen U. Die Grabung im Frühjahr 1937.— In: Bericht über die Ausgrabungen in Olympia. Herbst 1936 — Frühjahr 1937.— JDAI, 1937, 52. Abb. 3—7). Результаты обмеров приводятся в сантиметрах. Условные обозначения в рисунках: *1.* Лётка. 2. Желоб. *3.* Ступеньки для истопников и литейщиков. *4.* Огнеупорная кладка желоба. *5.* Литейная яма. *6.* Печь. *6а.* Горн печи. *7.* Тигель для расплава легирующих добавок. *8.* Мех. *9.* Литник. *10.* Каналы для отвода воздуха. *11.* Штырь для крепления формы. *12.* Воронка. *13.* Наружная обмазка печи. *14.* Огнеупорная кладка печи. *15.* Огнеупорная пробка. *16.* Слой древесного угля. *17.* Уровень основания печи. *18.* Подошва раскопа. *19.* Под печи. *20.* Основание желоба. *21.* Остатки стен печи. Заштрихованные части сохранились, остальные дополнены на основе имеющихся размеров по рисункам на вазах

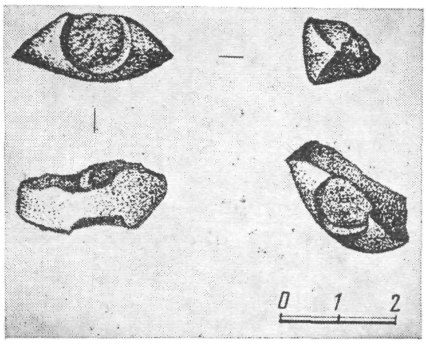
и исследования П. Бола находок из Олимпии [25]. Поэтому мы считаем необходимым подробнее остановиться на рассмотрении этого вопроса.

Инкрустированные глаза появляются еще в скульптуре IV тыс. до н. э. в Месопотамии: так, на беломраморном женском лице, найденном в Уруке, были вставные глаза, в настоящее время утраченные [26]. Каменные скульптуры украшались вставными глазами, вероятно из драгоценных камней, и в Египте (например статуя Джосера, фараона III динас-

---

[25] *Kluge K.* und *Lehmann-Hartleben K.* Die antiken Grossbronzen. I. B.— Lpz, 1927, S. 144; *Bol.* Op. cit., S. 93—98, 135, Taf. 70. В работах Х. Блюмнера, Г. Рихтер, Ст. Кессона вставным глазам уделено еще меньше внимания (*Blümner.* Op. cit.; *Richter G.* The Sculpture and Sculptors of the Greeks. New Haven, 1930, p. 147; *Casson St.* The Technique of Early Greek Sculpture. Oxf., 1933, p. 161).

[26] Хранится в Иракском музее (Багдад); *Lloyd S.* The Art of the Ancient Near East. L., 1974, p. 42, fig. 21.



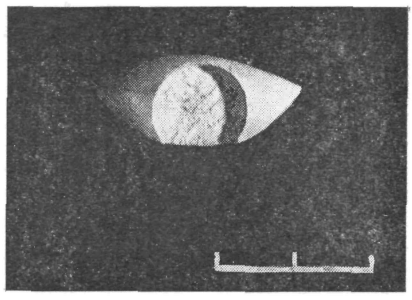


Рис. 5, 6. Каменный вставной глаз из Пантикапея

тии [27]). В появившейся в последней четверти III тыс. до н. э. бронзовой скульптуре глаза также были вставными (статуя Пепи I, фараона VI династии [28], бронзовая голова аккадского царя из Ниневии [29]). Традиция украшения бронзовой скульптуры инкрустированными глазами была продолжена и в последующее время. Вставные глаза имели произведения греческой мелкой пластики VIII—VII вв. до н. э. Несомненно, так украшались и крупные бронзовые статуи. В 1965 г. в Олимпии была найдена безрукая женская фигура с одним крылом. Сохранились вставные глаза, имеющие гнезда для вставных зрачков [30]. Число дошедших до нас греческих бронзовых статуй невелико, причем не у всех сохранились вставные глаза. В тех же случаях, когда они сохранились, глазное яблоко сделано из мрамора и бронзы (Возничий из Дельф [31]), стеклянной пасты (статуя юноши, найденная в море у о-ва Антикифера [32]), слоновой кости и известняка (бронзовые статуи, найденные в 1972 г. в Ионическом море близ Риачи [33]) или из камня. Глазные яблоки из камня характерны для греческой бронзовой скульптуры середины — третьей четверти IV в. до н. э. Из мрамора изготовлено глазное яблоко, которым инкрустирован глаз головы африканца из Кирены [34], из известняка — в статуе юноши, найденной в Марафонском заливе [35], из полудрагоценного камня в статуе «Музы», найденной в Пирее в 1959 г. [36]. Зрачки во всех случаях были вставные. Гораздо больше известно нам о вставных глазах в погребальных масках и бюстах Египта птолемеевского времени и I в. н. э. В эпоху Птолемеев инкрустированные глаза, как показали исследования Ф. Питри, изготовляли следующим образом: «Кусочек непрозрачного белого стекла сгибали и обрезали до получения надлежащей формы, затем вкладывали кружочек из черного стекла и окружали каемкой синего...» [37]. Так делались вставные глаза для по-

---

[27] Хранится в Каирском музее; *Lloyd.* Op. cit., p. 68, fig. 38. Вставным глазам в древнеегипетских статуях и портретных масках саркофагов посвящена глава в работе А. Лукаса (Материалы и ремесленные производства древнего Египта. М., 1958, глава VII «Инкрустированные глаза», с. 177—222).

[28] *Savage G. A.* A Concise History of Bronzes. New York — Washington, 1969, p. 37—38, fig. 3.

[29] Хранится в Иракском музее (Багдад); *Lloyd.* Op. cit., p. 107, fig. 70.

[30] См. прим. 18.

[31] Хранится в музее Дельф, инв. 3484 и 3540; *Homolle Th.* L'aurige de Delphes.— Found. Eug. Piot. Monuments et memoires. IV. P., 1897, p. 202.

[32] Хранится в Национальном музее в Афинах, инв. 13396.

[33] *Foti G., Nicosia F.* I bronzi di Riace. Firenze, 1981, p. 12.

[34] Хранится в Британском музее, инв. 268.

[35] Хранится в Национальном музее в Афинах, инв. 15118.

[36] Хранится в Национальном музее в Афинах; *Paraskevaidis M.* Ein wiederentdeckter Kunstraub der Antike? Piräusfunde 1959 (Lebendiges Altertum. Bd. 17). B., 1966, S. 30.

[37] Цит. по книге: *Лукас.* Ук. соч., с. 208.

гребальных масок мумий. Глаза же для массивных позолоченных бюстов середины I в. н. э. вырезали из белого мрамора; они были клинообразно заострены сзади и просверлены посередине для вставления кусочка черного стекла или обсидиана. Наиболее художественно выполненные портретные бюсты требовали еще более тонкой работы, и в этих случаях радужная оболочка изготовлялась из светло-коричневого стекла или камня, а роль зрачка играло черное стекло [38].

Таким образом, в разное время в том или ином районе технология изготовления вставных глаз и материалы, из которых они делались, могли существенно отличаться, и все же, как правило, для крупных статуй или бюстов глазные яблоки делались из камня.

Помимо находок фрагментов литейных форм, воронки, каменного глаза в Пантикапее были найдены обломок глиняного тигля с ошлаковкой, шлаки, несколько фрагментов бронзы. Один из них, профилированный, имеет размеры 6,5 × 4 см, толщину — 0,5 см.

К какому же времени относятся остатки бронзолитейного производства? Фрагменты бронзы были найдены в 1979 г. при раскопках площади 32 на 10 штыке. Находки позволяют датировать слой II—I вв. до н. э. [39] В 1980 г. на пл. 88/13—14 шт. были найдены глиняная воронка, фрагмент литника, обломки литейной формы. В слое преобладал материал эллинистического времени [40]. В 1981 г. при доследовании галечного пола в восточной части пл. 15 был найден каменный вставной глаз. Материал из слоя: фрагменты чернолаковой и краснофигурной керамики, терракоты, фрагмент ручки родосской амфоры с клеймом и монеты датируют слой III—II вв. до н. э. В 1981 г. был обнаружен фрагмент стенки глиняного тигля в котловане выборки стены 70 вместе с материалом эллинистического времени. Таким образом, интересующие нас предметы происходят из слоев, которые датируются не позднее I в. до н. э.

Находки фрагментов литейных форм, шлака в 1981 г. в юго-западном углу пл. 86/10—12 шт. позволили уточнить время остатков бронзолитейного производства. Упомянутые находки происходят из мусорного слоя, перекрывающего фундамент кладки 61*а*. Характер образования мусорного слоя на этом участке и данные стратиграфии указывают на длительный характер накопления слоя. На этом месте в древности проходил склон балки, в которую и сбрасывали мусор с вымосток, находившихся к западу. Для нас существенно следующее: 1) постепенный характер накопления слоя; 2) связь найденных остатков бронзолитейного производства с 10—12 штыками этого слоя; 3) образование здесь мусорного слоя после разрушения кладки 61*а*. Кладка 61*а* прорезана кладкой 19*а*, расположенной перпендикулярно ей. Это говорит о том, что первая была разрушена, когда строилась вторая. В свою очередь восточная часть кладки 19*а* перерезает слой с материалом IV в. до н. э., в подмазках же пола, связанного с этой кладкой, был найден материал III—II вв. до н. э. Итак, в III в. до н. э., когда существовала кладка 19*а*, кладка 61*а* была уже разрушена.

Рассмотрим теперь находки из интересующего нас слоя, т. е. из 10—12 шт. Материал представлен обломками амфор IV в. до н. э., фрагментами боспорской черепицы того же времени. Найдено также три бронзовых наконечника стрел V—IV вв. до н. э. Уточнить дату нам позволяют находки керамических клейм. К сожалению, однострочное родосское клеймо с именем фабриканта Папаса и эмблемой — гермой, найденное на 12 шт., не датируется. Хронология фабрикантских клейм Родоса разра-

---

[38] Там же, с. 209.

[39] *Коровина А. К., Толстиков В. П.* Отчет о раскопках Пантикапея в 1979 г., л. 6. Отдел античного мира ГМИИ.

[40] *Толстиков В. П.* Отчет о раскопках Пантикапея в 1980 г. Отдел античного мира ГМИИ.

ботана недостаточно, тем не менее отмечено, что для более ранних характерна однострочная надпись и эмблема [41]. Заметим, что фабрикантские клейма на Родосе появляются в середине IV в. до н. э. Два синопских клейма из 12 шт. — астинома Гистиэя и фабриканта Нимакса с эмблемой «орел на дельфине» и астинома Эпиэльпа и фабриканта Мантидея — датируются точнее. Первое клеймо относится к первой хронологической группе по классификации Б. Н. Гракова; И. Т. Кругликова и Ю. Г. Виноградов относят клеймо, аналогичное найденному в Пантикапее, к 360—340 гг. до н. э. [42] Второе клеймо относится ко второй хронологической группе по классификации Б. Н. Гракова, и, казалось бы, должно датироваться концом IV — началом III в. до н. э., однако клейма астинома Эпиэльпа в довольно значительном количестве происходят из мирмекийского комплекса, относящегося ко времени до 320-х гг. до н. э. [43] Клеймо ПУ⊙ на боспорском солене, найденное на 10 шт., датируется последней четвертью IV в. до н. э. по классификации Э. О. Берзина [44].

Итак, на наш взгляд, есть основания относить мусорный слой на 10—12 шт. юго-западной части пл. 86 и, следовательно, остатки бронзолитейного производства, обнаруженные в восточной части Центрального раскопа, ко второй половине IV в. до н. э. С этой датой, как было показано выше, хорошо согласуются и датировки аналогий нашим находкам из средиземноморских комплексов.

Мы позволили себе объединить находки, связанные с бронзолитейным производством, хотя они происходят не из одного комплекса, а из мусорных слоев, по ряду причин [45]. Очень близки между собой обломки литейных форм и воронка, как по глине, так и по характеру обжига. Хотя находки происходят с разных площадей, все же они сконцентрированы на участке примерно в 20 × 20 м (рис. 7). Методом спектрального анализа были изучены образцы металла: со стенки литейной формы, найденной в котловане выборки стены 70 (ан. 238); королек металла из шлака, найденного на пл. 86/12 шт. (ан. 235); со стенки тигля из котлована выборки стены 70 (ан. 240); со стенки глиняной воронки для литья (ан. 144); профилированного фрагмента бронзы с пл. 32 (ан. 143). Результаты анализов, проведенных в лаборатории спектрального анализа Института геологии, естественных месторождений и петрографии АН СССР, представлены в табл. 1.

Результаты спектрального анализа позволяют утверждать близость металла из литника воронки, со стенки литейной формы, тигля, королька металла в шлаке. Это оловянисто-свинцовистая бронза. Высокое содержание свинца (11,5%) во фрагменте металла не должно нас смущать. Известно, что разные части статуй, особенно крупных, могли отливаться из различных сплавов [46].

---

[41] *Бадальянц Ю. С.* Разновидности легенд родосских фабрикантских клейм.— ВДИ, 1978, № 1, с. 132; *он же.* Опыт хронологической классификации родосских фабрикантских клейм.— НЭ, XIII, 1980, с. 6.

[42] *Кругликова И. Т., Виноградов Ю. Г.* Клейма Синопы на амфорах из поселения Андреевка Южная.— КСИА, вып. 133, 1973, с. 50, № 5.

[43] *Пругло В. И.* Синопские амфорные клейма из Мирмекия.— КСИА, вып. 109, 1967, с. 46, № 14.

[44] *Берзин Э. О.* Из истории производства клейменой черепицы на Боспоре IV — начала III в. до н. э.— СА, 1959, № 4, с. 58, табл. 2.

[45] Об эфемерном характере бронзолитейных мастерских писали В. Ростокер и Э. Р. Гебхард, основываясь на материалах, опубликованных К. К. Маттушем (*Rostoker W., Gebhard E. R.* The Sanctuary of Poseidon at Isthmia: Techniques of Metal Manufacture.— Hesperia, 1980, v. 49, № 4, p. 352). В Истмии, как и в Пантикапее, остатки бронзолитейного производства происходят из мусорных слоев, а сама литейная яма не найдена, но этот факт не дает авторам публикации повода для сомнений в том, что в Истмии существовала бронзолитейная мастерская.

[46] *Francaix J., Liszak-Hours J.* Essai de traitement par l'analyse factorielle des correspondances de données obtenues sur des bronzes gallo-romains. P., 1974, p. 2, 67—69.

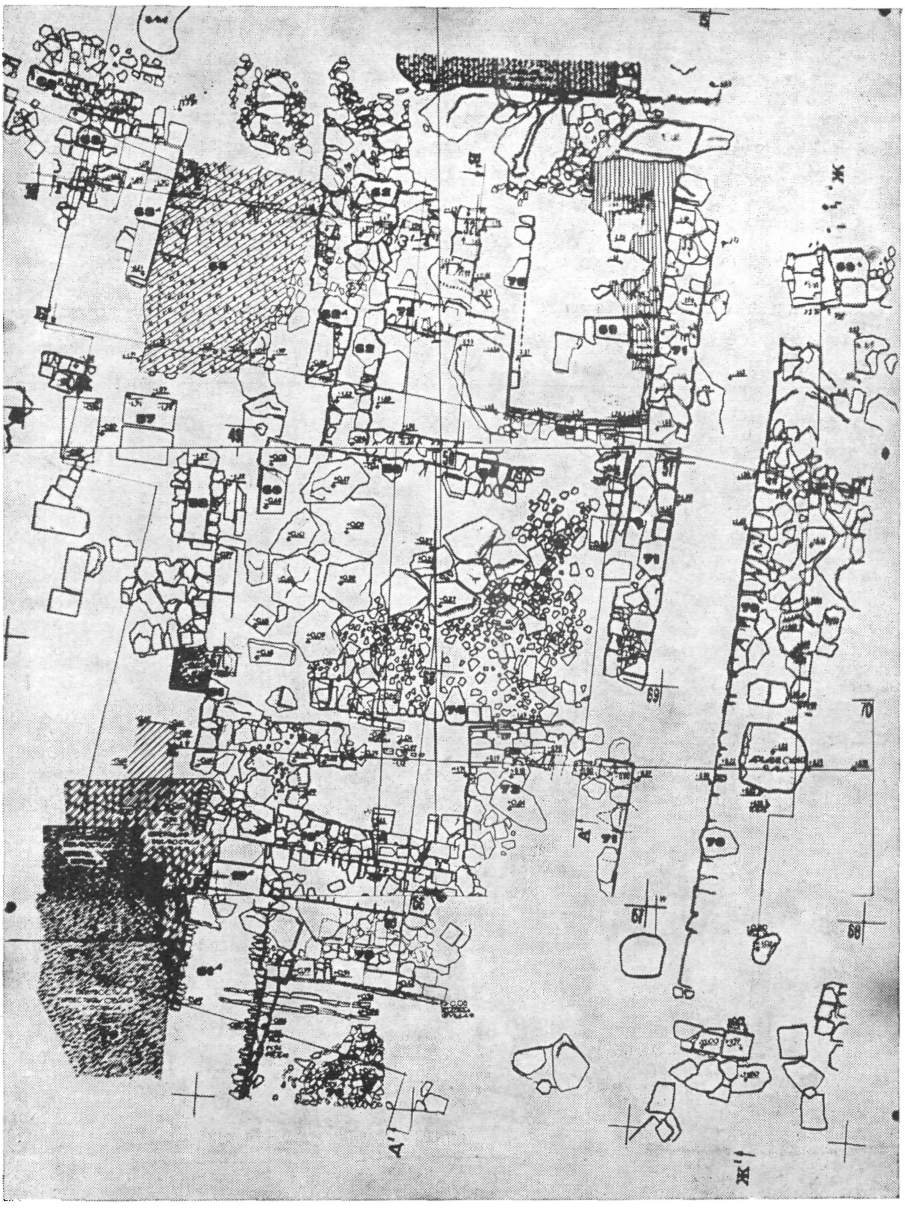


Рис. 7. План восточной части Центрального раскопа. Пантикапей. 1981 г.

Итак, во второй половине IV в. до н. э. в Пантикапее отливались крупные бронзовые статуи. Существование бронзовой скульптуры на Боспоре, прежде всего статуй правителей, предполагалось и ранее [47], однако лишь теперь мы можем утверждать это с достаточным основанием.

Д. Браун отмечал, что, вероятно, у античных бронзолитейщиков было принято работать как можно ближе к тому месту, где должна была стоять готовая статуя, нежели перевозить ее туда [48]. Это положение полностью подтвердится, если мы проанализируем, в каком археологи-

[47] *Кобылина М. М.* Скульптура Боспора.— МИА, № 19, 1951, с. 178; *Максимова М. И., Наливкина М. А.* Скульптура.— АГСП, с. 297.

[48] *Brown.* Op. cit., p. 30.

Таблица 1

№ ан.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	CO (%)
238	62	3,1	0,78	—	0,0006	0,0015	—	0,025	0,15	0,04	0,02
235	55	2,2	0,3	0,025	0,0006	0,0004	—	0,02	0,18	0,009	—
240	23	3,9	1,0	0,056	—	0,0005	—	—	0,75	0,0075	0,04
114	50	4,9	2,7	—	0,0012	0,002	0,006	0,03	0,18	0,018	0,016
143	62	4,8	11,5	0,04	0,004	0,046	0,056	0,04	0,2	0,015	0,016

Таблица 2

Название центра	Дата	Местоположение	Источник информации
Афины, западный склон агоры			*Mattusch.* Bronze and Ironworking..., p. 343, A
1	Середина VI в. до н. э.	В восточной части площади между Метрооном и храмом Аполлона, на уровне первого храма	
2	Конец V в. до н. э.	В 10 м к юго-западу от Гефестиона	Ibid., p. 348, 349, B
3	Конец IV— начало III в. до н. э.	В 30 м к юго-западу от Гефестиона	Ibid., p. 359, H
Коринф, район форума			
1	I в. н. э.	К северу от храма *G*	*Mattusch C. C.* Corinthian Metalworking: the Forum Area. — Hesperia, 46, № 4, 1977, p. 380; *Wiseman J.* Excavations in Corinth, the Gymnasium Area. 1967—1968. — Hesperia, 38, № 1, 1969, p. 67—69.
2	I в. н. э.	У западного конца южной стои гимнасия	
Немея	Вторая половина V в. до н. э.	Примерно в 70 м к юго-востоку от храма Зевса	*Miller S. G.* Excavations at Nemea, 1976. — Hesperia, 46, № 1, 1977, p. 19 f., fig. 2, p. 4
Олимпия	VI в. до н.э.	Южная граница раскопа в 28 м к северу от стартовой линии стадиона	*Hampe, Jantzen.* Op. cit., S. 26 f., Abb. 2

ческом контексте находились в древнегреческих центрах мастерские по отливке крупных бронзовых статуй (см. табл. 2). Они находились в непосредственной близости от храмов или общественных сооружений.

А теперь обратимся к материалам из Северного Причерноморья. Мастерская в Пантикапее, где была отлита бронзовая статуя, находилась где-то на акрополе города. Куда могла быть предназначена статуя? Бронзовая скульптура могла быть отлита для храма Аполлона, построенного на вершине горы Митридат в первой половине V в. до н. э. [49], но существовавшего и позднее, о чем говорят надписи IV—III вв. до н. э. [50] Интересно, что в Ольвии при раскопках углубления II в теменосе было найде-

[49] *Пичикян И. Р.* Ордерная архитектура Северного Причерноморья VI—V вв. до н. э.— ВДИ, 1975, № 1, с. 123—126.

[50] КБН, 6, 10, 25.

но вместе с костяным глазом от бронзовой статуи около 80 фрагментов керамики с граффити и среди них большинство с посвящениями Аполлону Дельфинию; посвященный ему храм был сооружен в ольвийском теменосе в начале V в. до н. э. [51] Мы уже отмечали находку мраморного глаза при раскопках западной части ольвийской агоры. В этом же районе было найдено множество литейных форм. Л. М. Славин считает, что литейная мастерская могла находиться в одной из построек, расположенных в непосредственной близости от западной стороны агоры [52]. Не могла ли в этой мастерской быть отлита бронзовая статуя, инкрустированная мраморными глазами?

Выше мы попытались показать близкие черты в характере расположения мастерских, где отливались крупные бронзовые статуи для Греции и Северного Причерноморья. Обратим внимание и на близость некоторых технологических приемов бронзолитейщиков Греции и Северного Причерноморья [53], в частности на сходство глиняных воронок для литья, а также характерных приемов изготовления каменных вставных глаз. Есть еще одно свидетельство близости приемов металлообработки, применявшихся в Греции и, в частности, в Афинах и на Боспоре. В комплексе Keyhole Foundry были найдены фрагменты рога и четыре куска пемзы, с которыми К. Маттуш связывает холодную обработку статуй [54]. Пемза была найдена в комплексе, связанном с производством бронзовых статуй, датирующемся концом I в. н. э. и обнаруженном в Коринфе при раскопках района гимнасия [55]. В работах, посвященных исследованию технологии изготовления бронзовых статуй, не говорится об обработке их поверхности пемзой, хотя Х. Блюмнер отмечает использование пемзы при обработке поверхности мраморных статуй, особенно с IV—III вв. до н. э. [56]

В 1978 г. в Пантикапее на Центральном раскопе (114 пл.) был исследован слой, примыкающий к южному фасу кладки 48. Слой образован прослойками желтой глины, углей, шлаков; отсюда происходит фрагмент тигля и, что особенно интересно, здесь было обнаружено около 100 кусочков пемзы, 30—40 фрагментов рогов. Комплекс был предварительно датирован I—II вв. н. э. [57] Доследование его было проведено автором в 1982 г., уточнена стратиграфия напластований участка.

Слой мощностью до 60 см с остатками металлообрабатывающего производства перекрыл помещение конца VI—V в. до н. э. Слой представляет собой, вероятно, сброс из мастерской, где обрабатывали железо, бронзу, свинец. Были найдены сотни кусочков пемзы со стесанными гранями, на которых сохранились окислы железа, бронзы, около 20 рогов со стесанной поверхностью. Кусочки пемзы и рога залегали в линзах и горизонтальных прослойках рыжего и зеленого порошка (окислы железа и бронзы). Здесь же были найдены многочисленные фрагменты железных изделий, криц, железоделательные и бронзолитейные шлаки, обрезки листовой бронзы со следами круглых вырезов, фрагменты бронзовой проволоки, свыше десятка бронзовых обойных гвоздиков, бронзовые пластины прямоугольной формы с отверстиями, круглые бляшки, три трехлопастных наконечника стрел IV в. до н. э., колечко, обрывок тонкой свинцовой пластины с отверстиями, костяная накладка с отверстиями, покрытая зеленой окисью бронзы. Находки свидетельствуют о нерасчле-

---

[51] *Леви.* Ук. соч., с. 140; *Карасев А. Н.* Монументальные памятники ольвийского теменоса.— В кн.: Ольвия. Теменос и агора, с. 51.

[52] *Славин Л. М.* Раскопки западной части ольвийской агоры (1956—1960 гг.).— Там же, с. 223.

[53] О близости технических приемов, использовавшихся бронзолитейщиками различных центров Греции, см. *Rostoker, Gebhard.* Op. cit.

[54] *Mattusch.* Bronze and Ironworking..., p. 353.

[55] *Wiseman.* Op. cit., p. 69.

[56] *Blümner.* Op. cit., B. III, 1884, S. 198.

[57] *Коровина А. К., Толстиков В. П.* Отчет об археологических раскопках Пантикапея в 1978 г., л. 22. Отдел античного мира ГМИИ.

ненном производстве. В мастерской делали предметы из железа, бронзы, здесь же их полировали, шлифовали, прикрепляли к ним костяные накладки, т. е. производили готовые изделия. Здесь же, возможно, чинили керамику свинцовыми скрепами. Керамика из слоя относится к VI—IV вв. до н. э. Слой сброса металлообрабатывающей мастерской перекрыт слоем обломков сырцовых кирпичей, печины, фрагментов черепицы, среди которых обломок пантикапейского солена с клеймом ⍋⊙ [58], по датировке Э. О. Берзина, третьей четверти IV в. до н. э. [59] В этом же слое был найден также фрагмент горла и ручки синопской амфоры с частью клейма астинома Теогейта и фабриканта Посейдония. Аналогичные клейма найдены в Андреевке Южной [60], Мирмекии [61]. Клеймо из Андреевки Южной И. Т. Кругликова и Ю. Г. Виноградов относят к 320—270 гг. до н. э. [62] В Мирмекии же клеймо было найдено в комплексе, датирующемся временем до 320-х гг. до н. э. [63] Из слоя, перекрывающего сброс металлообрабатывающей мастерской, происходит и фрагмент крышки аттической краснофигурной леканы с изображением бюста «амазонки» в профиль влево и грифона в профиль вправо. Он, вероятно, относится к тому типу крышек лекан, на которых помещалось по два бюста «амазонок» и по два грифона. К. Шефольд датирует крышки лекан с подобными изображениями второй третью IV в. до н. э. [64] Крышка леканы, аналогичная найденной в Пантикапее, была обнаружена в могиле G20 некрополя Каллатиса, которая датируется клеймами на синопской черепице и терракотами серединой — третьей четвертью IV в. до н. э. [65]

Итак, вероятнее всего, в последней четверти IV в. до н. э. металлообрабатывающая мастерская уже не функционировала, а на месте ее сброса появился завал черепицы, сырцовых кирпичей, разбитой посуды. Металлообрабатывающая мастерская, сброс которой открыт на пл. 114, работала, вероятно, в первой — второй третях IV в. до н. э. Отметим, что ранее металлообрабатывающие мастерские IV в. до н. э. в Пантикапее известны не были.

Хотя остатки бронзолитейного производства, открытые на пл. 114, скорее всего, и не связаны с отливкой бронзовой статуи, все же использование пемзы [66] и рогов для холодной обработки металла сомнения не

---

[58] *Гайдукевич В. Ф.* Строительные керамические материалы Боспора. Боспорские черепицы.— ИГАИМК, вып. 104, № 1, 1935.

[59] *Берзин.* Ук. соч., с. 58, табл. 2.

[60] Андреевка Южная. 1967 г. Раскоп IV, пл. 107/1 шт. № 59.

[61] Мирмекий. 1962 г. Слой под «зольником II». № 757.

[62] *Кругликова, Виноградов.* Ук. соч., № 25.

[63] *Пругло.* Ук. соч., № 19.

[64] *Schefold K.* Untersuchungen zu den Kertscher Vasen.— In: Archäologische Mitteilungen aus Russischen Sammlungen, 4. B.— Lpz. 1934, S. 138.

[65] *Preda C.* The Greek Cemetery of Callatis-Mangalia (IVth-IIIrd centuries before our era.).— Dacia, N. S., 5, 1961, p. 293.

[66] Исследование пемзы проводилось в лаборатории оптических методов исследования Всесоюзного научно-исследовательского института минерального сырья ст. научным сотрудником Т. А. Хрулевой. Показатели преломления пяти образцов пемзы определены методом «фокального экранирования» с точностью ± 0,001. Показатели преломления: № 1 — 1,490 — 1,498; № 2 — 1,504 — 1,512; № 3—5— 1,500. Для решения вопроса о происхождении пемзы, найденной в Пантикапее, целесообразно использовать данные исследований пемзы, происходящей с островов Мелос и Фера, а также из поселения середины II тыс. до н. э. Нихория в Юго-Западном Пелопоннесе. Отметим, что коэффициент преломления пемзы мелосского происхождения определяется в пределах 1,492—1,503, пемзы с о-ва Фера — в рамках 1,505 — 1,515; образцы из Нихории имеют близкий показатель преломления — 1,505—1,511 (*см. Rapp G., Cooke S. R. B., Henrickson E.* Pumice from Thera (Santorini) Identified from a Greek Mainland Archaeological Excavations.— Science, v. 179, 1973, p. 471—473). Образцы пемзы из Пантикапея № 1, 3—5 обнаруживают близость к материалу с о-ва Мелос, тогда как образец № 2 имеет показатель преломления, сходный с пемзой с о-ва Фера и из Нихории. Заключение о происхождении пемзы из Пантикапея является, безусловно, предварительным ввиду отсутствия в нашем распоряжении соответствующих результатов анализов пемзы из Колхиды, Северного Кавказа

вызывают и свидетельствуют в пользу близости некоторых технических приемов бронзолитейщиков Греции и Боспора.

Итак, имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет утверждать определенную близость технических приемов изготовления бронзовых статуй в Греции и на Боспоре. Мы не исключаем возможности отливки бронзовой статуи в Пантикапее и местным мастером, хорошо знакомым с достижениями бронзолитейщиков Греции. Дело в том, что бронзовые статуи отливались на Боспоре и ранее. При раскопках Фанагории в 1979 г. были обнаружены остатки бронзолитейного производства второй половины VI в. до н. э. и среди них фрагмент глиняной формы для отливки человеческой ступни в натуральную величину [67].

Результаты спектрального исследования не могут пока быть критерием для решения поднятых нами проблем. Недостаточно хорошо изучены на сегодняшний день рецепты греческой статуарной бронзы V—IV вв. до н. э. Все же отметим, что статуя, найденная у о-ва Антикифера, отлита из оловянистой бронзы [68], из этого же сплава отлита и «чатсвортская» голова и голова африканца из Кирены [69]. Однако греческие бронзолитейщики использовали и сплавы, содержащие наряду с добавками олова и искусственные концентрации свинца. Из оловянисто-свинцовистой бронзы отлит фрагмент статуи V в. до н. э. из Великой Греции, хранящийся в Британском музее [70]. П. Т. Креддок, проанализировавший произведения греческой статуарной бронзы, отмечает, что до IV в. до н. э. статуи отливались из оловянистой бронзы и лишь с III в. до н. э. для отливки статуй стали использовать сплавы с добавками свинца [71]. Но ведь и в бронзовых статуях второй половины IV в. до н. э., судя по данным анализов, которые приводит автор (анализы № 56, 1377 — 1380), встречается от 2 до 19% (!) свинца, при содержании олова от 5 до 11%. Эти бронзы,— несомненно, сплавы с искусственным введением и олова и свинца.

Художественная обработка металла в Пантикапее благодаря работам И. Д. Марченко [72] изучена в настоящее время, пожалуй, более полно, чем в других центрах Боспора. Новые материалы раскопок акрополя Пантикапея, проводимых экспедицией ГМИИ им. А. С. Пушкина в последнее время, позволяют существенно дополнить наши знания в этой области.

М. Ю. Трейстер

и Закавказья, а также образцов, найденных при раскопках городов и поселений Северного Причерноморья античной эпохи. Находки кусочков пемзы зафиксированы и в погребениях некрополя Пантикапея. Так, в могиле № 161/38, раскопанной на Глинище в 1903 г., возле правого колена мужского костяка найден простой черный горшочек без ручек, свинцовое грузило для удочки, три поломанных медных крючка для удочки, гвоздь, двойная вилочка для плетения сетей, две лопаточки, железный нож, три точильных брусочка, кремень, глиняный бальзамарий и кусок пемзы. См. *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г.— ИАК, 17, 1905, с. 36. Возможно, кусок пемзы, предусмотрительно положенный в могилу рыбака, использовался для заточки рыболовных крючков.

[67] Доклад В. С. Долгорукова на заседании сектора античной археологии Института археологии АН СССР 13 февраля 1980 г. См. *Долгоруков В. С.* Исследования в Фанагории.— АО — 1981 г. М., 1983, с. 116.

[68] *Caley E. R.* Chemical Composition of Greek and Roman Statuary Bronzes.— In: Art and Technology. L., 1970, p. 39, tabl. I.

[69] *Haynes.* Op. cit., p. 110.

[70] *Walters H. B.* Catalogue of the Bronzes Greek, Roman and Etruscan. L., 1899, № 265, p. XXVIII.

[71] *Craddock.* Op. cit., p. 114 f.

[72] *Марченко И. Д.* О художественной обработке металла на Боспоре.— Памятники искусства ГМИИ, 2, 1947; *она же.* Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея; *она же.* Литейная форма конца VI в. до н. э. из Пантикапея.— КСИА, 89, 1962.

NEW DATA ON ARTISTIC METALWORK IN BOSPORUS

M. Yu. Treister

The author discusses new finds relating to bronze-casting on the acropolis of Panticapaeum. In 1979—1982 fragments were found there of clay casting-forms, a funnel for pouring the metal, a fragmentary crucible, slag and an eye made of stone. Mediterranian analogies confirm that these finds are connected with the casting of a bronze statue of approximately life size datable by stratigraphy and context material to the second half of the 4th century B. C. It is possible that the statue was destined for the temple of Apollo on the top of Mount Mithridates. Finds in our possession permit us to affirm a clear similarity in the techniques applied to the production of bronze statuary in Greece and Bosporus. It has been thought for some time that bronze statues were made in Bosporus, but only now has it become possible to assert this with sufficient authority. Excavations in 1982 discovered a slag-heap from a metallurgical workshop of the 4th century B. C. Metallurgical workshops of this period in Panticapaeum have hitherto not been studied.

Р. Ю. ВИППЕР КАК ИСТОРИК АНТИЧНОСТИ

В 1984 г. исполняется 125 лет со дня рождения академика Роберта Юрьевича Виппера (1859—1954 гг.), историка широкого профиля, оставившего заметный след в развитии русской и советской историографии Европы начиная с древности и до новейшего времени. Творческое наследие ученого насчитывает около трехсот работ, разнообразных по проблематике, среди них большое место принадлежит трудам по теоретическим вопросам и по античной истории. Его вклад в разработку всеобщей истории получил высокую оценку в трудах ряда крупных русских и советских историков — В. П. Бузескула, Е. А. Косминского, В. С. Сергеева, Н. А. Машкина, С. И. Ковалева, С. Л. Утченко, Е. В. Тарле, Н. М. Дружинина и др.

Научное творчество Р. Ю. Виппера в целом, его историческое мировоззрение и философские взгляды уже освещались в советской исторической литературе [1]. Но его труды по античной истории продолжают привлекать не только специалистов в этой области. Внимательное рассмотрение конкретно-исторических произведений, работ теоретико-методологического и публицистического характера, использование архивных материалов позволяют составить более цельное и в то же время более детальное представление о том, что внес Р. Ю. Виппер в науку об античности.

Пробуждение интереса к истории сам Р. Ю. Виппер впоследствии связывал с «впечатлениями семьи и гимназии» [2]. Среднее образование он получил в гимназии при Лазаревском институте восточных языков. Юношеская увлеченность «духовными науками» определила выбор факультета. С 1876 г. он студент историко-филологического факультета Московского

[1] *Сафронов Б. Г.* Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. М., 1976; *Лусис К. К.* Р. Ю. Виппер на пути к материалистическому пониманию истории.— Известия АН Латвийской ССР, 1976, № 3; *Могильницкий Б. Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в.— начала 900-х годов. Томск, 1969; *Хмылев Л. Н.* Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. Томск, 1978.

[2] *Stepermanis M.* Prof. Robert Vipers dzīve un darbos.— In: Latviešu vēsturnieku veltijeems prof. R. Viperam (14.VII.1859—14.VIII.1939). Red. M. Stepermanis, A. Svābe, J. Leids. Rīga, 1939, lpp. 7—8.

университета. Социально-политическая обстановка, в которой происходило формирование взглядов Р. Ю. Виппера, характеризовалась выступлением революционного народничества, ростом крестьянского и либерально-оппозиционного буржуазного движения. Это общественное оживление, возрастающее напряжение классовой борьбы оказывало значительное влияние на политические взгляды и формирование научных интересов молодого историка. Социальная сторона исторического процесса выдвигалась на передний план научного анализа самим общественным развитием. Стремление понять структуру общества, изучить его борющиеся группировки, вывести политические лозунги и мотивы из конкретной истории классовой борьбы становится в конце XIX в. ведущей тенденцией передовой русской исторической науки, к которой с самого начала примкнул Р. Ю. Виппер, испытавший значительное влияние учителей и старших товарищей по университету — В. И. Герье, В. О. Ключевского, А. А. Шахова, П. Г. Виноградова и др. [3] Своим наставником Р. Ю. Виппер считал прежде всего В. О. Ключевского, чьи лекции и книги отвечали студенческим мечтам «о создании новой, социальной истории», «истории общества, истории народа, его самобытной жизни, его глубоких культурных и политических стремлений» [4]. Виппера привлекала в исследовательском методе его учителей «способность к широкому охвату исторических явлений, к отчетливому распределению исторического материала» [5].

После окончания университета в 1880 г. Р. Ю. Виппер преподавал в ряде средних учебных заведений Москвы, принимал активное участие в работе Исторического общества при Московском университете, был одним из секретарей исторической секции Педагогического отдела Общества распространения технических знаний. На страницах журналов «Историческое обозрение», «Русская школа», «Вестник воспитания» он выступал со статьями по вопросам совершенствования методики преподавания истории, приближения школьного преподавания к требованиям развивающейся исторической науки [6]. В 1885—1887 гг. Р. Ю. Виппер предпринял поездку за границу, он посетил Берлинский, Венский, Мюнхенский, Парижский университеты, слушал лекции Э. Курциуса, Н. Д. Фюстель де Куланжа и др. [7] По возвращении на родину он сдал магистерские экзамены и в 1891 г. стал приват-доцентом Московского университета [8]. В 1892 г. Р. Ю. Виппер второй раз выезжал за границу для работы в архивах по теме диссертации. В 1894 г. за диссертацию о кальвинизме ему была присуждена степень доктора [9], а его книга «Влияние Кальвина и кальвинизма на политические учения и движения XVI в. Церковь и государство в Женеве XVI в. в эпоху кальвинизма» (М., 1894) удостоилась большой премии имени С. М. Соловьева.

В 1894 г. Р. Ю. Виппер становится профессором кафедры всеобщей истории Новороссийского университета в Одессе, ведет почти все курсы по этой кафедре, в том числе историю Греции и Рима. Именно в одесский период у Р. Ю. Виппера появляется глубокий интерес к античной исто-

---

[3] В кабинете ученого.— Огонек, 1945, № 27, с. 13; ЦГИА ЛатвССР, ф. 7427, оп. 13, д. 1922, л. 69 (автобиография в личном деле проф. Латвийского университета Р. Ю. Виппера).

[4] *Виппер Р. Ю.* Два историка.— Сегодня, 1927, № 41.

[5] *Он же.* А. А. Кизеветтер как историк.— Сегодня, 1933, № 11.

[6] *Он же.* Специальная подготовка преподавателя средней школы или поднятие его положения.— Вестник воспитания, 1898, № 6; *он же.* Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука.— Вестник воспитания, 1898, № 1 и др.

[7] ОР ГБЛ, ф. 70, п. 38, д. 117 (Письма Р. Ю. Виппера В. И. Герье из-за границы).

[8] ЦГАМ, ф. 418, оп. 60, д. 273 (О принятии в число приват-доцентов магистранта Р. Ю. Виппера); оп. 476, д. 14 (Протокол заседания совета историко-филологического факультета от 29 апреля 1887 г.).

[9] ЦГАМ, ф. 418, оп. 63, д. 250 (О защите приват-доцентом Виппером Р. Ю. диссертации на степень магистра всеобщей истории).

рии, который сохранился на протяжении всей его жизни. Оценивая значение античной истории, он писал: «. . . Этот своеобразный мир, в миниатюре поставивший многие вопросы, которые потом занимали новую Европу, мир менее устойчивый и более узкий, чем позднейшая культура Европы, вызовет истинный интерес и... послужит к освещению многих сторон новоевропейской жизни» [10]. Педагогическая и научная деятельность Р. Ю. Виппера в Одессе протекала в трудных условиях: Новороссийский университет тогда отличался реакционностью. Поэтому Виппер стремится вырваться из Одессы, пытаясь добиться перевода в Москву. Когда это не удалось, он в 1897 г. подал в отставку и некоторое время работал в Москве в средних учебных заведениях. Только в 1899 г. он становится экстраординарным, а с 1901 г.— ординарным профессором Московского университета по кафедре всеобщей истории.

В Московском университете Р. Ю. Виппер читал курсы по всем разделам всеобщей истории, а также специальные курсы по проблемам теории исторической науки и историографии, теории исторического познания. В своей педагогической деятельности в университете, в ее просветительской роли Р. Ю. Виппер видел смысл своей жизни. Именно поэтому ему особенно близок и понятен был Т. Н. Грановский, продолжателем традиций которого он себя считал [11]. Чтение лекций, по собственному признанию Р. Ю. Виппера, было его «величайшим удовольствием», а шум аудитории в перерывах казался «приятной музыкой», вдохновляющей на новую работу. Его лекции оставляли глубокое впечатление у студентов. Один из его учеников, академик Н. М. Дружинин высоко оценивал лекционные курсы Р. Ю. Виппера, который, по его мнению, «бесспорно был самым выдающимся профессором историко-филологического факультета 1911—1916 гг.: он соединял в себе обширные и разносторонние знания, способность самостоятельно и тонко мыслить; при этом у него была спокойная и в то же время увлекающая форма изложения. Социологический метод и сочувствие передовым идеям приближали его в то время к учению марксизма. Курсы Р. Ю. Виппера по истории античного мира, новейшего времени, социальных идей, методологии исторической науки открывали перед нами широкие перспективы, возбуждали работу мысли, воспитывали навыки научно-исторического анализа» [12]. Семинары Р. Ю. Виппера вводили студентов в круг вопросов, связанных с пониманием и толкованием источников. По воспоминаниям учившегося у него Н. А. Машкина особой популярностью пользовались семинары по Фукидиду, Плутарху, Тациту, Сенеке и другим античным авторам [13]. Вместе с В. О. Ключевским, Д. М. Петрушевским, А. Н. Савиным Р. Ю. Виппер представлял цвет преподавательского состава историко-филологического факультета первых двух десятилетий XX в. [14]

Историческая концепция Р. Ю. Виппера в ранний период его научно-педагогической деятельности нашла отражение в опубликованных им циклах статей под общим названием «Общество, государство, культура Запада в XVI в.» и «Общественные учения и исторические теории XVIII—XIX вв. в связи с общественным движением на Западе», а также статьи о Сен-Симоне и О. Тьерри [15]. В этих работах экономическое развитие ха-

---

[10] *Виппер*. Школьное преподавание древней истории..., с. 67.

[11] *Виппер Р. Ю.* Две интеллигенции и другие очерки. Сб. статей и публичных лекций (1900—1912). М., 1912, с. 233.

[12] *Дружинин Н. М.* Воспоминания и мысли историка. М., 1967, с. 22—23.

[13] Архив АН СССР, ф. 1562, оп. 1, д. 107 (Письмо Машкина Н. А. Випперу Р. Ю. от 20 февраля 1950 г.).

[14] *Косминский Е. А.* Д. М. Петрушевский.— Средние века, вып. 2. М.—Л., 1946, с. 5.

[15] Мир божий, 1897, № 2—5, 7, 8; Мир божий, 1899, № 3—9. Работа «Общественные учения и исторические теории XVIII—XIX вв.» в 1900 г. вышла отдельной книгой и 4 раза переиздавалась; *Виппер Р. Ю.* О Тьерри и «Опыт истории третьего сословия».— В кн.: Тьерри О. История происхождения и успехов третьего сословия.

рактеризуется как «могущественная пружина материальной жизни», во многом определяющая политическое, культурное, религиозное развитие общества [16]. Идеи, учения, теории выступают как порожденные социально-экономическими условиями определенной эпохи. Р. Ю. Виппер высоко ценил французскую либеральную историографию первой половины XIX в. за создание концепции «социальной истории», за выдвижение «первой исторической формулы борьбы классов», за подчеркивание экономического мотива, лежавшего в основе социально-политической борьбы.

Всеопределяющим фактором исторического процесса в России начала XX в. стала первая буржуазно-демократическая революция 1905—1907 гг. Явившись «генеральной репетицией» социалистической революции, она создала атмосферу общественных и духовных перемен, превратила Россию в центр революционного движения. Эти события явились решающей вехой в развитии либеральной историографии. Переход либеральной буржуазии к контрреволюционности нашел отражение в поправении теоретико-методологических принципов либеральной историографии.

В отличие от многих своих коллег Р. Ю. Виппер и после революции 1905—1907 гг. оставался на позициях мелкобуржуазного демократизма. Общественно-политическая позиция историка проявилась в высокой оценке им античной демократии, в осуждении монархии и самодержавных порядков [17], в борьбе с реакционными течениями в общественной мысли. Историк видел связь философской реакции с общественной, решительно выступил против реакционного идеализма и религиозных исканий [18]. Усиление идеалистических позиций в либеральной историографии Р. Ю. Виппер связывал с политической эволюцией самого либерализма, который после революции 1905—1907 гг. «все суживался, из радикального сделался умеренным и очень ожесточился против социализма» [19]. Определяя философский идеализм как «официальное учение» кадетской партии, он писал: «Идеализм есть щит против радикальных направлений, он составляет опору либерализма, поскольку либерализм консервативен в свою очередь» [20]. В статье «Две интеллигенции» Р. Ю. Виппер решительно осудил ренегатство кадетской и части либеральной интеллигенции, выступившей в сборнике «Вехи» с пропагандой идей реакции и идеализма, покорности самодержавию. Именно на этой почве он порывает со своим учителем В. И. Герье, примкнувшим к октябристской партии. Хотя Р. Ю. Виппер в 1911 г. после реакционных реформ Кассо и не оказался в числе профессоров, оставивших университет, он считался одним из «опасных» и на него не раз оказывали давление, чтобы заставить уйти из университета.

В то же время следует отметить, что Р. Ю. Виппер никогда не стремился к активной политической деятельности. В годы реакции он еще более замыкается в себе, уходит от всякой общественной работы, даже в университете. Признавая необходимость изменения существовавших порядков, он остается на позициях реформизма. Можно говорить о новом периоде и в его научном творчестве.

Наблюдается эволюция его философских взглядов в направлении эмпириокритицизма. Эта тенденция наметилась еще в статьях «Несколько замечаний о теории исторического познания» (1900) и «Новые направления

Пер. с француз. М., 1899; *Виппер Р. Ю.* Социальная философия Сен-Симона. По поводу книги И. Иванова «Сен-Симон и сен-симонизм».— Мир божий, 1902, № 2.

[16] Мир божий, 1897, № 8, с. 218.

[17] *Виппер Р. Ю.* Лекции по истории Греции. Ч. I, М., 1905, с. 179—180; *он же.* Очерки истории Римской империи. М., 1908, с. 158, 170, 236.

[18] *Он же.* Заметки историка о религиозных исканиях современности.— Летопись, 1916, № 9, с. 204—213; *он же.* Реакционный идеализм и новая наука.— В сб.: Две интеллигенции..., с. 262.

[19] Архив АН СССР, ф. 1562, оп. 1, д. 1 (История Греции. Из курса лекций 1916—1917 гг.), л. 46.

[20] Там же, л. 46—47.

в философии общественной науки» (1903). Однако окончательное формирование нового философского кредо Р. Ю. Виппера происходит позже, в годы реакции и находит отражение в книге «Очерки теории исторического познания» (1911) [21]. С позиций «теоретико-познавательного критицизма» на первое место в области исторической науки он выдвигает задачу создания особой теории исторического познания. При этом ее важнейшие проблемы начинают трактоваться им с субъективистских позиций [22].

Изменение теоретических позиций находит отражение во многих работах этого времени и в том числе в исследованиях по истории античности, которым он начинает уделять особенно большое внимание с начала 900-х гг. Именно тогда были созданы такие его работы, как «Лекции по истории Греции» (1905), «Очерки истории Римской империи» (1908), «Древний Восток и Эгейская культура» (М., 1913), «История Греции в классическую эпоху IX—IV вв. до Р. Х.» (М., 1916). В этих книгах история античных обществ рассматривалась им в широком, общеисторическом плане, а в проблематике исследований находили отзвук социально-политические проблемы, волновавшие современников. Демократические симпатии автора, определение социально-экономических мотивов как важнейших в развитии античных обществ поставили эти работы в число лучших в русской дореволюционной историографии античности.

Р. Ю. Виппера интересовали все стороны жизни античных обществ, но наиболее значительный вклад он внес в разработку социально-экономической истории античности. В его трудах по истории Греции и Рима большое место отводилось вопросам аграрных отношений, развитию ремесла, торговли, ростовщичества, рабочей силы. Важнейшие события древности — войны, социальная и политическая борьба внутри античных государств — рассматривались им в связи и зависимости от явлений экономической жизни. Анализируя развитие экономики древнего Рима, Р. Ю. Виппер указал на неоднородность римского поместного хозяйства, выделил мелкое крестьянское хозяйство, имения «катоновского типа», латифундии. Появление крупного землевладения в Риме он относил к концу III — первой половине II в. до н. э., но это были средние по размерам рациональные хозяйства «катоновского типа» [23]. Крупные имения — латифундии, по его мнению, получили распространение позже, в I в. до н. э. [24] Впоследствии концепция неоднородности римских рабовладельческих хозяйств получила развитие как в буржуазной [25], так и в марксистской историографии [26].

Исследование сочинений римских агрономов II в. до н. э. — I в. н. э. Катона, Варрона, Колумеллы привело Р. Ю. Виппера к выводу о решающей роли рабского труда в экономике Рима того времени. «Рабский труд и работорговля никогда не достигали таких размеров, как в Римской империи в течение 200 с чем-нибудь лет от второй половины II в. до Р. Х.

---

[21] *Виппер Р. Ю.* Несколько замечаний о теории исторического познания.— Вопросы философии и психологии, 1900, кн. 53; *он же.* Новые направления в философии общественной науки.— Мир божий, 1903, № 11; *он же.* Очерки теории исторического познания. М., 1911.

[22] *Он же.* Несколько замечаний о теории исторического познания.— В сб.: Две интеллигенции..., с. 27, 32 сл.

[23] *Он же.* Очерки истории Римской империи, с. 23—24.

[24] Там же, с. 142.

[25] *Frank T.* An Economic History of Rome. L., 1927; *Heitland W. E.* Agricola. A Study of Agriculture and Rustic Life in the Graeco-Roman World from the Point of View of Labour. Cambr., 1921; *Rostovtzeff M.* A History of the Ancient World. V. 1—2. Oxf., 1926—1933.

[26] *Кузищин В. И.* Римское рабовладельческое поместье (II в. до н. э. — I в. н. э.). М., 1973; *он же.* Генезис рабовладельческой латифундии в Италии (II в. до н. э.— I в. н. э.). М., 1976; *Сергеенко М. Е.* Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.— Л., 1958; *Штаерман Е. М.* Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964; *Штаерман Е. М., Трофимова М. К.* Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971.

и до конца I в. после Р. Х.» [27]. Применение рабского труда историк связывает в основном с сельским хозяйством. Он отмечает «чрезвычайную интенсивность и беззастенчивый характер» эксплуатации рабского труда [28], но в то же время он выступает против распространенного в историографии того времени мнения, что хозяева совершенно не заботились о рабах. По его мнению, на приобретение рабского персонала уходила большая часть капитала, и «отсюда своеобразные заботы о сохранении приобретенной трудовой силы, и, с другой стороны, беспощадная, беспримерная реализация ее. Так как за потерей несвободной рабочей силы безвозвратно погибал затраченный капитал, то о здоровье невольника беспокоились больше, чем о судьбе вольнонаемного» [29].

Отводя рабству значительную роль в жизни античных обществ, Р. Ю. Виппер тем не менее не видел в этом специфики античной экономики, не подчеркивал ее рабовладельческого характера; массовое развитие рабства было для него лишь важнейшей чертой «римского капитализма» [30]. Тем самым античное общество не выделялось в особую ступень прогрессивного, поступательного развития, в особую рабовладельческую стадию. Следуя теории исторического круговорота, он считал, что античные общества проходили в своем развитии те же ступени, что и «новоевропейское», капиталистическое общество, поэтому античное рабство не получило в его концепции должной оценки.

Оценивая характер античной экономики, Виппер протестовал против отнесения даже гомеровского общества к чисто натуральному хозяйству. Значительное проникновение товарно-денежных отношений в сельское хозяйство Аттики он относил ко времени перед реформами Солона [31]. В противоположность сторонникам натурального характера римской экономики Р. Ю. Виппер считал, что «капиталистическое предприятие в Италии сильно выразилось в сельском хозяйстве», проникло и в другие отрасли [32]. Однако преувеличивая степень развития товарно-денежных отношений в античных обществах, он не видел специфики простого товарного производства в древности, сближал его с капиталистическим производством вообще, модернизируя античную экономику.

Глубоким и постоянным было внимание Р. Ю. Виппера к социальной истории античной Греции и Рима. Политические и идеологические события он объяснял соотношением классовых сил, социальной борьбой в античных обществах. В решении вопроса о происхождении классов в ранний период творчества Р. Ю. Виппер близко подошел к материалистическому толкованию истории. Он критиковал Н. Д. Фюстель де Куланжа и О. Тьерри за то, что в становлении классов они отводили огромную роль религии и семье, насилию и расовому началу [33]. В определении классов он исходил из «условий владения и организации труда, условий имущественного обмена и имущественных столкновений, профессиональных и образовательных связей и соперничеств» [34]. Анализируя происхождение основных классов древнегреческого общества, историк прослеживает, «в какой мере... социальные различия и крайности связаны с развитием землевладения, с распределением земельной собственности» [35]. Позднее под влиянием субъективно-идеалистической философии он стал преувеличивать

---

[27] *Виппер*. Очерки истории Римской империи, с. 142.
[28] Там же, с. 144—149.
[29] Там же, с. 144.
[30] Там же, с. 32—33.
[31] *Виппер*. Лекции по истории Греции. Ч. 1, с. 43.
[32] *Он же*. Очерки истории Римской империи, с. 32—33.
[33] *Он же*. Две интеллигенции..., с. 70, 92; *он же*. Лекции по истории Греции, с. 31—32.
[34] *Он же*. Две интеллигенции..., с. 92; *он же*. Очерки истории Римской империи, с. 353—354.
[35] *Он же*. Лекции по истории Греции, с. 36.

роль государства и идеологических факторов в процессе классообразования.

В социальной структуре античных Греции и Рима Р. Ю. Виппер различает «имущие» и низшие классы. Для периода Поздней республики в Риме он намечает следующую социальную структуру: 1) аристократия, «магнатство», нобилитет; 2) всадничество, «капиталисты»; 3) плебс (городской и сельский). Хотя роль рабского труда в Греции и Риме оценивалась им очень высоко, он тем не менее нигде не характеризует рабов как особый класс. Подобное отношение к рабству и рабам вытекало из методологического подхода историка к исследованию социальной структуры античных обществ. С позиций теории исторического круговорота, культурных циклов античность представлялась Виппер типом общества, аналогичным новоевропейскому, капиталистическому и лишь количественно, но не качественно отличавшимся от последнего [36]. Сближение социальных структур античного и капиталистического обществ и приводило к выявлению классов в обществах первого типа лишь в среде свободного населения, к игнорированию рабов как одного из основных классов древних обществ, а также их роли в социальной борьбе древнего мира.

История античных обществ предстает в трудах Р. Ю. Виппера как история ожесточенной социально-политической борьбы, при этом его симпатии были на стороне демократических сил. Он требовал объективного подхода к оценке демократии в древности, в частности афинской демократии. «В пределах того, что могла дать античная Эллада,— писал он,— афинская демократия и афинская морская держава были самыми сложными, крупными и деятельными организациями, это были высшие политические и социальные продукты греческой культуры. Только такое сравнение с формами и явлениями одновременными и дает нам основу для справедливой оценки самого афинского общества» [37]. В оценке социальной борьбы в греческих общинах взгляды Р. Ю. Виппера были наиболее близки взглядам Ю. Белоха и его выводам в «Греческой истории» [38]. Их сближало глубокое внимание к социально-экономическим проблемам античности, к истории масс, для исторических концепций обоих историков были характерны также гиперкритицизм и модернизация древности.

Историю демократии в Афинах Р. Ю. Виппер прослеживает начиная с VII и до IV в. до н. э. Ее возникновение, развитие, борьбу с аристократией он связывал с изменением экономического положения Афин, сдвигами в социальной структуре общества, но, выделяя в качестве главной линии в истории Афин развитие городской демократии, преувеличивал ее противоположность сельской демократии. Он писал, что «история Афин слагается потом из союза и антагонизма обеих демократий», что в истории V в. не было вопроса более жгучего, чем эта противоположность землевладельческого и морского элементов [39]. Преувеличение, а иногда и абсолютизация антагонизма сельских (земледельческих) и городских (морских, торговых и ремесленных) элементов приводили к искажению реального содержания классовой борьбы в античной Греции. Так социально-политическую борьбу эпохи «пятидесятилетия» (480—430 гг.) Р. Ю. Виппер сводил к борьбе двух партий: консервативной и радикальной. Но в то же время он отмечал: «Различие партий не совпадает... с делением граждан на богатые и бедные классы», выделяя, с одной стороны, сельские, с другой стороны — городские «классы» [40]. Таким образом, социальная борьба в Афинах сводилась им к борьбе внутри свободного населения, а роль рабов полностью игнорировалась. Модернизируя античную историю

[36] *Он же.* Школьное преподавание древней истории..., с. 67; *он же.* Очерки теории исторического познания, с. 195.

[37] *Он же.* Лекции по истории Греции, с. 180.

[38] *Белох Ю.* История Греции. Т. I. М., 1905, с. 21.

[39] *Виппер.* Лекции по истории Греции, с. 136.

[40] Там же, с. 155.

он преувеличивал место «партийной» борьбы, широко используя термин «партия» для обозначения общественных групп.

Виппер ценил афинскую демократию, ее организацию, стройную систему конституционного политического порядка; он писал: «Афинский многоголовый государь не был капризным деспотом, он был весьма добросовестным и точным в исполнении обязанностей конституционным правителем» [41]. Афинская радикально-демократическая конституция, как и все «политическое творчество V в., от Клисфена до Фрасибула», по его оценке, «принадлежит к числу самых замечательных созданий ума и искусства человеческого» [42]. Подчеркивая в качестве важнейшего достоинства афинской демократии ее стремление к фактическому равенству, Виппер указывал, что она «имела в виду не одно отвлеченное равенство, не одну декларацию свободы, но также известное социальное обеспечение, фактическое управление граждан в смысле предоставления всем и всякому возможности активно участвовать в государственной жизни» [43]. Заслуги демократии он видел в расцвете культуры, развитии наук, достижениях греческой философии, просвещенности. Исторический гений Фукидида, по его мнению, был создан афинской обстановкой.

Высоко оценивая афинскую демократию, Р. Ю. Виппер, однако, не идеализировал ее, показывал ее недостатки, ограниченность. «В Афинах V века демократия была полной и последовательной лишь в принципе, но не на практике» [44]. Пределом для ее развития он считал закон об ограничении численности гражданства (451 г. до н. э.). К недостаткам демократии он относил агрессивную политику Афин, преследование свободы мысли, религиозный консерватизм [45]. Вместе с тем следует отметить, что говоря о сущности античной демократии, Р. Ю. Виппер по существу не принимал во внимание ее рабовладельческий характер, не смог показать, что «*рабовладельческое гражданское общество* было той естественной основой, на которой зиждилось *античное* государство» [46].

Характеризуя причины падения античных демократий Р. Ю. Виппер писал: «Демократические общества Греции и Италии были слишком малочисленны и одиноки; при своем расширении они не встречали равных соперников, которые научили бы их подумать об устройстве широких союзов однородных групп; империализм вырастал в виде одностороннего господства и в конце концов „становился могильщиком" создавшего его общества. Подданные окружали зерно энергичных завоевателей плотной стеной крепостной организации, и эта организация вторгалась внутрь самого общества, разбивая таким образом первоначальную трудовую основу независимых хозяйственных элементов. Демократия была уже социально разрушена, когда приходил соответственный политический конец, когда формы господства и иерархии, установившиеся на окраинах, в области империи, появлялись в метрополии» [47]. Он справедливо критиковал Э. Мейера и Р. Пельмана за то, что причину быстрого упадка Афин они видели «во внутреннем несовершенстве демократии», в отсутствии в ней государственной идеи «общего интереса» [48].

Выделяя среди причин кризиса и упадка демократии в качестве основной — сужение социальной базы, разорение мелкой собственности под

---

[41] Там же, с. 169.

[42] Архив АН СССР, ф. 1562, оп. 1, д. 1, л. 1 (из курса лекций 1916—1917 гг., ч. 1).

[43] *Виппер Р. Ю.* История Греции в классическую эпоху IX—IV вв. до Р. Х. М., 1916, с. 262.

[44] Там же, с. 252.

[45] Там же, с. 271, 293—295, 350 и др.

[46] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 440.

[47] *Виппер.* Очерки истории Римской империи, с. 388—389.

[48] Архив АН СССР, ф. 1562, оп. 1, д. 1, л. 1(Из курса лекций по истории Греции. 1916—1917).

влиянием внешнего расширения и развития рабства, Р. Ю. Виппер не был последовательным в проведении этой линии. Постепенно в связи с увлечением эмпириокритицизмом он все большее место отводит в трактовке этого процесса внешнеполитическим факторам, например падению Афинской морской державы, «империализму», т. е. завоевательной политике демократических государств древности, а также отходу афинской «интеллигенции» от демократии [49]. Теоретические позиции историка не позволили ему увидеть причину гибели афинской демократии в разложении основы классического полиса — античной формы собственности — и согласиться с тем, что «...вся основывающаяся на этом фундаменте структура общества, а вместе с ней и народовластие, приходит в упадок в той же мере, в какой именно развивается недвижимая частная собственность» [50].

Среди проблем древнеримской истории Р. Ю. Виппер опять-таки выделял историю демократии. Она привлекала его «своей идейной программой, своей публицистикой и в особенности постановкой аграрного вопроса» [51]. Историк подчеркивал крестьянское ядро в основе римской демократии, а отсюда особую важность для нее аграрного вопроса. Но он не сводил всю ее программу лишь к аграрному вопросу, вычленяя требования демократических реформ политического и государственного устройства, финансов, союзнического вопроса [52]. В развитии аграрного вопроса от выступления Гракхов до Цезаря Р. Ю. Виппер проследил две линии: демократическую (аграрные законопроекты Гракхов, Сатурнина, Ливия Друза Младшего, Сервилия Рулла) и аристократическую (антигракханское аграрное законодательство Ливия Друза Старшего, Суллы, рогации трибунов Флавия и Плотия, Цезаря и триумвиров). Общие же черты в программах демократии и претендентов на монархическое господство в Риме он объясняет заимствованием последними важнейших пунктов программы первых [53].

Кризис и падение республики в Риме историк связывал с гибелью демократии. «Неудача демократии и последующая за ней реакция в конце 60-х гг. и составляют, вместе взятые, катастрофу республики» [54]. Виппер выступал против упрощенной и односторонней трактовки этого процесса, критически подходил к существующим теориям падения республики. Анализируя концепцию Т. Моммзена, «тонкого юриста и блестящего писателя», давшего «необыкновенно яркую социально-политическую формулу возникновения монархии», Виппер решительно возражает против его основной мысли, что политический строй Римской империи представлял собой монархически организованную демократию, что императоры — представители интересов низших классов, а Цезарь — вождь римской демократии, продолжатель дела Гракхов [55]. Он справедливо замечает, что историческая концепция Т. Моммзена — продукт общественно-политической обстановки Германии 50-х годов XIX в., когда «после крушения республиканской демократии в революциях 1848 г. средние классы и примкнувшие к ним круги интеллигенции надеялись найти выход в популярной монархии» [56]. «Бóльший критицизм и научную осторожность», реалистичность Виппер видит в концепциях К. Нича и Г. Ферреро, но и они не избежали преувеличения роли отдельных личностей в падении республики [57]. Виппер одним из первых выступил против преувеличения роли Цезаря и дал критику теорий, отрывающих его политику

[49] *Виппер.* История Греции в классическую эпоху, с. 314—317, 337, 350, 359.
[50] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 21.
[51] *Виппер.* Очерки истории Римской империи, с. 4.
[52] Там же, с. 29, 43 и др.
[53] Там же, с. 46—47.
[54] Там же, с. 207, 209.
[55] Там же, с. 215.
[56] Там же, с. 216.
[57] Там же, с. 217 сл.

от острой социальной борьбы той эпохи, поставил вопрос о его социальной политике [58].

Основными причинами падения республики в Риме историк считал падение роли демократических элементов в обществе, разорение мелких собственников в результате развития рабства и товарно-денежных отношений в условиях «империалистического расширения Рима», рост монархических тенденций. Он неоднократно подчеркивал, что монархия в Риме — не демократического происхождения: «...принципат одного вырос из принципата немногих», из реакционной политики олигархов; шагом к возникновению монархии в Риме были «триумвираты, союзы немногих династов, реакционные диктатуры» [59]. Подводя итоги установления в Риме монархической формы правления, Р. Ю. Виппер подчеркивал неизбежность этого исторического явления, вызванного и «...колониальными войнами... и появлением огромных армий, и внутренней смутой, борьбой классов, среди которых аристократия искала себе опоры, выдвигая социальную диктатуру» [60]. Он критикует современные ему исторические теории относительно принципата и видит их основной недостаток в игнорировании классовой борьбы в период становления пового политического строя, складывавшегося «медленно и неуверенно» [61].

Определив социальную сущность принципата как закрепление общественной иерархии, как выражение интересов верхушки имущих классов всей империи и в первую очередь сенаторского и всаднического сословий, Р. Ю. Виппер показывает, как далек был новый режим от интересов низших слоев населения. «Раз только решиться посмотреть на императорство с точки зрения социальных судеб римского и италийского общества, придется признать римскую монархию далекой от каких-либо демократических задач: она составляет лишь продолжение и увенчание общественной иерархии» [62]. В этой оценке монархии в древности ярко проявляется отношение историка к самодержавию, его демократические общественно-политические взгляды. С монархическим режимом он связывал деспотизм, угасание общественной жизни, упадок культуры. Показывая последствия установления монархии в Риме, Р. Ю. Виппер писал: «Нация, как живая сила, кончилась, замолкла вместе со своими шумными собраниями. Остался ее внешний облик, как высохшее дерево со своими ветвями; но обмена крови, круговорота жизненных сил нет. И этот тяжелый, окаменевший колосс давит, как мертвец, то живое, что ему досталось под власть» [63]. «Как мельчает, как принижается общественная жизнь там, где водворилась наверху грубая исключительная власть» [64]. Правда, у Р. Ю. Виппера были отклонения от этой оценки сущности монархии [65].

Р. Ю. Виппер был талантливым и разносторонним исследователем. В области античной истории, кроме рассмотренных проблем, его занимали вопросы античной культуры и идеологии, во второй период творчества усиливается его интерес к внешнеполитическим и военным событиям. Один из его рецензентов, К. Н. Успенский подчеркивал, что описание Виппером Пелопоннесской войны является лучшим во всей исторической литературе [66]. Его работы отличали образность и конкретность в изложе-

---

[58] *Машкин Н. А.* Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.— Л., 1949, с. 60—63.

[59] *Виппер.* Очерки истории Римской империи, с. 101, 245, 388—389.

[60] *Он же.* Очерки теории исторического познания, с. 252.

[61] *Он же.* Очерки истории Римской империи, с. 350 сл.

[62] Там же, с. 3.

[63] *Виппер.* Две интеллигенции..., с. 312.

[64] *Он же.* Возникновение христианства. М., 1918, с. 47.

[65] *Он же.* Судьба религии. Берлин — Петроград, 1921, с. 77; *он же.* Иван Грозный. М., 1922, с. 12—13, 104 и др.

[66] *Успенский К. Н.* Рец.: Р. Ю. Виппер. История Греции в классическую эпоху IX—IV вв. до Р. Х.— Голос минувшего, 1917, № 11—12, с. 353.

нии, глубокая связь прошлой истории с современностью. Популяризаторская деятельность занимала в его творчестве значительное место, тем не менее в каждой работе он выступал самостоятельным исследователем. Подчеркивая это, академик Е. В. Тарле писал: «Его книги о последних веках римской республики не популяризация, но совсем самостоятельный анализ материала, во многом исправляющий ошибки и увлечения Г. Ферреро. Целый ряд других его работ обнаруживает и глубину научной мысли и строгую требовательность к себе» [67].

Исследовательскую манеру Виппера в целом характеризовало комплексное использование источников, однако для античной истории он отдавал предпочтение данным античных авторов, мало привлекая другие категории источников. Особенно высоко он ценил Фукидида и Полибия за критицизм и глубокое проникновение в исследуемый материал [68]. Большое внимание уделял историк критике источников, в развитии критического метода он видел крупнейшее завоевание исторической науки. Однако на базе субъективистской философии критический подход нередко переходил у него в скептицизм и гиперкритицизм. Он считал недостоверным царский период в истории Рима, борьбу патрициев с плебеями, малодостоверной историю Рима до начала III в. до н. э. и Греции до конца VI в. до н. э., отвергал многие данные «Афинской политии» Аристотеля о реформах Солона, достоверность реформы Сервия Туллия.

Как уже отмечалось, Р. Ю. Виппер был одним из крупнейших представителей социально-экономического направления в русском антиковедении. На его концепции античной истории сказались как положительные черты, так и недостатки этого направления. Испытав известное влияние марксизма еще в начале творческого пути, он по существу долгое время был далек от материалистического понимания истории. Его «экономизм» был непоследовательным и непостоянным. Уже в работах второго периода в противоположность прежнему стремлению изображать в первую очередь социально-экономические процессы жизни античных обществ историк под влиянием эмпириокритицизма высказывается вначале за уравнение «внешних событий и внутренних состояний», а затем уделяет все большое внимание исследованию и изображению первых [69]. Это приводит к увеличению роли чисто внешних факторов в толковании важнейших явлений античной истории — становления классов, формирования их идеологии, в трактовке подъема и падения античной демократии и т. д. [70]. В русле «критического анализа» Р. Ю. Виппер предпринимает попытку пересмотра периодизации истории, опираясь на географические и культурные факторы [71]. За основу деления исторического процесса на циклы, а циклов на периоды он принимает развитие культуры, хотя придает значение и эволюции экономической жизни внутри цикла. Само понимание экономического фактора у историка очень расширенное, включает географические и демографические элементы, иногда даже первый подменяется последними. Даже в тех случаях, когда в характеристике эволюции античного общества экономический момент проведен более последовательно, историк не доходит до выявления первопричины этого развития — способа производства материальных благ.

В применении к античной истории Р. Ю. Виппер широко использовал термины «капитализм», «империалистическая политика», «буржуазия», «пролетариат», «партии», «коммунистические теории». Хотя историк и

[67] *Тарле Е. В.* Сочинения в 12 т. М., 1962, т. 12, с. 105.

[68] *Виппер.* Лекции по истории Греции, с. 87; Архив АН СССР, ф. 1562, оп. 1, д. 46, л. 65—68.

[69] *Виппер Р. Ю.* Древний Восток и эгейская культура. Пособие к университетскому курсу. М., 1913, с. 3—4.

[70] *Он же.* Очерки теории исторического познания, с. 282—284; *он же.* Древний Восток и эгейская культура, с. 27—29; *он же.* История Греции в классическую эпоху. IX—IV вв. до Р. Х. М., 1916, с. 75—76 и др.

[71] *Он же.* Очерки теории исторического познания, с. 110—111.

оговаривал, что этот прием модернизации не более как применение современных слов и терминов для определения античных обществ, в своих построениях он иногда заходил дальше их простого использования. Крайне произвольно он употреблял термин «революция». В применении к древней истории «революциями» он называл такие события, как восстание 763 г. до н. э. в гор. Ассуре, выступление крестьян перед реформами Солона, переворот 411 г. до н. э. в Афинах, движение Катилины и т. д. Нередко под этот термин им подводились противоположные по характеру исторические явления, например: союзническая война — «крестьянская и демократическая революция», переворот Цезаря — «цезарианская революция» [72].

На позициях буржуазной методологии истории Р. Ю. Виппер не смог создать цельной научной концепции истории античных обществ. Узкие рамки буржуазного миросозерцания не позволили историку объективно оценить и крупнейшие события современности: первую мировую войну, Великую Октябрьскую социалистическую революцию, Гражданскую войну. В условиях нарастания революционного кризиса в России Р. Ю. Виппер, испытывая страх перед надвигающимися революционными событиями, идеализирует старые, «патриархальные» времена, ратует за социальное согласие, классовый мир [73]. Политические взгляды Р. Ю. Виппера в период 1917—1924 гг. могут быть охарактеризованы как мелкобуржуазные. С этих позиций он принимал критику капитализма, но отмежевывался от социалистической революции и ее практической программы [74]. Реакционная политическая позиция исследователя сказалась и на теоретической. В его работах становится более заметным влияние идеалистической философии, что проявляется в стремлении встать выше «крайностей» материализма и идеализма. Именно эта «реакционнейшая» попытка была осуждена В. И. Лениным в статье «О значении воинствующего материализма», где В. И. Ленин подчеркнул, что отказ от последовательного проведения принципов материализма играет на руку идеализму, поповщине, является «прислужничеством господствующей буржуазии» [75].

Политические и философские взгляды, неприятие советской действительности побудили Р. Ю. Виппера в 1924 г. уехать в Латвию. Время пребывания в Латвии (1924—1941 гг.) было связано с напряженной научно-педагогической деятельностью в Латвийском университете, активной работой по распространению исторических знаний, борьбой с реакционной школой в латышской историографии [76]. В эмиграции Р. Ю. Виппер стоял в стороне от общественной деятельности, не состоял ни в каких белоэмигрантских организациях.

Успехи СССР в социалистическом строительстве, восстановление Советской власти в Прибалтике, начавшаяся вторая мировая война явились решающими социальными причинами, побудившими Р. Ю. Виппера пересмотреть свои прежние политические и историко-философские взгляды. В 1941 г. он возвратился в Москву и вплоть до своей смерти (1954 г.) продолжал научную работу в области древней истории и медиевистики в Институте истории АН СССР и МГУ. В истории античности его привлекают в этот период проблемы, связанные с возникновением христианства и

---

[72] *Виппер.* Очерки истории Римской империи, с. 93, 103 и др.

[73] *Виппер Р. Ю.* Гибель европейской культуры. Сб. статей и публичных лекций (1914—1918 гг.). М., 1918, с. 53—56.

[74] *Он же.* Социализм и социальная реформа. М., 1917, с. 31—32; *он же.* Очерки истории социализма в новейшее время. М., 1917, с. 43—44.

[75] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т.45, с. 27.

[76] Latviešu vēsturnicku veltijums prof. R. Viperam, 21 lpp.; Очерки истории исторической науки в СССР. Т. VII. Советская историография Латвии. М., 1968, с. 14; *Бирон А. К., Дорошенко В. В.* Советская историография Латвии. Рига, 1970, с. 69, 76; *Зутис Я.* Остзейский вопрос в XVIII в. Рига, 1946, с. 334 сл.

переходом от античности к средневековью [77]. В их разработке нашли отражение изменения методологических позиций Р. Ю. Виппера по вопросам теории исторического процесса.

Проблемы теории исторического процесса и исторического познания занимали большое место в научном творчестве Р. Ю. Виппера на всем протяжении его жизни.

Взгляды Р. Ю. Виппера на характер исторического процесса формировались и развивались в русле теорий исторического круговорота. В ранний период научных исследований он высоко оценивал теорию Д. Вико (1668—1744 гг.) о развитии человеческой истории «в виде круговорота, смены подъема и падения», в виде прохождения всеми обществами одинаковых и обязательных этапов развития [78]. Сравнивая древний и новоевропейский «культурно-исторические циклы», он писал: «В более узком географическом районе, при меньшем разнообразии форм греки и римляне проходят главные стадии общественного развития, которые мы встречаем потом в Средней Европе IV—XVI вв., от экономической замкнутости самодовлеющих групп к широкому развитию обмена, крупной индустрии и торговле с характерными явлениями капитализма...» [79]. Полемизируя с ойкосной теорией К. Бюхера, Виппер вслед за Э. Мейером считал, что «хозяйственная жизнь Древности гораздо сложнее и сама по себе прошла три намеченные его теорией ступени», т. е. натуральное, городское и народное хозяйство [80].

Противоречие между накопившейся массой нового исторического материала, требующего систематизации, и невозможностью объяснить его с позиций прежнего социологического метода Виппер пытался разрешить с помощью новой периодизации истории, которая согласовывала хронологические периоды с географическими районами так, что каждый новый большой период открывался перемещением культурно-географических центров. «В истории перед нами выступают не столько хронологические моменты одного расширяющегося течения,— писал Виппер,— сколько местные общественные и культурные типы с характерным строением весьма длительного свойства» [81]. Он выделял три параллельно сосуществовавших пространственно-временных комплекса: нильско-евфратский, средиземноморский, среднеевропейский. Новая схема исторического процесса также не объяснила наличие общих элементов в разновременных культурах, поэтому он настаивал на том, чтобы «помимо ступеней развития» учитывать элемент «постоянства», «общечеловеческих» черт, дополнил ее элементами «исторических влияний», «передач», осуществляющихся в духовной сфере, образующих связь отдельных культур. Но и эта схема не удовлетворила историка, не позволила ему разместить весь запас известных данных по наметившемуся «идеальному чертежу» [82].

Взгляды Р. Ю. Виппера на характер исторического развития имели немало точек соприкосновения с циклической теорией Э. Мейера, теорией «локальных культур» О. Шпенглера, теорией «цивилизаций» А. Тойнби. В рижский период вслед за О. Шпенглером решающую роль в определении характера культуры Виппер отводил «системе идей» [83]. В основу

[77] *Виппер Р. Ю.* Возникновение христианской литературы. М.—Л., 1946; *он же.* Рим и раннее христианство. М., 1954; *он же.* Социальные идеи евангелия от Луки.— Средние века, вып. 2. М.—Л., 1946; *он же.* Просветительный век Римской империи.— ВДИ, 1948, № 3; *он же.* Этические и религиозные воззрения Сенеки.— ВДИ, 1948, № 1; *он же.* История средних веков. М., 1947; Архив АН СССР, ф. 1562, оп. 1, д. 43 (Гибель античного мира. Доклад, прочитанный Р. Ю. Виппером на заседании кафедры истории древнего мира МГУ в 1940 г.), л. 2.

[78] *Виппер.* Общественные учения и исторические теории..., с. 16; Мир божий, 1897, № 2, с. 7—8.

[79] *Виппер.* Школьное преподавание древней истории..., с. 36.

[80] *Он же.* Очерки теории исторического познания, с. 77.

[81] Там же, с. 106.

[82] *Виппер.* Две интеллигенции..., с. 261.

[83] *Vipers R.* Vēstures Lielās Problēmas. Rīga, 1940, 120 lpp.

вновь предложенной им периодизации истории Европы был положен принцип «господства определенного мировоззрения, которому отвечает определенное общественное устройство» [84].

В научном творчестве Р. Ю. Виппера особое место занимали вопросы теории исторического познания, особенно в период его увлечения эмпириокритицизмом.

В ранний период с позиций позитивистской философии Р. Ю. Виппер признавал объективность и закономерность исторического процесса, объективный характер исторических фактов, историческую причинность, отстаивал «научность» истории, задачу которой видел в выявлении общих черт в эволюции общественных групп, «в изучении типичного, в наблюдении повторяемости, правильности, в выделении постоянных, возвращающихся элементов». Конкретно-исторические работы раннего периода характеризовались изучением «законов состояний», интересов, масс [85].

Но, как уже говорилось, в начале XX в. в творчестве Виппера появляются кризисные ноты. Историк связывал кризис общего научного метода с недостатками позитивистской методологии исследования с ее схематизмом, невниманием к субъекту познания. Кризис исторической науки воспринимался им в основном в гносеологическом плане, хотя он и говорил о связи философской реакции с общественной. Не видя социальных корней кризиса буржуазной историографии, выход из него Р. Ю. Виппер пытался найти в создании особой теории исторического познания на основе махизма. Задачу новой науки Виппер видел в описании процесса познания, в определении того, «что мы сами вносим в восприятие, в наблюдение фактов; с какими категориями подступаем мы к ним, какова во всем нашем знании о мире доля необходимых и неизбежных предрасположений нашей мысли», в выяснении «психических условий, в которых образуются наши представления о реальном мире», «психологического смысла наших заключений о взаимной связи явлений реального мира и их закономерностей» [86]. Однако правомерный вопрос о роли теоретического мышления в процессе познания решался Виппером с позиций субъективистской философии, что приводило к абсолютизации теоретического мышления, отрицанию объективного восприятия исторического явления. Отождествляя исторический факт с фактом исторической науки, рассматривая последний как субъективную категорию, конструкцию ума, мышления, он считал возможным говорить о «создании фактов в уме нашем, их формовке по чертежу» [87].

На том же основании Виппер отрицал объективное содержание общих понятий, хотя высоко ставил их значение в познании действительности. Из признания «экономики», «политики», «идеологии» лишь умственными абстракциями вытекало отрицание исторической причинности, которую Виппер предлагал заменить функциональной связью. Это приводило к снятию вопроса о том, что первично и что производно в общественном развитии. А из признания равноправия факторов в историческом процессе он делал вывод о равноправии обоих «методов познания» — материалистического и идеалистического, за что его резко критиковал В. И. Ленин [88].

В противоположность неокантианству, которое отрицало возможность открытия законов исторической наукой, Виппер писал, что «история всегда была в ранге науки, признававшей и наблюдавшей закономерность» [89]. В то же время с позиций эмпириокритицизма он отрицал объективность исторического познания, а критериями истинности научных

---

[84] *Idem.* Eiropas Kulturvēsturiskie laikmeti.— Daugava, 1936, № 3, 246 lpp.

[85] *Виппер Р. Ю.* О преподавании истории в основной и средней школе.— Русский педагогический ежегодник в Латвии. Рига, 1927, с. 29.

[86] *Он же.* Две интеллигенции..., с. 27.

[87] Там же, с. 32—33.

[88] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 27.

[89] *Виппер.* Очерки теории исторического познания, с. 14.

теорий считал пределы сознания создавшего их историка и соответствие современным общественным запросам, а не глубину отражения объективной реальности. Историческую закономерность Виппер понимал как особое условие, вносимое ученым в процессе исследования. Не выяснялся, таким образом, вопрос об объективном характере исторических законов, что способно было привести к отрицанию закономерного характера самого исторического процесса.

Однако в последующие годы новые научные запросы и объекты исследования, растущий и усложняющийся материал заставляли историка совершенствовать методы научного исследования, обнаруживая несостоятельность субъективистской теории познания. Настойчивые методологические искания привели Р. Ю. Виппера на склоне жизни к признанию марксистско-ленинской философии в качестве единственно верного метода научного познания. В 40—50-е годы XX в. на основе исторического материализма ученым были переосмыслены многие важные вопросы теории познания. Историзм, классовый подход к явлениям действительности, признание объективности исторических знаний стали важнейшими принципами его исследовательского метода. Именно в этот период и в трактовке важнейших проблем античной истории — социально-экономических отношений и классовой борьбы в античном мире — Р. Ю. Виппер перешел на позиции материалистической концепции развития древних обществ. Признанием научных заслуг историка было избрание его в 1943 г. академиком, награждение в 1944 г. орденом Трудового Красного Знамени, а в 1945 г.— орденом В. И. Ленина.

Всю свою жизнь Р. Ю. Виппер посвятил поискам научной истины, такой исторической теории, которая смогла бы дать объективное толкование прошлого. Р. Ю. Виппер пришел к марксизму сам, «выстрадав» его в мучительных исканиях, пройдя через отрицание многих «модных» буржуазных теорий исторического развития. Необходимо все же отметить, что не все до конца им было понято в марксизме, не все прежние взгляды пересмотрены с новых позиций. Но примечателен сам факт этой эволюции. Он показывает силу Р. Ю. Виппера как подлинного ученого, исследователя. Одновременно это еще раз подтверждает творческую силу и большие научные возможности марксизма-ленинизма — единственно верной методологии научного познания.

А. П. Данилова

ROBERT YURIEVICH VIPPER HISTORIAN OF ANTIQUITY

A. P. Danilova

The author considers the research and teaching career of the eminent Russian and Soviet historian R. Yu. Vipper (1859—1954) against the background of the social and political situation in the different periods of his working life, in the course of which his world outlook and philosophical views underwent a series of changes ranging from positivism through empiriocriticism to historical materialism. Vipper was a distinguished representative of the socio-economic tendency in Russian historiography on antiquity. His attention was focussed primarily on this aspect of ancient history and on the class struggle in ancient societies, which he regareded as an important factor in their development. Vipper highly esteemed ancient democracy and recognised the important role of slavery in the ancient economy. At the same time his conception of ancient history contained elements of «modernism», hypercriticism and cyclical theory. Towards the end of his life, after lengthy methodological searchings, he came to see in the philosophy of Marx and Lenin the one true method of scientific enquiry and made an effort to rethink, on this basis, the most important problems of ancient history. In 1943 Vipper's contributions to historical science were acknowledged by his election to membership in the Academy of Sciences; in 1944 he was awarded the Order of the Red Banner of Labour and in 1945 the Order of Lenin.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ЗНАНИЙ В ДРЕВНОСТИ.

М.: Наука, 1982, 278 с.

Проблемы установления грани, разделяющей непрерывный процесс накопления человечеством позитивных знаний о природе и начало научного осмысления этих данных, выявления переходного периода от чистой практики, а затем и «пранауки» (с. 5) к подлинно научному творчеству с его особыми законами, методами, аппаратом, формами фиксации результатов, способствующими эволюции общества, нарастанию технического и социального прогресса, являются ключевыми в исследовании этапов становления основ современной цивилизации. В работах по истории науки сложилось несколько путей по преимуществу формального решения этих проблем. Так, Дж. Сартон, начиная историю науки с гомеровской эпохи, подчеркивал при этом преобладающее значение «западных», «европейских» систем научных знаний [1]. Затем грань, определяющая начало научной деятельности человечества, отодвигается ко времени формирования и регулярного применения древнейших систем письменности. Исследования эволюции отдельных отраслей наук, таких, как астрономия, биология, математика, медицина, геология, химия и другие, а также начало изучения истории науки в отдельных больших внеевропейских регионах [2], все более достоверное выяснение первоначальных шагов технического прогресса, определяющих специфику цивилизаций [3], позволили в принципе преодолеть и «письменный» барьер: ко времени неолитической революции можно с полным основанием говорить «о науке как систематизированных знаниях, причем имеется в виду такая их систематизация, которая выявляет причинно-следственные или хотя бы системные связи явлений и тем самым позволяет увеличивать познание о них» (с. 59). Использовать в несколько расширительном контексте это определение древнейших форм науки, данное одним из крупнейших современных специалистов по истории и культуре древнего Востока И. М. Дьяконовым (см. также с. 77—78), вполне правомерно потому, что собранные в рецензируемом томе очерки по истории древней науки отражают именно такой подход к проблеме.

В первом очерке «Первобытные представления о мире (общий взгляд)» (с. 8—40), написанном В. Н. Топоровым, дана общая оценка проблем, связанных с началом формирования человеческого мышления, его понятийных основ и логических операций, оказавшихся сейчас предметом интердисциплинарного изучения в лингвистике, истории, философии, «структурной антропологии» (в классификации общественных наук на Западе). Так, уже в работах Дж. Фрэзера, Л. Леви-Брюля, а особенно в книгах К. Леви-Стросса, М. Элиадэ, Р. Фирза и др. была сформулирована система представлений о природе, обществе, космосе, основанных по преимуществу на изучении культуры «отсталых» этнических групп, оказавшихся в изоляции в силу естественно-географических или политико-экономических условий или подвергавшихся насильственному воздействию со стороны «более мощных человеческих коллективов», связанная с признанием безграничного господства внутри подобных групп ритуальных взаимоотношений, берущих основу в сложнейших формах мифоэпических повествований, во-

[1] *Sarton J.* Introduction to the History of Science. V. I. Baltimore, 1927, p. 8.

[2] Например, *Needham J.* Science and Civilisation in China. V. I—V. Cambr., 1954, 1981.

[3] Technology in Western Civilisation. V. I. N. Y., 1967.

бравших в себя веками складывавшиеся принципы коллективного мышления, отражавших неизменную или мало изменявшуюся обстановку в окружающем мире. Эта мифоэпическая поэзия сравнительно неизменно передается от поколения к поколению, выполняя очень широкий объем регулирующих, направляющих функций в коллективе.

Подобную фольклорно-историческую традицию, структурированную по разным сферам человеческого бытия, исследователи пытаются теперь проецировать на тот уровень состояния общества и социально-экономических отношений, которые были достигнуты ко времени появления homo sapiens и к эпохе верхнего палеолита. Цикличность бытия человека и коллектива, мистическая сопричастность человека и природы, всеобъемлющий характер «мифологического универсума» — вот те гипотетичные [4] руководящие нити, которые будто бы определяли развитие человеческой культуры и мысли, а тем самым «пранауки» вплоть до периода архаической Греции. В. Н. Топоров иллюстрирует эту гипотезу изложением парадокса Леви-Стросса о том, что «многочисленные растительные и животные виды известны человеку — носителю первобытных представлений не потому, что они полезны; скорее наоборот, они считаются полезными ... потому, что они суть звенья универсальной таксономии, где все сакрально значимо» (с. 29) [5]. В подобном же ключе решается проблема выхода из мифоэпического периода развития человеческих знаний: «...циклическая схема акта творения и жизни как вечного возвращения, присущая мифопоэтическому сознанию, была уже в лоне той же эпохи разомкнута (хотя бы в принципе) за счет выпрямления последней — человеческой — стадии творения и гипостазирования ее, (что) имело исключительное значение для развития научного мировоззрения и соответствующей методологии... Хотя и приглушенно, вводилась идея прогрессивного развития, эволюции» (с. 36—37).

Практически значение объективных знаний о природе, опыта и эксперимента при таком подходе сводится к минимуму. Однако такой подход к истории первоначальных человеческих знаний вступает, как можно заметить, в противоречие с фактами. Несомненно, человек верхнего палеолита имел разнообразные формы мифологии, но унифицированы они не были. Ведь при огромном количестве находок различных сюжетов первобытного искусства на весьма ограниченной территории юга Франции в них практически не встречаются аналогичные композиции [6]. Более того, пример обособленного развития древнекитайской науки показывает, что всеобщая систематизация на основе двоичных оппозиций («мужского» и «женского» начала, сил *ян* и *инь*) группировки и сопоставления всех категорий, предметов и объектов в пятиричных шкалах — явления поздние (конец I тыс. до н. э.), обусловленные многотысячелетним развитием понятийного аппарата, логических абстраций, унификации символов и письменных знаков. Кроме того, теперь нетрудно продемонстрировать ту легкость, с которой терялся накопленный опыт поколений не только в технике, но и в области ритуалов. Так, этнографические исследования на острове Ыттыгран, близ побережья Чукотки, показали, что созданный здесь комплекс монументальных сооружений из черепов и костей китов, связанный с какими-то сложными, длительными и многообразными общественными ритуалами религиозно-магического характера, практически не оставил следов в «мифопоэтической» памяти местного населения уже через несколько веков после прекращения его функционирования. Хотя этнокультурный состав населения здесь изменился мало, но резкие перемены произошли в экологии и хозяйственно-экономической жизни региона [7]. Вряд ли иная ситуация могла быть связана с пещерными культовыми комплексами с росписями эпохи верхнего палеолита: их использование — сравнительно краткий эпизод в длительной истории палеолитического общества. Ведь несмотря на наличие нескольких пластов изображений в отдельных пещерах ничто не указывает на эволюцию ритуально-обрядовой деятельности, связан-

---

[4] Ср. *Eickelpasch R.* Mythos und Sozialstruktur. Düsseldorf, 1973.

[5] Более рациональную оценку см. *Иорданский В. Б.* Хаос и гармония. М., 1982, с. 212—213 и др.

[6] *Кожин П. М., Фролов Б. А.* Представление о пространстве в творчестве населения палеолитической Европы.— СЭ, 1973, № 2, с. 11—12, 16—18; *Абрамова З. А.* В пещерах Арьежа.— В кн.: Звери в камне. Новосибирск, 1980, с. 64—65.

[7] *Арутюнов С. А., Крупник И. И., Членов М. А.* «Китовая аллея». Древности островов пролива Сенявина. М., 1982.

ной с художественным творчеством, что резко ограничивает хронологические рамки данной обрядности.

В разделе «Астральные мифы и рисунки» (с. 41—58) Б. А. Фролов суммирует тот комплекс идей и концепций, который был выработан в последние десятилетия исследователями палеолитического искусства и общества [8]. Он характеризует процесс развития мышления первобытного человека как достаточно рациональный, основывая свои наблюдения на памятниках искусства; Б. А. Фролов указывает, что удается «...в известной нам первобытной мифологии наряду с художественным началом выявить устойчивое ядро познавательного, рационального, зачаточно-научного начала» (с. 52), т. е. магии и мифологии здесь не отводится уже исключительная, всепоглощающая роль в функционировании древнего общества, а в связи с «астральными мифами и рисунками» ставится вопрос о совершенствовании знаний о природе, о разработке технического и понятийного аппарата будущих наук: счета, языковых категорий, знаково-символической передачи объектов натурального мира.

Очерк И. М. Дьяконова «Научные представления на древнем Востоке (Шумер, Вавилон, Передняя Азия)» (с. 59—117) суммирует проблемы изученности научных разработок, созданных научными школами в шумеро-аккадских центрах цивилизации, являвшихся, как разъясняет автор, единственными в исследуемом регионе (III—I тыс. до н. э.) [9]. Рассмотрев грамматические, юридические, математические тексты, формулы гаданий, астрономию, астрологию, календарь и медицину, автор справедливо указывает, что «...все знания шумеров и вавилонян об окружавшем их мире были созданы практической необходимостью... Письменно фиксированные знания вавилонян были до-научными в том смысле, что в основе их лежало только описание и внешняя классификация, вопрос же „почему", с которого, собственно, только и начинается наука, не ставился — или, во всяком случае, ставить этот вопрос не обучали» (с. 111). Последний вывод особенно важен, так как указывает на необходимость поиска научных основ тех сфер активной человеческой деятельности, свидетельства о которых напрасно искать в древних учебных пособиях. Это — металлургия, градостроительство, традиционные ремесла и т. д.

В очерке М. А. Коростовцева «Наука древнего Египта» (с. 120—130) [10] охарактеризован «этап в развитии человеческого мышления», который оценивается автором на основании письменных данных как «преднаука» или «протонаука». Те области научной жизни, которые связаны с решением технических задач, строительством монументальных сооружений, разработкой канонов искусства, не нашедшие отражения в литературных памятниках, в данном очерке не были затронуты [11].

Следующие два очерка посвящены древнеиндийской науке (с. 131—177). Первый из них, написанный Е. Н. Молодцовой, характеризует древний период развития наук в Индии в традиционном стиле на основании письменных памятников [12]. Автор второго очерка А. И. Володарский объединяет письменные данные с археологическими. Изучение древнейшей индийской научной культуры рассматривается им параллельно с проблемами расшифровки древнейших форм письменности долины Инда, с новыми успехами археологической науки. Отмечается также роль научных связей в древности (с. 165) и особенно влияние индийской науки на средневековые научные школы исламского мира.

Очерк, посвященный зарождению естественнонаучных знаний в древнем Китае (автор — Э. И. Березкина), также объединяет данные письменных и археологических источников. Он является единственным разделом книги, характеризующим научные достижения, разрабатывавшиеся в ареале древней цивилизации, если и не лишенной

[8] См. *Окладников А. П.* Утро искусства. М., 1967.

[9] Подробнее о проблемах школ см. *Дандамаев М. А.* Вавилонские писцы. М., 1983, с. 15—16, 54—63; о новых разработках в исследовании духовного мира Древнего Востока см. также — *Клочков И. С.* Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М., 1983.

[10] Более подробно см. *Коростовцев М. А.* Писцы древнего Египта. М., 1962.

[11] Ср. *Лауэр Ж.-Ф.* Загадки египетских пирамид. М., 1966; Проблемы канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. М., 1973.

[12] Ср. *Радхакришнан С.* Индийская философия. Т. 1. М., 1956, с. 49—111; другие подходы к проблематике см.: *Семенцов В. С.* Проблемы интерпретации брахманической прозы. М., 1981; Древняя Индия. Историко-культурные связи. Отв. ред. Г. М. Бонгард-Левин. М., 1982, с. 182, 198, 199 и др.

общих корней с древнеевропейской и западноазиатской культурами, то во всяком случае с глубокой древности резко обособившейся от нее. В западной науке последних десятилетий поляризовались два направления изучения древней цивилизации и науки Китая. Одно подчеркивает общность гуманистических целей древних цивилизаций. Другое,— всячески обособляя Запад и Восток в истории их культурного развития,— стремится подчеркнуть более высокий уровень естественных и философских наук на Дальнем Востоке, указывая на их исконно комплексный характер, стремление изучать объекты своих исследований в динамике, функционировании, внутренней целостности. Однако, оценивая такие сопоставления [13], приходится констатировать, что их возникновение стало возможным в основном благодаря поверхностному анализу «западных» и, в частности, древнегреческих научных исследований.

Очерк «Древнегреческая наука» (с. 197—275), написанный И. Д. Рожанским, заключает книгу. В нем в очень сжатой форме охарактеризованы основные философские направления начиная с трудов милетской школы и до Аристотеля. Автор очерка целенаправленно акцентирует внимание на естественнонаучной проблематике, на моментах, нашедших отражение в последующем развитии точных научных знаний в Европе.

Каждый очерк, помимо указаний на литературу, использованную при его написании, сопровождается небольшой библиографией по теме, что позволяет читателю более широко и разносторонне ознакомиться с каждой из затронутых в книге проблем по истории естественнонаучных знаний. В целом данная книга, являющаяся первым опытом систематического изложения процессов формирования научной проблематики и методов исследования в естествознании от доисторической эпохи и до эллинистического времени практически во всех исследованных к настоящему времени с точки зрения историко-научных вопросов регионах Старого Света, будет служить несомненным вкладом во всеобщую историю науки, о создании которой еще в начале нашего века мечтал академик В. И. Вернадский [14].

П. М. Кожин

[13] Яркий пример: *Holbrook B.* Stone Monkey. An Alternative, Chinese — Scientific, Reality. N. Y., 1981.

[14] *Вернадский В. И.* О научном мировоззрении.— Сборник по философии естествознания. М., 1906, с. 104, 156, 157.

ПРОБЛЕМЫ ДРЕВНЕБЛИЖНЕВОСТОЧНОГО И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В ИССЛЕДОВАНИЯХ П. БРИАНА

Когда более ста лет назад И. Г. Дройзен ввел в научный оборот термин «эллинизм», он вряд ли мог предполагать, что поставлен один из «вечных» вопросов исторической науки. Такая непреходящая актуальность проблемы эллинизма, может быть, обусловлена своего рода «промежуточностью» эллинистической эпохи, в которой переплелись черты, свойственные древнему Востоку и античности. Вполне возможно, что именно этими свойствами эллинистической эпохи объясняется обостренный интерес современных историков, особенно историков-марксистов, к проблеме эллинизма, в освещении которой большое внимание уделяется вопросу о сущности эллинистического общества и соотнесенности его с древневосточными и античными рабовладельческими обществами.

Именно в таком аспекте проблема эллинизма предстает в фундаментальной и своеобразной работе известного французского историка П. Бриана «Цари, подати и крестьяне. Очерки о податных укладах на древнем Среднем Востоке» [1]. Мы назвали работу П. Бриана своеобразной, и это действительно так, ибо она представляет собой сборник статей автора по разным вопросам и аспектам древнеближневосточной истории середины I тыс. до н. э., опубликованных в 1971—1981 гг. и включенных в сборник без

[1] *Briant P.* Rois, tributs et paysans. Etudes sur les formations tributaires du Moyen-Orient ancien. P., 1982, 538 p.

каких-либо изменений, с сохранением даже шрифта и пагинации первичной публикации. Такой вид издания заслуживает внимания не только своей оперативностью и экономичностью, но также тем, что он вводит читателя в творческую лабораторию историка, наглядно демонстрирует развитие его мысли, хотя не исключает и таких недостатков, как повторения, некоторая мозаичность изложения и др. Мы назвали работу П. Бриана «фундаментальной», и такое определение оправдано широтой и значимостью рассматриваемых в ней проблем, а также ее отчетливой монографичностью, проявляющейся в единстве и цельности авторской концентрации, методики исследования и исследовательского почерка.

Справедливость такой оценки указанной работы подтверждается перечнем составляющих книгу статей: «Александр Великий и диадохи: феномен Евмена из Кардии» (1972—1973), «Заметки о λαοί и сельских рабах в эллинистической Малой Азии» (1971—1973), «Села и сельские общины в ахеменидской и эллинистической Азии» (1975), «Военный поход Александра против уксиев (начало 330 г.)» (1976), «Военное принуждение, сельская зависимость и эксплуатация земель в ахеменидской Азии» (1978—1979), «Эллинистическая колонизация и коренное население» (1978), «Приток греков в эллинистические города Востока» (1982), «Античный империализм и колониальная идеология в современной Франции: Александр Великий — колониальная модель» (1979), «Ахемениды и эллинистические цари: преемственность и разрыв (Итог и предложения)» (1979), «Овцеводство в державе Ахеменидов» (1979), «Территориальное завоевание и идеологическая стратегия: Александр Великий и царская идеология Ахеменидов» (1977—1980), «Сельские общины, производительные силы и податной способ производства в ахеменидской Азии» (1980), «Производительные силы, сельская зависимость и религиозные идеологии в империи Ахеменидов» (1977—1980), «Государственный аппарат и развитие производительных сил в древней Средней Азии: феномен „империи Ахеменидов“» (1981), «Греческие источники и история Ахеменидов» (1982).

Все эти статьи в том или ином аспекте отражают стремление автора рассматривать эллинизм и державу Ахеменидов как подсистемы со сложной внутренней структурой, генетически между собой связанные и входящие в систему, именуемую им «податной способ производства».

В исследованиях П. Бриана можно выделить четыре узловые темы: *1*) «податной способ производства» и его характерные особенности; *2*) держава Ахеменидов — фаза в развитии «податного способа производства»; *3*) держава Ахеменидов и эллинистические государства — преемственность или разрыв и *4*) эллинизм — фаза в развитии «податного способа производства». Конечно, этими четырьмя проблемами не исчерпывается многогранное содержание работы П. Бриана, но именно они выражают суть концепции исследователя.

1. П. Бриан является убежденным сторонником популярной среди французских марксистов — философов, социологов и историков — концепции «азиатского способа производства» [2] (с. 298 сл., 412 сл.). Однако он предпочитает обозначение «податной способ производства», ибо, по его словам, подать является главным символом и главной реальностью политического господства и экономической эксплуатации населения империи (т. е. державы Ахеменидов.— *И. В.*, *И. С.*), в особенности сельского населения (с. 176, ср. с. 409, 412 и др.). Это обозначение перекликается с теорией «кабальной формации», предложенной Ю. И. Семеновым не только терминологически, но и по существу, ибо оба исследователя подчеркивают определяющую для данного способа производства роль эксплуатации сельской общины государственным аппаратом посредством податей или налогов [3].

Однако гораздо существеннее в концепции П. Бриана является категорическое отрицание им идеи «азиатской стагнации», противопоставления «стагнирующий Восток — прогрессирующий Запад» (с. 323—325, 419, 477—479). «Податной способ производства», заявляет исследователь, развивался и прогрессировал, однако развитие производительных сил не сводимо к прогрессу техники и технологии (с. 419), что приводит автора к выводу о необходимости тщательнейшего изучения диалектической

---

[2] См. *Качановский Ю. В.* Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М., 1971; *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М., 1975.

[3] См. анализ концепции Ю. И. Семенова в кн.: *Никифоров.* Восток..., с. 34.

взаимосвязанности и взаимодействия инфраструктуры и суперструктуры (= надстройки, с. 407, 432—434).

Сердцевина, ядро инфраструктуры «податного способа производства» — сельская община, предстающая в концепции П. Бриана основной формой организации производственной и социальной деятельности населения, обладающей самоуправлением, но «эта автономия диалектически связана с зависимостью», ибо вытекающие из факта завоевания «права царя на землю выше прав общины», что и составляло основу для присвоения царем и царской администрацией производимого сельскими общинами прибавочного продукта посредством подати (с. 414—418). Инфраструктура податного способа производства характеризуется абсолютным доминированием по существу единственного и всеобъемлющего царского «централизованного» сектора экономики (с. 409 слл.).

В отношении этого последнего положения можно напомнить уже неоднократно высказывавшееся советскими востоковедами возражение против переоценки роли «централизованного» царского сектора экономики в становлении, развитии и функционировании всего древневосточного общества, против упрощения тем самым в действительности более сложной (двух- или многосекторной) древневосточной экономики и более сложного древневосточного общества [4].

Обратимся теперь к тщательно изученному в рецензируемой работе второму уровню — суперструктуре, которая (особенно такие ее компоненты, как государство, политическая идеология, религия и иные), по мнению П. Бриана, является «фундаментальным элементом структурности и воспроизводства общества» (с. 175—176, 324—325). Это отчетливо проявлялось в реальности державы Ахеменидов — наиболее полного воплощения, по мнению П. Бриана, «податного способа производства».

2. Понимание П. Брианом сущности державы Ахеменидов близко к точке зрения советских востоковедов о так называемых мировых державах [5]. Однако П. Бриан предпочитает обозначение «империалистически-податное государство Ахеменидов», которое программно выражает не только его понимание формационной принадлежности державы Ахеменидов, но и его представление о ее генезисе путем «организованного насилия», т. е. военного завоевания и покорения (с. 176, 475 и др.). Образование державы Ахеменидов именно таким путем определяет, по мнению П. Бриана, не только по существу военную организацию государства (с. 188 слл.), военную монополию господствующей «этно-классовой общности», зависимость основной массы населения, главным образом сельского (с. 181, 212, 413), эксплуатацию этого населения посредством подати (с. 180 слл.) и т. д., но также обусловливает хозяйственно-организационную деятельность Ахеменидов.

Повторив формулу известной исследовательницы из ГДР Х. Е. Вельскопф, что на древнем Востоке «государство располагает верховным руководством экономикой», П. Бриан показывает, каким образом это верховное руководство проявляется не только в организации и проведении крупномасштабных ирригационных работ (с. 420 слл., 484 слл.), в воспроизводстве рабочей силы (с. 440, 481) и т. д., но также в организации «образцовых хозяйств», какими были задуманы и каковыми в действительности были знаменитые «парадисы» Ахеменидов. Они, по мнению исследователя, выполняли тройную функцию: в качестве резиденций сатрапов были политическими и административными центрами сатрапий; благодаря рациональному использованию в них водных ресурсов, мобилизации зависимого труда и его воспроизводства, внедрению новых сельскохозяйственных культур и т. п. «парадисы» являлись как бы «образцом процветающего земледелия и садоводства»; наконец, по словам автора, «парадисы можно рассматривать в качестве „идеологических витрин“ Ахеменидской державы».

---

[4] Новейший пример: *Янковская И. Б.* Централизованный сектор экономики в Передней Азии (По клинописным текстам Каниша и Аррапхи). Проблема специализации общин: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. ист. наук. Л., 1982, с. 32 слл.

[5] *Дьяконов И. М.* Основные черты древнего общества.— В сб.: Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971, с. 133 сл; *Неронова В. Д.* Введение в историю древнего мира. Пермь, 1973, с. 270—273; *Дьяконов И. М., Якобсон В. А.* «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии.— ВДИ, 1982, № 2, с. 8—11.

Важное место в концепции П. Бриана занимает известное положение К. Маркса [6] о теснейшей диалектической взаимосвязи способа производства и надстройки, о непосредственном, прямом воздействии последней, особенно идеологии, на общественное производство. Исходя из этого положения, Бриан уделяет большое внимание изучению идеологии державы Ахеменидов, в которой он выделяет два субстрата — царскую идеологию и крестьянскую идеологию (с. 435). Последняя, наиболее четко выраженная в Авесте, характеризуется, по мнению П. Бриана, следующими основополагающими чертами: особой заинтересованностью в росте производительных сил, приумножении скота, зерна и людей, восприятием крестьянского труда как сакрального действа, признанием «верности» основной этической ценностью, что позволяет видеть в ней целую идеологическую систему, не только отражающую думы и чаяния зависимой сельской общины, но и содержащую точки соприкосновения со вторым субстратом — с царской идеологией (с. 436—439).

В полном соответствии с концепцией divine king-pattern [7] П. Бриан утверждает, что царственность [8] (royaute) Ахеменидов есть сакральная царственность, и царь в качестве заместителя Ахура-Мазды на земле является гарантом божественного порядка, имплицирующего, во-первых, мир и безопасность для жителей державы, в первую очередь для общинного крестьянства и, во-вторых, развитие и процветание производства, особенно сельскохозяйственного, в чем проявляются точки соприкосновения между обоими субстратами или уровнями идеологии державы Ахеменидов (с. 439—443).

П. Бриан не ограничивается показом точек соприкосновения, но ставит и рассматривает сложнейший и редко затрагиваемый вопрос об «идеологических средствах распространения и выражения» в следующих аспектах: средства и пути распространения представлений обоих субстратов; эффективность этих средств и путей распространения и, главное, способность или неспособность крестьянского образа мышления («ментальности») к восприятию и принятию идеологической коммуникации и знаков, исходящих из государственного аппарата. Выделив три основных вида идеологической коммуникации — оральный, письменный и предметный, П. Бриан анализирует коммуникативно-информационную роль праздника Нового года (оральный вид) как праздника торжества сил порядка и безопасности над силами хаоса, ежегодного обновления власти царя, обновления и приумножения плодоносящей силы природы, мощи и величия державы. Воплощением письменного вида идеологической коммуникации является тщательно продуманная и осуществленная система подготовки административных кадров державы, нацеленная на выполнение ими трех основополагающих функций — на защиту территории державы, борьбу с врагами Ахура-Мазды и Ахеменидов, обеспечение сельскохозяйственного процветания и функционирования всей системы зависимости сельского населения; воплощением предметного вида идеологической коммуникации являются вышеупомянутые «парадисы».

Наличие структурных точек соприкосновения между обоими субстратами, уровнями надстройки, действенность и эффективность средств и путей идеологической коммуникации обеспечивают, по мнению П. Бриана, «идеологическое движение от подвластных к властвующим и от властвующих к подвластным», даже некоторый consensus между ними, что обусловливает относительную стабильность и длительность существования державы Ахеменидов, которая «открывает новую фазу в истории податных укладов на Ближнем и Среднем Востоке в древности» (с. 489).

Эта фаза, подчеркивает Бриан, характеризуется следующими основополагающими признаками: образование державы с межконтинентальными притязаниями, ставшей существенным явлением в Средиземноморской зоне; повсеместное внедрение податной системы и организация сатрапий; утверждение и повсеместное распространение царской власти над храмами и землями; беспрецедентное развитие производительных сил; всеобщее распространение и углубление системы зависимых от царской власти сельских общин.

---

[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. 1, с. 463 сл.

[7] Например, *Frankfort H.* Kingship and the Gods. Chicago, 1948; *Gadd G. J.* Ideas of Divine Rule in Ancient Near East. L., 1948.

[8] Удачный термин, предложенный В. А. Якобсоном (Представление о государстве в древней Месопотамии.— Древний Восток, III, 1978, с. 66).

Нет надобности подчеркивать содержательность и оригинальность разделов и страниц, посвященных в рецензируемой работе державе Ахеменидов, принципиальную важность многих выводов и наблюдений автора, привлекательную внутреннюю цельность и завершенность его концепции. Но, может быть, именно эта завершенность побуждает исследователя абстрагироваться от реальной социально-экономической и политико-идеологической многоликости и многогранности державы Ахеменидов [9], приводит его к определенному схематизму.

3. Существенное место в концепции П. Бриана занимает проблема преемственности между державой Ахеменидов и эллинистическими монархиями. Период эллинизма для него — фаза в развитии «податного способа производства», ибо основой экономической структуры эллинистических обществ продолжала оставаться сельская община, находящаяся в зависимости от государства. Община сохраняла внутреннее самоуправление и выступала по отношению к государству как единица обложения. Анализируя разнообразные косвенные данные, П. Бриан приходит к выводу, что община эллинистического времени, безусловно, имела свои органы управления: сам факт, что подать взималась с общины в целом, позволяет говорить о наличии внутридеревенского аппарата, который эту подать распределял и собирал. Скудость свидетельств, исходящих от самих деревень (в отличие от римского времени), объясняется тем, что письменность еще не была достаточно распространена среди сельского населения. Отметим, что наличие самоуправления у деревень, находившихся на земле Селевкидов, подтвердилось надписью из Малой Азии III в. до н. э., опубликованной в 1975 г. Эта надпись представляет собой постановление народного собрания (экклесии) двух сельских поселений — Киддиокоме и Неонтейхос, в котором декретируются почести «господину топа» — крупному селевкидскому чиновнику Ахею и двум его служащим за благодеяния в отношении жителей деревни [10].

Разбирая характеристику, данную К. Марксом индийской общине, П. Бриан отмечает «фундаментальную справедливость» этой характеристики и подчеркивает, что и в ахеменидской и в эллинистической Азии сельская община не меняла своей внутренней структуры: для азиатских λαοί в их повседневной жизни Александра как бы не существовало (с. 324). Но, как уже отмечалось, П. Бриан считает, что политическая и идеологическая надстройка составляет неразрывное единство с экономической основой и именно эта суперструктура осуществляет общественную динамику. Поэтому, естественно, ставя вопрос о преемственности между державой Ахеменидов и эллинистическими государствами, П. Бриан рассматривает его также на уровне политической организации и идеологии. Наиболее четко взгляды исследователя на преемственность формулируются в статье «Ахемениды и эллинистические цари: преемственность и разрыв (Итог и предложения)», где он подводит итог своим взглядам на деятельность Александра, полемизируя с целым рядом распространенных точек зрения. По мнению П. Бриана, Александр продолжал тенденции, проявлявшиеся в деятельности Ахеменидов. Это выражалось в собирании ахеменидских владений для создания империи, восстановлении ахеменидского государственного аппарата, который включал ахеменидский персонал, восстановлении и расширении царских земельных владений и организации зависимого населения, внедрении идеологии государства Ахеменидов (с. 328 сл.). Эти особенности деятельности Александра дали возможность П. Бриану назвать его «последним Ахеменидом». В другой своей статье, посвященной идеологической стратегии Александра, он еще резче подчеркивает связь этой стратегии с монархической идеологией Ахеменидов и полагает, что провозглашение мести за разрушения, произведенные Ксерксом в Греции, не отражало истинного отношения Александра, а было всего лишь пропагандистской уловкой, рассчитанной на греков. Сам Александр ориентировался на идеологию Ахеменидов, он не признавал Дария III законным преемником последних. П. Бриан даже считает возможным толковать слова Александра о том, что он владеет землями, данными ему богами, имея в виду персидских, а не македонских богов (с. 380).

---

[9] *Weinberg J. P.* Bemerkungen zum Problem «Der Vorhellenismus im Vorderen Orient».— Klio, 58, 1976, S. 5—20; *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980, с. 108 слл.

[10] *Wörrle M.* Antiochos I, Achaios der Ältere und die Galater. Eine neue Inschrift in Dencili.— Chiron, v. V, 1975, S. 59—88.

4. Итак, Александр продолжал традиции Ахеменидов, создавая свою империю. Но эллинистические государства не были созданием непосредственно Александра — П. Бриан подробно рассматривает процесс становления эллинистических государств, прослеживая и преемственность между диадохами, Ахеменидами и Александром и разрыв между ними. Для П. Бриана эллинистическое общество было обществом в движении; показ динамики этого общества, с нашей точки зрения, является одним из наиболее интересных аспектов его исследований.

Уже в первой статье, посвященной Евмену, которая открывает рецензируемую книгу, П. Бриан рассматривает проблему становления новых государств в процессе административной практики на завоеванных территориях, изменение коллективной психологии македонских солдат, которое также способствовало этому становлению. В некоторых отношениях преемственность между диадохами и Александром не вызывает сомнений (распространение завоеваний, основание городов), но в других аспектах процесс был более сложным. П. Бриан считает, что вместе с Александром в Азию вступило «македонское царство», которое фактически стало государством военным. Но в первые годы после его смерти в процессе борьбы диадохов происходило превращение «классического» македонского царства в эллинистическое. Эта эволюция сопровождалась превращением армии македонских ополченцев в армию наемников, дезинтеграцией македонского νόμος, выработкой новой монархической идеологии служения вождю, а не царству (другими словами, вырабатывалась характерная для эллинизма система личной связи между царем и его подчиненными).

Для концепции П. Бриана, рассматривающего эллинизм как фазу «податного способа производства», важен вопрос о роли греков в эллинистических государствах и их соотношении с восточными народами. Он показывает, что у самих греков в период социального кризиса IV в. до н. э. рождались идеи и проекты, осуществление которых по существу означало распространение отношений, свойственных этому способу производства. Такие проекты, в частности, были связаны с превращением варваров в илотов или периэков (Исократ), т. е. с созданием таких форм зависимости, которые уже знала Ахеменидская держава. Основание городов из греческих переселенцев для подчинения окружающего населения — такова была стратегическая цель греков, но ахеменидская Азия, пишет Бриан, была готова к подобной стратегии: связь «завоевание — урбанизация — зависимость» не была новостью; ахеменидские цари основывали военные поселения, которые давали возможность царским чиновникам взимать подать с зависимого населения (с. 248 сл.).

Одной из важных задач колонизации П. Бриан справедливо считает организацию эксплуатации зависимого населения; македоняне выбирали место для основания города, учитывая и плодородие почв. Зависимое население деревень работало на этих землях. П. Бриан подчеркивает, что экономическая эксплуатация местного населения была одним из *условий* продолжения завоеваний (с. 251). Для царской власти было жизненно необходимо поддерживать военные ресурсы путем сохранения, изменения или укрепления зависимости сельского населения. Колонизация и илотизация (термин П. Бриана) были связаны друг с другом. Интересы царя и греков-колонистов в данном случае совпадали. Таким образом, П. Бриан показывает, что вопреки точке зрения об «освобождении азиатского крестьянина» (Тарн) или, наоборот, распространении античного рабства (Ранович) на самом деле укреплялась традиционная форма эксплуатации сельского населения, зависимого от государства.

Подчеркивая основные задачи эллинистической колонизации, П. Бриан в то же время выделяет специфические черты колонизационного процесса в разные периоды. Так, он полагает, что колонизация Александра и диадохов отличалась по ряду существенных показателей. В частности, при Александре местное население наряду с греками и македонянами интегрировалось в основанные города, в то время как диадохи, судя по имеющимся данным, предпочитали основывать города с греко-македонским населением. Здесь мы подходим к одному из весьма важных и, добавим, весьма спорных положений П. Бриана — об изоляции греко-македонян во вновь основанных полисах. П. Бриан указывает, что в новых городах можно проследить кварталы, населенные по этническому принципу и полагает, что такое разделение населения было сделано для того, чтобы обеспечить господство македонян. Включение греко-македонских кварталов в древний восточный город также, по мнению П. Бриана, способствовало «изоля-

ции европейцев» (с. 259). Он считает, что эмиграция из греческих центров во вновь основанные города продолжалась на протяжении III и II вв. до н. э. Материал, по его мнению, не позволяет говорить об интеграции местного населения в городах: получить гражданство в них было трудно, а Селевкиды стремились сохранить греко-македонское господство. Все это дает основание П. Бриану ввести понятие «этно-класс» (с. 261 сл.), поскольку привилегии сосредоточились у греко-македонян, которые жили за счет местного населения.

Хотя характеристика эллинистического общества сделана Брианом на основании исследований материалов, относящихся к азиатским регионам, он считает возможным говорить об единстве социальной и экономической структуры эллинистической Азии и Египта. Полемизируя с Кл. Прео, он достаточно четко показывает, что общие черты обществ державы Селевкидов и Египта были более многочисленны, чем различия, и являются фундаментальными— прежде всего это было господство царя над экономической организацией, а также существование деревенских общин, их совместная ответственность за сбор налогов и т. п. (с. 120).

Итак, эллинизм, согласно П. Бриану,—дальнейшее развитие «податного способа производства», это период, характеризующийся эксплуатацией сельских общин, зависимых от государства, урбанизацией, которая привела к усилению эксплуатации этого населения, появлением нового этно-класса греко-македонян, господством монархической идеологии.

В то же время общества эпохи эллинизма находятся в постоянном движении. П. Бриан подробно характеризует положение λαοί на царских землях и приходит к выводу, что это были лично свободные, но зависимые от царской власти жители деревень. Это отношение свобода — зависимость не оставалось неизменным; П. Бриан в качестве гипотезы выдвигает предположение о постепенном усилении зависимости λαοί и прикреплении их государством к земле. Из двух понятий — свобода и зависимость, которые определяли статус λαοί, первое теряет в конце концов свой смысл (с. 117). Так же диалектично подходит П. Бриан к статусу вновь основанных городов по отношению к царской власти: степень зависимости городов была различной — так, в том случае, если города основывались на пустом месте, царь мог сохранять право верховной собственности на наделы колонистов.

Подход П. Бриана к эллинистическим обществам как обществам динамичным, попытка раскрыть механизм становления «эллинистического мира» с учетом факторов, действующих на разных уровнях, диалектическое рассмотрение тех или иных явлений (в частности, подход автора к раскрытию сущности отношений зависимости) не может не вызвать интереса и одобрения. Однако стремление свести реальную действительность азиатских областей после завоеваний Александра к строгой схеме «податного способа производства» ведет к неизбежным упрощениям. Мы не будем полемизировать с П. Брианом по отдельным вопросам, укажем только основное: из динамики эллинистического мира, которую он сам ярко показал, исключен такой важный элемент, как эллинистический полис. Полис по существу является для П. Бриана организацией этно-класса греко-македонян на протяжении всего существования эллинистических государств; полис не оказывает влияния на местное сельское население, в нем не происходит смешения греческих поселенцев и местных жителей. Такое положение представляется нам маловероятным и не подтвержденным всей совокупностью фактического материала. Как мог полис не воздействовать на жителя сельской общины, который приходил в город, продавал на рынке хлеб или фрукты, что-то покупал, смотрел, слушал, что-то в городской жизни осуждал, чему-то завидовал?.. Город влиял и на хозяйство деревень (недаром деревня евксинеев из окрестностей Кавна во II в. до н. э. приняла постановление о поощрении тех ее жителей, которые вырастят на общественной земле фруктовые деревья,— SEG, XIV, 656), и на организацию внутреннего самоуправления (в уже упомянутом постановлении двух деревень III в. до н. э. благодетели этих деревень получают такую чисто греческую полисную почесть, как проэдрию на празднествах). Разумеется, сельская община продолжала оставаться фундаментальной основой организации сельскохозяйственного производства, но отношение полис — община играло не менее динамичную роль в обществе, чем отношение община — царская власть.

Мы не можем также согласиться с П. Брианом в том, что в полисах греко-македо-

няне составляли изолированный «этно-класс». Нельзя забывать, что полисы создавались разными путями: местные самоуправляющиеся общины, получившие статус полиса, состояли в значительной мере из негреческого населения, так, в посольство города Амлады в Пергам входили лица, носившие местные имена (RG, 54); не вызывает сомнения наличие карийского гражданского населения в древних городах Карии, имевших статус полиса (там сохранялось традиционное деление на сингении как низовые административные единицы); мы знаем, что ряд полисов возник из деревень; Страбон рассказывает (XII, 8, 9) о разбойнике Клеоне из деревни Гордия, которую он впоследствии увеличил и сделал полисом; вряд ли ликийская Гиппукоме, названная полисом в декрете конца II — начала I в. до н. э. (TAM, I, 651), имела в составе своих граждан преимущественно греков или македонян... Подобные примеры можно было бы умножить. Также нельзя упускать из виду и существование привилегированных гражданско-храмовых общин Вавилонии и Палестины. Поэтому нам представляется необоснованным введение термина «этно-класс»: можно, вероятно, говорить о преобладании греко-македонского привилегированного населения в определенных районах и в определенные периоды, но абсолютизировать его обособленность нельзя.

В заключение следует повторить то, что уже было сказано в начале: работы Бриана представляют собой новый шаг в развитии западной марксистской историографии эллинизма, его исследования опровергают тезис о стагнации азиатских обществ, раскрывают диалектику общественного развития, взаимосвязь и взаимовлияние инфра- и суперструктур. Однако нам представляется, что влияние концепции азиатского способа производства сказалось в работах в некоторой схематизации древнеближневосточного и эллинистического обществ, в недооценке античных начал как в экономической, так и в политической и идеологической сферах в послеалександровскую эпоху и тем самым в недостаточном внимании к реальным структурным различиям между этими генетически, бесспорно, связанными обществами.

В. П. Вейнберг, И. С. Свенцицкая

S. LAUFFER. Die Bergwerkssklaven von Laureion. Zweite, durchgesehene und erweiterte Auflage. (Forschungen zur antiken Sklaverei, Band XI). Wiesbaden, 1979, 322 S.

Интерес к лаврийским серебряным разработкам древней Аттики не прекращается начиная с XIX в. За последние десятилетия появился ряд посвященных им исследований. Это связано с накоплением археологического и эпиграфического материала и возросшим в исторической литературе вниманием к проблемам античной экономики и античного рабства. Лаврий в этом отношении дает очень многое. Здесь, по свидетельству античных авторов, единодушно принимаемому последующей наукой, превалировал рабский труд [1], и для этой отрасли хозяйства древней Аттики характерна концентрация большой массы рабов. Именно в Лаврии во второй половине II в. до н. э. произошли первые в истории Афинского государства восстания рабов.

Изучение техники горного дела и устройства мастерских по первичной обработке руды и выплавке из нее серебра и свинца позволяет составить представление об условиях труда и формах эксплуатации работавших там рабов [2]. Археологические и эпиграфические свидетельства о Лаврии содержат данные о быте, культах, социальной жизни лаврийских рабов. Перед исследователем древнегреческого рабства лаврийский материал открывает широкие перспективы.

---

[1] Ср. *Дованур А. И.* Рабство в Аттике в VI—V вв. до н. э. Л.: Наука, 1980, с. 76—78.

[2] Из работ последнего времени см. *Wilsdorf H.* Technik und Arbeitsorganisation im Montanwesen während der Niedergangsphase der Poleis.— Hellenische Poleis, IV, B., 1974, S. 1741—1786.

Наряду с этим изучение данных о лаврийских разработках позволяет вскрыть многие черты афинской экономики, выявить разнообразные формы предпринимательской деятельности, кредитно-денежных операций (в частности заклад эргастериев с рабами), показать сосуществование государственной и частной собственности в рудничном районе и складывавшиеся на этой основе отношения.

Книга Лауффера, посвященная рабам Лаврийского горного района, была впервые издана Майнцской Академией наук в 1955—1956 гг. и сразу же встретила многочисленные отклики [3]. Вышедшее в 1979 г. второе издание включает исправления и дополнения, сделанные с учетом высказанных в адрес автора критических замечаний и появившихся за истекшие 20 с лишним лет новых данных и литературы [4]. Текст первого издания оставлен без изменений, все дополнения вынесены в конец (с. 252—290). Для удобства читателей на каждой странице текста, к которой что-либо прибавлено, поставлена звездочка, а в дополнениях соответственно указаны страницы, к которым они относятся.

Таким образом, структура и содержание книги остались теми же. Об этом и об основных положениях автора подробно сказано в моей рецензии на первое издание. Напомним, что книга состоит из двух частей. В первой рассматриваются организация производства, условия труда и правовое положение рабов. Вторая часть посвящена социальным отношениям и восстаниям рабов. Большая заслуга Лауффера в том, что он собрал и тщательно исследовал разнообразные свидетельства о лаврийских рабах, поставил все связанные с ними проблемы — условия труда, формы и степень эксплуатации, численность и этнический состав, социальная жизнь, культы и культовые союзы. Для исследования характерна широта кругозора, стремление связать проблему рабства в горнорудном районе со значением Лаврия в афинской экономике в самых различных аспектах (формы капиталовложений в рудники и степень их рентабельности, состав рабовладельцев и предпринимателей, извлекавших доходы от лаврийских разработок, формы их участия в этой отрасли хозяйства, роль государства в эксплуатации Лаврия и др.).

Разнообразный материал сведен автором в ряд таблиц [5]. В работе имеется ряд филологических экскурсов. Интересен анализ свидетельств, позволяющих судить об этимологии и происхождении названия Лаврий (с. 4—6, 254), обзор терминов, обозначавших лаврийских рабов (с. 4—8, с. 253) [6]. Обращается внимание на отсутствие дифференциации в употреблении слов ἐργάζεσθαι, ἐργάτης (может относиться и к рабу и к свободному — с. 14—15, 257) и вообще на нечеткость хозяйственной терминологии.

Поскольку Лауффер касается самых различных аспектов жизни и деятельности, связанных с Лаврием, ему приходится использовать большую предшествующую литературу. Автор подробно рассматривает высказанные в ней мнения, тщательно взвешивая выдвигавшиеся в их пользу доводы и нередко противопоставляя им свои — вопрос о численности рабов в Лаврии (с. 139—171, 281—283), применение в рудниках свободного труда (с. 8—13, 255—256), побудительные причины рабских восстаний

---

[3] См., например: *Aymard A.*— REG, LXX, 1957, p. 529 sqq.; *Harrison A. R. W.*— CIR, VII, 1957, p. 241 sqq.; VIII, 1958, p. 266 sqq.; *Hopper R. J.*— JHS, LXXIX, 1959, p. 185 sqq.; *Heichelheim M.*— Gnomon, XXXII, 1960, S. 133 ff.; *Глускина Л. М.*— ВДИ, 1959, № 3, с. 181—191.

[4] Автор привлекает и более старую литературу, по тем или иным причинам не использованную в первом издании, в том числе и работы советских ученых на русском языке.

[5] Их всего четырнадцать: 1) производительность труда в рудниках Лаврия (с. 24); *2*) приспособления для работы и меры безопасности (с. 33); *3*) число работников в эргастериях Лаврия (с. 47); *4*) заклад эргастериев и рабов в Лаврийском районе (с. 88); *5*) заклад эргастериев и рабов в Афинах и Пирее (с. 89); *6*) просопография лаврийских рабов, I (с. 124—128); *7*) просопография лаврийских рабов, II (с. 137—139); *8*) оценка общего числа лаврийских рабов в литературе от Бека (1817 г.) до Вильсдорфа (1952 г.) (с. 142); *9*) число рудничных рабов по стелам полетов (с. 156—157); *10*) общее число рабов Лаврия в IV в. до н. э. (с. 161); *11*) изменения числа лаврийских рабов в течение IV в. до н. э. (с. 162); *12*) посвящения отдельных рабов и культовых союзов в Лаврии (с. 178); *13*) рабы, получившие гражданские права в демах Лаврийского района (с. 210—211); *14*) треугольник укреплений Лаврия (с. 221: Анафлист — Форик — Суний).

[6] Лауффер приходит к выводу, что не было специального слова для обозначения именно лаврийских рабов: их называли и ἀνδράποδα и ἄνθρωποι и οἰκέται. Здесь уместно было бы, на наш взгляд, подробнее разобрать соответствующие контексты.

II в. до н. э., их связь с движениями рабов в Сицилии (с. 227—249, 288—290) и др. Большое внимание Лауффер уделяет восстаниям лаврийских рабов, анализирует порой противоречивые свидетельства источников, пытается определить число участников, подчеркивает основное отличие от сицилийских восстаний — в Аттике движение было подавлено сразу и не успело распространиться, оно не получило поддержки свободной бедноты и рабов из других областей.

Не избегая исторических сопоставлений и аналогий, Лауффер предостерегает против модернизации, перенесения в античность категорий, присущих экономике и социальным отношениям капиталистического мира (с. 71, 75—76, 286, 289). Но при этом автор иногда заходит слишком далеко. Он пишет, например, что в отношении лаврийских рабов неприменимо понятие эксплуатации (с. 75). Во втором издании говорится, что это просто неудачная формулировка (автор хотел подчеркнуть отличие раба от свободного наемного работника) и выражается согласие с рецензентами, обратившими на это внимание (с. 274).

Говоря об условиях труда рабов в рудниках и эргастериях Лаврия, Лауффер отмечает малую высоту штолен, что вынуждало работать в согнутом положении, длительность рабочего дня, применение детского и женского труда, упоминает найденные в одной из шахт костные останки ноги в оковах (с. 52—53) и др. В то же время в рецензии на первое издание автору ставилась в вину известная идеализация положения лаврийских рабов, стремление подчеркнуть заботу об их безопасности, сравнительно сносные условия их работы и жизни. Лаврийским рабам действительно жилось и работалось легче, чем рабам в рудниках птолемеевского Египта или римской Испании (с. 54—55, 269), но это не дает еще права делать далеко идущие выводы на основании таких фактов, как надгробные памятники с эпитафиями, посвящения и культовые союзы рабов, отпуск на свободу некоторых из них. Все эти свидетельства благополучия касаются единиц, между тем по расчетам самого Лауффера в Лаврии в различные периоды работало от 10 до 30 тысяч рабов (с. 161, табл. 10). Единичная находка оков безусловно не дает права заключать, что все рабы в рудниках работали в оковах, при ряде операций это и технически было невозможно (с. 53—56). Но даже если это касалось немногих, факт достаточно впечатляет [7].

В дополнениях к первому изданию привлекается значительный материал. Раскопки на территории Лаврийского горного района в тех или иных размерах велись почти непрерывно начиная с XIX в., но в последние два десятилетия они особенно активизировались благодаря работе Бельгийской археологической миссии, сконцентрировавшей внимание на районе древнего Форика [8]. В результате этих раскопок, в которых участвуют и греческие специалисты, обнаружен ряд комплексов, включавших по нескольку эргастериев, где происходили все операции по переработке руды и извлечению из нее серебра и свинца — от размельчания и размола до промывки и плавки.

Лауффер учел во втором издании опубликованные результаты раскопок Форика и других районов Лаврия [9]. Он указывает, в частности, что они подтверждают высказывавшееся уже ранее мнение о древности лаврийских разработок (с. 6, 253—254). Так, обнаружен рудник, датируемый III тыс. до н. э.; найденный на северном склоне Афинского акрополя свинец микенского периода, возможно, лаврийского происхождения, и разработка этих природных богатств могла определить значение Афин в ми-

---

[7] Ср. *Wilsdorf*. Op. cit., S. 1755. Вильсдорф, подробно изучивший саму технику работы в шахтах и наземных эргастериях, отмечает исключительно трудные условия работы при размельчении и размоле руды (op. cit., S. 1758 f.). Лауффер учитывает это во втором издании (с. 269—270; ср. с. 260—261 о том, что вентиляция не предохраняла от случаев удушья рабов).

[8] См. *Jones John Ellis*. The Laurion Silver Mines: A Review of Recent Researches and Results.— Greece and Rome, v. XXIX, № 2, 1982, p. 169—183.

[9] Результаты раскопок 1963—1971 гг. опубликованы в семи томах (1967—1978): Thorikos I—VI (Brussels); VII (Ghent); *Mussche H. F.* Thorikos: A Guide to the Excavations. Brussels, 1974. Публикации продолжаются. На основе новых данных написана книга *Conophagos C. E.* Le Laurium antique et la technique grècque de la production de l'argent. Athènes, 1980, которая, возможно, заменит ценную, но уже устаревшую в ряде пунктов работу Е. Ардальона (*Ardaillon E.* Les mines du Laurion dans l'antiquité. P., 1897).

кенский период. До сих пор было принято считать, что чеканка монеты была сосредоточена в самих Афинах и эта форма использования серебра была локально отделена от его добычи. Опубликованные в 1976 г. два тигля из Лаврия с углублениями для приема монетных кружков весом в драхму позволяют предположить, что чеканка производилась и здесь (с. 257).

Новые археологические данные значительно расширили сведения о технике обработки руды, об условиях труда занятых здесь рабов и об их числе на отдельных операциях (с. 263—264). Близкое расположение комплекса эргастериев от рудников обеспечивало быструю доставку в них руды. Вопрос об отношении владельцев эргастериев к лицам, арендовавшим соответствующие рудники, еще требует изучения. В связи с этим Лауффер приводит пример Пантэнета, совмещавшего в своем лице владельца эргастерия с рабами и арендатора рудника у государства (Dem., XXXVII). Автор пытается разобраться в запутанном деле, приведшем к судебному процессу против Пантэнета (с. 97—104, 108—113, 277—278).

В районе Форика обнаружены также захоронения от микенского до классического периодов, святилища, продолжены ранее начатые раскопки театра. Пополнился и эпиграфический материал.

Наряду с эргастериями раскопаны жилые помещения, худшие — предположительно для рабов и лучшие — для свободного административного персонала. Одно из помещений, по мнению археологов, служило столовой и получило наименование «андрон» [10]. Окруженные оградами участки, по-видимому, определяли владения отдельных предпринимателей. В то же время ограды могли затруднять попытки рабов к бегству. Точно так же укрепления, построенные в 412—409 гг. до н. э. вокруг Лаврийского района с целью не допустить спартанского вторжения, одновременно служили преградой и для рабов [11].

Вопрос о численности лаврийских рабов Лауффер справедливо связывает с динамикой лаврийских разработок, выделяя периоды подъема и упадка (с. 153—170, 283—285). Наибольшую активность Лаврия он относит ко времени деятельности Евбула и Ликурга во второй половине IV в. до н.э. Наступивший впоследствии спад связывается с конкуренцией македонского серебра. Интересно наблюдение, что ряд афинских деятелей, имевших капиталовложения в рудниках, активно поддерживали антимакедонскую политику Демосфена. Автор объясняет это тем, что были задеты их экономические интересы. В эллинистический и римский периоды разработки продолжались, но менее интенсивно. Чеканка афинских серебряных монет с большей или меньшей степенью активности прослеживается до второй половины I в. до н. э. Ее прекращение свидетельствует, по-видимому, о приостановке разработок (с. 165—166, 284). Но в императорский период работы возобновились при участии римских дельцов и предпринимателей. В правление Константина и его преемников наблюдается даже активизация деятельности в районе Лаврия. При раскопках рудника в Форике обнаружено около 50 ламп IV—VI вв. н. э. Это оживление связывают с тем, что Восточная империя оказалась отрезанной от расположенных в Западной части источников серебра (с. 171, 285). Все эти данные Лауффер рассматривает под углом зрения численности и положения лаврийских рабов.

Автор справедливо указывает, что необходимо изучать, какое место, наряду с добычей серебра, занимала добыча свинца, которая играла немаловажную роль в Лаврии и, разумеется, также определяла условия труда и эксплуатации рабов (с. 44, 265—266).

Обращается внимание на исследования последнего времени, которые показали, что архаические таблички с изображениями из Пентескуфии близ Коринфа содержат

---

[10] *Jones.* Op. cit., p. 171, 173.

[11] Лауффер и во втором издании книги отстаивает мнение, что среди 20 000 рабов, перебежавших к спартанцам во время Декелейской войны (*Thuc.*, VII, 27, 5), было много выходцев из Лаврия. Однако из текста Фукидида, который говорит, что среди беглецов было много χειροτέχναι, отнюдь не следует, что это рабы, связанные с рудниками. Из Лаврия в Декелею труднее было бежать, чем из других районов Аттики. Согласиться можно лишь с тем, что не все имевшие место случаи побегов были единовременными и что свидетельство Фукидида относится не к одному, а к ряду лет Декелейской войны (*Lauffer.* Op. cit., S. 141—143, 214—226, 281).

сцены не горнорудного дела, как принято было думать, а добычи глины. И печи, изображенные на них,— гончарные, а не выплавки руды (с. 25, 260).

Перечисленные вопросы далеко не исчерпывают всего богатства содержания, обилия охваченного материала и значимости поставленных проблем. Исследование Лауффера отличается тщательностью, осторожностью в выводах, если их нельзя подкрепить достаточно вескими данными. Автор в дополнениях ко второму изданию многое исправил и внес много нового материала. Если бы дополнения не были отделены от основного текста, а органически включены в него, книга значительно выиграла бы. Но это, по-видимому, дело будущего, так как продолжающиеся активные раскопки в районе Лаврия сулят дальнейшие открытия, которые расширят наши представления об условиях работы и жизни лавриийских рабов. Лауффер fecit quod potuit, использовав весь доступный к моменту опубликования второго издания материал. Хотя не со всеми положениями автора можно согласиться, о чем говорилось в нашей рецензии на первое издание, его исследование — важная веха на пути изучения рабства в древней Аттике.

Л. М. Глускина

URTON G. At the Crossroads of the Earth and the Sky. An Andean Cosmology. Latin American Monographs, Institute of Latin American Studies. The University of Texas at Austin, 1981, 348 p., 70 figs.

Изучение культур доколумбовой Америки, представляющее большой научный интерес и само по себе, дает, кроме того, в наше распоряжение сравнительные сведения, на фоне которых ярче выступает специфика древнейших цивилизаций Старого Света. Некоторые черты этих цивилизаций, кажущиеся самоочевидными и едва ли не общечеловеческими, в действительности являются не более чем продуктом своеобразных исторических и географических условий.

Сказанное относится, в частности, к древним календарным и астрономическим знаниям. Понятия эклиптики, зодиака, первостепенная роль чисел 7 и 12 в разного рода циклических построениях распространены в Старом Свете настолько широко, что может показаться, будто мимо них не должна пройти ни одна культура на соответствующем этапе развития. Однако книга Г. Эртона — одна из наиболее интересных работ по культуре южноамериканских индейцев за последние 20—30 лет — показывает, что это не так.

Согласно устоявшимся взглядам, астрономия древних инков представляла собой разрозненные знания о движении главных небесных объектов и по своей сложности существенно уступала соответствующим системам, возникшим в Старом Свете, а также в Мезоамерике. Считать так приходилось не только из-за отрывочности и неясности свидетельств эпохи европейского завоевания, но и ввиду принципиальных отличий инкских методов описания и классификации небесных объектов. Попытки исследователей выявить за отдельными фактами упорядоченную систему заходили в тупик, поскольку мнение о том, какой должна была быть эта система, оказалось изначально неверным.

Начиная с 1973 г. Г. Эртон вместе со своим учителем Т. Зойдемой (одним из крупнейших специалистов по социальным системам народов Анд), к которым позднее присоединился астроном Э. Авени, предприняли исследование андской астрономии и календаря с использованием не только материалов испанских хроник, но и данных по этнографии современных кечуа. В 1975—1977 гг. Г. Эртон изучал космологические представления жителей небольшой перуанской деревни Мисминай, находящейся неподалеку от древнего Куско и в аналогичных климатических и ландшафтных условиях. Результатом этой работы явилась рецензируемая книга, некоторые выводы которой были предварительно изложены в статьях [1].

[1] *Urton G.* Orientation in Quechua and Incaic Astronomy.— Ethnology, 1978, v. 17, № 2, p. 157—167; *Zuidema R. T., Urton G.* La constelación de la Llama en los Andes peruanos.— Allpanchis Phuturinqa, 1976, № 9, p. 59—119.

За истекшие после европейского завоевания 450 лет в календарно-астрономических представлениях кечуа произошли определенные изменения. Распространились испанские названия некоторых объектов. Может быть, чаще, чем раньше, созвездия стали мыслиться имеющими форму креста, хотя нельзя исключать, что все подобные кресты — доиспанского происхождения (все, кроме одного, отличны по форме от католического; некоторые изображены на рисунке Пачакути Ямки Салькамайуа, потомка индейской знати, автора одной из хроник начала XVII в.). Совершенно исчезли временные циклы длиной более 15 лет (они существовали у инков, хотя трудно сказать, насколько с ними были знакомы рядовые крестьяне). В целом, однако, космология кечуа осталась чуждой европейской, следуя, видимо, основным принципам инкских и более древних календарно-астрономических представлений.

Первостепенным небесным объектом считается Млечный Путь (*Майю* — Река), на котором или вблизи которого расположены почти все более мелкие значимые объекты. Положения Майю в периоды, когда в результате вращения Земли ось Млечного Пути максимально отклоняется в ту и в другую сторону от линии С—Ю, отмечают границы, членящие мир на четыре сектора. На земле примерно под тем же углом пересекаются две центральные улицы селения (и продолжающие их дороги) и оросительные каналы. Они делят земной круг на половины и четверти, каждая из которых обладает определенными имманентными свойствами и связана с одним из мифологических персонажей. Разграничительные линии направлены не по основным сторонам Света, а примерно с С—З на Ю—В и с Ю—З на С—В. Небесная река отражается или продолжается на земле в виде Вильканоты (Урубамбы) — главной водной артерии области Куско, текущей с юго-востока на северо-запад. Считается, что солнце совершает свой ночной путь под дном Вильканоты и питается ее водами. Зимой в сухой (и холодный) сезон солнце пьет мало и поэтому остывает.

В астрономии кечуа маркированы не столько созвездия в нашем понимании, сколько пятна межзвездной пыли, виднеющиеся темным силуэтом на Млечном Пути. Эти «черные созвездия» носят названия животных. Вставая из-за горизонта, животные как бы преследуют друг друга. Самые заметные темные пятна сосредоточены в той части неба, которая в умеренных широтах Северного полушария не видна (только два из них, Угольные Мешки, имеют названия в европейских языках). Напротив, в Перу в период декабрьского (т. е. летнего) солнцестояния, когда солнце встает и садится там, где Майю пересекает линию горизонта (очень важное для данной системы обстоятельство), все значимые для кечуа темные пятна («созвездия») поднимаются высоко над землей в южной половине неба.

Противолежащие небесные объекты (удаленные друг от друга примерно на 180°), как правило, считаются связанными и иногда называются одинаково. Например, как Плеяды, так и группа звезд в хвосте Скорпиона называются *Колька* (складское помещение у инков, обычно в форме круглой башни) и имеют отношение к началу сева (июнь-июль). Эклиптика кечуанской астрономии не известна. В зависимости от высоты солнца над горизонтом в разное время года мир по их представлениям делится на три сегмента, границы между которыми образованы линиями, соединяющими точки восхода и захода в определенные дни. Смысл этого деления в том, что разные сегменты связаны с периодом сева и с периодом сбора урожая. В древнем Куско к западу от города на гребне горы стояли каменные столбы (разрушенные конкистадорами), по которым, ведя наблюдения от главного храма города, жрецы определяли, в каком сегменте находится солнце.

Важное значение имеют наблюдения кечуа за синодическим и сидерическим циклами луны, хотя здесь многое еще предстоит выяснить. Видимо, кечуа полагают, что луна влияет на урожай, причем в период ее возрастания следует сажать растения, дающие плоды над землей (кукурузу, фасоль), а в период убыли — под землей (картофель и другие клубнеплоды). При этом понятие фаз луны (если иметь в виду четко фиксированные дискретные отрезки) отсутствует. Ночное светило имеет две сущности, субстанции — *ванью* (темное, безжизненное) и *пура* (светлое, одушевленное); это как бы два диска, попеременно закрывающие один другого. Важной стороной лунной космологии является мистическая связь луны и женщин.

Время между заходом и восходом солнца кечуа делят на сумерки, ночь и рассвет, причем каждое из этих понятий характеризует еще и целую область неба с находя-

щимися там звездами и планетами в зависимости от расположения ее по отношению к солнцу. При изменении положения солнца среди звезд меняются соответственно и светила, составляющие ту или иную категорию. Так, утренней или вечерней звездой может считаться не только Венера, но и любая яркая звезда или планета, видимая на западе после заката или на востоке перед рассветом. Каждой из четвертей, на которые делится мир, соответствует своя яркая звезда, оказывающаяся в соответствующем месте небосклона перед восходом низко над горизонтом. Эти звезды (*Пачапакарик Часка*) также не могут быть однозначно отождествлены с теми или иными небесными телами; каждая может соответствовать попеременно нескольким ярким светилам.

Хотя такого рода система, при которой нечетки различия между отдельными объектами и целыми их классами, характерна именно для первобытных космологий (и первобытного мифологического мышления вообще), ее, как нам кажется, нельзя считать произвольной. У кечуа на ее основе определяются сроки проведения тех или иных сельскохозяйственных работ как раз с такой точностью, с какой это требуют климатические условия долины Куско. Кроме того, определение времени с бо́льшей точностью (до дня) также не представляет проблемы в силу «избыточности» кечуанской астрономии: расположение различных «черных» и обычных созвездий, солнца, луны дают возможность прийти к одному и тому же выводу разными способами, уточняющими друг друга. Такая избыточность несколько напоминает избыточность мифологии, в которой одно и то же сообщение обязательно передается в нескольких кодах.

В целом же вызывает восхищение, насколько эффективно «работает» действующий на основе народной астрономии кечуанский календарь (как и реконструируемый сходный с ним инкский). График сельскохозяйственных работ, от следования которому зависит все существование андских индейцев, чрезвычайно сложен. Он включает по крайней мере 18 видов важнейших земледельческих работ продолжительностью от полутора-двух недель до двух с половиной месяцев и охватывающих весь год. Ни один из выявленных Г. Эртоном различимых для кечуа небесных объектов (а их, помимо солнца и луны, 50) не остается «без дела». Иначе говоря, данная календарно-астрономическая система носит ярко выраженный прикладной характер и в этом отношении достигла высокого совершенства. Видимо, андская астрономия так же хорошо удовлетворяла практические нужды создавшей ее цивилизации, как и астрономия майя или египтян. Пока однако невозможно судить, насколько далеко инкские жрецы путем наблюдений или умозрительных спекуляций пытались развить астрономию и календарь далее тех пределов, в каких они необходимы для обслуживания хозяйственной деятельности и совершения периодических ритуалов.

— *Ю. Е. Березкин*

CH. AUGÉ, R. CURIEL et G. LE RIDER. Terrasses sacrées de Bard-è Néchandeh et Masjid-i Solaiman. Les trouvailles monétaires. Paris, 1979 (Mémoires de la Délégation archéologique en Iran. Tome XLIV. Mission de Susiane sous la direction de R. Ghirshman)

Рецензируемая работа представляет собой публикацию монет, найденных при археологических раскопках двух важных религиозных центров древнего Ирана — священных террас Бард-е Нешанде и Масджид-и Солайман. Эти две террасы (исследовавшиеся Французской археологической экспедицией под руководством Р. Гиршмана) представляли собой святилища иранского населения Элимаиды и функционировали с VII — VI вв. до н. э. вплоть до раннесасанидского времени. Их изучение дало огромный материал для понимания истории культуры Ирана на протяжении более тысячи лет. Основные результаты археологических исследований были уже опубликованы, но монетные находки описывались в этой публикации очень суммарно [1].

[1] *Ghirshman R.* Terrasses sacrées de Bard-é Nechande et Masjid-i Solaiman. Paris — Leiden, 1976 (ср. рец.: *Кошеленко Г. А., Акопян А. М.*— ВДИ, 1980, № 4, с. 211—217).

Книга состоит из вводного раздела и трех частей. Вводный раздел включает в себя «Введение» (автор Р. Гиршман) и сводную краткую таблицу, содержащую сведения о том, на каких монетных дворах чеканились монеты, найденные при раскопках. Первая часть (авторы К. Оже и Ж. Ле Ридер) носит название «Различные монеты из Бард-е Нешанде и Масджид-и Солайман». Она представляет собой каталог находок следующих категорий монет: греческих эллинистической эпохи, греческих императорской эпохи, римских, парфянских, монет Харакены, кушанских, кушано-сасанидских и не определенных. Вторая часть (автор К. Оже) — каталог монет царей Элимаиды, третья (автор Р. Кюрье) — сасанидских.

Прежде всего необходимо отметить, что данная работа не представляет собой полной публикации монет, найденных при раскопках. Как сообщают авторы, согласно соглашению между Ираном и Францией, монетные находки были распределены поровну между Кабинетом медалей Национальной библиотеки (Париж) и Археологическим музеем (Тегеран). Р. Гиршман указывает, что обе половины идентичны, и поэтому он считает, что издание (в дальнейшем) монет, хранящихся в Тегеране, подтвердит выводы, к которым приводит изучение монет, хранящихся в Париже. Соглашаясь в целом с этим мнением выдающегося исследователя древней истории Ирана, мы вместе с тем не можем не сделать одной оговорки. Как следует из слов авторов, монеты, хранящиеся в Тегеране, к моменту публикации парижской части коллекции были еще не расчищены. Поэтому не исключены некоторые неожиданности, которые могут как-то (хотя вряд ли существенно) изменить общую картину.

При раскопках Бард-е Нешанде монеты были найдены в следующих местах: на поверхности обеих террас монет было обнаружено немного, что объясняется тем, что здесь ранее располагались крестьянские поля и монеты при вспашке оказывались на поверхности и подбирались крестьянами; десять монет (Селевкидов и Камнаскира, II в. до н. э.) были найдены у самой ранней стены в месте, где слой не был нарушен плугом; тетрастильный храм также не дал монет, поскольку именно здесь в позднесасанидское или раннемусульманское время проводились перестройки, в ходе которых, видимо, и исчезли все монеты — приношения в храм; огромный клад («закладной») был найден под каменной плитой, лежащей в проходе, ведущем в центральное помещение тетрастильного храма. Этот клад состоял из 4735 бронзовых монет Элимаиды, нескольких парфянских и бронзовой монеты кушанского царя Канишки.

Иная ситуация на террасе Масджид-и Солайман. Полученные здесь монеты отражают главным образом ситуацию последних недель или месяцев существования святилища и представляют собой приношения верующих этого времени (более ранние приношения, естественно, собирались храмовым персоналом). Значительная часть монет была найдена у лестницы *A*, ведшей на террасу. Кроме того, монеты были обнаружены в «Большом» храме (храм Анахиты и Митры): почти все в вестибюле № 12, немного в целле и антицелле; в храме Геракла — Веретрагны — все монеты в целле и антицелле. Всего найдено было на этой террасе 978 монет, из них 648 — бронзовые монеты Элимаиды и 317 — сасанидские (часть из них — серебряные). Самые поздние монеты — времени Шапура II.

Публикация выполнена на очень высоком уровне. Очень хороши и воспроизведения монет в таблицах. Как правило, авторы не ограничиваются только формальными данными о монетах, но и в большинстве случаев дают достаточно развернутый нумизматический и (иногда) исторический комментарий к каталогу. Все основные выводы авторов (как и сами определения монет) хорошо обоснованы. Свою задачу рецензент в силу этого видит в том, чтобы изложить результаты исследований и сообщить читателю некоторые соображения, которые появляются при чтении этой очень интересной и полезной монографии.

Данная публикация, бесспорно, дает очень много новых материалов для изучения истории Юго-Западного Ирана в эллинистическую, парфянскую и раннесасанидскую эпохи. Особенно важны эти материалы для изучения экономических проблем, в частности денежного обращения. При этом, естественно, может быть поставлена следующая проблема. Недалеко от этих двух центров находился крупнейший экономический и политический центр Юго-Западного Ирана — Селевкия-на-Эвлее — Сузы. Огромный нумизматический материал, полученный здесь в результате многолетних работ Французской археологической экспедиции, сравнительно недавно был прекрасно издан од-

ним из авторов рецензируемой публикации — Ж. Ле Ридером [2]. Сравнение характера денежного обращения в крупном городском центре и на сельской территории (поскольку монетные находки в Бард-е Нешанде и Масджид-и Солайман отражают характер денежного обращения именно в сельской местности) может дать очень многое для понимания тенденций развития экономики в Юго-Западном Иране в рассматриваемые эпохи.

Самые ранние монеты, найденные при раскопках этих памятников,— драхмы, чеканенные по типу монет Александра Македонского в ряде городов Малой Азии (Колофон, Абидос, Лампсак, не определенные малоазийские монетные дворы) и датируемые концом IV в. до н. э. Наличие этих монет на рынке Сузианы не представляет собой какого-либо экстраординарного явления. Широкое распространение монет этой группы на эллинистическом Востоке в III—II, иногда даже в I в. до н. э. уже давно было объяснено специалистами [3] и принято всеми исследователями, работающими над этими проблемами [4]. Гораздо более интересным представляется другое обстоятельство. Следующая хронологическая группа монетных находок, обнаруженных в Бард-е Нешанде и Масджид-и Солайман, включает монеты Антиоха IV (выпущенные в Экбатанах и на неизвестном монетном дворе), Деметрия I (Экбатаны), Александра Бала (Антиохия на Оронте или какой-то восточный монетный двор, имитирующий антиохийский тип, Сузы, Селевкия-на-Тигре), Антиоха VII (Сузы). К монетному чекану этих селевкидских царей можно добавить также монеты Камнаскира и Тиграйя, произведенные в Сузах. Все эти монеты были выпущены в период от 175 до 129 г. до н. э. В самой этой группе ничего принципиально интересного нет. Гораздо интереснее другое — то, что среди монетных находок Бард-е Нешанде и Масджид-и Солайман совершенно отсутствуют монеты чеканки ранних селевкидских царей: от Селевка I до Антиоха IV. Полное отсутствие монет, выпущенных на протяжении почти полуторавекового периода селевкидскими монетными дворами в то время, когда Сузиана была частью селевкидской державы, кажется, очень трудно объяснимым. При этом необходимо иметь в виду, что Сузы с их очень активным монетным двором находились, в общем, очень недалеко от Бард-е Нешанде и Масджид-и Солайман.

Необходимо добавить также, что ситуация на денежном рынке Суз коренным образом отличалась от ситуации в Бард-е Нешанде и Масджид-и Солайман, ибо в Сузах были достаточно широко представлены монеты практически всех селевкидских царей (как чеканенные на монетном дворе Суз, так и на иных) [5].

Римские монеты, найденные при раскопках данных памятников, в общем, очень немногочисленны: Нерона (римский монетный двор), Траяна (монетный двор Антиохии), Антонина Пия (монетный двор Александрии), Гордиана III (монетный двор Эдессы), Гордиана III и Абгара (монетный двор Нисибина), Кара (монетный двор Кизика), Константина I (монетный двор Антиохии).

Небольшой коллекцией представлены и парфянские монеты. По утверждению авторов публикации, парфянские монеты, найденные при раскопках этих двух центров, чеканены только на трех монетных дворах: Экбатан (монета Артабана I, возможно, к чекану Экбатан относится и монета Орода I); Селевкии на Тигре (возможно, Вологеза I, Вологеза III, Вологеза IV и Вологеза V); Суз (неизвестного царя, правившего между Фраатом II и Артабаном I, Фраатена из Суз, правившего при Фраате IV, Артабана II, Вардана I). По поводу этих монет можно сказать, видимо, то же самое, что отмечалось относительно раннеселевкидских монет,— в общем, поражает редкость парфянских монет (по сравнению с тем, что наблюдается в Сузах). Кроме того, необходимо отметить еще одно обстоятельство. Две монеты (№ 30 и 31) имеют на оборотной стороне под изображением лука знак П. Эти монеты относятся к чекану Вардана I и определяются авторами как произведенные на монетном дворе Суз (хотя и с некоторыми сомнениями). Недавно, однако, было высказано кажущееся обоснованным предположение, что мо-

---

[2] *Le Rider G.* Suse sous les les Séleucides et les Parthes. P., 1965 (ср. нашу рецензию — ВДИ, 1969, № 1, с. 192—194).

[3] *Thompson M., Bellinger A. R.* A Hoard of Alexander Drachms.— JCS, XIV, 1955, p. 5—45.

[4] См., например, *Le Rider.* Suse..., p. 437—438.

[5] *Le Rider.* Suse..., p. 244—250; An Inventory of Greek Coin Hoards. Ed. M. Thompson, O. Morkholm, C. M. Kroay. N. Y., 1973, № 1804—1809, 1812.

неты, маркированные подобным образом, выпускались монетным двором Мерва [6]. Необходимо, однако, отметить, что найденные здесь монеты не имеют близких аналогий среди маргианских типов. Во всяком случае, вопрос об этих монетах кажется интересным и требующим дальнейшего изучения. Если они действительно маргианские, это позволит по-новому взглянуть на ситуацию в данном районе (с точки зрения экономических связей).

При исследовании Масджид-и Солайман были открыты две монеты Харакены. Одна из них относится к чекану Атамбела IV (датируется 53/4 или 54/5 гг. н. э.), другая — «не определенного» царя — относится к середине II в. н. э.

Одной из самых интересных монет, найденных при раскопках в Бард-е Нешанде, является бронзовая монета кушанского царя Канишки. Эта монета принадлежит к «классу *C*» (по А. Каннингэму) и относится к последнему периоду царствования этого царя. Помимо самого факта обнаружения бронзовой кушанской монеты так далеко от места чеканки, важно еще одно обстоятельство. Эта монета может помочь в решении чрезвычайно сложной и запутанной проблемы «даты Канишки», видимо, самой сложной проблемы кушанской истории [7]. Монета Канишки была найдена в составе «закладного» клада, помещенного под плиту, положенную в проходе, ведущем в центральное помещение тетрастильного храма. Этот клад представляет собой достаточно однородное хронологически собрание монет. Всего в составе клада было 4905 монет, в Париж поступило 2460, из них 2448 — монеты Элимаиды. Хронологическое распределение этих монет дает следующую картину. В кладе только две ранние монеты (очень потертые): драхма по типу монет Александра, чеканенная в Лампсаке, и мелкая бронзовая монета, выпущенная в Сузах в 131/130 или 130/129 гг. до н. э. Все остальные монеты значительно более поздние, при этом характерно, что в кладе нет ни одной монеты Элимаиды II—I вв. до н. э. Основная часть парфянских монет в составе клада (некоторые из них несут хорошо различимые даты) относится к периоду от 124/125 до 190/191 гг. н. э. Монеты Элимаиды распадаются на две хронологические группы. Основная масса — хорошо известные монеты, датируемые I—II вв. н. э. К чекану последних элимаидских царей, плохо изученному, датируемому обычно суммарно концом II — началом III в., принадлежат только 5 монет. Есть серьезные основания считать, что они относятся к самому начальному периоду чеканки этой серии. Все эти наблюдения приводят авторов к выводу, что дата зарытия клада — конец II (или в самом крайнем случае — самое начало III) в. н. э. [8]

Таким образом (вопреки тому, что пишет К. Оже) все-таки анализ этого клада помогает подойти к решению «даты Канишки». Во всяком случае, ясно, что ни одна из дат, более поздних, чем конец II в. н. э. (а предлагались в пределах III в. такие даты, как 225—232, 248 и 278 гг.), не может сейчас рассматриваться всерьез. Конечно, эта находка не решает проблемы кушанской хронологии, но, отсекая самые поздние даты, она способствует ее решению.

В Масджид-и Солайман также были найдены две кушано-сасанидские монеты относимые авторами (на базе типологии Э. Герцфельда) [9] к III в. н. э.

Основная масса монетных находок, как уже отмечалось, принадлежит чекану Элимаиды. Эти монеты распадаются на две группы. Так называемых монет первого периода (II—I вв. до н. э.) очень немного. К их числу относятся серебряная драхма и бронзовая монета, чеканенные в Сузах в период 147—140 гг. до н. э. от имени царя Камнаскира (Никефора); две драхмы, выпущенные на монетном дворе Селевкии на Гедифонте от имени Камнаскира и Анзазе (одна — 82/81 или 79/78, другая — 76/75 гг. до н. э.), обол царя Камнаскира (монетный двор Селевкии на Гедифонте, 62—58 гг. до н. э.). Но главная масса принадлежит чекану второго периода, когда цари Элимаиды выпускали только бронзовую монету. Она представлена в двух номиналах: большие номиналы, условно называемые «бронзовыми тетрадрахмами», и малые. Большие номиналы

---

[6] *Пилипко В. Н.* Парфянские бронзовые монеты со знаком П под луком.— ВДИ, 1980, № 4, с. 105 сл.

[7] Подробнее см. *Зеймаль Е. В.* Кушанская хронология (Материалы по проблеме). М., 1968.

[8] Эта дата подтверждается и радиокарбонным анализом остатков дерева.

[9] *Herzfeld E.* Kushano-Sasanian Coins.— Memoires of the Archaeological Survey of India, 38, 1930.

выпускались монетным двором Селевкии на Гедифонте (столица Элимаиды), мелкие — монетным двором Суз. Начало монетной чеканки второго периода Ж. Ле Ридер отнес к периоду 70—75 гг. н. э. К. Оже с ним согласен. К концу II в. н. э. прекращается чеканка «тетрадрахм», и вплоть до сасанидского завоевания выпускаются уже только одни мелкие номиналы. Значение находок элимаидских монет II периода, сделанных в Бард-е Нешанде и Масджид-и Солайман, заключается в полноте коллекции — здесь представлены все серии этих монет, что позволяет решить ряд частных вопросов по истории монетной чеканки Элимаиды.

Интересным представляется наблюдение авторов относительно того, что в раннесасанидский период (примерно на протяжении века) одновременно обращались сасанидские и поздние элимаидские бронзовые монеты. Это явление авторы, видимо, справедливо объясняют недостатком мелкой бронзовой разменной монеты на денежном рынке.

В работе опубликованы и находящиеся в Париже найденные при раскопках сасанидские монеты. Из них 265 происходит из раскопок Масджид-и Солайман и 3 — из Бард-е Нешанде. Представлен чекан следующих царей: Ардашир I (24); Шапур I (11), Хормизд I (7), Варахран I (3), Варахран II (5), Нарсе (4), Хормизд II (3), Шапур II (93). Остальные монеты не удалось определить. Основная часть монет — бронзовые. Неожиданно велико число свинцовых монет (57). Одна монета — свинцовая со следами покрытия из бронзы. Не исключено, что и часть остальных свинцовых монет имела такое покрытие. Значение этой коллекции, по мнению Р. Кюрье,— в обилии еще очень плохо изученных бронзовых монет раннесасанидских царей.

Из числа более общих вопросов, поднятых авторами данного исследования, привлекает внимание еще один. По словам Р. Гиршмана, изучение монетных находок этих двух центров подтверждает мысль о том, что экономически Парфия не представляла единого целого, она не имела «единого рынка». По его мнению, существовал ряд региональных рынков, границы которых в общем совпадали с границами тех политических образований, на которые распадалась Парфянская держава. Соглашаясь в принципе с подобной трактовкой этой проблемы, мы вместе с тем должны сделать одно уточнение. Сопоставление монетных находок сельских святилищ и крупного городского центра (Бард-е Нешанде и Масджид-и Солайман, с одной стороны, и Суз — с другой) показывает определенную разницу в развитии товарно-денежных отношений. Монетные находки сельских святилищ показывают подавляющее преобладание местной элимаидской монеты и крайнюю редкость монет, пришедших из других районов государства. Это подтверждает тезис Р. Гиршмана. Однако ситуация на денежном рынке Суз — несколько иная. Здесь процент не элимаидских (и не сузских) монет много выше, и это заставляет думать, что крупный городской центр был много сильнее связан экономически с другими районами государства, чем сельская территория, как то, впрочем, и естественно. Нам представляется, что сопоставление денежного рынка сельской территории и крупного городского центра позволяет скорее говорить об определенной «двуслойности» экономики Парфии, когда над множеством мелких, в общем достаточно замкнутых местных рынков возвышаются рынки крупных городов, связанные активной внутригосударственной и даже международной торговлей.

Завершая рецензию, мы снова должны будем повторить то, что было сказано в самом начале: перед нами очень интересная публикация, к материалам которой многократно будут обращаться исследователи.

Г. А. Кошеленко

НОВЫЙ СВОД ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ГРАФФИТИ

Свод граффити и дипинти Афинской агоры подготавливался в течение четверти столетия [1]. У истоков его издания стояли Л. Толкот, С. Янг, Е. Вандерпул, Г. Стамирес, но основную часть работы выполнила Мэйбл Лэнг (все они сотрудники Американской школы классических исследований в Афинах). Еще до выхода в свет свода М. Лэнг опубликовала несколько статей, в результате чего часть материала, как и принципы его интерпретации, получили предварительную апробацию. М. Лэнг классифицировала граффити и дипинти агоры следующим образом: *1*. Алфавитные упражнения. *2*. Сообщения и письма. *3*. Имена любимых и ненавидимых. *4*. Имена на черепках. *5*. Цифровые обозначения на черепках. *6*. Надписи владельцев сосудов. *7*. Посвящения и застольные надписи сакрального характера. *8*. Торговые обозначения. *9*. Надписи, связанные с налоговым обложением. *10*. Христианские надписи. *11*. Разное. *12*. Неклассифицируемые надписи.

Рассмотрим кратко каждую из выделенных М. Лэнг категорий надписей. Первая категория — алфавитные упражнения — включает всего 11 надписей; они относятся к VIII в. до н. э.— IV в. н. э., причем половина — к V—VI вв. до н. э. Более всего упражнений на начальные буквы алфавита. Вторая категория — сообщения и письма (21 надпись) середины VI в. до н. э. — III в. н. э. Краткие тексты сообщений, как правило, содержат распоряжения: «Тамней, положи пилу под порог ворот сада» (*B 1*); «Мельчик, принеси Фаланту другую новую кушетку» (*B 2*); «Эвмелида, приди как можно скорее. Аркесим» (*B 7*); «Сосиней послал Главку в город узелок» (*B 9*). Сообщение *B 1* интересно тем, что написано мегарским алфавитом проживавшим в Афинах в середине VI в. до н. э. мегарцем. Аттические тексты, относящиеся ко времени до 403 г., обнаруживают нерегулярное использование букв ионийского алфавита. Письма содержат более пространный текст, но они сильно фрагментированы.

Третья категория — 33 любовные надписи типа ὁ δεῖνα καλός и ὁ δεῖνα καταπύγων с различными вариациями. Следующая категория — имена на черепках. Назначение этих записей довольно неясно. Из их числа неплохо выделяются только остраконы V в. до н. э. с именами лиц, рекомендуемых к изгнанию. Всего таких надписей в Афинах найдено 6500. Поскольку они требуют особого издания, М. Лэнг не включила их в свой свод. Назначение черепков с одним-двумя, иногда несколькими именами, которые датируются другими столетиями, за редким исключением остается неясным. По мнению М. Лэнг, это могли быть записи имен членов различных афинских комиссий, имена школяров или любовников, сопроводительные бирки, удостоверяющие принадлежность товаров или имущества данному лицу и т. д. Всего в этой группе представлены 44 надписи.

Пятая категория — цифровые обозначения на черепках. Это 16 граффити с простейшими цифровыми записями денежных сумм. Наиболее многочисленная шестая категория — надписи владельцев, разделенные на две группы: имена частных владельцев и обозначения полисной собственности сокращениями δε(μόσιον) или δη(μόσιον). Первую группу составляют надписи типа τοῦ δεῖνα εἰμί «я принадлежу такому-то», полные имена и сокращения имен владельцев. Граффити этого рода распределены по столетиям и далее — по алфавиту. Всего в эту подборку вошло 334 надписи частных владельцев. Из 29 обозначений полисной принадлежности сосудов 15 найдено под стоей Зевса и 7 происходят из района Толоса.

Седьмая категория — посвящения и застольные граффити сакрального содержания. Посвящений удивительно мало, констатирует М. Лэнг, хотя, согласно письменным источникам, вокруг агоры располагалось несколько святилищ. Всего в эту категорию вошли 23 надписи, причем большая часть их иллюстрирует упомянутый Афинеем (XV, 692 e) застольный обычай возлияний в честь того или иного божества. Следующая категория надписей — торговые обозначения на торговых сосудах — разделена на несколько групп: *1*) обозначения вместимости тары, *2*) ее веса, *3*) даты заполнения тары, *4*) название содержимого продукта, *5*) комбинированные обозначения. Это одна из самых многочисленных групп, хотя в свод вошли только 180 надписей; остальные — дубли и аналоги, а также не вполне ясные надписи, как и часть ранее изданного мате-

[1] The Athenian Agora. V. 21: Graffiti and Dipinti by M. Lang. Princeton, 1976, 116 p., 62 Figs.

риала, в данный свод не вошли. Акрофонические цифровые обозначения вместимости употреблялись в V—IV в. до н. э., алфавитные — в V в. до н. э. и позднее. Наиболее употребительные меры объема — хой, котила, метрет, ксест (последняя характерна для римского периода). Обозначение веса тары, отмечает М. Лэнг, делалось главным образом для того, чтобы можно было определить вес содержимого, наполнив сосуд. Это тем более полезно при многократном использовании сосуда. Употребительные обозначения веса — мина, драхма, литра, унция. Взвешивание ряда целых сосудов, давшее сходство написанных цифр и действительного веса, позволило зачислить в эту группу и надписи, состоящие только из цифр, без слов *мина*, *драхма* и т. д.

Группа надписей, содержащих обозначения дат, выделена в основном по соответствующим упоминаниям древних эр. Это селевкидская эра, актийская, годы правления архонтов или римских императоров — Августа, Нерона, Адриана, Диоклетиана. По аналогии в число таких надписей включены и близкие цифровые обозначения, не имеющие указания на эру или императора и т. д. Группа граффити и дипинти с обозначением содержимого сосуда включает такие товары, как вино, оливковое масло, мед, молоко, рыбный соус, разного рода плоды. Группа комбинированных обозначений многочисленна: это обозначение объема вина в сосуде и его стоимости. Присутствуют также названия вин, личные имена (полные или в сокращении) производителей товара или торговцев, а также разного рода прочие обозначения.

В отдельную категорию выделены налоговые пометки на амфорах, имеющих два характерных признака — датировку года по индикту и наименование участка, с которого уплачен налог. М. Лэнг полагает, что такой порядок взимания налогов был установлен при Диоклетиане. Бóльшая часть надписей этого типа была найдена при раскопках одного из римских зданий агоры. В девяти надписях фигурирует обозначение аминейского сорта вина, известны и другие сорта. Христианские надписи немногочисленны и включают в основном сокращение имен Христа, Михаила, Гавриила — *ХМГ*.

Такова вкратце характеристика классифицированных М. Лэнг граффити и дипинти агоры. В целом следует отметить, что это образцово изданный свод, который составит существенное подспорье для исследования памятников малой эпиграфики, происходящих из других греческих центров. В результате многолетней кропотливой работы по изучению текстов древнегреческих метрологов [2] М. Лэнг удалось дать интерпретацию многих торговых записей неясного содержания. Фактически она впервые выделила такие группы надписей, как обозначения объема и веса тары, уточнила даты и календари, использовавшиеся при маркировке продовольственных товаров, проследила связь ряда обозначений на амфорах с налоговой реформой Диоклетиана и т. д.

Свод граффити и дипинти агоры является образцовым и в плане технической документации. Почти все надписи имеют определенный археологический контекст, что позволяет уточнить датировку не только самого черепка, но и надписи на нем в случае вторичного его использования для какой-либо записи. Как мы видели, ряд надписей отождествлен со зданиями, в пределах которых они были найдены. Еще пример: по *ипсилону* надписи *B1* восстановлено имя Тамнея, фигурирующее еще на двух черепках, найденных в той же самой яме.

Как известно, на основе датировки материалов раскопок Афинской агоры определяется время керамики и других центров, особенно чернолаковой [3]. Великолепное знание этого материала позволило М. Лэнг дать точные и убедительные керамические датировки.

Жанровое многообразие граффити и дипинти агоры, к сожалению, не умещается в рамках десятка выделенных М. Лэнг категорий. Издателем не выделены такие категории, как магические и бытовые надписи. В связи с этим хотелось бы отметить следующее. Из надписей первой категории («Алфавитные упражнения») следовало бы, как нам кажется, исключить граффито *A5*, которое является не просто упражнением в заучивании букв, а носит магический характер: известно, что алфавиту приписывалось магическое значение [4]. Граффито *A5* написано на обеих (в отличие от других) сторонах

[2] *Hultsch F.* Metrologicorum scriptorum reliquae. 1—2. Lpz, 1864—1866.

[3] Например, Athenian Agora. V. 12, P. 1—2: Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. by B. A. Sparkes, L. Talcott. Princeton, 1970.

[4] *Dieterich A.* ABC-Denkmäler.— RhM, 1901, Bd. 56, S. 77 f.; *Dornseiff F.* Das Alphabet in Mystik und Magie. B., 1925.

фрагмента дна чернолаковой котилы раннего V в. до н. э., и буквы здесь следуют снизу вверх: A, над нею B, выше Γ, Δ, E, Ϝ. На оборотной стороне — характерные магические Y - образные знаки [5].

К числу магических принадлежит и надпись *C 32*, что отмечает и сама М. Лэнг, зачислившая тем не менее ее в разряд «имен любимых и ненавидимых» (причем к числу «ненавидимых» имен отнесены имена только данной надписи). Объединение разножанровых надписей в одну категорию, по нашему мнению, неоправдано. Черепок *M 7* (VI—V вв. до н. э.), на одной стороне которого изображены две фигуры в профиль, дерево и следы ударов, а на другой — *meta* и многочисленные следы ударов — явный образчик «черной» магии; и, напротив, *M 12* —свастика на шейке ойнохои позднего V в. до н. э.— образчик целительной магии.

Из раздела «Сообщения и письма» также выпадают несколько надписей иных жанров. Граффити *B 12—14* — это инвентарная опись сосудов. Граффито *B 16*: δολίχου, λίθου | νῖκαι из разряда «спортивных» пари, заключавшихся на состязаниях в беге на длинную дистанцию и метании диска (поднятии камня?). Дипинти *B 17—18* на целых сосудах (что видно из содержания) датируются II—III в. н. э. На мой взгляд, это надписи членов общины христианского толка; ср. *B 18*: «Честному брату Иерониму кувшин от братьев», т. е. эти надписи должны фигурировать в разделе «Христианские надписи». Наконец, граффити *B 19—21* представляют собой рецепты и относятся к разряду бытовых надписей, отсутствующему в данном своде.

Недостаточно обоснованным представляется включение в раздел «надписей владельцев сосудов» имен, написанных краской на амфорах. По нашему мнению, надписи на столовой посуде и таре следовало поместить в разных разделах: если имена на донъях столовых сосудов относятся к числу надписей владельцев, то имена на амфорах принадлежат производителю товара или торговцу. Допущены просчеты, как нам кажется, и во взаиморасположении отдельных категорий надписей. Так, между цифровыми обозначениями на черепках и торговыми обозначениями (5 и 8 категории) оказались надписи владельцев сосудов и посвящения. Ясно, что категории граффити, содержащие имена — надписи владельцев, имена на черепках, имена любовников,— должны следовать одна за другой. В отдельный ряд разделов следовало бы выделить торговые обозначения, разумеется, со своей последовательностью категорий. Так, на наш взгляд, было бы уместнее поместить категорию надписей с обозначением денежных сумм на черепках вторичного употребления в ряд «экономических» надписей, распределить материал в соответствии с принципом разделения надписей на столовой посуде и таре, а внутри последней категории — по соответствующим категориям граффити и дипинти. Сюда же относится и категория «Разное», содержащая торговые обозначения.

Многие граффити агоры фрагментированы, дипинти изрядно стерты, что, безусловно, осложняет их прочтение, но М. Лэнг в большинстве случаев с поразительной определенностью читает и реконструирует тексты. При этом аргументированность зачастую остроумных чтений издательницы бесспорна. Вместе с тем по чтению тех или иных текстов можно предложить иные варианты. Например, М. Лэнг дает следующее предположительное прочтение письма *B 5*: [ὑπ]ὲρ Γν[άθωνος | ὁ δεῖνα]Ἀντιβ[ίο | — —]ος Ὀνά[σο | — — ὁ δεῖνα] Ἀνδοκ[ίδο | — —]Ε |. В стк. 3, однако, явно читается ΕΣΟΝΙΑ, а в стк. 4 — ΝΔΟ и, кажется, остаток *мю*, но не *каппы*. В смысловом отношении удачно восстановленному [ὑπ]ὲρ «за» стк. 1 противостоит ἀντί «против» стк. 2. Это позволяет предположить следующее чтение письма: [ὑπ]ὲρ ΓΝ[— — | — —]ἀντὶ Β[— — | — —]εσον | Α[— — | — —]ἐν δόμ[ωι?——]Ε | [— —]. Надпись *Hc 19* на фрагменте плечей однорукого кувшина III в. до н. э. *ICMA* прочтена М. Лэнг как [ἔτος Ν]ί(κης)σμά, 241 год актийской эры. Не проще ли видеть в данном случае сокращение названия сорта исмарского вина аналогично *ΠΡΑ* — сокращенному названию прамнийского сорта вина в надписях *Hd 17*, *He 26*, *J 13*?

Примеры подобного рода могут быть продолжены, но это, разумеется, никак не влияет на общую высокую оценку труда М. Лэнг.

В. П. Яйленко

[5] Ср. близкое березанское графитто: *Яйленко В. П.* Греческая колонизация VII — III вв. до н. э. М., 1982, с. 296, № 139.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОГО МИРА, ОПУБЛИКОВАННОЙ В СССР В 1981 г.*

I. РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА. СБОРНИКИ СТАТЕЙ. УЧЕБНИКИ. PERSONALIA. РАЗНОЕ. РЕЦЕНЗИИ

1. РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА. СБОРНИКИ СТАТЕЙ

1. *Аверинцев С.* Большие судьбы малого жанра. (Риторика как подход к обобщению действительности).— ВЛ, 1981, № 4, с. 153—179.
На материале античной литературы.
2. Античная философия в интерпретации буржуазных философов. Сб. ст. Ин-т философии АН СССР. М., 1981, 134 с.
3. Античный и средневековый город. Античная древность и средние века. Сб. ст. Свердловск, 1981, 159 с.
4. *Бокщанин А.* Введение.— В кн.: Кун Н. А. Легенды и мифы древней Греции. Челябинск, 1981, с. 5—16.
5. *Бокщанин А. Г.* Источниковедение древнего Рима. Учеб. пособие для ист. фак. ун-тов и пед. ин-тов. Автор введ. И. Л. Маяк. М.: Изд-во МГУ, 1981, 159 с.
6. *Бонгард-Левин Г. М.* Древняя Индия и античность (Общая характеристика традиций), *в № 16*, с. 107—111.
7. *Бычков В. В.* Эстетика поздней античности II—III веков. М.: Наука, 1981, 324 с.
8. *Варшавский А. С., Немировский А. И., Веселая З. А. и др.* Книга для чтения по истории древнего мира. Пособие для учащихся. М.: Просвещение, 1981, 304 с.
Рец.: Бахтина О. И.— ПИШ, 1982, № 1, с. 83—85.
9. *Воинов В. В.* Модели диалектики в античной и восточной философии.— Проблемы философии, 1981, вып. 54, с. 38—44.
10. *Воробьева Е. Д.* Кафедра истории древнего мира и средних веков Горьковского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.— В сб.: Средние века. М., 1980, вып. 43, с. 387—389.
11. *Гаспаров М. Л.* Об изучении античной литературы в СССР.— В кн.: Советское литературоведение за 50 лет. Л., 1968.
12. *Гусейнов Г. Ч.* Драматургический метод Платона. Лекции для студентов театровед. и режиссер. фак. театр. вузов. М.: ГИТИС, 1981, 63 с.
13. *Дерцакян Н. А., Овчинникова Л. К.* Обучение латинскому языку на материале фармацевтической терминологии. Учеб. пособие. Университет Дружбы народов. М., 1981, 71 с.
14. *Дитмар А. Б.* География в античное время. М.: Мысль, 1980, 149 с.
Рец.: *Коган М. А.*— Вопросы истории естествознания и техники, 1981, вып. 3, с. 155; *Трифиульцев И.*— Новый мир, 1981, № 11, с. 270—271.
15. *Дмитриченко В. С.* В. И. Ленин о линии материализма в античной философии.— Проблемы философии, 1981, вып. 54, с. 25—32.
16. Древний Восток и мировая культура. Научный совет по истории мировой культуры АН СССР. М.: Наука, 1981, 181 с.
17. *Жукова В. А.* Авторы античного мира. Жизнь и творчество Овидия. Учебное пособие. Латыш. Гос. ун-т. Рига, 1981, 42 с. [На латыш. яз.].
18. *Захарова О. З.* Литературное своеобразие «Истории» Феофилакта Синокатты (К вопросу о традициях античной риторики в исторической прозе переходного периода от античности к Византии): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М.: Изд-во МГУ, 1981, 25 с.
19. *Землянский Ф. М.* Гносеологические особенности становления понятийной формы мышления в античной философии.— В сб.: Проблемы развития системы категорий марксистской философии, Челябинск, 1979, № 18, с. 78—95.
20. *Иовчук М. Т., Асмус В. Ф., Ян Хин-Шун и др.* Краткий очерк истории философии. М.: Мысль, 1981, 927 с.
21. Источники по истории государства и права. Рабовладельческое и феодальное государство и право. Учеб. пособие. Составители: Поликарпова Е. В., Савельева В. А. Всесоюзн. юрид. заочн. ин-т. М., 1981, 113 с.
22. *Кацман Н. Л.* Методика преподавания латинского языка в институтах и на факультетах иностранного языка. М.: Высшая школа, 1979, 142 с.
Рец.: Духин И. Л. Полезное пособие.— Вестник высш. школы, 1981, № 12, с. 73—74.
23. Классическая басня. Сб. ст. Сост. и примеч. Гаспарова М. Л., Подгаецкой И. Ю. М.: Моск. рабочий, 1981, 382 с.
24. *Кожемякин П. Г.* Русская историо-

---

* Указатели литературы, опубликованной в 1932—1980 гг., см. ВДИ, 1967, № 1 и № 3; 1969—1973, № 4; 1974, № 1 и № 4; 1975—1977, № 4; 1978, № 1 и № 4; 1979—1982, № 4. Работы, вышедшие до 1981 г., но не учтенные в предыдущих выпусках, см. под № 10, 11, 14, 19, 29, 30, 39, 42, 49, 126, 135, 160, 162, 166, 171, 221, 248, 249, 326, 333, 344, 393, 396, 397, 398, 409, 417, 428, 447.

Исправление: в Указателе за 1981 г. (ВДИ, 1983, № 4) аннотацию к № 128а следует отнести к № 128; в № 210 следует читать: Курган-Тюбинская Правда; № 99 следует исключить.

графия античности первой трети XIX века (На основании дворянской и буржуазной историографии): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., МГУ, ист. фак., 1981, 28 с.

25. *Ковлова Г. Г.* Учебник латинского языка. Для студентов-заочников филол. фак. ун-тов. М.: Высшая школа, 1980, 252 с., илл.

26. *Коровкин Ф. П.* История древнего мира (Учебник для 5 класса средней школы). М.: Просвещение, 1981, 240 с. Переводы на яз. народов СССР. Тув. яз.— Кызыл: Тув. кн. изд-во, 268 с.; казах. яз.— Алма-Ата: Мектеп, 240 с.; груз. яз.— Тбилиси: Генатлеба, 279 с.; узб. яз.— Ташкент: Укитувчи, 303 с.; укр. яз.— Киев: Радяньска школа, 232 с.; тадж. яз.— Душанбе: Маариф, 280 с.; латыш. яз.— Рига: Звайгзне, 256 с.

27. *Коровкин Ф. П., Бахтина О. И.* V класс. История древнего мира.— ПИШ, 1981, № 3, с. 37—43.

28. *Латышева В. А., Мещеряков В. Ф.* Всесоюзная научная конференция «Проблемы античной истории и классической филологии».— СА, 1981, № 3, с. 309—311.
О конференции, происходившей в Харькове 6—8 февраля 1980 г.

29. Лингвистическая география и проблемы истории языка. Материалы VI Всесоюз. совещ. по общим вопросам диалектологии и истории языка, посвящ. 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Нальчик, 1980, ч. 2.

30. Материалы I научно-методического совещания-семинара преподавателей латинского языка университетов и институтов иностранных языков. Сб. ст. Донецкий Гос. ун-т. Донецк, 1980, 66 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 6636 от 9.12.80 г.

31. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. М.: Сов. энциклопедия, т. I (А—К), 1980, 671 с.
Рец.: *Мириманов В.* Универсальное исследование мировой мифологии — Искусство, 1981, № 8, с. 69—70; *Кабо В. Р.*— СЭ, 1981, № 6, с. 152—155; *Лейтес Н.* Все о мифе.— ВЛ, 1982, № 4, с. 214—222.

32. *Можейко М. А.* Натурфилософская картина мира в системе античной культуры.— В кн.: Актуальные проблемы общественных и естественных наук. Науч. конф. молодых ученых, посвящ. 60-летию Белорус. Гос. ун-та. Тез. докл. Минск, 1981, 20 с.

33. *Мусаева Н. Р.* Анализ В. И. Лениным философии Аристотеля (По «Философским тетрадям» В. И. Ленина).— В кн.: Материалы республиканской научной конференции молодых ученых и специалистов по общественным наукам, посвященной 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина (17—18 апр. 1980 г.). Алма-Ата, 1981, с. 41—42.

34. *Неверов О. Я.* Культура и искусство античного мира. Очерк-путеводитель. Гос. Эрмитаж. Л.: Искусство, 1981, 187 с.

35. *Олейник В. Я.* К вопросу о генезисе проблемы иррационального в античной философии.— Проблемы философии, Киев, 1981, вып. 54, с. 32—38.

36. *Підлісна Г. Н.* Світ античної літератури.— Київ: Наукова думка, 1981, 199 с., іл.

37. *Покровская З. А., Кацман Н. Л.* Учебник латинского языка. Для вечерн. и заоч. отд-ний гуманит. фак. вузов. 2-е изд., перераб. М.: Высшая школа, 1981, 351 с.

38. *Постников М. М., Фоменко А. Т.* Новые методики статистического анализа нарративно-цифрового материала древней истории. Предварительная публикация. М., 1980, 36 с.
Рец.: *Голубцова Е. С., Смирин В. М.* О попытке применения «новых методик статистического анализа» к материалу древней истории.— ВДИ, 1982, № 1, с. 171—195.

39. *Потемкин А. В., Хелл Л.* Определение науки и его методологическое значение.— В кн.: Актуальные методологические проблемы современной науки. Краснодар, 1980, с. 177—188. Проблема генезиса в античности и методологическое значение определения науки для истории научного знания.

40. Практикум по истории древнего мира. Для студентов-заочников I курса ист. фак. пед. ин-тов. Моск. Гос. заоч. пед. ин-т. 3-е изд., доп. М.: Просвещение, 1981. Вып. 2. Древняя Греция и Рим (составители: Н. Л. Просина, И. С. Свенцицкая), 160 с.

41. Проблемы истории античности и средних веков. М.: Изд-во МГУ, 1981, 201 с.

42. *Рожанский И. Д.* Развитие естествознания в эпоху античности. М.: Наука, 1979, 484 с.
Рец.: *Лосева И. Н.* Первая книга серии «Библиотека всемирной истории естествознания».— Вопросы истории естествознания и техники, 1982, № 2, с. 139—140.

43. *Сатретдинов Г. К.* Анри Пиренн о городе в период перехода от античности к средним векам.— В кн.: Средневековый город. Саратов, 1981, вып. 6, с. 109—111.

44. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков. Ин-т языкознания АН СССР. М., 1981, 259 с.

45. *Тихолаз А. Г.* К вопросу о типологии теоретического осмысления субъекта в античной философии.— Проблемы философии, Киев, 1981, вып. 54, с. 45—54.

46. *Федоров Н. А., Мирошенкова В. И.* Античная литература. Рим. Хрестоматия. Учеб. пособие для студентов филол. спец. ун-тов. М.: Высшая школа, 1981, 608 с.

47. *Фролов Э. Д.* Факел Прометея: Очерки античной общественной мысли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981, 160 с.

48. *Чанышев А. Н.* Курс лекций по древней философии. Учеб. пособие для студентов и аспирантов филос. фак. и отд-ний ун-тов. М.: Высшая школа, 1981, 374 с.

49. *Черняский М. Н., Тверковкина Е. П., Ермичева В. И.* Латинский язык и основы медицинской терминологии. Учебник для мед. ин-тов. Минск: Вышэйш. школа, 1980, 336 с.

50. *Чиглинцев Е. А.* Анри Валлон и проблема античного рабства во французской историографии XIX в.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Казанск. Гос. ун-т, Казань, 1981, 22 с.

51. *Чиглинцев Е. А.* Анри Валлон: общественно-политическая эволюция и теоретические основы концепции рабства. Казанск. Гос. ун-т. Казань, 1981, 23 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 8969 от 25.12.81.

52. *Чистякова Н. А.* Миф и действительность в античной литературе (К постановке проблемы).— Вестник ЛГУ, 1981, № 2, сер.: история, язык, лит-ра, вып. 1, с. 44—50.

53. *Шахнович М. М.* Эпикурейская традиция в истории советского атеизма.— В кн.: Социально-философские аспекты критики религии. Л., 1981, с. 38—58.
В. И. Ленин о материализме Эпикура.

54. *Шестаков В. П.* Очерки по истории эстетики от Сократа до Гегеля. М.: Мысль, 1980, 327 с.
Рец.: Крайнева И. Б.— НДВШ, Филос. науки, 1981, № 5, с. 179—180.

55. *Шофман А. С., Бурмистров Н. А., Царев Б. В.* Буржуазный историзм в зарубежной историографии. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1981, 183 с.

См. также № 72, 163, 176, 180, 200, 217, 252, 260а.

PERSONALIA

В. Д. Блаватский

56. Владимир Дмитриевич Блаватский (Некролог).— ВИ, 1981, № 1, с. 188. [Без подписи].

57. Памяти Владимира Дмитриевича Блаватского.— СА, 1981, № 4, с. 296—298.

А. Б. Дитмар

58. *Есаков В. А., Резанов И. А., Федосеев И. А.* А. Б. Дитмару 70 лет (Специалист в области исторической географии).— Вопросы истории естествознания и техники, 1981, № 4, с. 152.

М. А. Коростовцев

59. Михаил Александрович Коростовцев (Некролог).— Вестник АН СССР, 1981, № 1, с. 132. [Без подписи].

Янош Харматта

60. *Магометов А.* [*Х.* Академик Янош Харматта — выдающийся исследователь истории культуры и языка предков осетинского народа, *в № 3*, с. 81—94.

В. К. Чалоян

61. В. К. Чалоян (Некролог).— ВФ, 1981, № 7, с. 185. [Без подписи].

62. *Григорян Г. О.* В. К. Чалоян (Некролог).— ИФЖ, 1981, № 2, с. 306. [На арм. яз.].

См. также № 473.

РАЗНОЕ

63. *Абрамов М. А.* Некоторые вопросы изучения античной философии в историко-философской литературе Англии XVII—XVIII веков, *в № 2*, с. 71—85.

64. *Акименко А. А.* В. Куоко «Путешествие Платона в Италию» (К становлению жанра исторического романа в Италии).— Вестник ЛГУ, 1981, № 14, сер.: история, язык, лит-ра, с. 59—63.

65. *Алексеева Н. Г.* Семантическое развитие латинских слов sera (æ) serare в романских языках, *в № 44*, с. 3—13.

66. *Большаков И. А., Дурново А. А.* Формальная модель латинской морфологии (Предвар. публ.). М., 1979. Ин-т русского языка АН СССР. Пробл. группа по эксперим. и прикл. лингвистике, вып. 124, ч. 1, 61 с.

67. *Бухтеева Г. А.* Синтагма, содержащая инфинитив в функции прямого дополнения, в архаической латыни.— В кн.: Семантические аспекты языка. Л., 1981, с. 148—153.

68. *Грошева А. В.* Структура и объем группы существительного в латинском языке.— В кн.: Структура и объем предложения и словосочетания в индоевропейских языках. Л., 1981, с. 138—198.
На материале исторической прозы (I в. до н. э.— II в. н. э.).

69. *Зализняк А. А.* Об одном способе оформления вставленного предложения в латинском, древнегреческом и русском языках (Так называемая конструкция accusativus cum infinitivo).— В кн.: Филология: исследования по древним и новым языкам. М., 1981, с. 15—28.

70. *Зигерт Х.* Там жил Аполлон. Тайны древнего мира. Пер. с нем. Ю. Курвитс. Таллин: Валгус, 1981, 207 с., илл. [На эст. яз.]
Археологические раскопки.

71. *Кабелка Й.* Геродот и балты.— In: Kalba ir mintis, Vilnius, 1981, p. 96—103.
Упоминание предков балтийских народов в сочинениях Геродота.

72. *Кадырова Э.* Формирование понятий элемента и структуры в истории философии античного мира.— Сб. науч. тр. Ташк. Гос. ун-та, 1981, № 654, с. 23—29.

73. *Кащеев В. И.* К вопросу об идейно-теоретических позициях английского антиковеда Фрэнка Уолбанка.— В кн.: Вопросы отечественной, зарубежной истории, литературоведения и языкознания, ч. I, Казань, 1981, с. 133—139.

74. *Кащеев В. И.* Некоторые концепции «римского империализма» в англо-американской историографии новейшего времени.— В кн.: Вопросы отечественной, зарубежной истории, лите-

ратуроведения и языкознания, ч. I, Казань, 1981, с. 139—146.

75. *Квасков В. Н.* Представление о сводимости в античной философии. Пермь, 1981, 16 с. Перм. Гос. мед. ин-т. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 8028 от 20.07.81.
Проблема редуктивности научного знания (Демокрит, Платон, Аристотель).

76. *Кривченко В. И.* Помпеи. Геркуланум. Стабии. М.: Искусство, 1981, 221 с., илл.

77. *Леви Н. И.* Структурно-семантический анализ латинских предложений с оборотом accusativus cum infinitivo.— В кн.: Синтаксис алтайских и европейских языков. Новосибирск, 1981, с. 101—108.

78. *Лилль А.* Что случилось с Эдипом? — Looming, 1981, № 10, lk 1458—1467. [На эст. яз.].
Образ Эдипа в мировой литературе.

79. *Лопашова Ю. А.* Латинская бытовая лексика в современном греческом языке, *в № 44*, с. 128—132.

80. *Майоров Г. Г.* К вопросу об эволюции аристотелизма в средние века.— Изв. АН ТаджССР. Отд-ние обществ. наук, 1981, № 2, с. 62—68. [Рез. на тадж. яз.].
Освоение и развитие идей Аристотеля в арабоязычной традиции (на материале работ Авиценны).

81. *Михаленко Ю. П.* Ф. Бэкон об античной философии, *в № 2*, с. 86—105.

82. *Мочкин А. Н.* Культ Диониса и его парадигматическая роль в философии Ницше, *в № 2*, с. 103—117.

83. *Неверов О.* Собрание древностей Винкельмана.— Сообщ. Гос. Эрмитажа. Л., 1981, 46, с. 46—48. [Рез. на англ. яз., с. 61].

84. *Новиков С. В., Смышляев А. Л.* Вторые Сергиевские чтения на кафедре истории древнего мира.— Вестник МГУ, сер.: история, 1981, № 4, с. 94—98.

85. *Озерецкая Е. Л.* Олимпийские игры, или рассказ об афинском мальчике, который побывал на Олимпийских играх, о том, что он там увидел и какие необыкновенные события из-за этого произошли (Для младшего возраста). Л.: Дет. лит-ра, 1981, 151 с., илл.

86. *Переудина Н. В.* Структурализм Леви-Стросса и изучение первобытной идеологии.— В кн.: Вопросы теории археологии и древней истории (Методология, методика и критика буржуазной науки). Ашхабад: Ылым, 1981, с. 34—43.

87. *Ридель Ф.* Лессинг и античность в свете нашего времени.— В сб.: Лессинг и современность. М., 1981, с. 179—190.

88. *Рябчук М.* Вічний політ Ікара.— Всесвіт, 1981, № 11, с. 171—190.
Образ Икара в мировой литературе.

89. *Свенцицкая И. С.* «Чудеса света» из Малой Азии.— ВИ, 1981, № 10, с. 181—186.

90. *Сергеев Н. А.* Некоторые проблемы дорийского вторжения в интерпретации Арнольда Тойнби.— В кн.: Вопросы отечественной, зарубежной истории, литературоведения и языкознания. Ч. I. Казань, 1981, с. 74—79.

91. *Скрелина Л. М.* О подлежащем в латинском языке.— В кн.: Проблемы структуры предложения. Л., 1981, с. 89—95.

92. *Умуркулова Д.* Об интерпретациях апорий Зенона в науке.— В кн.: Проблемы общественных и гуманитарных наук. Караганда, 1981, с. 23—25.

93. *Халин Н. А.* Возвышенное как эстетическая категория в эпоху античности.— Вестник МГУ, сер.: философия, 1981, № 5, с. 70—76.

94. *Ходорковская Б. Б.* К проблеме вида в латинском глаголе (Семантика имперфекта в ранней латыни).— ВЯ, 1981, № 4, с. 93—104.

95. *Челидзе М. И.* «Неписаная» философия Платона с позиции «неписаной» диалектики.— ВФ, 1981, № 7, с. 127.

96. *Шахнович М. М.* Критика теологизации учения Эпикура.— В кн.: Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1980, с. 116—130.

97. *Шимкаускене Я.* Преподавание латинского языка в Вильнюсском университете 1579—1832 гг.— Педагогика, Вильнюс, 1981, № 16, с. 149—163. [На литов. яз. Рез. на русск. и нем. яз.]

См. также № 77, 79, 96, 158.

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ, ВЫШЕДШИЕ ДО 1981 г.

98. *Асмус В. Ф.* Античная философия. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1976, 543 с.
Рец.: Заиченко Г. А., Зимина Л. А., Шишков Н. И.— НДВШ, филос. науки, 1981, № 4, с. 179—182.

99. *Гафуров Б. Г., Цибукидис Д. И.* Александр Македонский и Восток. М.: Наука, 1980.
Рец.: *Борухович В. Г., Жигунин В. Д.*— ВДИ, 1982, № 4, с. 131—136.

100. *Гиголашвили Е. Г.* Всесоюзный симпозиум по древней истории Причерноморья на тему «Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации (VIII—V вв. до н. э.)». II. Цхалтубо, 16—22 мая 1979 г.— ВДИ, 1982, № 1, с. 222—227.

101. *Грязнов М. П.* Аржан — царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980, 65 с., илл.
Рец.: *Окладников А. П., Худяков Ю. С.*— СА, 1982, № 3, с. 264—267; *Тереножкин А. И.*— СА, 1982, № 3, с. 267—270.

102. *Драчук В. С., Кара Я., Челышев Ю.* Керкинитида — Гезлев — Евпатория (Археологические памятники Крыма). Симферополь: Таврия, 1977, 127 с.
Рец.: Голенцов А. С.— СА, 1982, № 1, с. 262—265.

103. *Иванов В. Г.* История этики древнего мира. Л.: Изд-во ЛГУ, 1980, 224 с.

Рец.: Александрова Р. И., Федосова А. П.— НДВШ, филос. науки, 1982, № 3, с. 173—175.

104. История армянского народа с древнейших времен до наших дней. Ереван: Изд-во Ереван. ун-та, 1980.
Рец.: Аветисян Г. Исторически пройденный путь.— Коммунист, Ереван, 1981, 16 июля.

105. *Козуб Ю. И.* Некрополь Ольвии V—IV вв. до н. э. Киев: Наукова думка, 1974.
Рец.: Пятышева Н. В.— В сб.: Археологія, 1981, вып. 36, с. 86—90.

106. *Ломоури Н. Ю.* К истории Понтийского царства. Ч. I. Тбилиси: Мецниереба, 1979, 200 с.
Рец.: Немировский А. И.— ВИ, 1982, № 4, с. 125—127; *Тодуа Т. Т.*— ВДИ, 1982, № 2, с. 178—184.

107. *Лордкипанидзе Г. А.* Колхида в VI—II вв. до н. э. Тбилиси: Мецниереба, 1978, 170 с.
Рец.: Сапрыкин С. Ю. Новые книги о древней Колхиде.— СА, 1982, № 1, с. 265—270.

108. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики: Ранний эллинизм. М.: Искусство, 1979, 766 с.
Рец.: Семушкин А. В.— ВФ, 1982, № 5, с. 165—168.

109. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Поздний эллинизм. М.: Искусство, 1980, 766 с.
Рец.: Бежин Л. Мысль и образ.— Новый мир, 1981, № 7, с. 254—256; *Семушкин А. В.*— ВФ, 1982, № 5; с. 165—168.

110. *Мозолевский Б. Н.* Толстая Могила. Киев: Наукова думка, 1979; 251 с.
Рец.: Козпаненко Г. Т., Черненко С. В.— Киев, 1981, № 8, с. 98—99.

111. Платон и его эпоха (К 2400-летию со дня рождения). Сб. ст. М.: Наука, 1979, 320 с.
Рец.: Абрамов М. А.— НДВШ, филос. науки, 1981, № 2, с. 182—184.

112. *Постников М. М., Фоменко А. Т.* Новые методики статистического анализа нарративно-цифрового материала древней истории. Предварительные публикации. М., 1980, 36 с.
Рец.: Голубцова Е. С., Смирин В. И. О попытке применения «новых методик статистического анализа» к материалу древней истории.— ВДИ, 1982, № 1, с. 171—195.

113. *Раевский Д. С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977.
Рец.: Петрухин В. Я.— В кн.: Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1980, М., 1981, с. 228—236.

114. *Рожанский И. Д.* Развитие естествознания в эпоху античности. М., 1979.
Рец.: Лосева И. Н. Первая книга серии «Библиотека всемирной истории естествознания».— Вопросы истории естествознания, 1982, № 2, с. 139—140.

115. *Тарковский Р. Б.* Старший русский перевод басен Эзопа и переписчики его текста. Л.: ЛГПИ, 1975, 198 с.
Рец.: Транстрем Е. С. Греческая средневековая письменность и древняя Русь.— ВВ, 1981, т. 12, с. 207—210.

116. *Урушадзе А.* Вопросы греческой и грузинской метрики. Тбилиси, 1980. [На груз. яз.].
Рец.: Гацерелия А. По поводу одной книги.— Цискари, Тбилиси, 1981, № 6, с. 120—130. [На груз. яз.].

117. *Трофимова М. К.* Историко-философские вопросы агностицизма. М.: Наука, 1979, 217 с.
Рец.: Майоров Г. Г. — ВДИ, 1982, № 1, с. 195—199.

118. *Шанин Ю. В.* Олимпийские игры в поэзии эллинов: Гомер и классическая лирика VIII—V вв. до н. э. Киев: Вища школа, 1980.
Рец.: Луцька Ф. Естафета олімпійських ідей.— Прапор, 1981, № 10, с. 138—139; *Соколянский М.* Поезія олімпійського вогню.— Всесвіт, 1981, № 11, с. 169—170.

119. *Ярхо В. Н.* У истоков европейской комедии. М.: Наука, 1979, 175 с.
Рец.: Покровская З.— ВЛ, 1981, № 10, с. 261—275.

II. ПРОИЗВЕДЕНИЯ АНТИЧНЫХ АВТОРОВ. ТЕКСТЫ ИСТОЧНИКОВ

120. *Аристотель.* Риторика. Пер., вступит. ст., коммент. и указ. Т. Кукавы. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1981, 246 с. Греч.-латин. б-ка Тбил. ун-та. [На груз. яз.].

121. *Аристотель.* Сочинения в 4-х т. Т. 3. Вступ. статья и примеч. И. Д. Рожанского. Ин-т философии АН СССР, М.: Мысль, 1981, 612 с.
Содержание: Физика (пер. В. П. Карпова); О небе (пер. А. В. Лебедева); О возникновении и уничтожении (пер. Т. А. Миллер); Метеорология (пер. Н. Б. Брагинской).

122. *Гомер.* Илиада. Пер. с древнегреч. Н. Гнедича. Послесл. В. Ярхо. Примеч. С. Ошерова. М.: Моск. рабочий, 1981, 449 с.

123. *Гораций К. Ф.* Об искусстве поэзии. Пер. с латин., вступит. ст., коммент. и указ. А. В. Урушадзе. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1981, 39 с. Греч.-латин. б-ка Тбил. ун-та. [На груз. яз.]

124. Древнегреческая трагедия. Сб. Пер. с древнегреч. Б. Тен. Вступит. ст. и примеч. В. Пащенко. Киев: Дніпро, 1981, 232 с., илл. [На укр. яз.]

125. *Ливий Тит.* Война с Ганнибалом. Автор послесл. и словаря С. Маркиш. Тбилиси: Накадули, 1981, 398 с. [На груз. яз.]

126. *Овидий.* Метаморфозы. Перевод А. Дамбраускаса. Вильнюс, 1979.
Рец.: *Ульчинайте Е.* Судьба мифологических метаморфоз.— Pergale, Vilnius, 1981, № 2, p. 180—182.

127. *Саллюстий Гай Крисп.* Сочинения. Пер., статья (с. 148—164) и коммент. В. О. Горенштейна. М.: Наука, 1981, 221 с., илл.
В доп.: Инвектива против Гая Саллю-

стия Криспа / Марк Туллий Цицерон. Указ. имен, геогр. и этн. назв., с. 214—220.

128. *Сапфо.* Лирика. Переводы. Кемерово: Кн. изд-во, 1981, 110 с., илл.

129. *Фукидид.* История. Издание подготовили Г. А. Стратановский, А. А. Нейхард, Я. М. Боровский. Л.: Наука, 1981, 534 с.
Приложения: Стратановский Г. А. Фукидид и его «История»; Примечания (составил Г. А. Стратановский); Словарь древнегреческих терминов, встречающихся у Фукидида; Афинский календарь, античные меры длины и веса; Указатель имен и географических названий, упоминаемых Фукидидом.

130. *Цицерон Марк Туллий.* Инвектива против Саллюстия, *в № 127*, с. 143—147.

См. также № 406.

III. НУМИЗМАТИКА*, ЭПИГРАФИКА, ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

131. *Анфимов Н. В.* Клад пантикапейских монет IV в. до н.э. из Восточного Приазовья, *в № 259*, с. 132—137.

132. *Белова Л. Н.* Монеты из раскопок XIX, XXII и XXV кварталов Херсонеса. Труды Гос. Эрмитажа. XXI. Л.: Искусство, 1981, с. 5—43, таблицы. [Рез. на англ. яз., с. 203].

133. *Булатович С. А.* Влияние типологии кизикинов на монетное дело городов Причерноморья, *в № 269*, с. 114—119.

133а. *Булатович С. А.* Об одной группе эллинистических монет из собрания Одесского археологического музея, *в № 262*, с. 97—102.

134. *Голенцов А. С., Петерс Б. Г.* Керамические клейма из раскопок Феодосии 1975—1977 г.— СА, 1981, № 2, с. 207—222. [Рез. на англ. яз.]

135. *Давутов Д.* Новые монетные находки на территории Таджикской ССР.— Археол. работы в Таджикистане, 1980, вып. 15, с. 200—209.

136. *Карышковский П. О.* Две книги советских нумизматов в английском переводе.— СА, 1981, № 3, с. 297—299. *Зограф А. Н.* Античные монеты.— МИА, № 16, 1951, 264 с.; *Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. М., 1956, 224 с.

137. *Карышковский П. О.* Золотые и серебряные монеты Ольвии из собрания Одесского общества истории и древностей, *в № 269*, с. 119—134.
Приложение: список золотых и серебряных монет Ольвии из собрания Одесского археологического музея.

138. *Курганов С. И.* Дорийский диалект в надписях Херсонеса, *в № 29*, с. 438—446.

138а. *Левек Т* Оптический метод анализа античных кадастров, *в № 261*, с. 58—60.

139. *Мурадян Г. С.* Греческая надпись Трдата I, найденная в Гарни.— ИФЖ, 1981, № 3, с. 81—94.

140. *Мушегян Х.* Портреты армянских царей эпохи эллинизма, *в № 476*, с. 244—250.
На монетах.

141. *Мушегян Х. А.* Ценные нумизматические собрания.— ИФЖ, 1981, № 2, с. 299—304. [На арм. яз.]

142. *Піоро І. С.* Новий тип монети античного Херсонесу.— Вісн. Київ. ун-ту, іст. науки, 1981, вип. 23, с. 106—108.

143. *Ртвеладзе Э. В., Пидаев Ш. Р.* Каталог древних монет Южного Узбекистана. Ташкент: Фан, 1981, 120 с., илл.
В кн. также: Химический состав металла монет из Северной Бактрии.

144. *Самойлова Т. Л.* Экономические связи Тиры с античными городами в V—I вв. до н. э. (По данным керамической эпиграфики), *в № 269*, с. 51—63.

145. *Саркисян Г.* Нововыявленная римская золотая монета.— Вестник обществ. наук АН АрмССР, 1981, № 12, с. 95—96. [На арм. яз.]

146. *Тургунов Б. А., Лившиц В. А., Ртвеладзе Э. В.* Открытие бактрийской монументальной надписи в Айртаме (Предварительное сообщение).— Общественные науки в Узбекистане, 1981, № 3, с. 38—48.
Предположительно 25—70 гг. н. э.

147. *Шелов Д. Б.* Еще о боспорских монетах периода денежного кризиса III в. до н.э.— СА, 1981, № 2, с. 31—42. [Рез. на англ. яз.]
На материале надписей.

148. *Яйленко В. П.* Полемон, царь Армении.— ИФЖ, 1981, № 1, с. 168—178. [На русск. яз. Рез. на арм. яз.]

См. также № 258, 260а; 277, 278, 295, 316, 325, 334, 346, 349, 366, 535.

IV. ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ*

149. *Абрамян Н. Л.* Несколько замечаний о «правильности» имен.— В кн.: Семиотика и проблемы коммуникации. Ереван, 1981, с. 152—155.
Платон об отношении имени к объекту.

150. *Аверинцев С. С.* Древнегреческая поэтика и мировая литература, *в № 191*, с. 3—14.

151. *Аверинцев С. С.* Поэтика и культура. Риторика как подход к обобщению действительности, *в № 191*, с. 15—46.

152. *Акимова Л. И.* Греческая скульптура периода ранней классики (500—450 гг. до н. э.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. искусствоведения. М.: Изд-во МГУ, 1981, 24 с.

---

* См. также: Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Конференция в № 258.

* Учебники и учебные пособия см. в общем разделе.

153. *Алексеев А.* Сцена вручения лука на аттической амфоре VI в. до н. э.— Сообщ. Гос. Эрмитажа. Л., 1981, вып. 46, с. 41—43. [Рез. на англ. яз., с. 61]

154. *Андрушко В. А.* Гуманистический диалог и диалогический метод Платона.— Проблемы философии, Киев, 1981, вып. 54, с. 54—62.

155. *Ахмедьянов Р. А.* Антиномия апорий Зенона. Урал. политехн. ин-т им. С. М. Кирова. Свердловск, 1981, 13 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 8330 от 05.08.81 г.

156. *Брагинская Н. В.* Поэтика описания. Генезис «Картин» Филострата Старшего, *в № 191*, с. 224—289.

157. *Булыко И. И.* Генезис и эволюция критерия нравственности в древнегреческой этике.— Вестник Белорус. Гос. ун-та, сер.: история, философия, науч. коммунизм, экономика, право. Минск, 1981, 37 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 7863 от 24.06.81.

158. *Васильева Т. В.* Философский лексикон Аристотеля в интерпретации Хайдеггера, *в № 2*, с. 118—134.

158а. *Вахтина М. Ю.* О связях греков с местным населением степной зоны Северного Причерноморья в VII—VI вв. до н. э., *в № 261*, с. 108—130.

159. *Гаспаров М. Л.* Поэтика композиции. Строение эпиникия, *в № 191*, с. 290—330.

160. *Геворкян А. Т.* Иносказание Платона. Ереван, 1980, 265 с. Ин-т философии и права АН АрмССР. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 8944, от 29.12.81 г.

161. *Григорьева Н. И.* Поэтика слова. Парадоксы платоновского «Тимея»: Диалог и гимн. *в № 191*, с. 47—95.

162. *Гринбаум Н. С.* Древнегреческий литературный язык. К итогам исследования.— ВЯ, 1980, № 6, с. 89—96.

163. *Гусейнов Г. Ч.* Драматургический метод Платона. Лекции для студентов театровед. и режиссер. фак. театр. вузов. М.: ГИТИС, 1981, 63 с.

164. *Дорошкевич В. О., Оксюковський П. Л.* До питання про визначення начала в теорії матеріалістичної діалектики.— Вісн. Київ. ун-ту, сер.: філософія, 1981, № 13, с. 3—9.
Логический анализ этой проблемы в философии Аристотеля.

165. *Дружинина Е. Ф.* Пластический принцип пространственных связей в «Одиссее» Гомера.— Вестник МГУ, сер.: филология, 1981, № 4, с. 51—58.

165а. *Де ля Женвер Жюльет.* Новые археологические данные к исследованию колониальных отношений на Западе, *в № 261*, с. 51—57.

166. *Землянский Ф. М.* Некоторые особенности становления категориальной формы мышления в философском учении Аристотеля.— В кн.: Проблемы развития системы категорий марксистской философии. Челябинск, 1980, с. 74—85.

167. *Казанскене В. П., Казанский Н. Н.* Etymologia Graeco — Latina 1—4. (1. μέχρι — μοχ 2. αἰθμα 3. δαρμός 4. δέρμη), *в № 44*, с. 74—85.
Этюды по древнегреческой и этимологии.

168. *Карпюк С. Г.* Керамическое производство позднеархаических Афин (вторая половина VI в. до н. э.), *в № 41*, с. 3—16.

168а. *Козловская В. И.* Эмпорион и Хинтерланд. К вопросу о характере взаимоотношений греков и иберов на иберийском Леванте, *в № 261*, с. 33—41.

169. *Кессиди Ф. Х., Кондзелка В. В.* Гераклит и древний Восток (Критические заметки).— НДВШ. Филос. науки, 1981, № 5, с. 94—100.
О концепции М. Л. Уэста об отношении Гераклита к персидской религии.

170. *Комарова В. Я.* Аргумент Зенона Элейского «Стадий» (Попытка реконструкции).— Вестник ЛГУ, 1981, № 11, сер.: экономика, философия, право, с. 96—100. [Рез. на англ. яз.]

171. *Конькова Г. И.* Композиция зооморфных фризов дорических храмов V века до н. э.— Проблемы развития зарубежного искусства, 1980, вып. 10, с. 13—21.

172. *Кудулите А. В.* Именительный падеж единственного числа древнегреческих основ на -νt у Алкмана.— Вестник ЛГУ, сер.: история, язык, лит-ра, Л., 1981, 99 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 8841 от 15.12.81 г.

173. *Корчагин Ю. В.* Образование Аркадского союза (IV в. до н. э.).— Вестник ЛГУ, 1981, № 20, сер.: история, язык, лит-ра, с. 84—87. [Рез. на англ. яз.]

174. *Корчагин Ю. В.* Федеративное движение в Греции в первой половине IV в. до н. э. (Беотия, Фессалия, Аркадия, Халкидика): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Л., ЛГУ, 1981, 19 с.

175. *Кукава Т.* Аристотель и его «Риторика» (Вступ. ст.).— В кн.: Аристотель. Риторика. Тбилиси, 1981, с. 5—30.

176. *Кутергин В. Ф.* Античная Беотия: основные вопросы истории с древнейших времен до Анталкидова мира. Учеб. пособие. Морд. Гос. ун-т. Саранск, 1981, 82 с., карты.

176а. *Лазарев М.* О некоторых особенностях архаического керамического импорта в Понтийской Фракии, *в № 261*, с. 61—68.

177. *Лаптева М. Ю.* Являлись ли персидские налоги причиной восстания ионийских городов в 499—494 гг. до н. э.? *в № 3*, с. 21—34.

178. *Лебанидзе В. Ш.* Огонь и космос в философии Гераклита.— ВФ, 1981, № 6, с. 142—152.

179. *Лебедев А. В.* Фалес и Ксенофан, *в № 2*, с. 1—16.

180. *Луканин Р. К.* «Органон» Аристотеля и основные этапы его истолкования в буржуазном аристотелеведении XIX—XX веков, *в № 2*, с. 17—46.

181. *Маринович Л. П.* Греция в конце

IV в. до н. э. и проблема кризиса полиса. Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. ист. наук. Ин-т всеобщей истории АН СССР. М., 1981, 38 с.

182. *Менская Т. Б.* Два Аякса и проблемы героической омонимии в «Илиаде» Гомера.— В кн.: Структура текста — 81. М., 1981, с. 172—173.

183. *Микеладзе З. Н.* Из комментариев к «Органону» Аристотеля.— В кн.: Логико-семантические исследования. Тбилиси, 1981, с. 25—35.

184. *Микеладзе З. Н.* Проблема возникновения и аристотелев метод аспектов.— ВФ, 1981, № 6, с. 173—181.

185. *Мусаева Н. Р.* Аристотель о категориях единичного и общего.— Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук, 1981, № 6, с. 26—31.

186. *Мусаева Н. Р.* Аристотель о категориях единичного и общего.— В кн.: Молодые ученые — XXVI съезду КПСС и XV съезду Компартии Казахстана. Алма-Ата, 1981, с. 3—8. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 9418 от 02.03.82.

187. *Ота Х.* Можно ли считать рабами илотов Спарты? — В кн.: Четвертый коллоквиум историков СССР и Японии (Fourth colloquium of Japanes and Soviet historians). Докл. М., 1981, с. 112—122.

188. *Пащенко В.* Еллінський театр і його уславлені трагічні поєті.— В кн.: Давньогрецька трагедія. Київ, 1981, с. 5—24.

189. Plato Valstyba / Platonas; Is senosios graiku Kalbos verte Dumčius J — Vilnius: Mintis, 1981, 386 p., portr. (Is filosofijos palikimo).
«Государство» Платона.

190. *Попова Т. В.* Поэтика жанра. Буколика в системе греческой поэзии, *в № 191*, с. 96—177.

191. Поэтика древнегреческой литературы. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Наука, 1981, 366 с.

192. *Рожанский И. Д.* Естественнонаучные сочинения Аристотеля (Вступ. ст.).— В кн.: Аристотель. Сочинения, т. 3. М.: Мысль, 1981, с. 5—57.

193. *Рубцова Н. А.* Форма обращения как конструирующий принцип гимнического жанра, *в № 191*, с. 178—223.

194. *Сапрыкин С. Ю.* Полисы и местное население Южного Причерноморья в архаическую и классическую эпохи: Гераклея и мариандины, *в № 261*, с. 9—22.

195. *Семеновкер Б. А.* Библиографический словарь Гесихия Милетского.— Сов. библиогр., М., 1981, № 5, с. 52—57.
Словарь греческих писателей «Ономатологос» («Onomatologos ē Pinaxton enpaideia onomastōn»).

196. *Славятинская М. Н.* О функциональной значимости элементов различных диалектов в гомеровском языке, *в № 29*, с. 447—453.

197. *Смышляева В. П.* Использование народного хорового мелоса в метрике Сапфо.— Вестник ЛГУ, сер.: история, язык, лит-ра, 1981, № 11. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 8842 от 15.12.81.

198. *Соколов Г. И.* Олимпия. 2-е изд. М.: Искусство, 1981, 214 с., илл.

199. *Стратановский Г. А.* Фукидид и его «История».— В кн.: Фукидид. История. Л.: Наука, 1981, с. 405—438.

200. *Стрелков А. В.* Некоторые проблемы истории первого Афинского морского союза в немецкой буржуазной историографии, *в № 41*, с. 17—33.

201. *Туйчиев Б. Т.* Проблемы единичного и всеобщего в древнегреческой философии.— Сб. науч. тр. Ташк. Гос. ун-та, 1980, № 643, с. 3—15.

202. *Тягло А. В.* Проблемы целостности в философии древних греков.— Вестник Харьков. Гос. ун-та, № 208. Логика и методол. науч. познания, 1981, вып. 15, с. 79—85.

203. *Фролов Э. Д.* Гераклейские мариандины (К проблеме взаимоотношений греческих колонистов и местных племен в зоне дорийской колонизации), *в № 261*, с. 22—23.

204. *Фролов Э. Д.* Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981, 160 с.

205. *Циркин Ю. Б.* Массалия и окружающее население, *в № 261*, с. 42—50.

206. *Чанышев А. Н.* Аристотель. М.: Мысль, 1981, 200 с., илл.

207. *Челидзе М. И.* «Неписаная» философия Платона с позиций «неписаной» диалектики.— ВФ, 1981, № 7, с. 127—132. [Рез. на англ. яз., с. 187]

208. *Чистякова Н. А.* Миф и действительность в античной литературе (К постановке проблемы).— Вестник ЛГУ, 1981, № 2, сер.: история, язык, лит-ра, с. 44—50. [Рез. на англ. яз.]

209. *Чолач В. В.* Система возрастных групп в древней Греции (Спарта, Крит, некоторые малоазийские города): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Л., ЛГУ, 1981, 25 с.

210. *Шифман И. Ш.* Финикийская историческая традиция в греческой и римской историографии (Проблема происхождения финикиян), *в № 16*, с. 103—106.

211. *Шталь И. В.* Поэтика стиля. Гомеровский эпитет как элемент художественной системы, *в № 191*, с. 331—365.

См. также № 12, 14, 23, 33, 48, 53, 54, 69, 74, 75, 78, 96, 260а; 261, 264, 297, 419, 420, 422, 433, 448, 471.

V. ЭЛЛИНИЗМ

212. *А. М. В.* Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке.— В кн.: Советское искусствознание, 1980. М., 1981, вып. 2, с. 396—399.
Ереван, 21—25 мая 1980 г.

212а. *Горончаровский В. А.* К проблеме связей Пергама с Северным Причерноморьем, *в № 258*, с. 84—85.

213. *Лосев А. Ф.* Диоген Лаэрций — историк античной философии. (Сер. «Из истории мировой культуры»). М.: Наука, 1981, 192 с.

214. *Нахов И. М.* Киническая литература. М.: Наука, 1981, 303 с.

215. *Цибукидис Д. И.* Древняя Греция и Восток. Эллинистическая проблематика греческой историографии (1850—1974). Ин-т востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1981, 253 с., илл. [Рез. на англ. яз.]
Рец.: *Искандаров Б. И.*— Изв. АН ТаджССР. Отд-ние обществ. наук, 1982, № 1, с. 92—95; *Брагинский И. С.*— НАА, 1982, № 3, с. 206—207.

216. *Тимофеева Т. Г.* Политика Александра Македонского в оценке англо-американской буржуазной историографии (1917—1975 гг.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук, Казань, Казанск. Гос. ун-т, 1981, 23 с.

См. также № 155, 228, 243, 258, 133а, 523, 526.

VI. ДРЕВНИЙ РИМ. РИМСКИЕ ПРОВИНЦИИ. ХРИСТИАНСТВО

ДРЕВНИЙ РИМ *

217. *Бокщанин А. Г.* Источниковедение древнего Рима. Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 1981, 160 с.

218. *Гагуа И. П.* Овидий Назон и древняя Колхида: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Тбилиси, Тбил. Гос. ун-т, 1981, 25 с.

219. *Гоголашвили Р. А.* Освобожденные рабы (Либертины) в древнем Риме. Тбил. гос. ун-т. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1981, 239 с. [На груз. яз. Рез. на русск. и англ. яз.]

220. *Горенштейн В. О.* Гай Саллюстий Крисп. (Статья).— В кн.: Саллюстий Крисп Гай. Сочинения. М.: Наука, 1981, с. 148—164.

221. *Грошева А. В.* Группа существительного с негенетивным определением в латинском языке.— В кн.: Лингвистические исследования. Анализ синтаксических единиц, М., 1980, с. 60—67.

222. *Дуров В. С.* К вопросу о хронологии сатир Персия.— Вестник ЛГУ, 1981, № 20, сер.: история, язык, лит-ра, с. 45—49. [Рез. на англ. яз.]

223. *Илюшечкин В. Н.* Идейная борьба в римском обществе I—III вв.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., Ин-т всеобщей истории АН СССР, 1981, 22 с.

224. *Керасиди Н. Х.* Формы и стиль утешительных произведений Сенеки. Симферополь, Симферопольск. Гос. ун-т, 1981, 10 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 9279 от 25.02.82.

225. *Кнабе Г.* Внутренние формы культуры.— Декор. искусство СССР, 1981, № 1, с. 36—39.
На материале предметного мира древнего Рима.

226. *Кнабе Г. С.* Корнелий Тацит. Время, жизнь, книги. М.: Наука, 1981, 206 с.

227. *Кораблев И. Ш.* Ганнибал. 2-е изд. М.: Наука, 1981, 359 с., карты.

228. *Красавина Н. К.* Сохранение Плавтом сквозного действия при адаптации менандровской комедии (Δὶς ἐξαπατῶν Менандра и Bacchides Плавта).— Вестник ЛГУ, 1981, № 14, сер.: история, язык, лит-ра, с. 63—66. [Рез. на англ. яз.]

229. *Кучеренко Л. П.* Социально-политическое развитие Рима в период Самнитских войн (К вопросу о завершающем периоде сословной борьбы патрициев и плебеев в Риме): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Л., ЛГУ, 1981, 20 с.

230. *Ляпустин Б. С.* Развитие шерстоделательного производства в Помпеях в I в. н. э., *в № 41*, с. 34—48.

231. *Метушевская О. С.* Аграрный вопрос в социально-политической борьбе в Риме второй половины 60 — начале 50 гг. I в. до н. э. М., МГПИ им. В. И. Ленина. 1981, 78 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 7948 от 26.06.81 г.

232. *Портнягина И. П.* Заговор Пизона (Из истории развития римской императорской власти).— Вестник ЛГУ, 1981, № 14, сер.: история, язык, лит-ра, с. 41—48. [Рез. на англ. яз.]

233. *Портнягина И. П.* Сенаторское сословие при Юлиях-Клавдиях. Калинин. Гос. ун-т. Калинин, 1981, 17 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 8401 от 03.09.81.

234. *Рабинович Е. Г.* Гелиос в духовной культуре народов Римской империи: Автореф. дис. на соискание [уч. ст. канд. ист. наук. Л., Ин-т этнографии АН СССР, 1981, 25 с.

235. *Ревяко К. А.* Ф. Энгельс о военном искусстве древних римлян эпохи республики.— Весник Беларус. Гос. ун-та, сер.: гісторыя, філасофія, навук комунізм, эканоміка, право, 1981, № 1, с. 23—25.

236. *Сергеев И. П.* К вопросу о начале заключительного этапа гражданской войны 193—197 гг. в Риме.— Вестник Харьков. Гос. ун-та, 1981, № 214, сер.: история СССР и зарубежных стран, с. 83—90.

237. *Содомора А.* Скорботні елегії Овідія.— Всесвіт, 1981, № 9, с. 153—154.

238. *Сюзюмов М. Я.* Зачатки будущего в социально-экономической сфере Римской империи и ранней Византии (К постановке вопроса), *в № 3*, с. 3—20.

239. *Федоров Н. А.* Становление эстетического компонента в семантике лексической группы Decus, Decorum, Decere, Dicnitas) (На материале текстов

* Учебники. Учебные пособия см. в общем разделе.

Цицерона).— Вестник МГУ, сер.: филология, 1981, № 1, с. 49—61.

240. *Федоров Н. А.* Становление эстетической лексики Цицерона: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., МГУ, филол. фак., 1981, 25 с.

241. *Шифман И. Ш.* Финикийская историческая традиция в греческой и римской историографии (Проблема происхождения финикиян), *в № 16*, с. 103—106.

РИМСКИЕ ПРОВИНЦИИ

242. *Ковельман А. В.* «Умеренные» в Римском Египте (К вопросу о судьбе полисной идеологии на Востоке), *в № 3*, с. 50—63.

242а. *Котигорошко В. Г.* Раскопки дакийского городища у с. Малая Копаня, в № 260, с. 265.
Городище датируется 60-ми годами до н. э.— 106 г. н. э. Гибель городища связывается с последней фазой дако-римских войн.

243. *Фихман И. Ф.* К вопросу о преемственности и прерывности в социально-экономическом развитии римского и византийского Египта (На материале профессионального прикрепления).— В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: XV годичная науч. сессия ЛОИВ АН СССР. (Докл. и сообщ.). Дек. 1979, ч. I. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1981, с. 163—167.

См. также № 205.

ХРИСТИАНСТВО *

244. *Амусин И. Д.* К вопросу о зависимости сообщения о ессеях в древнерусском переводе Флавия от «Философумены», *в № 16*, с. 128—132.

245. *Даниленко Л. А.* Некоторые принципы эстетики раннего христианства (На материале эстетики Августина).— В кн.: Некоторые вопросы истории и теории эстетики. М., МГУ, вып. 4, 1981, с. 40—50. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 7911 от 26.06.81.

246. *Косидовский З.* Сказания евангелистов (Пер. с польск. Гессен Э. Я.; послесл. и примеч. Свенцицкой И. С.). 3-е изд. М.: Политиздат, 1981, 262 с., илл. [На укр. яз.]

247. *Крывелев И.* Библия в свете научного анализа.— Наука и религия, 1981, № 7, с. 34—36.

248. *Крывелев И. А.* Что знает история об Иисусе Христе? М.: Советская Россия, 1969, 300 с., илл.

249. *Крывелев И. А.* Раскопки в «библейских» странах. М.: Советская Россия, 1965, 317 с., илл.

250. *Оргиш В. П.* Неоплатонизм и его влияние на идеологию христианства (Критика богословских воззрений).— В сб.: Философия и научный коммунизм. Минск, 1981, вып. 8, с. 120—128.

251. *Пайкова А. В.* Отражение некоторых гностических представлений в памятниках сирийской повествовательной литературы.— Палестинский сб., вып. 27 (90). История и филология. Л.: Наука, 1981, с. 80—85. [Рез. на франц. яз.]

252. *Свенцицкая И. С.* Тайные писания первых христиан. 2-е изд. М.: Политиздат, 1981, 288 с.

253. *Сидоров А. И.* Проблема гностицизма и синкретизм позднеантичной культуры (Учение наассенов): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., Ин-т всеобщей истории АН СССР, 1981, 22 с.

254. *Старкова К. Б.* Фрагменты «Плача» из 4-й пещеры Хирбет-Кумрана (4 Q 179).— Палестинский сб., вып. 27 (90), история и филология. М: Наука, 1981, с. 57—62. [Рез. на англ. яз.]
Литературный памятник II в. до н. э.

255. *Столяров А. А.* Проблема свободы воли у Аврелия Августина, *в № 2*, с. 47—70.

256. *Федосик В. А.* К вопросу о раннехристианском Александрийском дидаскалейоне.— Вестник Белорус. Гос. ун-та, сер.: история, философия, науч. коммунизм, экономика, право, 1981, 12 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 7484 от 27.04.81 г.

257. *Чиглинцев Е. А.* К вопросу о влиянии христианства на античное рабство. Анри Валлон и концепция рабства у «отцов церкви».— В кн.: Вопросы отечественной, зарубежной истории, литературоведения и языкознания. Казань, 1981, с. 79—80.

VII. СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ. ПЛЕМЕННОЙ МИР. КАВКАЗ И ЗАКАВКАЗЬЕ. СРЕДНЯЯ АЗИЯ

РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА. СБОРНИКИ СТАТЕЙ

258. Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тезисы докладов республиканской конференции молодых ученых. Киев, апрель, 1981, 139 с.
Из содержания: *Орлик А. П.* Поселение скифского времени у с. Капитановка, с. 55—56; *Скорый С. А.* Скифский доспех в Средней Европе, с. 57—58; *Гаврилюк Н. А.* Распространение лепной керамики Степной Скифии IV—III вв. до н. э., с. 58—59; *Болтрик Ю. В.* Об одном из вероятных торговых трактов Скифии, с. 59—60; *Ковалев Н. В.* Новая находка узды фракийского типа, с. 60—61; *Куприй С. А.* Украшения погребальной повозки из Огуза, с. 61—62; *Фиалко Е. В.* Об античном саркофаге из кургана Огуз, с. 62—63; *Рябова В. А.* Деревянные чаши с оковками из скифских курганов, с. 63—

* Работы по истории христианства в настоящий указатель включены выборочно.

64; *Клочко Л. С.* Отражение социальной функции скифского костюма в археологических материалах, с. 64—65; *Пуздровский А. Е.* Историческая топография восточного некрополя Неаполя Скифского, с. 65—66; *Гей О. А.* Погребальный обряд поздних скифов на Нижнем Днепре, с. 66—67; *Колтухов С. Г.* Позднескифское поселение у с. Доброе, с. 67—68; *Зубарь В. М., Симоненко А. В.* Об одном типе узды сарматского времени, с. 68—69; *Полин С. В.* Время и характер смены скифского населения сарматским в Северном Причерноморье, с. 69—70; *Костенко В. И.* Раннесарматские погребения Днепро-Донских степей, с. 70; *Дзиговский А. Н.* Сарматский курган у с. Белолесье, с. 71; *Косиков В. А.* Плавка бронзы в раннем железном веке на территории Юго-Восточной Европы, с. 71—72; *Рубан В. В.* Типы античных памятников правобережья Бугского лимана, с. 73; *Иевлев М. М.* О местоположении древнего Метрополя, с. 74; *Ольговский С. Я.* Основные этапы развития цветной металлообработки в Нижнем Побужье (VII в. до н. э.— IV в. н. э.), с. 74—75; *Отрешко В. М.* О клерах Ольвии, с. 75—76; *Мазарати С. И.* Типы архаических погребальных устройств ольвийского региона, с. 76—77; *Буйских С. Б.* Стратегический фактор в топографии ольвийской хоры догетского времени, с. 77—78; *Розов В. Н.* Из истории денежного обращения на азиатском Боспоре в VI—V вв. до н. э., с. 79; *Виноградов Ю. А.* К вопросу о мирмекийском зольнике, с. 79—80; *Рогов Е. Я.* Сырцовые склепы могильника Панское I, с. 80—81; *Кудрявцев А. И.* О водоснабжении Ольвии в IV—II вв. до н. э., с. 81—82; *Елисеев В. Ф., Елисеева А. И.* Клад ольвийских «ассов» из села Погорелово, с. 82; *Кашкарлы К.* К вопросу о торговых связях Кавказской Албании с Причерноморьем в античную эпоху, с. 83; *Журавлев О. П.* Остеологические исследования Ольвии в 1972—1979 гг., с. 83—84; *Горончаровский В. А.* К проблеме связей Пергама с Северным Причерноморьем, с. 84—85; *Орлов К. К.* Исследование римской крепости Харакс, с. 85—86; *Крапивина В. В.* К истории Ольвии во II—III вв. н. э., с. 86; *Покас П. М.* К антропологии населения Ольвии в первых веках н. э., с. 87; *Магомедов Б. В.* Жертвенник-эсхара позднеримского времени на р. Ингулец, с. 87—88; *Сорочан С. Б.* О сирийско-палестинском импорте первых вв. н. э. в Херсонесе, с. 88—89; *Шамрай А. Н.* Античные якоря из собрания Керченского музея, с. 89; *Амирханов А. Ш.* К вопросу о сосудах типа кернос, с. 90.

259. Античные государства и варварский мир. Межвузовский сб. статей. Орджоникидзе, 1981, 150 с.

260. Археологические открытия 1980 г. Ин-т археологии АН СССР. М.: Наука, 1981, 446 с.

260а. *Брашинский И. Б.* Проблемы и методы исследования античной торговли по массовому археологическому материалу: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. ист. наук. М., Ин-т археологии АН СССР, 1981, 33 с.

261. Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья, Цхалтубо (16—22 мая 1979). Тбилиси: Мецниереба, 1981, 438 с., илл. [Рез. на англ. яз.]

262. Древности Северо-Западного Причерноморья. Киев.: Наукова думка, 1981, 136 с.

263. *Кастанаян Е. Г.* Группа античной археологии ЛОИА АН СССР в 1977—октябре 1979 г.— КСИА, 1981, вып. 168, с. 111—116.

264. *Крыжицкий С. Д.* О критериях выделения в северопричерноморском домостроительстве античной эпохи греко-варварского направления, в № 261, с. 100—108.

265. *Крыжицкий С. Д.* О принципах классификации античных кладок Северного Причерноморья.— КСИА, 1981, вып. 168, с. 35—41.

266. *Курбатов А. А.* Об «особенностях» культа Ахилла на Черноморье. Астрахан. Гос. пед. ин-т. Астрахань, 1981, 24 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 8958 от 24.12.81 г.

266а. *Марченко К. К.* Комплекс лепной керамики античных поселений Северного Причерноморья VII—V вв. до н. э. (К проблеме греко-варварских взаимоотношений), *в № 261*, с. 93—100.

267. *Николаева Э. Я.* Работа сектора античной археологии в 1977—1979 гг. (по ноябрь 1979 г. включит.). — КСИА, 1981, вып. 168, с. 106—111.

268. *Островерхов А. С.* Древнейшее античное производство стеклянных бус в Северном Причерноморье.— СА, 1981, № 4, с. 214—228. [Рез. на англ. яз.]

269. Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев.: Наукова думка, 1981, 147 с., илл.

270. *Трубачев О. Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. Источники. Интерпретация. Реконструкция.— ВЯ, 1981, № 2, с. 3—21.

271. *Шелов Д. Б.* За высокое качество полевых археологических исследований.— СА, 1981, № 1, с. 5—18.

См. также № 133, 153, 158а, 194, 444.

БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО

272. *Алексеев А. Ю.* К вопросу о дате сооружения Чертомлыкского кургана (По керамическим материалам).— В кн.: Археологический сб. Л., 1981, вып. 22, с. 75—83. [Рез. на англ. яз., с. 124]

273. *Алексеева Е. М., Нестеренко Н. Д.* Анапская экспедиция, *в № 260*, с. 94—95.

274. *Анфимов И. Н.* Новые находки бронзовых античных шлемов IV—III вв.

до н. э. на Северо-Западном Кавказе, *в № 259*, с. 94—100.
Находки шлемов позволяют проследить одно из направлений связей Боспора с меотскими племенами Северо-Западного Кавказа.

275. *Аптекарев А. З.* Раскопки могильника городища II у хутора им. Ленина, *в № 260*, с. 95.

276. *Арсеньева Т. М.* Краснолаковая керамика из Танаиса конца IV — начала V в. н. э.— КСИА, 1981, вып. 168, с. 43—47.

277. *Арсеньева Т. М.* Нижнедонская экспедиция, *в № 260*, с. 95—96.
Среди находок особенного внимания заслуживают монеты I в. до н. э. и I в. н. э.

278. *Бёттгер Б.* Амфоры с надписями из Танаиса.— СА, 1981, № 4, с. 206—213. [Рез. на англ. яз.]

279. *Блаватский В. Д.* Феодосия VI—IV вв. до н. э. и ее название.— СА, 1981, № 4, с. 21—29. [Рез. на англ. яз.]

280. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорские города. Уступчатые склепы. Эллинистическая усадьба. Илурат. Ин-т археологии АН СССР. Л.: Наука, 1981, 136 с., илл.

281. *Герцигер Д.* Об одном фигурном сосуде из Пантикапея.— Сообщ. Гос. Эрмитажа, 1981, 46, с. 43—44. [Рез. на англ. яз., с. 61]

282. *Грач Н. Л.* К характеристике этнического состава населения Нимфея в VI—V вв. до н. э., *в № 261*, с. 260—267.

283. *Денисова В. И.* Коропластика Боспора (По материалам Тиритаки, Мирмекия, Илурата и сельской усадьбы). Л.: Наука, 1981, 171 с., илл.

284. *Кастанаян Е. Г.* Лепная керамика боспорских городов. Ин-т археологии АН СССР. Л.: Наука, 1981, 177 с., илл.

285. *Кислый А. Е.* Продолжение раскопок поселения Каменка, *в № 260*, с. 253—254.

286. *Коровина А.* Местные черты погребального обряда в ранних могилах некрополя Тирамбы, *в № 261*, с. 267—291.

287. *Коровина А. К.* Раскопки Тмутаракани-Гермонассы, *в № 260*, с. 105—106.

288. *Латышева В. А.* О роли Динамии в период правления на Боспоре Полемона.— Вестник Харьков. ун-та, 1981, вып. 214, сер.: история СССР и зарубежных стран, с. 101—107.

289. *Масленников А. А.* Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э. Ин-т археологии АН СССР. М.: Наука, 1981, 125 с.

290. *Масленников А. А., Чевелев О. Д.* Новые памятники античного времени на Северном Побережье Керченского полуострова.— КСИА, 1981, вып. 168, с. 77—85.

291. *Масленников А. А.* Раскопки на Керченском полуострове, *в № 260*, с. 280—281.

292. *Молев Е. А.* Раскопки городища и некрополя Китэя, *в № 260*, с. 285—286.

293. *Молева Н. В.* Раскопки некрополя Мирмекия в 1974—1975 гг.— КСИА, 1981, вып. 168, с. 73—77.

294. *Неверов О.* Бронзовый перстень из Фанагории с портретом армянского царя.— Вестник обществ. наук. АН АрмССР, 1981, № 3, с. 73—78. [Рез. на арм. яз.]

295. *Нестеренко Н. Д.* Клады Горгиппии.— КСИА, 1981, вып. 168, с. 85—87.

296. *Николаева Э. Я.* Поселение у д. Ильич.— КСИА, 1981, вып. 168, с. 88—93.

297. *Никонов И. Е.* Роль исторических источников в изучении экономических связей Боспора и Афин в III в. до н. э.— В кн.: Историография и источниковедение. М., 1981, с. 143—154.

298. *Онайко Н. А.* Раскопки некрополя в Широкой балке, *в № 260*, с. 114.

299. *Онайко Н. А., Дмитриев А. В.* Укрепленное здание в античном поселении у с. Владимировка близ Новороссийска.— КСИА, 1981, вып. 168, с 93—100.

300. *Петерс Б. Г.* Работы Михайловской экспедиции, *в № 260*, с. 302.

301. *Петерс Б. Г., Голенцов А. С.* Археологические раскопки Феодосии 1975—1977 гг.— КСИА, 1981, вып. 168, с. 68—72.

302. *Раевский Д. С.* Куль-обские лучники.— СА, 1981, № 3, с. 44—51. [Рез. на англ. яз.]

303. *Толстиков В. П.* Раскопки Пантикапея, *в № 260*, с. 315.

304. *Толстиков В. П.* Фортификация античного Боспора: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., МГУ, ист. фак., 1981, 26 с.

305. *Чевелев О. Д.* Раскопки в окрестностях Керчи, *в № 260*, с. 320.

306. *Шауб И. Ю.* Пантикапейский Эрот — Геракл.— КСИА, 1981, вып. 168, с. 41—42.

307. *Яковенко Э. В.* Об этнокультурной принадлежности населения хоры Боспора европейского, *в № 261*, с. 248—259.

См. также № 133, 134, 147, 258.

ХЕРСОНЕС И СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ

308. *Белов Г. Д.* Некрополь Херсонеса классической эпохи.— СА, 1981, № 3, с. 163—180. [Рез. на англ. яз.]

309. *Гайнанов В. Г., Калита М. А., Лянунова Е. М., Буравцев А. А.* Результаты сейсмических исследований на территории Херсонесского некрополя.— Регион. геология некоторых р-нов СССР, 1981, вып. 5, с. 107—111.

310. *Глазунов В. В., Гоц И. А., Кроль Б. И., Самбуев Б. С.* Методика поиска склепов Херсонесского некрополя с помощью сейсморазведки.— Регион. геология некоторых р-нов СССР, 1981, вып. 5, с. 93—99.

311. *Голенцов А. С.* К вопросу о существовании догреческого поселения на территории Керкинитиды, *в № 261*, с. 227—232.

312. *Драчук В. С., Кутайсов В. А.* Исследование Евпаторийского городища, *в № 260*, с. 246.

313. *Жеребцов Е. Н.* Некоторые результаты сравнительного изучения клеров Гераклейского полуострова.— КСИА, 1981, вып. 168, с. 17—26.

314. *Зедгенидзе А. А., Савеля О. Я.* Некрополь Херсонеса V—IV вв. до н. э.— КСИА, 1981, вып. 168, с. 3—9.

315. *Зедгенидзе А. А., Савеля О. Я.* Некрополь Херсонеса V—IV вв. до н. э. как источник изучения этнического и социального состава населения города, *в № 261*, с. 191—204.

316. *Золотарев М. И.* Керамические клейма из раскопок в портовом районе Херсонеса, *в № 3*, с. 106—119.

317. *Золотарев М. И.* Кубок с посвящением Зевсу Димеранскому из округи Херсонеса.— КСИА, 1981, вып. 168, с. 56—58.

318. *Зубар В. М., Магомедов Б. В.* Нові дослідження середньовічних поховань Херсонеса.— Археологія, 1981, № 36, с. 74—77. [Рез. на русск. яз.]

319. *Кадеев В. И.* Некоторые вопросы истории земледелия античного Херсонеса.— Вестник Харьков. ун-та, 1981, № 214, сер.: история СССР и зарубежных стран, с. 90—95.

320. *Кадеев В. И.* Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков: Вища школа, 1981, 143 с., илл.

321. *Кругликова И. Т.* Земельные наделы херсонеситов на Гераклейском полуострове.— КСИА, 1981, вып. 168, с. 9—16.

322. *Кругликова И. Т.* Усадьба 9 у Камышовой бухты, *в № 260*, с. 267—269. Усадьба расположена на Гераклейском полуострове. Возникла в конце IV — начале III в. до н. э.

323. *Латышева В. А.* Раскопки поселения Маслины, *в № 260*, с. 272—273.

324. *Михлин Б. Ю.* Раскопки некрополя Керкинитиды в 1975 г.— СА, 1981, № 3, с. 181—192. [Рез. на англ. яз.]

325. *Монахов С. Ю.* О штампах для клеймения херсонесских амфор.— СА, 1981, № 2, с. 265—271.

Эллинистический Херсонес.

326. *Николаенко Г. М.* Весовые системы эллинистического Херсонеса.— В сб.: Античные традиции и византийские реалии. Сер.: античная древность и средние века, вып. 17. Свердловск, 1980, с. 86—93.

327. *Николаенко Г. М.* Исследования на Гераклейском полуострове, *в № 260*, с. 290—291.

328. *Николаенко Г. М., Янушевич З. В.* Культурные растения из раскопок сельской округи Херсонеса.— КСИА, 1981, вып. 168, с. 26—34.

329. *Новицкая Н. И.* К вопросу о народном собрании Херсонеса Таврического, *в № 259*, с. 139—149.

330. *Новицкая Н. И.* Русская и советская историография о государственном строе Херсонеса Таврического. М., МГПИ им. В. И. Ленина, 1981, 29 с. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 8883 от 22.12.81.

331. *Новицкая Н. И.* Стратеги и архонты Херсонеса Таврического как высшие должностные лица херсонесской администрации. М., МГПИ им. В. И. Ленина, 1981, 16 с., табл. Рукопись деп. в ИНИОН АН СССР № 8884 от 22.12.81.

332. *Ольховский В. С.* Раскопки курганов в Северо-Западном Крыму, *в № 260*, с. 293—294.

333. *Романчук А. И.* Некоторые итоги научной работы Крымской экспедиции.— В сб.: Античные традиции и византийские реалии, сер.: Античная древность и средние века, вып. 17, Свердловск, 1980, с. 71—85.

Материалы из Херсонеса.

334. *Сапрыкин С. Ю.* Черепицы с клеймами римского легиона из усадьбы хоры Херсонеса.— КСИА, 1981, вып. 168, с. 58—62.

335. *Сорочан С. Б.* О внутренней торговле Херсонеса в I в. до н. э.— V в. н. э.— Вестник Харьков. ун-та, 1981, № 214, сер.: история СССР и зарубежных стран, с. 95—101.

336. *Сапрыкин С. Ю.* Предпосылки основания Херсонеса Таврического, *в № 3*, с. 35—49.

337. *Сорочан С. Б.* Торговля Херсонеса Таврического в I в. до н. э.— V в. н. э.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., МГУ, 1981, 16 с.

338. *Сорочан С. Б.* Экономические связи Херсонеса со скифо-сарматским населением Крыма в I в. до н. э. — V в. н. э., *в № 259*, с. 26—37.

339. *Федоров Б. Н.* Объемно-пространственная композиция северо-восточной площади Херсонеса Таврического и ее реконструкция (По материалам раскопок).— В сб.: Проблемы развития зарубежного искусства, Л., 1980, вып. 10, с. 7—12.

340. *Федоров Б. Н.* Помещение с мозаикой (К вопросу о реконструкции эллинистического жилого дома в Херсонесе).— В сб.: Проблемы развития зарубежного искусства, Л., 1981, вып. 11, с. 12—16.

341. *Федоров Б. Н.* Пьедесталы надгробий с узкими высокими стелами (Херсонес, IV—III вв. до н. э.).— СА, 1981, № 4, с. 30—45. [Рез. на англ. яз.]

342. *Щеглов А. Н.* Тарханкутская экспедиция, *в № 260*, с. 326—327.

343. *Щербакова В. С.* Изображение Ники на античных печатях из Херсонеса.— КСИА, 1981, вып. 168, с. 63—67.

344. *Щербакова В. С.* Коллекция гемм из некрополя в окрестностях Херсонеса.— В сб.: Античные традиции и византийские реалии, сер.: античная древность и средние века, вып. 17, Свердловск, 1980, с. 94—103.

345. *Яценко И. В.* Исследования в окрестностях Евпатории, *в № 260*, с. 328—329.

См. также № 132, 138, 142, 258.

ОЛЬВИЯ И ЕЕ РАЙОН

346. *Виноградов Ю. Г.* Варвары в просопографии Ольвии VI—V вв. до н. э., *в № 261*, с. 131—148.

347. *Денисова В. И.* Ольвийская экспедиция, *в № 260*, с. 243—244.

348. *Доманский Я. В.* Ольвия и варвары в V в. до н. э., *в № 261*, с. 157—163.

349. *Карышковский П. О.* Новые находки архаических золотых монет в Ольвии, *в № 262*, с. 95—97.

350. *Копейкина Л. В.* Особенности развития поселения на о. Березань в архаический период (По результатам раскопок на северо-западном участке).— СА, 1984, № 1, с. 192—208. [Рез. на англ. яз.]

351. *Копейкина Л. В.* Результаты работ Березанской экспедиции, *в № 260*, с. 263—264.
Конец VI — начало V в. до н. э.

352. *Копейкина Л. В.* Элементы местного характера в культуре Березанского поселения архаического периода, *в № 261*, с. 163—190.

353. *Кунина Н.* Стеклянный сосуд галльского мастера из Ольвии.— Сообщ. Гос. Эрмитажа, 1981, 46, с. 44—46. [Рез. на англ. яз., с. 61].

354. *Лейпунская Н. А.* Керамическая тара из Ольвии (Из опыта изучения амфор VI—IV вв. до н. э.). АН УССР. Киев: Наукова думка, 1981, 119, с., илл.

355. *Лейпунская Н. А.* О производстве амфор в Ольвии греческой эпохи.— В кн.: Использование методов естественных наук в археологии. Киев, 1981, с. 69—77.

356. *Лейпунская Н. А.* Раскопки Западных ворот Ольвии, *в № 260*, с. 274.

357. *Лейпунская Н. А.* Экономические основы взаимоотношений Ольвии с местными племенами Северного Причерноморья, *в № 261*, с. 148—157.

358. *Марченко К. К.* Работы Нижнебугской античной экспедиции, *в № 260*, с. 279—280.

359. *Марченко К. К., Доманский Я. В.* Античное поселение Старая Богдановка 2.— Археол. сб. Гос. Эрмитажа, 1981, вып. 22, с. 62—74. [Рез. на англ. яз., с. 124]

360. *Ольговський С. Я.* Спектральний аналіз мідних та бронзових виробів з Ягорлицького поселення.— Археологія, 1981, 36, с. 37—41. [Рез. на русск. яз.]

361. *Островерхов А. С.* К вопросу о сырьевой базе античных ремесленных центров Днепровско-Бугского лимана, *в № 269*, с. 107—114.
2. *Островерхов А. С.* Обробка кольорових металів на античних поселеннях.— Археологія, 1981, 36, с. 26—37. [Рез. на русск. яз.]
Ягорлыцкое поселение.

363. *Островерхов А. С.* Ольвия и торговые пути Скифии, *в № 262*, с. 84—94.

364. *Рубан В. В.* Археологический комплекс из поселения Чертоватое II на Бугском лимане, *в № 269*. с. 63—73.

365. *Смирнов К. Ф.* Ольвийский декрет в честь Протогена и сарматы, *в № 259*, с. 3—26.

См. также № 137, 258, 268.

ПРОЧИЕ ОБЛАСТИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

366. *Блаватская Т. В.* Надгробие и алтарь из с. Беленького.— КСИА, 1981, вып. 168, с. 50—56.

367. *Диамант Э. И.* Раскопки античных памятников в районе Одессы, *в № 260*, с. 244.
III в. до н. э.

368. *Клейман И. Б.* Исследования Тиры и средневековых напластований городища, *в № 260*, с. 254—255.
Имеется материал раннеэллинистического, возможно, и позднеклассического периодов.

369. *Клейман И. Б.* Северо-Западный участок внутренних оборонительных стен в Тире, *в № 269*, с. 73—84.

370. *Охотников С. Б.* Из истории торговых связей архаических поселений Нижнего Поднестровья, *в № 269*, с. 42—51.

371. *Охотников С. Б.* Раскопки на Днестровском лимане, в *№ 260*, с. 295—296.

372. *Сымонович Э. А.* Находки античного времени из с. Беленького Белгород-Днестровского района.— КСИА, 1981, вып. 168, с. 48—50.

См. также № 133, 144, 153.

ПЛЕМЕННОЙ МИР

373. *Абаев В. И.* Геродотовские Skythai georgoi.— ВЯ, 1981, № 2, с. 74—76. Толкование этнонима.

374. *Барцева Т. Б.* Цветная металлообработка скифского времени. Лесостепное Днепровское левобережье. Ин-т археологии АН СССР. М.: Наука, 1981, 126 с., илл.

375. *Бессонова С. С.* Скифский могильник в Восточном Крыму, *в № 260*, с. 231—232.

376. *Болтрик Ю. В.* Исследование кургана Огуз, *в № 260*, с. 233—234.

377. *Брашинский И. Б.* Греки и варвары на Нижнем Дону и в Северо-Восточном Приазовье в VI — IV вв. до н. э. (К проблеме греко-варварских взаимоотношений), *в № 261*, с. 84—92.

378. *Брашинский И. Б.* Южнодонская экспедиция, *в № 260*, с. 97—98.

379. *Бунатян Е. П.* Рядовое население степной Скифии IV—III вв. до н. э. (Опыт формализ.-стат. анализа социальной структуры по данным могильников): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Киев, Ин-т археологии АН УССР, 1981, 24 с.

380. *Гаврилюк Н. А.* Керамика степной Скифии: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Киев, Ин-т археологии АН УССР, 1981, 19 с.

381. *Галанина Л. К., Доманский Я. В., Смирнова Г. И.* Скифы. Путеводитель по выставке. Отдел истории пер-

вобыт. культуры. Гос. Эрмитаж. Л.: Искусство, 1981, 142 с., илл.

382. *Грантовский Э. А.* О некоторых материалах по общественному строю скифов: «родственники» и «друзья», *в № 449*, с. 59—79. [Рез. на англ. яз., с. 179—180].

383. *Дашевская О. Д.* Исследования Донузлавской экспедиции, *в № 260*, с. 242—243.

384. *Дашевская О. Д.* О скифах Северо-Запада Крыма в период греческой колонизации, *в № 261*, с. 218—227.

385. *Дворниченко В. В., Федоров-Давыдов Г. А.* Серебряные фалары из Сарматского погребения могильника Кривая Лука IX в Астраханской области.— КСИА, 1981, вып. 168, с. 100—105.
Погребение датируется II в. до н. э.— I в. н. э.

386. *Двиговский А. Н.* Сарматские памятники II—III вв. в низовьях Днестра, *в № 262*, с. 116—125.

387. Древности Среднего Поднестровья. Сб. научных трудов. Киев: Наукова думка, 1981, 160 с.

388. *Дударев С. Л., Махортых С. В.* К толкованию иконографии некоторых античных изображений киммерийцев, *в № 259*, с. 37—48.

389. *Зубарь В. М.* Работы Широкобалковой экспедиции, *в № 260*, с. 250—251.

390. *Кантемиров Э. С.* Погребение сарматского воина II—I вв. до н. э. у селения Куртат СО АССР, *в № 259*, с. 64—69.

391. *Клочко В. И.* Скифские колчанные наборы из курганов под Борисполем, *в № 387*, с. 48—52.
IV в. до н. э.

392. *Ковалева И. Ф.* Работы экспедиции Днепропетровского университета, *в № 260*, с. 257.

393. *Ковалева И. Ф., Мухопад С. Е.* Скифские памятники Орельско-Самарского междуречья.— В сб.: Курганные древности степного Поднепровья (III—I тыс. до н. э.). Днепропетровск, 1979, вып. 3, с. 111—117.

394. *Ковпаненко Г. Т.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Ин-т археологии АН УССР. Киев: Наукова думка, 1981, 160 с., илл.

395. *Колотухин В. А.* Раскопки могильника на плато Капакташ, *в № 260*, с. 260—261.

396. *Костенко В. И.* Комплекс с фалярами из сарматского погребения у с. Булаховка.— В сб.: Курганные древности Степного Поднепровья (III—I тыс. до н. э.), Днепропетровск, 1978, вып. 2, с. 78—81.

397. *Костенко В. И.* Сарматы в междуречье Орели и Самары.— В сб.: Курганные древности степного Поднепровья (III—I тыс. до н. э.), Днепропетровск, 1979, вып. 3, с. 124—130.

398. *Костенко В. И.* Сарматские памятники в материалах археологической экспедиции ДГУ.— В сб.: Курганные древности Степного Поднепровья (III—I тыс. до н. э.), Днепропетровск, 1977, вып. 1, с. 114—137, табл.

399. *Костенко В. И.* Сарматские памятники междуречья Дона и Днепра (III в. до н. э.— середина III в. н. э.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Киев, Ин-т археологии АН УССР, 1981, 24 с.

400. *Магометов А. Х.* Овидий и сарматы, *в № 259*, с. 100—131.

401. *Махнева О. А.* Раскопки на пригородной территории Неаполя скифского, *в № 260*, с. 281.

402. *Мелюкова А. И., Смирнова Г. И.* Всесоюзный симпозиум «Вопросы происхождения и хронологии скифской культуры».— СА, 1981, № 1, с. 329—332. Ленинград, 19—22 февр. 1979 г.

403. *Мирошина Т. В.* Некоторые типы скифских женских головных уборов (IV—III вв. до н. э.).— СА, 1981, № 4, с. 46—69. [Рез. на англ. яз.]

404. *Мозолевский Б. Н.* Раскопки курганов скифского времени у г. Орджоникидзе, *в № 260*, с. 284—285.

405. *Моруженко А. А.* Исследования в бассейне Ворсклы, *в № 260*, с. 287—288.

406. *Ольховский В. С.* Население Крыма по данным античных авторов.— СА, 1981, № 3, с. 52—65. [Рез. на англ. яз.]

407. *Отрешко В. М.* Каллипиды, алазоны и поселения Нижнего Побужья.— СА, 1981, № 1, с. 27—41. [Рез. на англ. яз.]

408. *Переводчикова Е. В., Раевский Д. С.* Еще раз о назначении скифских наверший, *в № 534*, с. 42—52. [Рез. на англ. яз., с. 152]

409. *Петренко В. А.* Состояние изученности этнического населения Среднего Притеречья в сарматскую эпоху (III в. до н. э.— IV в. н. э.).— В кн.: Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона, Грозный, 1980, вып. 2, с. 187—190.

410. *Погорелый В. Н.* Скифские курганы у с. Мирное под Борисполем, *в № 387*, с. 39—48.

411. *Симоненко А. В.* Сарматы в Среднем Поднепровье, *в № 387*, с. 52—69.
III — I вв. до н. э.

412. *Скорий С. А.*, Скіфські довгі мечі. — Археологія, 1981, 36, с. 19—26. [Рез. на русск. яз.]

413. *Скржинська М. В.* З історії Скіфії VI—V ст. до н. э.— Укр. іст. журн., 1981, № 8, с. 99—106.

414. *Скурлатова О.* У колыбели великой Скифии.— Техника — молодежи, 1981, № 5, с. 54—55.

415. *Смирнова Г. И.* Новые данные о поселении у с. Долиняны (По материалам раскопок 1977—1978 гг.).— В кн.: Археологический сб. Гос. Эрмитажа. Л.: Искусство, 1981, вып. 22, с. 40—61. Последние раскопки с. Долиняны дали новый материал для изучения скифской культуры Среднего Поднестровья.

416. *Субботин Л. В., Охотников С. Б.* Скифские погребения Нижнего Поднестровья, *в № 262*. с. 102—116.

417. *Трубачев О. Н.* О синдах и их языке.— ВЯ, 1976, № 4, с. 55.
418. *Черненко Е. В.* Скифские лучники. Ин-т археологии АН УССР. Киев: Наукова думка, 1981, 167 с.
419. *Шелов Д. Б.* Синды и Синдика в эпоху греческой колонизации, *в № 261*, с. 232—247.
420. *Шишова И. А.* О достоверности географических сведений в скифском рассказе Геродота.— В кн.: Летописи и хроника. 1980. М., 1981, с. 14—26.
421. *Шрамко Б. А.* Раскопки на Восточном укреплении города Гелона, *в № 260*, с. 324.
422. *Щеглов А. Н.* Тавры и греческие колонии в Таврике, *в № 261*, с. 204—218.

См. также № 60, 203, 258, 264, 266а, 272, 302, 311, 338, 357, 362, 363, 365, 443, 473, 486, 487.

КАВКАЗ И ЗАКАВКАЗЬЕ *

423. *Абрамова М. П.* Буйнакский курган, *в № 447*, с. 115—143.
Датировка погребального инвентаря (конец II в. н. э.— начало VI в. н. э.).
424. *Алиев А. А.* Сравнительный анализ археологических находок с письменными источниками об оружии албанов (IV в. до н. э.— III в. н. э.).— Изв. АН АзССР, сер.: история, философия и право. Баку, 1981, № 1, с. 66—70. [На азерб. яз. Рез. на русск. яз.]
425. *Апакидзе А. М.* Великая Мцхета, *в № 260*, с. 396.
426. *Апакидзе А., Николайшвили В., Манджаладзе Г., Гиунашвили Г., Дзнеладзе М., Сихарулидзе А., Садрадзе В., Давлианидзе Р., Гавашелишвили Э., Иремашвили Ш., Мелитаури К.* Мцхета, *в № 488*, с. 101—111.
427. *Аракелян Б.* Об античном этапе развития искусства в Армении, *в № 476*, с. 45—56. [На арм. яз.]
428. *Аревшатян С. С.* Давид непобедимый и философская мысль древней Армении.— ИФЖ, 1980, № 1, с. 21—39. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.]
429. Арташат, II. Археологические раскопки в Армении. *Хачатрян Ж. Д.* Античные некрополи (раскопки 1971—1977 гг.). Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1981, № 17, 200 с., илл. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.]
430. *Бабаев И. А., Ахмедов Г. М.* Кабала (Историко-археологический очерк). Баку: Елм, 1981, 68 с., илл. [На азерб. яз. Рез. на русск. яз.]
431. *Блэк В.* Своеобразие реализма древнеармянской пластики II—I тысячелетий до н. э., *в № 476*, с. 124—131.
432. *Болтунова А. И.* К вопросу о социально-политической организации колхов, *в № 261*, с. 315—329.
433. *Боузек Я.* Кавказ, Греция и гальштатская Европа в VIII—VII вв. до н. э., *в № 261*, с. 68—75.
434. *Бохочадзе А. В.* Археологические раскопки в Агаяни и Дзалиси. Ин-т истории, археологии и этнографии АН ГССР. Тбилиси: Мецниереба, 1981. [На груз. яз.]. I. Труды археологической экспедиции Настакиси. Тбилиси, 1981, 105 с., илл. [Рез. на русск. яз.]
435. *Бохочадзе А. В.* Настакисская экспедиция, *в № 260*, с. 397—398.
436. *Бохочадзе А., Мирианашвили Н., Нариманишвили Г.* Настакисская археологическая экспедиция Мцхетского района, *в № 488*, с. 143—159.
437. Вани. Археологические раскопки АН ГССР. Археологическая комиссия Грузии. Центр археол. исслед. Ин-та истории, археологии и этнографии АН ГССР. Тбилиси: Мецниереба, 1981, т. 5, 110 с., илл. [На груз. яз. Рез. на русск. и англ. яз.]
438. *Воронов Ю. Н.* Местное население Северо-Западной Колхиды в VIII—V вв. до н. э., *в № 261*, с. 334—341.
439. *Гаглойти Р.* Некоторые итоги раскопок Монастерского могильника, *в № 488*, с. 159—170.
440. *Гагошидзе Ю. М.* Из истории грузино-иранских взаимоотношений. Храм II — I вв. до н. э. Дедоплис Миндори, *в № 449*, с. 102—115. [Рез. на англ. яз., с. 180]
441. *Гагошидзе Ю. М.* Самадло. Каталог археологического материала. АН ГССР. Гос. музей Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1981, 57 с., илл.
442. *Гагуа И. П.* Овидий Назон и древняя Колхида: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Тбилиси, Тбил. Гос. ун-т, 1981, 25 с.
443. *Гмыря Л. Б.* Некоторые сведения о гуннах в Дагестане, *в № 447*, с. 153—169.
444. *Гусейнов М. М., Исмаилов Г. С., Кулиев Н. М.* Археологические памятники Азербайджана. Учеб. пособие. Баку, 1981, 72 с., илл. [На азерб. яз.]
445. *Давудов О. М.* О генезисе некоторых форм мечей и кинжалов на Кавказе, *в № 447*, с. 62—77.
446. *Демирханян А. С.* Эллинистическое поселение на территории г. Еревана, *в № 260*, с. 425.
447. Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Тематический сборник. Махачкала, 1980, 239 с., илл.
448. *Зумбадзе Д.* Из вопросов истории философии.— Цискари, 1981, № 7, с. 145—152. [На груз. яз.]
Два доклада: «К этическому осмыслению ирреального в свете философии Платона» и «Гелатская академия и конец греческой философии (Один вопрос философии Прокла, разъясненный Иоанном Петрицани)».
449. Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (История и культура). М.: Наука, 1981, 181 с.
450. *Каландадзе А. Н.* Самтавро-археологические памятники доантичной эпохи.— В кн.: Мцхета. Итоги археол. исслед., т. 5, Тбилиси, 1981, с. 5—118. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]

* См. также раздел III.

451. *Каменецкий И. С.* Могильник Лебеди III, *в № 260*, с. 103.

452. *Карагезян О. О.* Фракийцы на юго-западе Армянского нагорья.— ИФЖ, 1981, № 1, с. 216—233. [На русск. яз. Рез. на арм. яз.]

453. *Кахидзе А. Ю.* Археологические раскопки могильника Пичвнари эллинистического времени в 1965 г.— Памятники Юго-Западной Грузии. Тбилиси, 1981, т. 10, с. 37—57. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]

454. *Кахидзе А. Ю.* Восточное Причерноморье в античную эпоху = The Black sea eastern coast in the antique age (Колхские могильники). Батуми: Сабчота Аджара, 1981, 78 с. [Рез. на англ. яз.]

455. *Кахидзе А. Ю.* Восточное Причерноморье в античную эпоху (VI — I вв. до н. э.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. ист. наук. Тбилиси, Ин-т истории, археологии и этнографии АН ГССР, 1981, 51 с.

456. *Кахидзе А. Ю., Давитадзе Ю. А., Мамуладзе Ш. Х.* Древнейшие памятники колхидской культуры Схалтисцкальского ущелья.— Сообщ. АН ГССР, Тбилиси, 1981, т. 101, № 3, с. 737—740. [На груз. яз. Рез. на русск. и англ. яз.]

457. *Квирквелия Г. Т.* Материальная культура Северо-Западной Колхиды в VIII — V вв. до н. э.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Тбилиси, Ин-т истории, археологии и этнографии АН ГССР, 1981, 26 с.

458. *Квирквелия Г.* Очамчира и его окружение в VIII — V вв. до н. э., *в № 261*, с. 341—394.

459. *Кекелиа Д. И.* О географическом аспекте локализации Фазиса.— Сообщ. АН ГССР, Тбилиси, 1981, т. 102, с. 505—508. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]

460. *Котович В. Г.* О процессе урбанизации в древнем Дагестане, *в № 447*, с. 78—93.

461. *Кошеленко Г., Акопян А.* Градостроительство Армении и градостроительство Парфии, *в № 476*, с. 251—257.

462. *Кошкарлы К.* Античная и раннесредневековая торевтика из Азербайджана: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Тбилиси, Ин-т истории, археологии и этнографии АН ГССР, 1981, 20 с.

463. *Кушнарева К. Х.* Ритуальный кубок из святилища древнего Двина, *в № 16*, с. 63—66.

464. *Личели В. Т.* К изучению материальной культуры внутренней Колхиды III — II вв. до н. э.— Изв. АН ГССР, сер.: история, археология, этнография и история искусства, Тбилиси, 1981, № 2, с. 45—51. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]

465. *Личели В. Т.* Материальная культура внутренней Колхиды III — II вв. до н. э.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Тбилиси, Ин-т истории, археологии и этнографии АН ГССР, 1981, 25 с.

465а. *Ломоури Н. Ю.* Грузино-римские взаимоотношения. Ч. I. Политические взаимоотношения. Тбилиси, Изд-во Тбил. ун-та, 1981, 327 с. [Рез. на англ. яз.]
I в. до н. э.— IV в. н. э.

466. *Лордкипанидзе Г.* Результаты исследования XXII раскопа Пицундского городища (Предварительные сообщения), *в № 488*, с. 119—124.

467. *Лордкипанидзе М. Н.* Древнейшие перстни-печати Иберии и Колхиды (V—I вв. до н. э.). Археологическая комиссия Грузии. Центр. археол. исслед. Ин-та истории, археологии и этнографии АН ГССР. Тбилиси: Мецниереба, 1981, 144 с., илл. [На груз. яз. Рез. на русск. и франц. яз.]

468. *Лордкипанидзе О. Д.* «Колхида златообильная» (Миф и археология), *в № 16*, с. 59—62.

469. *Лордкипанидзе О. Д.* Работы Ванской экспедиции, *в № 260*, с. 403—404.

470. *Лордкипанидзе О., Матиашвили Н., Путуридзе Р., Чкониа А., Пирцхалава М., Толордава В., Качарава Д., Кипиани Г., Личели В.* Ванская археологическая экспедиция, *в № 488*, с. 111—119.

471. *Лордкипанидзе О. Д., Микеладзе Т. К.* О демографической ситуации в Восточном Причерноморье (Колхида) в период Великой греческой колонизации, *в № 261*, с. 292—314.

472. *Луконин В. Г., Цоцелия М. В.* Серебряный килик из с. Саргвеши.— Изв. АН ГССР, сер.: история, археология, этнография и история искусства, 1981, № 4, с. 51—62.

473. *Магометов А. Х.* Академик Янош Харматта — выдающийся исследователь истории, культуры и языка предков осетинского народа, *в № 259*, с. 81—94.
Я. Харматта исследует проблемы в области сармато-аланской истории и культуры.

474. *Манджгаладзе Г. Г.* Работы Самтаврского отряда, *в № 260*, с. 406.

475. *Мачабели К.* Памятники торевтики и вопросы культурных взаимосвязей в дохристианскую эпоху (Армения, Грузия), *в № 476*, с. 266—272.

476. Международный симпозиум по армянскому искусству (второй). Ереван, 1978. Сб. докладов. Т. I. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1981, 296 с., илл.

477. *Мелконян Г. Г.* Государство Адиабена и Армения: Автореф. дис. на соискание уч. степ. докт. ист. наук. Ин-т истории АН АрмССР. Ереван, 1981, 36 с.

478. *Менабде М. В., Кигурадзе Т. В.* Археологические памятники с. Сиони. Тбилиси: Мецниереба, 1981, 123 с., илл. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]

479. *Микеладзе Т., Мусхелишвили Д., Хахутайшвили Д.* Колхидская археологическая экспедиция, *в № 488*, с. 43—49.

480. *Мнацаканян А.* Армянские наместники Армении в период владычества

урартов и ассирийцев по Мовсесу Хоренаци (К вопросу об автохтонности армян).— Вестник обществ. наук, 1981, № 2, с. 74—87.

481. Мцхета — полевые археологические исследования 1977 года/*Апакидзе А., Абдушелишвили М., Николайшвили В. и др.*— В кн.: Мцхета. Итоги археол. исслед., т. 5, Тбилиси, 1981, с. 118—152. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]

482. Мцхета — полевые археологические исследования 1978 г.— В кн.: Мцхета. Итоги археол. исслед., т. 5, Тбилиси, 1981, с. 153—169. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]

483. Нокалакеви — Археополис. Археологические раскопки, 1973—1977. Гос. Музей Грузии. Археологическая комиссия Грузии АН ГССР. Т. I. Тбилиси: Мецниереба, 1981, 258 с., илл. [Текст на русск. и груз. яз.]
Содержание: *Ломоури Н. Ю.* Нокалакеви — Археополис — Цихегоджи (ист. очерк), с. 18—47; *Ломоури Н. Ю.* История изучения Нокалакеви, с. 48—76; *Закарая П. П.* Общий отчет о работах, проведенных в Нокалакеви в 1973—1977 г., с. 77—119; *Леквинадзе В. А., Хведелидзе Л. И.* Массовые археологические находки из раскопок Археополиса, с. 120—149; *Гвинчидзе Г. О.* Погребальные памятники Нокалакеви, с. 150—183; *Яшвили М. Д., Замтарадзе М. А.* Дворец эгрисских царей, с. 184—196; *Абдушелишвили М. Г., Цициа Н. И.* Антропологические материалы эллинистического времени из Нокалакеви, с. 200—219; *Капанадзе Т. В.* Ноджихевский тетраконх, с. 220—226.

484. *Нуриев А.* Стеклянные изделия и их производство в Кавказской Албании. Баку: Елм, 1981, 154 с., илл. [На азерб. яз.]

485. *Пичикян И.* Традиции Востока в древнеармянской архитектуре, *в № 476*, с. 258—265.

486. *Погребова М. Н.* Памятники скифской культуры в Закавказье, *в № 449*, с. 42—58. [Рез. на англ. яз., с. 179]

487. *Погребова М., Есаян С.* Скифские мечи и кинжалы, обнаруженные в Закавказье.— Вестник обществ. наук. АН АрмССР, 1981, № 9, с. 85—96. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.]

488. Полевые археологические исследования в 1978 году (Краткие сообщения). Тбилиси: Мецниереба, 1981, 207 с., табл., илл.

489. *Рамишвили Р. М.* Работы Жинвальской экспедиции, *в № 260*, с. 408—409.

490. *Рамишвили Р., Джорбенадзе В., Гогелия Д., Глонти М., Чихладзе В., Робакидзе Ц., Маргвелашвили М., Мухигулашвили Н., Рчеулишвили Г., Циклаури Д., Ломидзе Ц., Каландадзе З., Циклаури И., Церетели К.* Археологические исследования в Арагвском ущелье, *в № 488*, с. 129—142.

491. *Саинян А.* Теория Витрувия о строении храмов и античный храм в Гарни, *в № 476*, с. 226—234.

492. *Саркисян Г. Х.* О провинциях и провинциальных канцеляриях древней Армении, *в № 16*, с. 98—102.

493. *Тер-Мартиросов Ф.* Значение терракотовых статуэток в изучении культов античной Армении и развития народного искусства, *в № 476*, с. 273—296.

494. *Тер-Мартиросов Ф. И.* Раскопки античного Ширакавана, *в № 260*, с. 427.

495. *Техов Б.* Раскопки Стырфазского и Тлийского могильников, *в № 488*, с. 70—81.

496. *Тирацян Г. А.* Территория Ерандидской Армении (конец VI — конец III в. до н. э.).— ИФЖ, 1981, № 2, с. 68—84. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.]

497. *Тирацян Г.* Урарту и Армения (К вопросу о преемственности материальной культуры), *в № 476*, с. 181—191.

498. *Хахутайшвили Д. А.* Производственный очаг Колхидско-Халибского горно-металлургического центра в ущелье Супса-Губазеули (Итоги археологических изысканий 1974—1975 гг.). Памятники Юго-Западной Грузии. Тбилиси, 1981, т. 10, с. 3—37. [На груз. яз. Рез. на русск. яз.]

499. *Хахутайшвили Д. А.* Юго-Западная Грузия в VIII—VI вв. до н. э., *в № 261*, с. 329—333.

500. *Хачатрян Ж.* Художественные изделия из серебра эллинистического времени, *в № 476*, с. 235—243.

501. *Хоренаци Мовсес.* История Армении. (Б-ка студента). Ереван: Изд-во Ереван. Гос. ун-та, 1981, 426 с. [На арм. яз.]

502. *Чартолани Ш.* Отчет о работе Сванетской археологической экспедиции, *в № 488*, с. 124—129.

503. *Шамба Г. К.* Очерки по археологии Абхазии. Сухуми: Алашара, 1981, 166 с., илл. [На абхаз. яз.]

См. также № 139, 140, 141, 145, 148, 218, 258, 274, 294, 390, 409, 538.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ *

504. *Абдуллаев А.* Вероятные святилища на Тамошотепа.— В кн.: Материалы по истории и истории культуры Таджикистана. Душанбе, 1981, с. 19—29.

505. *А. М. В.* Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана». Самарканд, 23—25 августа 1979 г.— В кн.: Советское искусствознание. М., 1981, вып. 1, с. 345—347.
Проблема датировки памятников культуры Средней Азии и Казахстана античной эпохи.

---

* Работы по истории Средней Азии в настоящий указатель включены выборочно. См. также раздел III.

506. *Аскаров А. А., Мухамеджанов А. Р.* Археология в Узбекистане. Новейшие открытия.— Общественные науки в Узбекистане, Ташкент, 1981, № 2, с. 42—49.

507. *Губаев А. Г.* Переход от рабовладельческого способа производства к феодальному.— В кн.: Вопросы теории археологии и древней истории (Методология, методика и критика буржуазной науки).— В кн.: Ашхабад: Ылым, 1981, с. 43—52.

508. *Даниелян Э. Л.* Парфия по Птолемею.— ИФЖ, 1981, № 2, с. 254—262. [На арм. яз. Рез. на русск. яз.]

509. *Денисов Е. П.* Терракотовая плитка из Курган-Тюбе.— В кн.: Материалы по истории и истории культуры Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1981, с. 40—46.

510. *Завьялов В. А.* Позднекушанская антропоморфная терракота Зартепе.— КСИА, 1981, вып. 167, с. 65—69.

511. Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. Конференция. (Тезисы докладов). Гос. музей искусства народов Востока. М.: Наука, 1981, 154 с.
Из содержания: *Альбаум Л. И.* Фаязтепе, как часть буддийского центра Термеза и его истории, с. 9—10; *Антонова Е. В., Раевский Д. С.* О трактовке изображений на серебряных сосудах из Майкопского кургана, с. 10—11; *Анфимов Н. В.* Экспансия Боспора в Западном Прикубанье (К вопросу о меото-боспорских отношениях), с. 12—13; *Аптекарев А. З.* Античный керамический импорт IV—III вв. до н. э. из Среднего Прикубанья, с. 13—14; *Бохочадзе А. В., Мирианашвили Н. Г.* Античное городище Дзалиса, с. 23—24; *Брашинский И. Б.* Об одном феномене предкавказского импорта IV в. до н. э., с. 24—26; *Брентьес Б.* К интерпретации центральной группы фризов с фигурами на пекторали из «Толстой могилы», с. 26—27; *Бурый В. П.* Росписи Кара-тепе и монументальная живопись древней Бактрии (По материалам технико-технологических исследований), с. 27—29; *Губанов А.* Мелкая пластика древнего Мерва, с. 44—45; *Даниелян Э. Л.* Некоторые космографические положения античной науки в трудах Анании Ширакаци и Абу-р-Райхан ал-Бируни, с. 47—48; *Десятчиков Ю. М.* Митридат Боспорский и Зорсин Сиракский, с. 49; *Еремян С. Т.* Реконструкция карты Средней Азии по «Ашхарацуйцу» (Армянской географии VII в.), с. 51—52; *Заднепровский Ю. А.* Культурные взаимосвязи населения Средней Азии и, в частности Ферганы, с Индией в древности, с. 57—58; *Кошеленко Г. А., Губаев А. Г.* Чильбурдж. Новые исследования, с. 70—71; *Кругликова И. Т., Лившиц В. А.* Буллы из Джига-тепе (Северный Афганистан), с. 71—72; *Лелеков Л. А.* Буддийский пещерный комплекс Кара-тепе на перекрестке мировых культур. К историографии бактрийского культурного и религиозного синкретизма, с. 85—86; *Лундин А. Г.* К датировке «Перипла Эритрейского моря», с. 95—96; *Маммаев М. М.* О культурных контактах древнего населения Дагестана со скифо-савроматским миром в середине I тыс. до н. э., с. 100—101; *Мешкерис В. А.* Самобытные и чужеземные черты в терракотах кушанской Бактрии, с. 111—112; *Пичикян И. Р.* Шедевры искусства храма Окса как источник информации о внешних культурных контактах Бактрии, с. 124—126; *Пугаченкова Г. А.* Храм огня на Курган-тепе, с. 129—130; *Расулова М. М.* Данные нумизматики о связях Кавказской Албании с Парфией (II—I вв. до н. э.), с. 133—134; *Ставиский Б. Я.* Основные итоги работ 1961—1981 гг. на Кара-тепе — буддийском культовом центре II—IV вв. н. э. в Термезе (Узбекистан), с. 142—143; *Узянов С. А.* Серебряная статуэтка, найденная на Тахти-Сангине, с. 149—150; *Шамаханская М. С.* Металл Тахти-Сангин, с. 152—153; *Шкода В. Г.* Пенджикентские храмы и кушанское наследие, с. 153—154.

512. *Литвинский Б. А.* Кушанский город. Индийско-среднеазиатские параллели, *в № 16*, с. 118—120.

513. *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Бактрия: новые находки археологов (Беседы с руководителем Южнотадж. археол. экспедиции Б. А. Литвинским и нач. отряда И. Р. Пичикяном. Записал В. Резников).— Азия и Африка сегодня, 1981, № 12, с. 57—58.

514. *Лунина С. Б., Столярова Н. П.* Ранние культурные слои на городище Алтынтепе. Сб. науч. тр. Ташк. гос. ун-т, 1981, № 582, с. 3—13.

515. *Мамбетуллаев М.* Работы Шаватского отряда, *в № 260*, с. 454—455.
Керамический материал Хермеза античного времени — конец V—III в. до н. э.

516. *Массон В. М.* Алтын-Депе. Л.: Наука, 1981, 175 с.
Рец.: *Семенов В.* Беседы об Алтын-Депе.— Ташаузская Правда, 1981, 17 ноября; *Семенов В.* Такая разная Туркмения.— Чарджуйская Правда, 1981, 4 дек.; *Семенов В.* Слово об Алтын-Депе.— Чарджуйская Правда, 1982, 9 апр.

517. *Массон В. М.* Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана (Вопросы периодизации и хронологии).— Общественные науки в Узбекистане, 1981, № 4, с. 30—38. [Рез. на узб. яз.]

518. *Массон В. М.* Кушанская эпоха в древней истории Узбекистана (Вопросы типологии поселений и культурогенеза).— Общественные науки в Узбекистане, 1981, № 6, с. 36—43.

519. *Массон В. М., Кошеленко Г. А.* Исследование кушанского городища Зартепе, *в № 260*, с. 455—456.

520. *Нефедов Н. Ю.* Дворцовые и жилые

комплексы Еркургана, в *№ 260*, с. 457—458.

521. *Обельченко О. В.* Курганы древнего Согда. Ташкент: Узбекистан, 1981, 28 с., илл.

522. *Обельченко О. В.* Методика изучения курганных комплексов.— В кн.: Вопросы теории археологии и древней истории (Методология, методика и критика буржуазиой науки). Ашхабад: Ылым, 1981, с. 80—99.

523. *Пичикян И. Р.* Тахти-Сангин. Открытие культовых закладов, *в № 260*, с. 476—478.
На обкладке ножен найдено изображение Александра Македонского в львином шлеме Геракла.

524. *Пугаченкова Г. А.* К датировке и интерпретации трех предметов «восточного серебра» из коллекции Эрмитажа, *в № 534*, с. 53—63 [Рез. на англ. яз., с. 152]

525. *Пугаченкова Г. А.* Храм бактрийской богини на Дальверзинтепе, *в № 16*, с. 112—117.

526. *Ртвеладзе Э. В.* Ксениппа-Паретака, *в № 449*, с. 95—101. [Рез. на англ. яз., с. 181]

527. *Сабиров К.* Новые материалы к изучению укреплений кушанского времени. Городище Хайрабадтепа. История материальной культуры Узбекистана. Вып. 16. Ташкент: ФАН, 1981, с. 31—35.

528. *Сагдуллаев А. С.* Архитектура древнебактрийских усадеб.— Строительство и архитектура Узбекистана, 1981, № 6, с. 8—11.

529. *Сагдуллаев А. С.* Древние пути на юге Узбекистана.— Общественные науки в Узбекистане, 1981, № 7, с. 33—38.

530. *Сагдуллаев А. С.* Работы на юге Узбекистана, *в № 260*, с. 459—460.
Начаты раскопки древнебактрийской усадьбы Кызылчатепе.

531. *Сарианиди В. И.* Древняя Бактрия: новые аспекты старой проблемы.— В кн.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II] тысячелетие] до н. э.). М., 1981, с. 180—182. [Рез. на англ. яз.]

532. *Сарианиди В. И.* Зеркала древней Бактрии.— СА, 1981, № 1, с. 288—293.

533. *Соловьев В. С.* Два приема в фортификационном зодчестве Средней Азии.— В кн.: Материалы по истории и истории культуры Таджикистана. Душанбе: Дониш, 1981, с. 47—53.

534. Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. История и культура. Сб. ст. М.: Наука, 1981, 183 с., илл. [Резюме на англ. яз.]

535. *Ставиский Б. Я.* Исследование Кара-тепе в Старом Термезе, *в № 260*, с. 460.
Среди находок имеется остракон с остатками бактрийской курсивной надписи.

536. *Ставиский Б. Я.* К двадцатилетию экспедиции на Кара-тепе (Термез).— Общественные науки в Узбекистане, 1981, № 12 с. 38—42.

537. *Ставиский Б. Я.* Новая каменная капитель из Кара-тепе в Старом Термезе, *в № 16*, с. 125—127.

538. *Ставиский Б. Я.* О связях между Средней Азией и Арменией в древности и общих элементах в их искусстве, *в № 476*, с. 209—218.

539. *Сулейманов Р. Х.* Изучение общественно-культовых сооружений городища Еркурган, *в № 260*, с. 460—461.
Среди прочих находок найдена геммаинталья, стилистически гемма близка печатям первых вв. до н. э., найденных в Северном Причерноморье.

540. *Хожаниязов Г.* История развития фортификации античного Хорезма.— СА, 1981, № 2, с. 43—56. [Рез. на англ. яз.]

541. *Членова Н. Л.* Тагарские лошади (О связях племен Южной Сибири и Средней Азии в скифскую эпоху), *в № 449*, с. 80—94. [Рез. на англ. яз., с. 180]
См. также № 135, 143, 146, 461.

Сост. И. Е. Борщ

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«ТРЕТЬИ ЮБИЛЕЙНЫЕ СЕРГЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ» НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА МГУ им. М. В. ЛОМОНОСОВА

28—29 января 1983 г. на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ состоялись «Третьи юбилейные Сергеевские чтения», посвященные 100-летию со дня рождения проф. В. С. Сергеева. Присутствовали почти 150 специалистов из Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Баку, Вологды, Воронежа, Душанбе, Ивано-Франковска, Казани, Калинина, Караганды, Минска, Петрозаводска, Полтавы, Саратова, Свердловска, Тбилиси, Харькова, Черновцов. Участники представляли 19 университетов, 4 педагогических института, учреждения АН СССР: Институт всеобщей истории, Московское и Ленинградское отделения Института археологии, Институт этнографии, Институт мировой литературы, Московское и Ленинградское отделения Института востоковедения. От исторического факультета МГУ с докладом выступали сотрудники кафедр истории древнего мира, древних языков и этнографии. Чтения, на которых присутствовал сын В. С. Сергеева акад. Ю. В. Бромлей, открыли декан исторического факультета чл.-корр. АН СССР Ю. С. Кукушкин и заведующий кафедрой истории древнего мира проф. В. И. Кузищин. Во вступительном слове Ю. С. Кукушкина были подчеркнуты заслуги В. С. Сергеева, участвовавшего в формировании советской школы античников и отдавшего большую часть жизни Московскому университету. В. И. Кузищин выразил благодарность собравшимся и отметил, что постоянное расширение чтений, которые приобрели всесоюзный характер, является большой честью для кафедры истории древнего мира.

На пленарном заседании было заслушано 10 докладов.

В докладе *Э. Д. Фролова* (Ленинград) «Лидеры афинской демократии в V в. до н. э.» было отмечено, что в период формирования афинского полиса воля боровшихся за свои права масс была осуществлена в результате серии реформ (Солона, Писистрата, Клисфена), проведенных аристократами, которые примкнули к народу из тактических соображений. Впоследствии аристократы стремились к лидерству, но, ведя борьбу за власть в условиях демократического строя, были вынуждены заигрывать с демосом, так как могли победить только при его поддержке. Уровень развития общества не позволял афинской демократии подготовить лидеров из своей среды, и поэтому она не могла достичь зрелости без руководства аристократов, но и не могла обойтись без последующего устранения наиболее честолюбивых руководителей, которые являлись скорее политическими, чем социальными вождями демоса. Доклад *С. С. Аверинцева* (Москва) «Двузначность в поэзии Вергилия» был посвящен анализу творчества поэта, в котором одни исследователи видели только официозную пропаганду режима Августа, а другие — скрытую ненависть к этому режиму и римским завоеваниям. Докладчик отметил необоснованность крайних оценок, однако сам факт их появления согласуется с тем, что еще античные критики отмечали «противочувствие» поэта. С точки зрения этой противоречивости, проникающей даже в фонетическую организацию стиха, докладчик проанализировал первую эклогу и «Энеиду». В докладе *У. Э. Эрдниева* (Элиста) «Проблема происхождения древнегреческих этнонимов» были отмечены образование многих из них из тотемов, превращение этнонима завоевателей в имя завоеванных, растворение завоевателей среди покоренного народа и обратные явления. Новая этническая общность могла получать название одного из племен, принадлежавших к ней в период формирования племенных союзов и народностей. Ряд этнонимов восходил к имени родоначальников.

В. Н. Ярхо (Москва) в докладе «Новый папирус Тиртея и история Мессенских войн» показал, что этот папирус проливает свет на достоверность подвергавшихся сомнению сведений Павсания о сражении при Ифоме, о времени второй Мессенской войны, об осаде Гиры, о деятельности Аристомена. Папирус показывает, что Павсаний пользовался сочинениями Тиртея в большей степени, чем до сих пор принято думать. *М. В. Крюков* (Москва) выступил с докладом «Наемный труд в Ханьском Китае», в котором остановился на значении недавно обнаруженного документа о судебном деле, возбужденном начальником одной из пограничных крепостей на северо-западе Империи Хань против вольнопоселенца, нарушившего условия найма. Документ позволяет судить о юридическом положении свободного наемного работника, его заработной плате, показывает, что в юридической практике наем работника и средств производства дифференцировался.

В докладе *А. С. Шофмана* (Казань) «Антитагма как феномен военной организации раннего эллинизма» было отмечено, что бунт на Гифасисе обнаружил зависимость Александра от переставшей повиноваться македонской армии, вместо которой он нашел новую военную опору в антитагме из восточных контингентов; их использование повлекло за собой также применение восточного оружия и восточных форм ведения войны. Диадохи еще последовательнее создавали антитагму в противовес македонской армии. Антитагма действовала преимущественно тогда, когда официальные военные силы не были способны решать необходимые задачи. *И. Ш. Шифман* (Ленинград) в докладе «Библейское и античное восприятие мирового порядка (К проблеме типологии культуры)» сопоставил характерные для двух культур представления о мире и его возникновении, о правде как соответствии данного порядка вещей мировой гармонии, а также обоснования этических норм. В то время как библейское мировоззрение отличали религиозность и догматичность, античному были присущи множественность концепций и поиск рациональных решений. *В. И. Кадеев* (Харьков) в докладе «Новый эпиграфический памятник из Херсонеса» проанализировал поврежденную эпитафию из Портового района, найденную в июле 1982 г. на территории дворика жилой усадьбы. Упомянутые в надписи имена двух братьев редки для греческой просопографии, однако все же известны в Херсонесе и на Боспоре. Одно из них вероятно, фракийского или малоазийского происхождения. Надпись датируется 20-ми годами II в. и, возможно, упоминает внуков ранее известного херсонесского архонта.

И. Л. Маяк (Москва) в докладе «Рабство в древнейшем Риме» подчеркнула неизученность проблемы рабства в начале царской эпохи из-за ненадежности скудных сведений письменных источников и археологических данных. Наиболее достоверными, хотя и косвенными данными традиции являются сообщения о религиозных культах и обрядах, отмечающие человеческие жертвоприношения, избавление от малолетних и стариков и отмену этих обычаев, приписываемую либо Геркулесу, либо Ромулу или Нуме. Такой отказ от убийства непроизводительного населения можно объяснить ростом производительности труда, желанием привлечь дополнительную рабочую силу, что позволяет верить в существование рабства при первых царях, хотя и не дает основания преувеличивать его значение. *Г. А. Кошеленко* (Москва) в докладе «Фортификация эллинистического Востока» выявил существование двух систем фортификации: одна (существовавшая в крупных городах) — оригинальное создание греческих фортификаторов Востока; вторая (характерная для мелких городов и деревень) продолжала местные традиции фортификации доэллинистической эпохи.

В секции истории древнего Востока под председательством С. С. Соловьевой было заслушано 19 докладов.

Проблеме древних корней египетской культуры был посвящен доклад *О. И. Павловой* (Москва), подвергшей критике концепции негритянского, азиатского происхождения египтян и их культуры. Доказательствами автохтонного происхождения древнеегипетской цивилизации служат преемственность традиций материальной и духовной культуры, особенности египетской письменности, неизменность этнического состава населения в додинастический и династический периоды. Миграции и заимствования (из Азии, Сахары, районов южнее Сахары) не играли решающей роли в возникновении одной из своеобразнейших культур древнего Востока. *И. В. Виноградов* (Ленинград) в докладе «Способы учета урожая и его распределение по материалам хозяйственных источников позднего Нового царства» обратил внимание на то, что хозяйственные ис-

точники фиксируют два способа учета урожая — предварительный (в сезон «наводнения») и реальный (после созревания зерна). Двум способам учета соответствуют разные источники, позволяющие выявить новые данные о характере эксплуатации реальных земледельцев, уточнить механизм распределения урожая между храмами, нехрамовым персоналом (немху?), царской администрацией. В докладе *И. А. Стучевского* (Москва) «Об одном загадочном обстоятельстве, определившем исход Кадешской битвы», высказывается предположение, что неучастие хеттской пехоты в этой битве, спасшее от полного разгрома попавшие в западню воинские силы Рамсеса II, было обусловлено отсутствием удобного брода через р. Оронт. Для деревянных колесниц и лошадей Оронт был преодолим, поэтому в битве с хеттской стороны участвовали только отряды колесниц. Некоторые хеттские тексты свидетельствуют, что египтяне при Кадеше потерпели поражение, позволившее хеттской армии продвинуться на юг, в район Дамаска. В докладе *А. Л. Вассоевича* (Ленинград) на основе сопоставления свидетельств египетских и ассирийских источников восстанавливаются основные вехи политической судьбы правителя г. Пи-Сопта Пе-Крура, жившего во времена XXXV династии. Высказывалось мнение, что он принадлежал к вождям «национальной партии» египетских князей, стремившихся к свержению ассирийского ига; докладчик считает, что Пе-Крур был ловким и беспринципным политическим деятелем, умело лавировавшим в сложных условиях времени ассирийского завоевания Египта. В докладе *С. С. Соловьевой* (Москва) «О цели и датировке похода Псамметиха I в страну Ават» был поставлен вопрос о возможности сопоставления сведений египетских источников о походе этого фараона в Нубию (надпись вельможи Иби, рельефы храма Мут в Фивах, несущие изображение флотилии Самтауи-Тефнахта) с сообщениями Геродота и Диодора о преследовании Псамметихом I и его военачальниками мятежных ливийских воинов (*махимой*), решивших уйти из Египта и поступить на службу к царю Мероэ. Поход датируется временем осады Псамметихом I Ашдода (ок. 654 г. до н. э.), когда конфликт между фараоном и туземным воинским сословием в связи с преимуществами, предоставленными греческим наемникам, достиг наивысшего накала.

Доклад *С. Я. Берзиной* (Москва) «Мероитские наемники-серы» базировался на сообщениях античных авторов и данных египетских и мероитских источников. Серы были размещены Псамметихом II в крепости Серра у Второго порога, но оттуда ушли в Мероэ. Есть основание считать их выходцами из сирийской части долины Евфрата. Выявление контингента наемников-сембритов, ушедших из Египта в период правления Псамметиха I, и серов, действовавших в мероитском государстве в VII в. до н. э.—IV в. н. э. позволяет поставить вопрос о роли наемничества в истории Мероэ. *Е. В. Черезов* (Черновцы) в докладе «Образование номов и религия в древнем Египте» отметил, что появление классов и первых государств-номов отразилось на религиозных представлениях египтян. Древнейший местный тотемизм превратился в культ местного бога. Очеловечивание тотемистических представлений закономерно, и его нельзя связывать с иноземным влиянием. Обоготворение фараона служило укреплению классового строя. Доклад *О. В. Беляковой* (Москва) был посвящен символам египетской богини Нэйт. Древнейший из них (знак двух скрещенных стрел) привлекает внимание типом наконечника с поперечным резцом. Стрелы часто помещаются на штандарт, иногда в сопровождении еще одного предмета, скорее всего древнего типа египетского щита в форме восьмерки. Со времени III династии богиню обозначает в надписях другой символ — иероглиф *R*-24 (по списку А. Гардинера) — изображение двух луков и прямоугольного предмета между ними — щита или футляра. Архаичные типы оружия в символах Нэйт свидетельствуют об автохтонности и глубокой древности культа саисской богини. В докладе *Н. М. Никулиной* (Москва) рассматривались вопросы методологии изучения художественной культуры древнего Востока. Современное понятие «искусство» можно лишь с оговорками применить к искусству древнего Востока, но и в древней художественной культуре, несомненно, имеется эстетическое начало. Важно выбрать метод в соответствии с характером памятника. Особенно плодотворен подход, объединяющий анализ формы и содержания памятника. Фактура материала диктует форму, от которой зависит композиция. *А. Г. Лундин* (Ленинград) рассмотрел вопрос о месте греческого алфавита в истории алфавитного письма. Греческий алфавит — заимствование финикийского письма для нужд греческого языка, и различия между финикийским и греческим алфавитами целиком определяются различиями в фонологическом строе

языков. Семитский консонантный алфавит уже обладал всеми премуществами алфавитного письма и может считаться первым настоящим алфавитом, предком всех алфавитов мира. За греческим письмом остается его важнейшая историко-культурная роль в распространении алфавитного письма по всему миру. В докладе *В. К. Афанасьевой* (Ленинград) рассмотрены три шумерских литературных текста конца III тыс. до н. э., воспроизводящие дух Эдубы — «дома табличек», своеобразной «школы-академии». В первом — письме шуточно-пародийного характера — заметно соединение традиционной формы с индивидуальными особенностями. Во втором — ритуально-магическом тексте — построение стандартно, однако художественные достоинства многообразны и высоки. Наибольшую сложность представляет третий текст — «Странник мой близится...», являющийся одним из шедевров шумерской лирической поэзии на обрядово-заклинательной основе. Доклад *В. Г. Ардзинбы* (Москва) был посвящен хурритскому рассказу об охотнике Кесси. Возможно, дошедший вариант рассказа — лишь фрагмент большого произведения. Ряд элементов связывает рассказ о Кесси с шаманскими верованиями (сон и сновидения; будущие шаманы сначала становятся отшельниками и голодают; большую роль в шаманстве играют женщины, деревья, птицы). Семь снов Кесси — это описание посвящения его в шаманы. Влияние хурритской традиции сказывается в том, что угадывание воли божеств осуществляется через сновидения. Доклад *Д. Г. Редера* (Москва) «Упоминание хеттов (кетеев) в XI песне „Одиссеи“» касался 519—522-й строф поэмы, где говорится о подвиге Неоптолема, поразившего насмерть вождя кетеев Еврипила, сына Телефа. На основании многочисленных легенд о Телефе предполагается, что герой Еврипил и его отец Телеф могли быть местными, мизийскими вождями хеттского происхождения и во главе хеттской дружины двинуться на выручку осажденной ахейцами Трои (VII А). *С. П. Поляков* (Москва) в докладе «Доисламские верования населения Средней Азии» подчеркнул, что роль ислама в истории культуры этого региона преувеличена в историографии конца XIX — первой половины XX в. Работы советских археологов, этнографов, историков показали реальное значение ислама не только в создании средневековой культуры, но и реально действовавшей религиозной системы. Культ «святых» — один из наиболее распространенных в исламе — объединил множество доисламских религиозных представлений. Как пример синкретизма докладчик описал мазар Ходжа Теке-Бурх. Доклад *С. В. Новикова* (Москва) «Рельефы Сузианы (К проблеме формирования официального искусства парфян)» был посвящен анализу ряда рельефов (Хунг-и Ноурузи, Танг-и Сарвак, Танг-и Бутан, «стела Хвасака» и др.). Уже в период вхождения Сузианы-Элимаиды в состав Парфянского государства начался процесс складывания прокламативного династийного искусства, призванного обосновать легитимность власти парфянских царей в качестве наследников Ахеменидской династии. Из этого следует, что прокламативное искусство возникает не в эпоху Сасанидов, как представляли многие исследователи, а при аршакидских правителях. В докладе *Х. Ю. Мухитдинова* (Душанбе) были прослежены эллинские элементы в коропластическом искусстве Северной Бактрии (на материалах античного городища Соксонохура в Южном Таджикистане). Исследование терракотовых статуэток заставляет видеть в образе женщины Анахиту Бактрийскую, изображенную местным мастером, знакомым и с бактрийской, и с греческой мифологией. Искусство Северной Бактрии в эллинистический период оставалось местным, хотя встречаются и заимствования из эллинистической культуры, имевшие место тогда, когда содержание образов местных и эллинских божеств было близким. Доклад *А. Б. Никитина* (Москва) был посвящен монетному двору г. Мерва при первых Сасанидах. Топография находок медных монет начала правления Шапура I и стиль изображений позволяют отнести их к чекану Мерва. С этими монетами связана по стилю небольшая группа серебряных драхм раннего типа, очевидно, относящаяся к тому же монетному двору. Мерв был важным торговым центром и военным форпостом Сасанидов в Северном Хорасане, и увеличение объема его чеканки в данный период связано с активизацией сасанидской экспансии на Востоке.

А. А. Вигасин (Москва) в докладе «Структура древнеиндийского государства по „Артхашастре“» рассмотрел два текста (VI. 1.8 и VI. 13.8). В первом речь идет о том, что население идеальной сельской местности государства должно состоять из

«трудолюбивых земледельцев преимущественно низшей варны — шудр» и «глупых господ». Последние существовали за счет сбора податей с земледельцев. Их «глупость» была выгодна царю, стремившемуся к тому, чтобы основная часть податей поступала в казну. Во втором тексте упоминаются «господа деревни», обладающие значительным состоянием и, очевидно, собирающие подати с деревни в свою пользу. «Артхашастра» содержит свидетельства о наличии широкого круга местной знати в древней Индии. В докладе *Д. В. Деопика* и *А. В. Никитина* «Южный буддизм на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии в первые века н. э.» было показано, что буддизм в этот регион принесли индийцы, причем распространялся он посредством переводов текстов. К концу II в. во Вьетском государстве было построено 20 пагод и переведено 15 буддийских сочинений. Очаг буддизма во Вьетнаме просуществовал до XIV в., когда там сформировалось южное направление буддизма — дхьяна. Позднее во Вьетнаме распространился китаизированный буддизм.

В секции истории древней Греции под председательством А. С. Шофмана было заслушано 12 докладов. В докладе «О причинах Греко-Персидских войн» *В. М. Строгецкий* (Горький) отметил, что после участия ионийских городов в восстании лидийцев персы перешли к покорению эллинов Малой Азии. При Камбизе у них возник интерес к островам Эгеиды, и именно тогда они стали опираться на флот финикийцев — извечных соперников греков и киприотов. Установление при Дарии I полного контроля над проливами и скифский поход затруднили связи эллинских полисов с колониями Западного и Северного Причерноморья. Завоевание ключевых позиций в этом районе свидетельствует о том, что Дарий планировал проникновение в Грецию с севера, что впоследствии пытался осуществить Мардоний. *В. И. Кац* (Саратов) в докладе «Динамика производства керамической тары в эллинистическом Херсонесе» предложил новую хронологическую классификацию магистратских клейм. Производство керамической тары достигло внушительного объема уже в последние десятилетия IV в. до н. э., рост производства продолжался в 300—280 гг. до н. э. С конца 270-х гг. до н. э. начинается глубокий спад. Только в 240—220 гг. объем производства стабилизируется и повышается, будучи, однако, в 5—6 раз ниже уровня начала столетия. Новый спад продолжался с конца III в. до н.э. до конца 170-х гг. до н. э., когда прекратилось клеймение херсонесских амфор. Колебания в производстве керамической тары согласуются с картиной экономической истории Херсонеса. В докладе *Т. А. Моисеевой* (Воронеж) «К интерпретации историко-географических представлений древних греков о Фригии» определялась достоверность локализации Фригии в «Илиаде». В гомеровских фригийцах можно видеть создателей археологической культуры Гордиона, носителей языка «старофригийских надписей». Возможно, под термином «фригийцы» понимались не пришельцы с севера Балканского полуострова, а цивилизация, возникшая на новом этапе малоазийской (лувийской) государственности, обогащенной балканским и ахейским влиянием. Границы Фригии для автора поэмы не ограничивались районом Сангария и западной части позднейшей Вифинии, а простирались до Писидия, включая область города Келен. Таким образом, вполне вероятно, что в поэме отражены действительные масштабы Фригийского царства, его военной мощи, известной по клинописным текстам. *Г. Т. Залюбовина* (Москва) в докладе «Пережитки агнатного права в архаической Греции» отметила, что с разложением первобытнообщинного строя было связано возвышение родов и выделение из них домовых общин, стремящихся к господству агнатных групп, местом сосредоточения которых становятся города. По агнатному праву наследование переходит к братьям, племянникам матери или отца. В эпоху архаики агнатное право было инструментом господства родовой аристократии, что отразилось в легендарной и исторической традиции. Последние попытки его использования при захвате власти относятся к периоду ранней тирании. *А. В. Стрелков* (Москва) в докладе «Роль священных денег богов в финансовой системе Афин в V в. до н. э.» отметил, что составной частью афинской финансовой системы были деньги сокровищниц аттических храмов, имевших разнообразные и обильные источники пополнения. Они служили резервным фондом полиса в критических ситуациях, как например, это было в годы Пелопоннесской войны, когда государство брало в долг крупные суммы. Погашение долга шло различными способами, в основном за счет союзников. Для последнего этапа войны характерно сближение казны государства, эллинотамиев и храмовых сокро-

вищниц, однако их полное истощение привело Афины к финансовой катастрофе, что стало одной из причин поражения в войне со Спартой. Доклад *Т. Ф. Теперик* (Москва) «Роль сентенций в эпическом контексте трагедий Софокла» был посвящен выяснению их роли в изложении событий, имевших место за сценой или до начала действия. Сентенции косвенно оценивают или интерпретируют события эпического текста. Это связано с его направленностью, в силу которой рассказчик может только в форме сентенции дать свою интерпретацию событий. Характерную черту стиля Софокла составляет прием объективизации слова героя. *Л. С. Давыдова* (Москва) в докладе «Некоторые социальные и политические аспекты тирании Набиса» отметила, что длительный кризис спартанского полиса сопровождался отмиранием илотии и заменой ее классическим рабством. Это обусловило противоречивость политики Набиса: стремясь к возрождению «Ликургова строя», он тем не менее подрывал его основу — илотию. Радикальные меры Набиса обусловлены стремлением к преобладанию Спарты в Пелопоннесе. При Набисе завершается создание автократической системы правления, тенденции к которой отмечались уже при Агисе IV и Клеомене III. *Г. С. Самохина* (Петрозаводск) в докладе «Полибий о прагматической истории» отметила, что «прагматическая история» не отождествляется у Полибия со всеобщей историей. Полибий относил свой труд к сочинениям о политической или государственной истории современных ему политических образований, и именно с этих позиций следует определять жанр его «прагматической истории». В докладе *С. М. Перевалова* (Москва) «К вопросу о характере власти гомеровского басилея» рассматривалась связь власти басилея с функциями военного лидера. Басилея нельзя рассматривать как военного вождя периода военной демократии, так как его военные функции были второстепенными и отсутствовала социальная опора военного предводителя — дружина. Власть басилея соответствует полномочиям гражданского должностного лица формирующегося полиса; у Гомера формы ее проявления «затуманены» воспоминанием о микенской монархии. *А. Г. Авдеев* (Москва) в докладе «К вопросу о маслиноводстве в Гераклее Понтийской» привел сведения ряда источников (периплов, «Аргонавтики» Аполлония Родосского, фрагментов гераклейских историков) о дикой и культурной маслине в районе Гераклеи и ее окрестностей (в Элайоне). Автор предполагает, что на хоре Гераклеи насаждалась культурная маслина, хотя она и не была основной сельскохозяйственной культурой. *В. В. Горовой* (Караганда) в докладе «В. С. Сергеев и исследование вопроса структуры греческого полиса» подробно остановился на подходе ученого к проблеме полиса как комплекса — город, община, государство. В докладе «Карл Маркс и некоторые аспекты развития германской историографии античности XIX века» *А. К. Арнгольд* (Караганда) отметил, что К. Маркс и Ф. Энгельс использовали и творчески перерабатывали позитивные достижения буржуазной науки и дали решения принципиальных вопросов античности: характера античной формы собственности, закономерности рабства и рабовладельческого государства, особенностей классовой борьбы рабов и др.

В секции истории древнего Рима, работой которой руководила И. Л. Маяк, было заслушано 14 докладов. *Я. Ю. Заборовский* (Ивано-Франковск) в докладе «Некоторые аспекты истории восстания Спартака (К вопросу о взаимоотношениях Спартака с местным населением Италии)» показал, что связь Спартака с сельским населением, не обладавшим правами римского гражданства, была более тесной, чем предполагалось ранее, и почти постоянной на всех этапах восстания. Потерпев поражение в Союзнической войне, италики снабжали отряды Спартака всем необходимым, обеспечивали его опытными проводниками, сообщали о передвижениях римских отрядов. Это позволило Спартаку вести успешные боевые действия против Рима почти три года, следовательно, значение восстания для последующей римской истории более значительно, чем принято предполагать. *Н. Н. Трухина* (Москва) в докладе «Популяры в политической концепции Цицерона» отметила, что во II—I вв. до н. э. правящей партии римской аристократии (нобилитету) противостоял широкий фронт демократической оппозиции. Исследование терминологии Цицерона приводит к необходимости выделить два оппозиционных течения: средние землевладельческие слои Италии, недовольные политическим господством нобилитета (boni), и мелкоплебейская демократия (популяры). Учет «двухпартийного» характера оппозиции позволяет поставить вопрос о трех основных политических течениях в Риме в конце Республики.

А. Л. Смышляев (Москва) в докладе «Речь Мецената в 52 й книге „Истории" Диона Кассия: датировка и идейно-политическая направленность» отметил, что Дион Кассий являлся последовательным защитником интересов сенатской аристократии. Он требовал от идеального правителя, чтобы тот значительно ограничил власть и влияние муниципальной знати на местах, усилил сенатскую администрацию за счет внесенатской и резко ограничил владения императорского дома. Такой правитель, несмотря на широкие полномочия, был бы полностью зависим от сенатской аристократии. Поэтому идеальная монархия Мецената является не предвосхищением домината Диоклетиана, а реакционной сенатской утопией, которой не суждено было осуществиться. *Б. С. Ляпустин* (Москва) в докладе «Женщины в ткацких мастерских Помпей в I в. н. э.» показал, как под влиянием превращения домашнего ткацкого производства в товарное произошли отрыв женщин-прях от матроны и включение их в коллектив мужчин-ткачей. Это привело к изменению отношения к занятым в этом производстве женщинам, нравственность которых стали ставить под сомнение. Картина бытового положения и общественной жизни помпейских ткачей и прях показывает, что товарное производство разрывало патриархальный уклад в фамилии и приводило к изменению системы моральных оценок общества. *И. П. Сергеев* (Харьков) в докладе «Социальная опора императоров и претендентов на императорскую власть в Римской империи в конце II в.» предположил, что Пертинакс не знал о заговоре против Коммода, что Песценний Нигр, опирался на крупных собственников Востока, а не на городские «средние» слои; Клодий Альбин перешел от опоры на британскую армию к поддержке собственников Запада. Докладчик подчеркнул, что борьба за императорский трон была следствием обострения противоречий между фракциями внутри господствующего класса римского общества. *А. В. Поздняков* (Москва) в докладе «О генезисе разменной монеты в Риме в I—II вв. н. э.» отметил, что медные монеты составляли локальную систему обращения, отличающуюся от созданной общеимперскими серебряными и золотыми монетами. Заметны тенденции к установлению единого обращения медных монет в империи, к упорядочению и единообразию чеканки, что было реализовано в период Поздней империи. Выпуск медной монеты служил важным инструментом финансовой политики как для местной, так и для центральной администрации. Доклад *И. А. Гвоздевой* (Москва) «Организация территории римской колонии по трактатам землемеров» был посвящен вопросу о соотношении частной земельной собственности и угодий римской колонии. Грамматики сообщают о строгой системе обозначения общественных лесов и выгонов, считавшихся собственностью государства, но использовавшихся колонистами. Земли, не попавшие в ассигнацию (отрезки), располагавшиеся как на окраинах колоний, так и в центре размежеванных территорий, а также бросовые земли считались собственностью государства, но могли использоваться колонистами как пастбища и угодья. *В. И. Армичева* (Москва) в докладе «Римская вилла в Испании в период Ранней империи как центр хозяйственной деятельности» на основании анализа археологического материала сделала вывод, что одним из важных последствий экономической романизации Испании явилось распространение классической римской виллы, хозяйство которой было ориентировано на рынок. Именно с распространением рабовладельческих поместий, вытеснявших мелкое землепользование свободных или полусвободных крестьян, связаны основные достижения испанского сельского хозяйства. *Карпюк С. Г.* (Москва) выступил с докладом «Образ Индии в речах Диона Хрисостома (Проблема восприятия иноземной культуры)». Он отметил, что речи Диона Хрисостома отражают средний уровень знаний об Индии образованного грека I—II вв. Хотя Диону известны некоторые новые данные об Индии, полученные в результате интенсивных торговых связей, он предпочитает использовать «хрестоматийные» сообщения Геродота, спутников Александра и Мегасфена. В результате конструируется идеальный, утопичный образ Индии, используемый для морализаторских увещеваний. *Мамина О. Н.* (Свердловск) в докладе «Vir bonus в сочинениях Сидония Аполлинария» пришла к выводу, что Сидоний, выражая взгляды и убеждения привилегированных слоев галло-римского общества, к числу viri boni относил исключительно представителей родовитой и образованной знати. Это расценивается как проявление дальнейшего отхода родовитой знати Поздней империи от полисных принципов в трактовке понятия vir bonus, как сужение Сидонием и его единомышленниками социальной сферы, охватываемой этим понятием. *А. В. Коптев*

(Вологда) в докладе «К вопросу о долговом рабстве в раннем Риме» подчеркнул, что применение терминов nexus и addictus по отношению к должникам явилось отражением различных социально-экономических эпох раннего Рима. Вытеснение термина nexus термином addictus было зафиксировано в 326 г. до н. э., к которому относят закон Петелия. Этот закон не только не отменил долговую кабалу, но, наоборот, узаконил отработки долга, которых не предусматривало раннеримское право. *Т. А. Лапина* (Москва) в докладе «Влияние „Начал" Катона Старшего на описание Италии в III книге Плиния Старшего» отметила, что Плиний Старший был единственным географом, обратившимся к необычному для анналистической традиции труду Катона, который лег в основу его описания Италии. Именно этим объясняются особенности описания, резко отличающие италийские книги от прочих географических книг Плиния. *В. Ф. Кузнецов* (Тюмень) в докладе «Центуриатная реформа Сервия Туллия (Реальность и домыслы)» рассмотрел дискуссионный вопрос о содержании военного аспекта реформы Сервия Туллия. Основу комплектования римской фаланги составлял контингент полноправных граждан (плебеев и патрициев) четырех территориальных триб, утвержденных Сервием, что свидетельствует о прямой зависимости гражданского полноправия от возможностей приобрести снаряжение. Именно зажиточные плебеи, обладающие цензом первого класса, в полной мере воспользовались результатами классовой борьбы всех плебеев с патрициями. *И. П. Портнягина* (Калинин) в докладе «Заговор Агриппины и Сеяна в правление императора Тиберия» подчеркнула, что до определенного момента Сеян был лоялен по отношению к Тиберию, но его возвышение вызвало опасения у представителей старых знатных фамилий, которые старались посеять подозрения против него. Стремление обеспечить собственную безопасность и привело к тому, что в 30 г. Сеян составил заговор, при этом вокруг него объединились люди незнатного происхождения, не имевшие возможностей достичь постов при Тиберии, видевшие в Германике и Сеяне лидеров, при которых они смогут войти в элиту.

Секцией «Внешняя политика, идеология и историография древнего Рима» руководил В. И. Кадеев; в ней было прослушано 17 докладов.

В докладе *И. С. Свенцицкой* (Москва) «Местные культы в малоазийских провинциях I—III вв.» было отмечено, что увеличивающееся число посвящений местным божествам в городах и сельской местности объясняется ролью сельской общины и кризисом полисной религии. Местными были культы богов-всадников, в виде всадников стали изображаться и некоторые греческие божества. Полисные религиозные воззрения характеризовались формализацией культа императора и божеств — покровителей полисов, греческая мифология стала играть роль чисто декоративную. Насаждаемые культы абстрактных божеств не отвечали религиозным потребностям населения. *А. Ч. Козаржевский* (Москва) в докладе «Социально-историческая и идейная подоплека апокалиптической символики» показал, что последняя не обнаруживает связи с греческими идеалистическими системами, сам «Апокалипсис» не используется в ортодоксальной литургической практике, зато на его мистику в вульгарно-конкретном понимании ориентированы многие секты. Апокалиптическая символика восходит к ветхозаветным пророчествам, Давидовым псалмам, к вавилонской мистике чисел, к общевосточной аллегоричности цветов, драгоценных камней, представителей растительного и животного мира, природных стихий. Доклад *М. К. Трофимовой* (Москва) «К проблеме нравственного сознания в гностицизме по апокрифу Наг-Хаммади» был посвящен доказательству решения в апокрифе основной этической проблемы о смысле жизни в противовес античным обвинениям гностиков в аморализме. Самопознание человека как познание в себе самом божества занимает место социальной активности. При сохранении категории должного меняется сфера ее применения, и это объясняет строгий суд за аморализм со стороны тех, чье нравственное сознание строилось на иных принципах. *Л. Е. Семенов* (Йошкар-Ола) в докладе «Христианство и античное культурное наследие (К проблеме исторической преемственности в межформационный период)» утверждал, что важное для церкви преодоление языческой оппозиции было возможно лишь на основе освоения, а не отвержения культурного наследия античности. Однако христианство не могло ориентироваться лишь на новообращенных из философски образованной среды, не рискуя сузить свою социальную базу. Представляется интересным изучение вопроса о родовых, тематических и жанровых особенностях вовле-

ченного в преемственную передачу античного наследия, о механизме овладения такими элементами античной культуры, как философия и искусство. *А. М. Ременников* (Казань) в докладе «Вторжение ютунгов в Италию в 270 г.» отметил, что внезапное нападение этого германского племени носило характер рейда. После окончания двоецарствия Аврелиан смог использовать все наличные силы для отпора ютунгам, которые торопились возвратиться на родину, в основном осуществив свою цель. Аврелиан, вероятно, стремился отрезать им путь к возвращению. Возможно, сокрушить уцелевшую часть ютунгского войска помешало вторжение вандалов и сарматов в Паннонию. В докладе *К. П. Коржевой* (Алма-Ата) «Заговор Катилины в советской историографии» было отмечено, что в период становления историографии преувеличивалась его демократичность и идеализировалась личность вождя; в 30—40-х годах установилось мнение о Цицероне как личном враге Катилины, а о Саллюстии — как враге политическом; в связи с этим была произведена переоценка их свидетельств. Последующие исследования классовых и социальных противоречий, аграрных проблем, причин слабости римской демократии и др. привели к выводу, что заговор был одним из звеньев внутригражданской борьбы в период перехода к Империи. *К. А. Ревяко* (Минск) в докладе «Исследование Пунических войн В. С. Сергеевым» подчеркнул, что современные исследования подтверждают выводы В. С. Сергеева о широких торговых связях Карфагена, о численном превосходстве людских ресурсов римлян в Ганнибаловой войне. Автор особо остановился на тезисе о снижении имущественного ценза при комплектовании легионов и его освещении в современной историографии. Доклад *В. В. Федотова* (Москва) «Степень и формы искажения действительности в иноземных источниках о далеких странах (На примере китайских сведений о Риме)» был посвящен интерпретации древнекитайских сведений о государстве Да Цинь. Сам жанр источников вызывает споры среди исследователей, часть которых считает их утопиями или сказками, в то время как другие находят в них отголоски информации о далеких странах — Индии, Парфии, Римской империи или какой-то ее провинции. По мнению докладчика, географические детали текста, название страны, сведения о местном шелке, об административном устройстве и др. могли возникнуть скорее всего под влиянием неясных рассказов путешественников о далекой средиземноморской Римской империи, в то время как ее социально-экономическая и политическая жизнь были непонятны и обросли сказочными деталями. *С. Б. Сорочан* (Харьков) в докладе «Внешняя торговля Херсонеса Таврического в I в. до н. э.— V в.» отметил, что она достигла наибольшего подъема уже в I в., начался же этот подъем в конце I в. до н. э. Херсонес служил своеобразным перевалочным пунктом на торговых магистралях, экспорт состоял в основном не из хлеба, а из соли, рыбы и рыбопродуктов. Подавляющая часть импорта приходила из Малой Азии и с Самоса, а также из Сирии и Палестины. Среди ввозимых товаров преобладали краснолаковая посуда и оливковое масло. Значительная часть импорта транзитом поступала в другие районы Причерноморья. *В. Ф. Мещеряков* (Харьков) в докладе «Культы Гелиоса, Деметры и Афродиты в античном Херсонесе» отметил, что кратковременный расцвет государственного культа Гелиоса связан с включением Херсонеса в Понтийское государство, подчеркнул частный характер культа Деметры. Частный культ Афродиты перешел в государственный пантеон под влиянием Рима во II—III вв. В докладе *А. В. Шмалько* (Харьков) «Царство Понт в I в.» было подчеркнуто сходство его административного устройства с другими государствами Восточного Средиземноморья. Его границы менялись по воле Рима, от которого полностью зависели и вопросы престолонаследия. Столицей являлись Кабиры, а позднее Полемоний, административными единицами были епархии. Восточные племена сохраняли самоуправление. *В. Д. Жигунин* (Казань) в докладе «Рим и эллинистические государства в середине III в. до н. э. (К вопросу о генезисе римской восточной политики)» отметил, что с помощью концепции своего троянского происхождения римляне обосновывали свое право на вмешательство в дела эллинистических государств, однако последние не были склонны делать серьезную ставку на римлян. Так, даже союзный Египет не принял римских предложений о совместной борьбе против Селевкидов. В докладе *Ю. А. Окуня* (Казань) «Рональд Сайм: философия истории» были рассмотрены взгляды ученого, по мнению которого, за фасадом любого государства стоит олигархия земельной и денежной знати, а его стабильность и форма государственного строя зависят от соотношения политических и естественно-географических

границ. При этом Сайм постулирует существование большого, продолжающегося до сих пор, и нескольких малых циклов истории. Сайм обратился к наследию английских мыслителей той эпохи, когда буржуазия еще не утратила стремления революционно объяснить и изменить мир, однако, придавая революции вид простого движения по кругу, он оказался под влиянием английской классической философии и идеи Карлейля о порождении революцией собственной олигархии. *В. И. Кащеев* (Казань) в докладе «Полибий и некоторые концепции восточной политики Рима в западной историографии» выделил два подхода исследователей к объяснению причин римских войн у Полибия: первый определяет римскую политику как оборонительную, а второй на основе конкретных описаний Полибия исходит из представления об «агрессивном римском империализме». В концепции Полибия конкретные факты и общее объяснение римской экспансии противоречат истолкованию причин отдельных внешних конфликтов Рима, когда ответственность возлагается на противников. *Н. М. Галкина* (Фрунзе) в докладе «Методология анализа реформ Гракхов в трудах В. С. Сергеева» отметила его идеи о связи реформ с логикой классовой борьбы, о формировании в это время «политических партий», о влиянии эллинской идеологии на тех, кто стремился задержать рост крупного землевладения. *М. М. Расулова* (Баку) в докладе «К вопросу о связях Кавказской Албании с римским миром» подчеркнула, что римская торговля увеличилась с середины I в., охватывая области как вдоль торговых магистралей, так и удаленные районы, и сопровождаясь при этом также и культурными контактами. В этот период в большом количестве проявились денарии Августа, парфянские драхмы Артабана, в связи с чем прекратился местный чекан. В докладе *А. П. Акопяна* (Москва) «Тигранокертская битва (Анализ тактики и стратегии)» было отмечено, что поскольку античные описания битвы не согласуются с результатами геодезического изучения предполагаемого ее места, а также наблюдаются параллели с описанием битвы при Херонее, возможно предположить, что источником обоих описаний для Плутарха и Аппиана послужили вымыслы Суллы и Лукулла. При Тигранокерте же, возможно, произошло не одно решающее сражение, но ряд мелких столкновений.

Как показывает обзор заслушанных докладов, их тематика была самой разнообразной и касалась едва ли не всех аспектов древней истории. Обсуждение докладов на секционных заседаниях и личные контакты историков-античников и востоковедов, работающих в разных городах нашей страны, способствовали успешной работе «Третьих юбилейных Сергеевских чтений».

Кафедра истории древнего мира
исторического факультета МГУ

ПРИЛОЖЕНИЕ

VELLEIUS PATERCULUS
HISTORIA ROMANA

ВЕЛЛЕЙ ПАТЕРКУЛ
РИМСКАЯ ИСТОРИЯ

Перевод с латинского и комментарии *А. И. Немировского*

XV. В то время, пока Ганнибал находился в Италии и в ближайшие годы после его ухода, у римлян не было возможностей для основания колоний, так как, пока шла война, надо было думать скорее о наборе воинов, чем о их роспуске, а после ее окончания скорее о собирании сил, чем о их рассеянии. (2) Но при консулах Гнее Манлии Вольсоне и Марке Фульвии Нобилиоре (с тех пор прошло почти 217 лет) была выведена колония Бонония [87]. 4 года спустя были основаны Пизавр [88] и Потентия [89] и еще через три года Аквилея [90] и Грависки [91] и через четыре года Лука [92]. (3) Около этого времени, хотя у некоторых это вызывает сомнение, колонисты были посланы в Путеолы [93],

[87] Бонония (ныне Болонья) — римская колония со 187 г. до н. э. согласно Ливию (XXXVII, 57, 7). Дата Веллея Патеркула — 189 г. до н. э.

[88] Веллей и Ливий (XXXIX, 44, 10) дают одну и ту же дату основания Пизавра — 185/184 г. до н. э.

[89] Римская колония в Лукании, см. *Plin.*, N. H. III, 98.

[90] Колония с латинским правом, основанная в 181 г. до н. э. на Адриатическом побережье Италии и призванная обеспечивать верность Риму соседнего племени истров — *Liv.*, XXXIX, 22; 50; XL, 34, 2. Название колонии по р. Аквилис.

[91] Римская колония, основанная в 181 г. до н. э. (так же и Ливий — XL, 29, 1) на Тирренском побережье Италии, в устье р. Марта, на месте этрусско-греческого порта, очевидно, того же названия.

[92] Колония с латинским правом в Цизальпинской Галлии. Дата основания колонии у Веллея совпадает с датой Ливия (XLI, 13, 4) — 177 г. до н. э.

[93] Римская колония, основанная на месте греческой колонии Дикеархии (*Plin.*, N. H. III, 61). Согласно Ливию, Путеолы были основаны во время второй Пунической войны (XXIV, 12, 4). Вторично колонисты были посланы в 194 г до н. э. Таким образом, дата Веллея (около 177 г. до н. э.) расходится с датой Ливия, и он этого не скрывает.

Салерн[94] и Буксент[95], а 187 лет назад в Ауксим[96], что в Пицене, за три года до того как цензор Кассий начал строить театр на Луперкале по направлению к Палатину. Но этой постройке воспрепятствовали исключительная суровость государства и консул Цепион[97]— что я причисляю к наиболее очевидным указаниям о настроении общества. (4) В консульство Кассия Лонгина и Секстия Кальвина, нанесшего поражение саллувиям у источников, которые по его имени и зовутся Секстиевыми,— около ста пятидесяти трех лет тому назад была основана Фабратерия[98]. Спустя год возникли Сколаций Минервий[99] и Нептуния у Тарента[100] и Карфаген в Африке, как уже говорилось, первая колония за пределами Италии. (5) Относительно Дертоны[101] имеются сомнения, а колония Нарбо Мартий была основана в Галлии в консульство Порция и Марция, примерно сто сорок шесть лет назад. Восемнадцать лет спустя в консульство Валерия Флакка и шестое Мария была выведена колония Эпоредия[102]. Трудно припомнить, чтобы после этого времени была основана какая-либо колония, если не считать военных.

XVI. Хотя эта частичка моего труда как будто уже вышла за его намеченные рамки и хотя я понимаю, что крайняя поспешность влечет меня наподобие вращающегося колеса или стремительного потока, не позволяя останавливаться, и вынуждает скорее опускать существенные факты, чем вводить новые детали, все же я не могу удержаться, чтобы не коснуться одного явления, которое часто занимало мой ум, но все же не сделалось ясным для понимания. (2) Ведь можно достаточно удивляться тому, что выдающиеся умы каждого рода деятельности действуют в одном и том же направлении и в один и тот же промежуток времени. Таким же образом, как звери различных видов, запертые в зверинец или оказавшиеся в ограде, удаляются от чуждых и сближаются только с себе подобными и как бы собираются в одно тело, так же выдающиеся умы в каждом прославленном жанре отделяются от других вместе с себе подобными в один и тот же промежуток времени. (3) Один период из небольшого числа лет благодаря мужам с божественным вдохновением — Эсхилу, Софоклу и Эврипиду — придал блеск трагедии. То же самое применительно к старинной, древней комедии при Кратине, Аристофане и Эвполиде. И новую комедию создали на протяжении очень немногих лет Менандр и приближающиеся к нему по времени, а не по значению творчества Филемон и Дифил. (4) А разве талант рассмотренных нами недавно философов, порожденный красноречием Сократа, процветал много лет после Платона и Аристотеля? (5) И кто до Исократа, его слушателей и их учеников прославился в красноречии? Все они как бы стеснились на столь узком промежутке времени, что каждый достойный мог видеть каждого другого.

XVII. И это явление наблюдается у римлян не менее, чем у греков. Если не считать грубых и непривлекательных имен, достойных похвалы лишь в качестве зачинателей, римская трагедия опиралась на Акция и его время. Почти в одно и то же время расцвело римское остроумие, в очаровательном латинском юморе Цецилия, Теренция

[94] Дата основания Салерна — римской колонии в южной части Кампании, согласно Ливию (XLI, 27, 10),— 168 г. до н. э. — несколько расходится с датой Веллея.

[95] Римская колония на Тирренском побережье Лукании с 194 г. до н. э., согласно Ливию (XXXIV, 45, 2).

[96] Кельтский город (usuma — высоколежащий) в Пицене, куда были посланы римские колонисты, согласно Веллею — в 157 г. до н. э., по Ливию — 174 г. до н. э. (*Liv.*, XXXIX, 27, 10).

[97] В «А» и «Р» — Cepio. Поскольку Аппиан сообщает, что запретил строить театр консул Сципион (B. C. I, 28, 1), некоторые издатели изменяют Cepio на Scipio.

[98] Фабратерия — город гернков на берегу р. Сакко. Римская колония Новая Фабратерия, получившая название Фрегеллы, была основана в 124 г. до н. э. вместо разрушенной в ходе подавления восстания 126 г. до н. э. латинской колонии.

[99] Сколаций (у Страбона и Птолемея Σκυλάκιον, у Вергилия — Scylaceum) — древнейший город на восточном побережье Бруттия. Его основателем считали Одиссея (*Serv.*, Auct. Aen. III, 53). Основанная в 123 г. до н. э. римская колония получила название Scolacium Minervia.

[100] О колонии Нептунии без указания ее имени см. *Strabo*, VI, 3, 4.

[101] О колонии Дертона сообщает Плиний Старший (N. H. III, 49), Страбон — о значительном лигурийском городе Дертона на полпути между Генуей и Плацентией (V, 1, 11). Иных дат основания колонии, чем у Веллея, не сохранилось.

[102] Эпоредия (Eporedia) была основана в 100 г. до н. э., но не на территории лигурийского племени Северной Италии багиеннов, а в области салассов (*Strabo*, IV, 6, 7; *Ptol.*, III, 1, 34).

и Афрания [103]. (2) Историки занимали, если отнести к раннему времени и Ливия, период около восьмидесяти лет, не считая Катона и других древних и неизвестных. Так же и плодовитость поэзии не восходила к более раннему времени и не продолжалась позднее. (3) Ораторское искусство, которое раскрыло силу судебного красноречия и совершенство прозы, в целом расцвело лишь при властелине этого жанра Цицероне (каким бы ни было уважение к Публию Крассу, Сципиону, Леллию, Гракхам, Фаннию и Сервию Гальбе). До него и притом немногие могли нравиться, восхищать же могли те, которые еще застали Цицерона или которых застал он сам. (4) То, что это относится также к грамматикам, скульпторам, художникам, резчикам, поймет каждый, если он примет во внимание границы периодов в каждом из искусств. (5) Я не прекращаю искать причины этого совпадения и этого соединения,— почему в каждую эпоху сходные таланты обнаруживают те же устремления и имеют тот же самый успех. Я не нахожу решений, которые были бы в полной мере убедительными, но только правдоподобные и прежде всего эти: (6) соперничество питает талант и тотчас же зависть и восхищение воспламеняют подражание [104], и, естественно, то, чего добиваются с наивысшим рвением, достигает наивысшего совершенства и с большим трудом может остановиться, ибо естествен упадок того, что не двигается вперед. (7) И поскольку мы лишь вначале воодушевляемся подражанием тем, за кем следуем как за начинателями, а затем уже не надеемся их обойти или, по крайней мере, с ними сравняться, рвение ослабевает вместе с надеждой. Если мы не можем догнать, перестаем гнаться и, оставив этот предмет, как бы занятый другими, ищем новый, себе по силе, проходя мимо того, в чем не можем отличиться. Из этого следует, что совершенству творчества более всего препятствуют частые и мимолетные переходы.

XVIII. Наше удивление переносится от обстоятельств, связанных с эпохами, к городам. Один город Аттики достиг большего мастерства в каждом роде красноречия, чем вся остальная Греция, так что можно подумать, будто части тела греческого народа распределены между многими государствами, дух же заперт за стенами одних Афин [105]. (2) Не менее я удивляюсь тому, что ни один из ораторов Аргоса, Фив, Лакедемона не оказался удостоенным известности при жизни и воспоминания после смерти. (3) Эти города, славные в других отношениях, для искусств были пустыней, за исключением славы, какою уста Пиндара осветили Фивы; Алкмана же себе приписали спартанцы ложно [106].

[103] Речь идет о комедии. Удивительно, что опущено имя Плавта.

[104] В «Р» — alit aemulatio ingenia. Издатель Эллис исправил на aluntur, К. Штегман на alitur. Мы вслед за Ж. Элегуарком оставляем alit; ср. *Cic.*, Tusc. I, 4; Honos *alit* artes; *Quint.*, I, 2, 26: Firmiores in litteris profectus *alit* aemulatio.

[105] Не исключено, что этот биологический пример навеян распространенной в эпоху Веллея и позднее биологической периодизацией, приравнивавшей историю народа к развитию человека; см. *Немировский А. И., Дашкова М. Ф.* Луций Анней Флор, историк древнего Рима. Воронеж, 1977, с. 9 сл.

[106] Алкман не был коренным спартанцем, а происходил из малоазиатских Сард.

КНИГА ВТОРАЯ

I. Могуществу римлян открыл путь старший Сципион, их изнеженности — младший: ведь избавившись от страха перед Карфагеном и устранив соперника во владычестве над миром, они перешли от доблести к порокам не постепенно, а неудержимо и стремительно; старый строгий порядок уступил место новому; граждане обратились от бодрствования к дреме, от воинских упражнений — к удовольствиям, от дел — к праздности [1]. (2) Тогда ведь воздвиг Сципион Назика [2] портик на Капитолии, так же

[1] a negotiis in otium. Противопоставление negotium — otium, кроме этого места, также II, 78, 2. Оно присутствует также у Ливия и у современника Веллея — Валерия Максима; см. *Andre J.* D'otium chez Valere Maxime et Velleius Paterculus.— REL, XLIII, 1965, p. 294 suiv.

[2] П. Сципион Назика Коркул, консул 162 и 155 гг. до н. э., цензор 159 г. до н. э. Помимо упомянутого Веллеем портика, он также поставил (совместно с М. Попилием Ленатом) на Форуме первые в Риме водяные часы; см. *Varro*, L. L., VI, 4; *Plin.*, N. H. VII, 215.

поступил, как мы говорили, Метелл [3], портик же Гн. Октавия [4] в цирке был наиболее привлекательным, а за общественным великолепием последовала частная роскошь.

(3) Затем в Испании последовала прискорбная и позорная война с главарем разбойников Вириатом, которая велась с переменным успехом и даже с большими неудачами для римлян. Когда же Вириат был уничтожен Сервилием Цепионом [5], скорее благодаря хитрости, чем доблести, разгорелась еще более страшная война с Нуманцией. (4) Город этот никогда не выставлял более десяти тысяч вооруженных из числа собственной молодежи, но то ли из-за природной дикости или из-за неопытности наших военачальников, то ли по благосклонности фортуны он вынудил как других военачальников, так и Помпея [6], человека с именем, ставшим впоследствии великим (он первым из Помпеев был консулом), а также консула Манцина [7] к заключению позорнейших договоров и к не менее позорной выдаче консула Манцина Гостилия. (5) Благожелательное отношение к Помпею сделало его безнаказанным, Манцина же чувство справедливости и скромность довели до того, что он был выдан фециалами врагам голым, со связанными сзади руками. Враги же отказались его принять, так же, как поступили некогда каудинцы [8], сказав, что публичное оскорбление верности [9] не должно быть искуплено кровью одного его.

II. Выдача Манцина вызвала ужасную распрю меж граждан. Ибо Тиберий Гракх, сын Тиберия Гракха, известнейшего и выдающегося человека, и по материнской линии внук Сципиона, будучи квестором и инициатором договора, то ли с неудовольствием перенеся его отмену, то ли опасаясь подобного Манцину судебного разбирательства и наказания, добился избрания народным трибуном. (2) Человек безупречнейшей репутации, в наивысшем расцвете таланта, с благороднейшими намерениями, одним словом, украшенный теми добродетелями, на какие способен человек по своим природным данным или в силу стремления к ним, в консульство П. Муция Сцеволы и Л. Кальпурния Писона [10], т. е. сто шестьдесят два года тому назад, уклонился от общественного блага, обещав права гражданства всей Италии [11] и вместе с тем обнародовав земельные законы, (3) чем расшатал всеобщий порядок [12], смешал высшее с низшим и вовлек государство в смертельную опасность и двусмысленное положение. Своего коллегу Октавия, который отстаивал благо государства, он отстранил от власти и избрал триумвирами для разделения полей себя, своего тестя, консуляра Аппия, и брата Гая, почти юношу.

III. Тогда выступил П. Сципион Назика [13], внук того, кто был провозглашен сенатом наилучшим гражданином [14], и сын того, кто, будучи цензором, воздвиг портик на Капитолии, и правнук Гн. Сципиона, дяди с отцовской стороны прославленного П. Сципиона Африкана. Хотя он и был близким родственником Тиберия Гракха, интересы родины ставил выше родственных отношений и считал чуждым для частных

---

[3] Кв. Цецилий Метелл Македоник, см. выше I, II, 1—2.

[4] Гн. Октавий, см. выше I, 9, 5.

[5] Гн. Сервилий Цепион, консул 141 г. до н. э., завершил длившуюся восемь лет войну Рима с восставшими лузитанами во главе с Вириатом, который был предательски убит. О войне Рима с Вириатом подробнее см. *App.*, Ib. 60—75; *Diod.*, XXXIII, 1, 7; *Dio Cass.*, fr. 73, 77.

[6] Кв. Помпей, консул 141 г. до н. э., «новый человек». Заключенный им договор с нумантинцами (140 г. до н. э.) не был ратифицирован сенатом.

[7] Г. Гостилий Манцин, консул 137 г. до н. э. О заключении им мира с Нуманцией в 136 г. до н. э. см. *Plut.*, Tib. Gracch. 5; *Cic.*, Off. III, 30; De or. I, 40.

[8] В 321 г. до н. э. римское войско попало в ловушку в Кавдинском ущелье, что вынудило консулов Тита Ветурия Кальвина и Спурия Постумия заключить с победителями-самнитами невыгодный для Рима договор. Лица, ответственные за его подписание, были выданы врагу (*Liv.*, IX, 1 sqq.; *Cic.*, Off. III, 30).

[9] Нарушители договора наносили оскорбление Fides, богине Верности, считавшейся хранительницей договоров.

[10] В 133 г. до н. э.

[11] Это утверждение противоречит сведениям других античных авторов, связывающих программу дарования гражданских прав италиков с именами Г. Гракха и Фульвия Флакка.

[12] В «Р» — statum, в «А» — factum. Издатель Гелений предложил читать statim, что принято нами.

[13] П. Корнелий Назика Серапион; см. подробнее *Plut.*, Tib. Gracch. 21, 3.

[14] П. Корнелий Сципион Назика, консул 191 г. до н. э. Сообщение Ливия о нем как консуле 204 г. до н. э., видимо, ошибочно.

лиц все, что не полезно для общего блага (за эти достоинства он впервые в отсутствии был сделан великим понтификом). Находясь на верхних ступенях лестницы, ведущей на Капитолий, с перекинутым на левую руку краем тоги [15], он настоятельно убеждал следовать за собою всех, кто желал блага для государства. (2) Тогда оптиматы, сенат вместе с большей и лучшей частью всаднического сословия, а также плебеи, не испорченные гибельными советами, ринулись на Гракха, стоящего на площади вместе со своими отрядами, где он призывал к себе жителей почти всей Италии. Гракх обратился в бегство и, спускаясь по склону Капитолия, был убит обломком скамьи, завершив преждевременной смертью жизнь, которая могла бы ему доставить высшую славу. (3) Таким было в Риме начало гражданских кровопролитий и безнаказанности мечей. С этого времени закон был превзойден силой и могущественный становился первым, и разногласия между гражданами, ранее смягчавшиеся уступками, теперь стали разрешаться оружием, и войны начинались не из-за каких-либо основательных причин, а из-за выгоды, какую они могли принести. (4) И неудивительно: ведь существуют примеры, когда вступившие на узкую дорогу делают все, чтобы она была шире, а когда оставлен верный путь, стремительно торопятся к несправедливости и не думают о пользе других.

IV. В то время, когда это происходило в Италии, умер царь Аттал [16], завещавший Азию римскому народу, так же как позднее была Никомедом завещана Вифиния, и Аристоник, вообразив, что принадлежит к царскому роду, занял ее силой оружия и, побежденный Марком Перперной [17], был проведен в триумфе Мания Аквилия [18], поплатившись жизнью за то, что в начале войны погубил выдающегося знатока права Красса Муциана, покидавшего Азию по окончании срока проконсульства. (2) Публий Сципион Эмилиан Африканский, разрушитель Карфагена, после всех поражений, испытанных в Нуманции, был вторично избран консулом, послан в Испанию и прибыл туда, испытанный воинским счастьем и доблестью в Африке, и, соорудив вокруг Нуманции укрепления, он через год и три месяца после своего прибытия разрушил город и сравнял его с землей. (3) Ни один человек ни у одного из народов до него не обессмертил своего имени славным разрушением городов более чем он: ведь разрушив Карфаген и Нуманцию, он в первом случае освободил наш город от страха, а во втором — от оскорбления. (4) Тот же Сципион на вопрос трибуна Карбона [19], каково его отношение к убийству Тиберия Гракха, ответил, что если у того было намерение захватить государство, то он убит по праву. И когда все собрание возмущенно закричало, Сципион воскликнул, что он не был напуган кличем вооруженных врагов, устрашить ли его тем, кому Италия — мачеха? (5) Вскоре после возвращения в Рим в консульство Мания Аквилия и Гая Семпрония сто пятьдесят лет тому назад [20] этот человек, дважды консул и дважды триумфатор, дважды спасший государство от страшных врагов, однажды утром был найден в постели мертвым с едва заметными следами удушения на шее. (6) И о причине смерти такого человека не было произведено никакого расследования, и тело того, чьи деяния позволили Риму вознестись главою над всем миром, было вынесено с закрытой головой [21]. Умер ли он смертью, предопределенной судьбой, как считает большинство, или вследствие неистового коварства, как полагают некоторые, ясно, что он прожил достойную жизнь, и до нашего времени

---

[15] В этой детали Веллей расходится с другими авторами. Согласно Аппиану (B. C. I, 16), Сципион Назика накинул край тоги на голову. По Плутарху (Tib. Gracch. 19), края тоги вокруг левой руки обмотали следовавшие за Сципионом Назикой сенаторы.

[16] В 133 г. до н. э.

[17] Марк Перперна, консул 130 г. до н. э., победивший Аристоника и взявший его в плен.

[18] Маний Аквилий, консул 129 г. до н.э., завершивший войну со сторонниками Аристоника и проведший его в триумфе (126 г. до н. э.)

[19] Г. Папирий Карбон, народный трибун 131 г. до н. э., сторонник Гракха, заподозренный в убийстве Сципиона Эмилиана: *App.*, B. C. I, 18; *Cic.*, Fam. IX. 21, 3; *Val. Max.*, III, 7, 6.

[20] В «A» и «P» — CL. Издатель Критц предложил читать CLVII. Лаурент и большинство издателей — CLX.

[21] В таком выносе тела не было ничего необычного; ср. *Aur. Victor*, 58: obvoluto capite elatus est. Противопоставление — velate capite — extulerat caput преследует риторический эффект.

никто, кроме его деда [22], не сравнился с ним славою. Умер он приблизительно пятидесяти шести лет. (7) Если кто в этом колеблется, пусть обратится к его первому консульству, на которое он был избран тридцати шести лет [23], и это устранит сомнения.

V. Еще до разрушения Нуманции в Испании имела место блестящая кампания Д. Брута [24], который, проникнув ко всем народам Испании и захватив неисчислимую массу людей и количество городов, в том числе тех, о которых едва кто и слышал, заслужил прозвище Галлекус. (2) И некоторое время до него и суровее его по отношению к тем же народам было командование Квинта Македоника [25]; так, когда был осажден город Контребия в Испании, пять когорт легионеров было выбито с возвышенного места, которое он приказал отвоевать. (3) Все воины перед выступлением составили завещания, словно бы отправлялись на верную смерть. Но полководец, не напуганный предпринятым [26], увидел тех, кого он послал умирать, победителями: таков результат исполнительности, соединенной со страхом, и надежды, родившейся из отчаянья. В этом проявились доблесть и суровость, и Фабий Эмилиан [27] по примеру Павла добился в Испании равной славы благодаря военной дисциплине.

VI. Вслед за тем с промежутком в десять лет тем же безумием, которое погубило Тиберия Гракха, был охвачен его брат Гай, который был подобен ему как в доблестях, так и в тех же заблуждениях, но намного превосходил его талантом и красноречием. (2) Гай мог совершенно спокойно стать во главе государства, но, то ли желая отомстить за брата, то ли добиваясь царской власти, он последовал его примеру и стал народным трибуном [28]. Поставив обширные цели и действуя более решительно, он обещал дать права гражданства всем италикам и распространил это право почти до Альп, (3) разделил земли, запретив всем гражданам без изъятия обладать более чем 500 югерами земли, что было уже предусмотрено законами Лициния [29], учредил новые портовые сборы, наполнил провинции новыми колониями, передал судебную власть от сенаторов всадникам, распорядился раздать хлеб плебеям; он не оставил ничего нетронутым и неповрежденным, ничего успокоенным, одним словом, ничего в прежнем состоянии; после этого он продолжал исполнять обязанности трибуна во второй раз.

(4) Тогда его преследовал оружием и вынудил к смерти Л. Опимий (консул, который, будучи претором, разрушил Фрегеллы) и заодно с ним Фульвия Флакка, консуляра и триумфатора, желавшего того же зла, назначенного Г. Гракхом на место брата Тиберия триумвиром (он хотел разделить с ним царскую власть). (5) В одном только Опимий допустил беззаконие, назначив цену за голову, я не говорю Гракха, но римского гражданина, и обещав заплатить за нее золотом. (6) Флакк был убит вместе со старшим сыном, когда собирал на Авентине готовых к битве вооруженных [30] сторонников; Гракх во время бегства, преследуемый теми, кого послал Опимий, подставил шею рабу Эвпору, который помог своему господину и не менее решительно покончил с собой. В тот же день исключительную доблесть по отношению к Гракху проявил римский всадник Помпоний, который, по примеру Коклеса [31], сдерживал на мосту его врагов и затем пронзил себя мечом. (7) Тело Гая, как до него Тиберия, с той же удивительной жестокостью было брошено победителями в Тибр.

VII. Таковы были жизнь и смерть детей Тиберия Гракха, внуков Публия Сципиона Африкана еще при жизни матери их Корнелии, дочери Африкана, людей с редчайшим дарованием, употребленных ими на злое дело; если бы они добивались

---

[22] П. Корнелия Сципиона Африкана.

[23] В «А» и «Р» — XXXVI, издатель Путеанус — XXXVIII.

[24] Децим Юний Брут, консул 138 г. до н. э. Он получил когномен Gallaecus за покорение племени gallaeci в западной части Тарраконской Испании; ср. *Flor.* I, 33, 12.

[25] Кв. Цецилий Метелл Македоник воевал с кельтиберами в 142 г. до н. э.

[26] В «Р» после propostio следует perseverantia ducis. Эти слова принято считать маргинальной глоссой, впоследствии попавшей в текст.

[27] Кв. Фабий Эмилиан (сын Эмилия Павла и родной брат Сципиона Эмилиана), консул 145 г. до н. э., возглавивший вместе с Л. Гостилием Манцином войну против Вириата в Испании, куда он прибыл в качестве проконсула.

[28] В 123 г. до н. э.

[29] Народный трибун Г. Лициний Столон внес предложение об ограничении пользования ager publicus в 375 г. до н. э.

[30] armatos — исправление Геления. В «А», «Р» — armatus.

[31] Гораций Коклес, согласно преданию, один сдерживал на мосту войско царя Порсенны.

высокого положения путем, подобающим гражданам, то все, чего они хотели получить посредством мятежа, государство предоставило бы им мирным путем. (2) К этому ужасу прибавилось неслыханное преступление. Опимием был убит сын Фульвия Флакка, юноша редкой красоты, еще не достигший восемнадцати лет, непричастный к отцовским преступлениям — отец отправил его послом для переговоров. Когда его в оковах вели в тюрьму, этрусский гаруспик, его друг, увидев юношу рыдающим, сказал: «Не сделать ли тебе лучше как я?» — и с этими словами он бросился на каменный косяк тюремных ворот и испустил дух от того, что вытекли мозги. (3) Жестоким было и расследование, направленное против друзей и клиентов Гракхов. Но когда Опимий, в остальном человек безупречного поведения и честности, был впоследствии осужден государственным судом, он не встретил никакой жалости у граждан, помнивших о его суровости. (4) Также Рупилий и Попилий, которые, будучи консулами, свирепствовали по отношению к друзьям Тиберия Гракха, были позднее осуждены общественным мнением.

К этим значительным событиям я должен сделать небольшое замечание. (5) Это тот самый Опимий, от консульства которого ведет свое название знаменитое «Опимиево вино» [32]; от него сейчас ничего не могло сохраниться из-за длительного промежутка времени, так как от консульства Опимия до твоего, Марк Виниций, консульства прошло сто пятьдесят лет. (6) Содеянное Опимием заслужило тем меньше признания, что оно рассматривалось как личная месть и как защита частных, а не государственных интересов. (7) К вредоноснейшим среди законов Гракха я должен причислить закон о выведении колоний за пределы Италии [33]. Предки, видевшие, насколько Карфаген был могущественнее Тира, Массилия — Фокеи, Сиракузы — Коринфа, Кизик и Византий — Милета, колонии — метрополии, действовали мудро, собирая римских граждан в Италию для участия в переписи. (8) И первой римской колонией за пределами Италии был Карфаген [34]. Вскоре после того при консулах Порции и Марции была выведена колония Нарбо Мартий [35].

VIII. Затем я должен представить свидетельства суровости судей. Консуляр Г. Катон, внук М. Катона и сын сестры Сципиона Африкана, был осужден за вымогательство в Македонии несмотря на то, что убыток был оценен в четыре тысячи сестерциев. Но судьи тех лет карали более за стремление совершить преступление, чем за его размер, судя о деле по намерению и по его характеру, а не по масштабам.

(2) Около этого времени два брата Марк и Гай Метеллы отметили триумф в один и тот же день [36]. Не менее прославлен и до нашего времени уникален следующий пример — соединение в одном консулате коллегами двух сыновей Фульвия Флакка [37] (того, что взял Капую): один из этих сыновей, однако, был усыновлен Ацидином Манлием [38] и перешел в его семью. Что касается цензорства Метеллов, то они были двоюродными, а не кровными братьями, и совпадение имело место лишь в семье Сципионов[39].

(3) Тогда кимвры и тевтоны перешли Рен и стали вскоре знамениты поражениями, которые мы потерпели от них, а они от нас. На то же время падает роскошный триумф Минуция (строителя портика, знаменитого по сей день) над скордисками [40].

---

[32] «Опимиево вино» — поговорка в значении «старинное, прекрасное», уже не существующее вино. Тримальхион угощал на пиру «Опимиевым фалерном» в смысле «птичьим молоком» — *Petr.*, Sat. XXIV.

[33] Отрывок от слов «К вредоноснейшим» до «участия в переписи» помещен в «А» и «Р» перед 15 главой. В XIX в. издатели переместили его в VII главу, где он кажется менее чужеродным.

[34] В 122 г. до н. э. под названием Iunonia.

[35] См. выше I, 15, 5. Повторение здесь является логичным, поскольку дата основания Карфагена указывает на время вызова граждан для участия в цензе.

[36] В 115 г. до н. э. Гай Метелл отмечал триумф за победу над фракийцами, а Марк Метелл за победу в Сардинии.

[37] Кв. Фульвий Флакк, консул (III) 212 г. до н. э.

[38] Л. Манлий Ацидин Фульвиан и Кв. Фульвий Флакк, консулы 179 г. до н. э.

[39] Речь, очевидно, идет об эдильстве двух братьев, Публия и Марка Сципионов в 213 г. до н. э., о котором известно из Полибия (X, 4), но это не дает основания вслед за некоторыми издателями вводить в текст aedilibus.

[40] М. Минуций Руф, консул 110 г. до н. э. Триумф над скордисками (кельтское племя во Фракии) в 108 гг. до н.э. Портик, служивший для хлебных раздач, был сооружен около 100 г. до н. э. См. *Cic.*, Phil. II, 34.

IX. В тот же самый период блистали ораторы Сципион Эмилиан и Лелий, Сергий Гальба [41], оба Гракха, Г. Фанний [42], Папирий Карбон [43]; в этом перечне не должны быть также пропущены Метелл Нумидийский и Скавр [44], особенно же Л. Красс [45] и М. Антоний [46], за которыми как по времени, так и по дарованию следовали Г. Цезарь Страбон [47] и П. Сульпиций [48]; Кв. Муций же стал более знаменит знанием законов, чем собственно ораторским искусством [49]. (3) В тот же самый промежуток времени были прославлены и другие таланты: в области тогаты — Афраний [50], в трагедии — Пакувий [51] и Акций [52], которые уже выдерживают сравнение с дарованиями греков, и их труды занимают не последнее место — хотя они менее отшлифованы, но зато выглядят более полнокровными. (4) Прославленным было и имя Луцилия [53], который служил в Нумантийскую войну всадником под началом П. Сципиона Африкана. В то же самое время Югурта и Марий, в ту пору молодые люди, в одном и том же лагере под командованием того же Африкана обучались военному искусству, которое они впоследствии употребили друг против друга. (5) Молодым был тогда и Сизенна [54], автор сборника историй, но труд о гражданских войнах Суллы был издан им лишь по истечении некоторого времени, в старости. (6) Целий [55] был старше Сизенны, а тех же лет были Рутилий [56], Клавдий Квадригарий [57] и Валерий Антиат [58]. Не будем забывать, что в то же время жил Помпоний, прославленный серьезным образом мыслей, хотя и отличавшийся грубым слогом, но особенно зарекомендовавший себя новизною изобретенной им литературной формы [59].

---

[41] Сергий Сульпиций Гальба, консул 144 г. до н. э. О нем как об ораторе см. *Cic.*, Brut. XXII, 86; *Liv.*, XLV, 35 sqq.

[42] Г. Фанний, консул 122 г. до н. э., оратор и автор «Анналов». См. *Cic.*, Brut. XXVI, 35 sqq.

[43] Г. Папирий Карбон, консул 120 г. до н. э.; см. выше прим. 17.

[44] М. Эмилий Скавр, консул 115 г. до н. э., глава оптиматов; о нем как об ораторе см. *Cic.*, Brut. 110—116.

[45] Л. Лициний Красс, консул 95 г. до н. э.; о нем как об ораторе см. *Cic.*, Brut. 160—164.

[46] М. Антоний (143—87 гг. до н. э.), политический деятель и оратор, отец триумвира.

[47] Г. Юлий Вописк Цезарь Страбон, оратор, видный сторонник оптиматов.

[48] П. Сульпиций, см. ниже II, 18, 5.

[49] Кв. Муций Сцевола, консул 95 г. до н. э., сторонник оптиматов, оратор.

[50] Л. Афраний, латинский поэт, автор comaediae togatae; см. также I, 17, 1, где Афраний назван наряду с Цецилием и Теренцием.

[51] М. Пакувий (ок. 220—130 гг. до н. э.), латинский драматург; оценку его творчества см. *Cic.*, De or. III, 27; *Hor.*, Ep. II, 1, 56.

[52] Л. Акций (170—85 гг. до н. э.) — латинский трагический поэт.

[53] Г. Луцилий (ок. 160—102 гг. до н. э.), знаменитый римский сатирик. О нем см. *Gell.*, XVII, 21, 49; *Cic.*, De or. II, 284.

[54] Л. Корнелий Сизенна, претор 78 г. до н. э., защитник Г. Верреса в знаменитом судебном процессе. «История» Сизенны насчитывала 12 книг и охватывала период с 90 до 82 г. до н. э. Из слов «молодым тогда был Сизенна» ясно, что его молодость относится ко времени Югуртинской войны.

[55] Л. Целий Антипатр, автор первой в Риме исторической монографии, посвященной войне Рима с Ганнибалом.

[56] П. Рутилий Руф, консул 105 г. до н. э., философ-стоик и писатель, автор мемуаров о своей бурной жизни; см. *Val. Max.*, II, 10, 5; *Cic.*, Brut. 114.

[57] Кв. Клавдий Квадригарий, автор «Анналов» в 23 книгах, крупнейший историк Рима до Тита Ливия. Его труд был одним из источников Ливия и Орозия, см. фрагменты *Peter H.* HRR, p. 238—245.

[58] Валерий Антиат, римский историк, автор «Анналов» в 75 книгах. См. фрагменты *Peter.* HRR, p. 238—245.

[59] Помпоний из Бононии, автор fabulae atellanae, первая половина I в. до н. э.; см. о нем. *Macr.*, Sat. VI, 9, 4. Его нельзя назвать изобретателем нового жанра, поскольку он лишь придал ателланам литературную форму.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП — Античные города Северного Причерноморья. М.— Л., 1955
АИКСП — Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968
АИУ — Археологические открытия на Украине
АО — Археологические открытия
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского Археологического общества
ЗОАО — Записки Одесского Археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИААСП — Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980
ИАИ — Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР. М., 1979
ИАК — Известия Археологической Комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МКВ — Международный конгресс востоковедов
НАА — Народы Азии и Африки
НО — Надписи Ольвии. Л., 1968
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
НЭПХ — *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СХМ — Сообщения Херсонесского музея
СЭ — Советская этнография
ХКААМ — Художественная культура и археология античного мира
ХС — Херсонесский сборник
AA — Archäologischer Anzeiger
AK — Antike Kunst
ASAA — Annuario della Scuole archeologica di Atene
BCH — Bulletin de correspondence hellénique
BMFEA — Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities
BSOAS — Bulletin of the School of Oriental Studies
Bull. ép.— *Robert J.* et *L.* Bulletin épigraphique
Choix — *Poilloux J.* Choix d'inscriptions grecques. P., 1960
CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
FD — Fouilles de Delphes
FGrH — *Jacoby F.* Fragmente der griechischen Historiker
ICIAA — Internacional Congress of Iranian Art and Archaeology
ICr — Inscriptiones Creticae
IG — Incriptiones Graecae
IGBR — *Mihailov G.* Inscriptiones Graecae in Bulgaria repertae
Insch. Ephesos — Inschriften von Ephesos
Insch. Ilion — *Frisch P.* Inschriften von Ilion. Bonn, 1975
IOSPE — *Latyschev B.* Inscriptiones antiqua orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae
Isc. stor. ellen.— *Moretti L.* Iscrizioni storiche ellenistiche
ISM — Inscriptiile din Scythia Minor
Ist. Mitt.— Istanbuler Mitteilungen

IvPriene — *Hiller v. Gaertringen F.* Inschriften von Priene. B., 1906
JA — Journal asiatique
JAOS — Journal of American Oriental Society
JNES — Journal of Near Eastern Studies
LSCG — *Sokolowski F.* Lois sacrées des cités grecques. P., 1969
L — S — J — *Liddell—Scott—Jones.* Greek-English Lexicon
OGIS — *Dittenberger W.* Orientis Graecae insriptiones selectae
OMS — *Robert L.* Opera minora selecta
RE — *Pauly, Wissowa, Kroll.* Real-Encyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft
Rh. Mus.— Rheinisches Museum für klassische Philologie
RPh.— Revue philologique
SEG — Supplementum epigraphicum Graecum
SEHHW — *Rostovtzeff M.* Social and Economic History of Hellenistic World.Oxf., 1940
StV — *Schmitt H. H.* Staatsverträge des Altertums. Bd. III. München, 1969
Syll.[3] — *Dittenberger W.* Sylloge inscriptionum Graecarum, 3 ed.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

В конце 28 мая — 1 июня 1984 г. в Институте всеобщей истории АН СССР состоится очередная авторско-читательская конференция «Вестника древней истории» АН СССР. На конференции будут обсуждены следующие вопросы:

1. Государство в древнем мире, его идеология и культура.
2. Перспективный план работы «Вестника древней истории».

Желающих выступить с докладами и сообщениями по указанной тематике просим присылать тезисы докладов и сообщений (объем тезисов — 1—2 стр. машинописного текста) не позднее 15 апреля 1984 г. Вопрос о включении докладов и сообщений в повестку дня конференции будет решаться после получения тезисов. Регламент: для докладов — 30 минут, для сообщений — 15 минут.

Официальные приглашения с указанием точного срока проведения конференции будут разосланы после получения тезисов и утверждения программы заседаний. Всю корреспонденцию, связанную с конференцией, адресовать: *117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.* Институт всеобщей истории АН СССР, «Вестник древней истории».

Оргкомитет авторско-читательской конференции «Вестника древней истории» АН СССР

СОДЕРЖАНИЕ

Удальцова З. В. (Москва) — Основные направления развития византийской культуры IV — первой половины VII в. 3
Меликишвили Г. А. (Тбилиси) — К характеристике социально-экономического строя раннеклассового общества грузинских горцев 27
Виноградов Ю. Г. (Москва) — Декрет в честь Антестерия и кризис Ольвийского полиса в эпоху эллинизма 51

ПУБЛИКАЦИИ

Грач И. Л. (Ленинград) — Открытие нового исторического источника в Нимфее (*Предварительное сообщение*) 81
Золотарев М. И. (Одесса) — Два типа редких монет Феодосии IV в. до н. э. 89

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

Кузьмина Е. Е. (Москва) — Опыт интерпретации некоторых памятников скифского искусства 93
Монахов С. Ю. (Саратов) — Производство амфор в эллинистическом Херсонесе 109
Попова Е. А. (Москва) — О декоративном оформлении склепа № 9 восточного участка некрополя позднескифской столицы 129
Трейстер М. Ю. (Москва) — Новые данные о художественной обработке металла на Боспоре 146
Данилова А. П. (Чебоксары) — Р. Ю. Виппер как историк античности . . . 160

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Кожин П. М. (Москва) — Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. М., 1982 175
Вейнберг И. Л. (Даугавпилс), *Свенцицкая И. С.* (Москва) — Проблемы древнеближневосточного и эллинистического общества в исследованиях П. Бриана 178
Глускина Л. М., (Ленинград) — S. L a u f f e r. Die Bergwerkssklaven von Laureion. Zweite, durchgesehene und erweiterte Auflage. Forschungen zur antiken Sklaverei, Band XI). Wiesbaden, 1979 185
Березкин Ю. Е. (Ленинград) — U r t o n G. At the Crossroads of the Earth and the Sky. An Andean Cosmology. Latian American Monographs, Institute of Latin American Studies. The University of Texas at Austin, 1981 189
Кошеленко Г. А. (Москва) — Ch. A u g é, R. C u r i e l et G. Le R i d e r. Terrasses sacrées de Bard-è Néchandeh et Masjid-i Solaiman. Les trouvailles monétaires. Paris, 1979 191
Яйленко В. П. (Москва) — Новый свод древнегреческих граффити 196
Борщ И. Е. (Москва) — Указатель литературы по истории античного мира, опубликованной в СССР в 1981 г. 199

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«Третьи юбилейные Сергеевские чтения» на кафедре истории древнего мира МГУ им. М. В. Ломоносова 219

ПРИЛОЖЕНИЕ

Веллей П а т е р к у л. Римская история. Книга первая (*окончание*) и книга вторая. Перевод и комментарии *А. И. Немировского* (Москва) 229

CONTENTS

Z. V. Udal'tsova (Moscow) — Fundamental Tendencies in the Evolution of Byzantine Culture from the Fourth to the Middle of the Seventh Century 3
G. A. Melikishvili (Tbilisi) — An Attempt to Characterise the Socio-Economic Structure of Early Class Society among the Georgian Mountaineers 27
Yu. G. Vinogradov (Moscow) — A Decree Honouring Anthesterios and the Critical Situation of Olbia in the Hellenistic Epoch 51

PUBLICATIONS

N. L. Grach (Leningrad) — Discovery of a New Historical Source in Nymphaeum 81
M. I. Zolotaryev (Odessa) — Two Rare Coin-Types from Theodosia, Fourth Century B. C. 89

REPORTS AND COMMUNICATIONS

Ye. Ye. Kuz'mina (Moscow) — An Experiment in Interpreting the Monuments of Scythian Representational Art 93
S. Yu. Monakhov (Saratov) — The Production of Amphoras in Hellenistic Chersonesus 109
Ye. A. Popova (Moscow) — The Decoration of Tomb 9 in the Eastern Sector of the Necropolis of the Later Scythian Capital 129
M. Yu. Treister (Moscow) — New Data on Artistic Metalwork in Bosporus . . . 146
A. P. Danilova (Cheboksari) — Robert Yurievich Vipper, Historian of Antiquity 160

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

P. M. Kozhin (Moscow) — Essays on the History of Natural-Science Concepts in Antiquity 175
I. P. Veinberg (Daugavpils) — *I. S. Sventsitskaya* (Moscow) — Problems of Ancient Near Eastern and Hellenistic Society in Studies by P. Brian 178
L. M. Gluskina (Leningrad) — S. L a u f f e r. Die Bergwerkssklaven von Laureion. Zweite, durchgesehene und erweiterte Auflage. (Forschungen zur antiken Sklaverei, Band XI). Wiesbaden, 1979 185
Yu. Ye. Berezkin (Leningrad) — U r t o n G. At the Crossroads of the Earth and the Sky. An Andean Cosmology. Latin American Monographs, Institute of Latin American Studies. The University of Texas at Austin, 1981 189
G. A. Koshelenko (Moscow) — Ch. A u g é, R. C u r i e l et G. Le R i d e r. Terrasses sacrées de Bard-è Néchandeh et Masjid-i Solaiman. Les trouvailles monétaires. Paris, 1979 191
V. P. Yailenko (Moscow) — New Collection of Ancient Greek Graffiti 196
I. Ye. Borshch (Moscow) — Index to Literature on Ancient History Published in the USSR in 1981 199

SCIENTIFIC EVENTS

«Sergeyev Readings» III in the Ancient History Department of Moscow University 219

SUPPLEMENT

Velleius P a t e r c u l u s. Historia Romana. Book I and Book II. Translation and Commentary by *A. I. Nemirovsky* (Moscow) 229

Технический редактор *Н. П. Торчигина*

Сдано в набор 21.11.83 Подписано к печати 23.01.84 Формат бумаги 70×108¹/₁₆
Высокая печать Усл. печ. л. 21+3 вкл. Усл. кр.-отт. 110,6 тыс. Бум. л. 7,5 Уч.-изд. л. 5,2
Зак. 3386 Тираж 5093 экз.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 10